

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Африка в новом тысячелетии: движение по пути модернизации

Читайте в номере:

Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер?

Внешнеэкономическая стратегия малых африканских стран в глобализирующемся мире

Факторы экономического роста стран Африки к югу от Сахары: современные тенденции

Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование

Алжир: региональный лидер или потенциально нестабильное государство?

Роль электроэнергетики в экономическом развитии Египта

Транспортная инфраструктура в Эфиопии

Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия?

Гуманитарная политика ЕС в Африке и миграционный кризис

Партнерство США и стран Африки в борьбе против терроризма при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы

Индия – Африка: торговля и инвестиции в XXI веке

Юго-Восточная Азия и Африка – торговые и инвестиционные связи в XXI веке

Стратегическое сопряжение программы «Видение Египта 2030» и китайской инициативы «Пояса и пути»

Стратегическое значение Африки в качестве нового рынка и ее экономическая кооперация с Южной Кореей

ТОМ 11 • НОМЕР 5 • 2018

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 11 • NUMBER 5 • 2018

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИМЭМО РАН
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ
Багдасарян В.Э., МГУ
Вершинин А.А., МГУ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества
Володенков С.В., МГУ
Жебит А., Федеральный университет г. Рио-де-Жанейро (Бразилия)
Звягельская И.Д., МГИМО (Университет)
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований (США)
Кривопапов А.А., Центр изучения кризисного общества
Лившин А.А., МГУ
Лукин А.В., МГИМО (Университет)
Мельвиль А.Ю., НИУ ВШЭ
Миграция А.А., Институт экономики РАН
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ
Пабст А., Кентский университет (Великобритания)
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел (Индия)
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ
Схолте Я.А., Школа глобальных исследований (Швеция)
Телин К.О., МГУ
Эпштейн А.Д., Иерусалимский университет (Израиль)

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет)
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН
Лисицын-Светланов А.Г., Институт государства и права РАН
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Садовничий В.А., МГУ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет)
Шутов А.Ю., МГУ
Молчаков Н.Ю., секретарь, Центр изучения кризисного общества

Учредитель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект,
д. 32, к. 2.
Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
Тел.: +7 (903) 556-34-19

E-mail: molchakov@centero.ru
Периодичность: 6 раз в год
Тираж: 1000 экз.
Журнал распространяется бесплатно.

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

Ирина Олеговна АБРАМОВА. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? 6–21

С точки зрения экономики

Мария Андреевна ВОЛОДИНА. Внешнеэкономическая стратегия малых африканских стран в глобализирующемся мире 22–37

Галина Викторовна ПОДБИРАЛИНА, Джон Чинеду АЗИАГБА. Факторы экономического роста стран Африки к югу от Сахары: современные тенденции 38–54

Карина Алиевна ГЕМУЕВА. Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование 55–73

В национальном разрезе

Алексей Михайлович ВАСИЛЬЕВ, Наталья Александровна ЖЕРЛИЦЫНА. Алжир: региональный лидер или потенциально нестабильное государство? .. 74–85

Сергей Николаевич ВОЛКОВ, Анна Юрьевна ШАРОВА. Роль электроэнергетики в экономическом развитии Египта 86–104

Андрей Константинович БАРИНОВ. Транспортная инфраструктура в Эфиопии 105–118

В рамках дискуссии

Татьяна Лазаревна ДЕЙЧ. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? 119–141

Марина Алексеевна КУКАРЦЕВА. Гуманитарная политика ЕС в Африке и миграционный кризис 142–163

Даниял Сайгидгусейнович МАГОМЕДОВ. Партнерство США и стран Африки в борьбе против терроризма при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы 164–181

Азия: вызовы и перспективы

Елена Аркадьевна БРАГИНА. Индия – Африка: торговля и инвестиции в XXI веке 182–199

Александр Александрович РОГОЖИН. Юго-Восточная Азия и Африка – торговые и инвестиционные связи в XXI веке 200–218

Точка зрения

Цзюйянь ЧЭНЬ. Стратегическое сопряжение программы «Видение Египта 2030» и китайской инициативы «Пояса и пути» 219–235

Юнхо ПАК, Ечжин КИМ. Стратегическое значение Африки в качестве нового рынка и ее экономическая кооперация с Южной Кореей 236–248

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alek D. Epstein, Institute of Middle Eastern Studies, Israel
Aleksey A. Krivopalov, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, USA
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander V. Lukin, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Andrei Y. Melville, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, United Kingdom
Jan A. Scholte, School of Global Studies, Sweden
Kanwal Sibal, Foreign Secretary (ret.), India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Boris N. Porfiriyev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Nikita Y. Molchakov – Executive Secretary, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation

Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>

Tel.: +7 (903) 556-34-19

E-mail: molchakov@centero.ru

Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 экз.

Subscription: The journal content is free distributed

Contents

Political Processes in the Changing World

- Irina O. ABRAMOVA.** Africa in the Modern Model of the World Order:
a Powerful Player or an Outsider? 6–21

From the Point of Economic

- Maria A. VOLODINA.** International Economic Strategy of Small
African Countries in a Globalizing World 22–37
- Galina V. PODBIRALINA, John Cinedu ASIAGBA.** Factors of Economic
Growth in Sub-Saharan Africa: Current Trends 38–54
- Karina A. GEMUEVA.** Chinese Infrastructure Projects in Sub-Saharan
Africa: Credit Financing 55–73

National Peculiarities

- Aleksey M. VASILIEV, Natalia A. ZHERLITSINA.** Algeria: a Regional Leader
or a Potentially Unstable State? 74–85
- Sergey N. VOLKOV, Anna Yu. SHAROVA.** The Role of the Electricity Sector
in the Economic Development of Egypt 86–104
- Andrey K. BARINOV.** Transport Infrastructure in Ethiopia 105–118

Under Discussion

- Tat'yana L. DEYCH.** China in Africa: Neo-Colonial Power or “Win-Win”
Strategy? 119–141
- Marina A. KUKARTSEVA.** The EU’s Humanitarian Policy in Africa
and Migration Crisis 142–163
- Daniyal S. MAGOMEDOV.** Partnership of the USA and African Countries
in the Fight Against Terrorism under the Administrations of J.W. Bush
and Barack Obama 164–181

Asia: Challenges and Perspectives

- Elena A. BRAGINA.** India – Africa: Trade and Investments in the XXI Century . 182–199
- Alexander A. ROGOZHIN.** Southeast Asia and Africa – Trade
and Investment Relations in the XXIst Century..... 200–218

Point of View

- Juan CHEN.** Strategic Synergy between Egypt “Vision 2030”
and China’s “Belt and Road” Initiative 219–235
- Youngho PARK, Yejin KIM.** The Strategic Value of Africa
as the New Market and Korea’s Economic Cooperation with Africa. 236–248

Политические процессы в меняющемся мире

Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер?¹

Ирина Олеговна АБРАМОВА

член-корреспондент РАН, профессор, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН; профессор кафедры африканистики и арабистики, Российский университет дружбы народов (РУДН). Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: irina.abramova@inafr.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Абрамова И.О. (2018) Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 6–21. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-6-21

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется трансформация положения Африканского континента в формирующейся модели мирового экономического развития. Автор подчеркивает, что до последнего времени Африке отводилась роль аутсайдера мировой экономики. Переход развитых стран на постиндустриальную и инновационную модели развития еще более ускорил отставание стран региона в передовых направлениях экономики. В качестве других негативных факторов, повлиявших на развитие африканских экономик во второй декаде XXI века, можно назвать высокую зависимость африканской экономики от сырьевого экспорта, замедление роста Китая, социально-экономические последствия так называемой «арабской весны», в первую очередь разрушение Ливии, а также продолжение старых и возникновение новых конфликтов в ряде африканских государств. Несмотря на многочисленные и

нередко успешные попытки сохранить Африку в качестве объекта мировой экономики и политики, Континент все более обретает субъектность в международных отношениях, а его развитие в ближайшие десятилетия может, на наш взгляд, изменить его положение в новой модели мирового развития. Начиная с 2030-х гг. Африка, по имеющимся прогнозам, в том числе сделанным в Институте Африки РАН, превратится в важнейший и почти уникальный глобальный стратегический резерв источников сырья в рамках Грядущей (новой) производственной революции – NPR, Next (в других документах New) Production Revolution. Африканский континент занимает сегодня ведущие позиции в мире именно по тем сырьевым товарам, которые не имеют аналогов и жизненно необходимы для развития оборонных и инновационных технологий XXI века. Другими важнейшими факторами ускоренного развития Аф-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-07-00010 ««Африканский вектор» фундаментальной трансформации экономической структуры РФ в новых геополитических условиях».

рики выступают количественный и качественный рост трудового потенциала Континента, расширение масштабов потребления на внутренних рынках африканских стран, диверсификация экономик ряда государств континента за счет повышения доли услуг и промышленности и существенное улучшение делового климата в результате совершенствования инвестиционного законодательства и постепенной стабилизации внутривнутриполитической ситуации. Помимо финансовых поступлений в тех или иных формах, ключевое значение для ускорения экономического роста на Африканском континенте будет иметь региональная интеграция, в том числе континентальная зона свободной торговли, которая позволит совместно и более эффективно использовать потенциалы отдельных государств Африки. Современная Африка – динамично растущий рынок рабочей силы, потребительских товаров, инвестиций, современных технологий, наукоемкой машино-технической продукции. По мнению автора, в обозримом будущем вероятен сценарий вызревания единого общеафриканского полюса как центра силы глобальной значимости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, модель мирового экономического развития, демографический дивиденд, стратегические ресурсы, конфликты, региональная интеграция

С началом XXI в. наступил новый этап развития мировой цивилизации – ее постепенный переход к полицентричной модели. На международной арене новые акторы постепенно меняют правила и условия игры. Баланс глобальных сил смещается с Запада на Вос-

ток и с Севера на Юг. Международные отношения также преобразуются в результате воздействия так называемых «больших вызовов». Растет экономическая мощь Китая и Индии, которые уже сегодня по объемам ВВП (12,263 и 2,488 трлн долл. в 2017 г. по обменному курсу соответственно) занимают второе и седьмое место в мире, обогнав не только Россию, но и такие страны, как Италия, Канада, Испания и Австралия². А по паритету покупательной способности Китай (23,301 трлн долл.) и Индия (9,449 трлн долл.) вышли в 2017 г. на первое и третье место соответственно (на втором находится США)³, полностью опровергнув все прогнозы весьма уважаемых корпораций Goldman Sachs и PricewaterhouseCoopers, эксперты которых считали, что лишь к середине XXI века эти страны окажутся в десятке лидирующих экономик планеты. Иными словами, все процессы, происходящие в современном мире, с одной стороны, все более ускоряются, а с другой – делаются все менее предсказуемыми. Учитывая эти факторы, исследователи и эксперты, несмотря на конъюнктурные моменты, предсказывают ускоренный рост экономических потенциалов таких стран, как Южная Корея, Бразилия, Мексика, Индонезия, Малайзия, Турция и Иран.

Африке, однако, до последнего времени отводилась роль аутсайдера в мировом хозяйстве. Еще более ускорил отставание стран региона от передовых направлений экономики переход развитых стран на постиндустриальную и инновационную модели развития. Изохронные «программы структурной адаптации», навязанные африканским странам Бреттон-Вудскими институтами, усугубили бедственное положение

2 Рейтинг стран по ВВП 2017 (2017) // [Investorschool.ru](http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-2017) // <http://investorschool.ru/rejting-stran-po-vvp-2017>, дата обращения 12.10.2018.

3 GDP, PPP (n/y) // [Worldbank.org](https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD) // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD>, дата обращения 12.10.2018.

африканского населения. Широко рекламированные Западом обязательства по помощи развитию не выполнялись, будто бы из-за отсутствия средств. Богатейшие африканские ресурсы нещадно эксплуатировались бывшими метрополиями и другими западными государствами. В самих африканских странах сохраняется высокий уровень коррупции. По результатам работы Комиссии АС высокого уровня во главе с бывшим президентом ЮАР Т. Мбеки установлено, что незаконный отток капитала из Африки за последние 50 лет составил более 1 трлн долл., а ежегодный превышает 50 млрд долл. Все это привело к тому, что доля Континента в мировом ВВП до сих пор не превышает 3% (по паритету покупательной способности – 5%), а в мировом экспорте товаров и услуг – 2,5%⁴.

Но ситуация постепенно меняется. В настоящее время Африка развивается достаточно успешно. В последние 10 лет, несмотря на кризисные явления, среднегодовые темпы прироста достигали на Континенте 4–5%, что существенно выше среднемировых показателей [Фитуни 2010, с. 8–14]. В 2010-е гг. этот рост слегка замедлился. По данным Африканского банка развития основное падение темпов экономического роста пришлось на 2016 г., когда они составили 2,2%⁵. Такое сокращение обусловлено рядом факторов, но главная причина заключается в снижении цен на сырьевые и топливные товары, которые продолжают доминировать в экспорте значительного числа африканских государств.

По данным статистики ОЭСР в 2016 г. цены на металлы и другие «негорючие» сырьевые товары упали в среднем на 6%, что существенно образом отразилось на экономиках большинства африканских стран, в экспорте которых преобладают металлы и другие виды сырья. Но самое большое падение произошло в нефтяном секторе: цены на нефть с величины в 115 долл. за баррель в июне 2014 г. упали до 29 долл. в январе 2016 г. Снижение цен на нефть почти в 4 раза ударило прежде всего по странам – экспортерам нефти, в том числе по крупнейшей на континенте экономике Нигерии. На последнюю приходится примерно 30% африканского ВВП. Поскольку в 2016 г. ВВП Нигерии сократился на 1,5%, это оказало отрицательное влияние как на темпы прироста субрегиона Западная Африка, которые упали в 2016 г. до уровня 0,4%, так и на общеафриканские показатели в целом. В других частях Африки ситуация выглядела несколько лучше: прирост ВВП в 2016 г. составил в Центральной Африке 0,8%, в Южной – 1,1%, в Северной – 3%, а в Восточной – 5,3%⁶.

В качестве других негативных факторов, повлиявших на развитие африканских экономик во второй декаде XXI века, можно назвать замедление роста Китая, социально-экономические последствия так называемой «арабской весны», в первую очередь разрушение Ливии, а также продолжение старых и возникновение новых конфликтов в ряде африканских государств.

Даже небольшое сокращение темпов прироста китайской экономики с 6,9% в 2015 г. до 6,5% в 2017 г. отрицатель-

4 African Economic Outlook 2018 (2018) // African Development Bank Group // https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/African_Economic_Outlook_2018_-_EN.pdf, дата обращения 12.10.2018.

5 African Economic Outlook 2017 (2017) // OECD-ilibrary.org // https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page38, дата обращения 12.10.2018.

6 African Economic Outlook 2017 (2017) // OECD-ilibrary.org // https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page24, дата обращения 12.10.2018.

но повлияло на скорость африканского развития. Страны Африки находятся в сильной экономической зависимости от Поднебесной, именно она сегодня – главный торговый партнер и главный инвестор большинства стран континента. Достаточно привести тот факт, что 30% африканского экспорта приходится на Китай, причем по своей структуре он на 83% состоит из сырьевых товаров. Замедление роста китайской экономики означает не только уменьшение объемов торговли, но и сокращение инвестиционных проектов в африканских государствах, что в конечном счете отрицательно сказывается на их развитии.

Так называемая революция в Ливии имела очень большой негативный эффект на африканское развитие в целом. И связан он был не только с резким разрушением самой ливийской экономики, которая обладала по африканским меркам весьма немалыми размерами, но и с полным прекращением инвестиционных проектов, которые Муаммар Каддафи, позиционирующий себя в последние годы как «всеафриканский лидер», уже осуществлял или планировал осуществить в африканских государствах. Необходимо помнить также о том, что Ливийская Джамахирия давала работу более 1,5 миллионам африканских мигрантов, которые регулярно переводили деньги на родину. После убийства М. Каддафи часть этих людей вернулась домой, другая перебралась в Европу, но, в любом случае, многие из них потеряли работу, их доходы сократились, что отрицательно повлияло на экономический рост на Африканском континенте. Вот почему в скорейшем завершении ливийского кризиса заинтересованы сегодня не только западные, в первую очередь европейские, государства, страдающие от растущего притока африканских мигрантов, незаконного оборота наркотиков, оружия, роста террористической угрозы и дру-

гих последствий распада Ливии, но и африканские страны.

Нестабильная обстановка в других государствах Африки также препятствует их поступательному развитию. Хотя общее число конфликтов на Континенте за последние годы сократилось, оно остается все еще достаточно высоким. В 2016–2017 гг. вооруженные столкновения продолжались в таких странах, как ДРК, ЦАР, Бурунди, Ливия, Мали, Нигерия, Сомали, Южный Судан, Камерун и Эфиопия.

В основе африканских конфликтов лежат как внутренние, так и внешние факторы. Необычайно многообразная этно-конфессиональная структура африканского населения, искусственно проведенные колонизаторами границы государств на Черном континенте, борьба за власть, социально-экономическая отсталость, бедность, голод, безработица, особенно среди молодежи – вот неполный перечень «внутриафриканских» причин, вызывающих войны и конфликты. Сюда же следует добавить коррупцию, низкий уровень подготовки и функционирования таможенных и налоговых органов и расцвет теневой экономики, которые способствуют оттоку капитала из африканских стран и препятствуют притоку инвестиций из-за рубежа [Фитуни 2000].

Внешние игроки, заинтересованные в использовании богатейших африканских ресурсов и рынков, явно используют существующие противоречия в своих интересах и активно вмешиваются во внутренние дела африканских государств, подливая масло в огонь боевых действий и цветных революций.

На рубеже XX и XXI веков темпы роста экономик стран «золотого миллиарда» замедлились, что привело к некоторому сокращению масштабов потребления в развитых государствах. По многочисленным опросам, проведенным в Германии, Франции и Великобритании, жи-

тели этих стран впервые за всю послевоенную историю отмечают, что сегодня они живут хуже, чем пять лет назад. И это связано не только с миграционным кризисом, но и с исчерпанием внутренних факторов развития западных государств в рамках существующей модели развития. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации, эти страны (в первую очередь США, теряющие роль мирового гегемона) наращивают мощь военно-промышленного комплекса и развязывают локальные и региональные конфликты под видом продвижения так называемых идеалов демократии и борьбы с терроризмом. Создание ряда военных командований на территории Африки с целью мнимого разрешения конфликтов, содержание там многочисленного воинского контингента, развитие военной инфраструктуры, в том числе подержание старых и создание новых военных баз, поставки вооружений прозападным африканским режимам и другие подобные действия не только служат цели расширения и успешного (в том числе и с экономической точки зрения) функционирования военной индустрии США и стран ЕС, но и обеспечивают контроль за африканскими ресурсами, имеющими стратегическое значение.

Несмотря на многочисленные и нередко успешные попытки сохранить Африку в качестве объекта мировой экономики и политики, Континент все более обретает субъектность в международных отношениях, а его развитие в ближайшие десятилетия может, на наш взгляд, изменить его положение в новой модели мирового развития.

Так, уже в 2017 г. прирост экономики на Континенте, по предварительным оценкам, составил 3,6%, а в 2018 г. ожидается увеличение этого показателя до 4,3%. Темпы прироста ВВП в среднем по Африке южнее Сахары по прогнозам аналитиков в ближайшие десятилетия (начиная с 2020-х гг.) вновь могут пре-

выситься 5%. В 5 странах они уже сейчас превышают 7% годовых. Это Буркина-Фасо (8,4% в 2017 г.), Эфиопия (8,1%), Кот-д'Ивуар (7,3%), Танзания (7,2%) и Гана (7,1%). В условиях ломки старой и вызревания новой экономической модели мира некоторые аналитики предполагают, что к 2050 г. африканская экономика может вырасти с 2,2 трлн (данные на 2017 г.) до 29 трлн долл. и превзойти по объему ВВП США и Европейский Союз [Abramova 2017, p. 7].

Возможности экономического роста для Африканского континента расширяются благодаря начавшемуся в конце 2016 г. повышению цен на сырьевые товары, однако не этот фактор является определяющим для африканского развития.

Начиная с 2030-х гг. Африка, по имеющимся прогнозам, в том числе сделанным в Институте Африки РАН, превратится в важнейший и почти уникальный глобальный стратегический резерв источников сырья в рамках Грядущей (новой) производственной революции – NPR, Next (в других документах New) Production Revolution. Африканский континент занимает сегодня ведущие позиции в мире именно по тем сырьевым товарам, которые не имеют аналогов и жизненно необходимы для развития оборонных и инновационных технологий XXI в. Другими словами, целый ряд металлов, импортируемых странами НАТО (кобальт, литий, колтан и т. п.), приобретает военно-стратегическую значимость. Так, например, уровень зависимости военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов от импорта из некоторых стран АЮС (ДРК, ЮАР, Зимбабве и др.) цветных и редких металлов, технологически необходимых для производства современных видов вооружений, в частности двигателей для военной авиации, достигает 60%, а по кобальту превышает 70%.

Другими важнейшими факторами ускоренного развития Африки выступают расширение масштабов потребления на внутренних рынках африканских стран, диверсификация экономик ряда государств Континента за счет повышения доли услуг и промышленности, существенное улучшение делового климата в результате совершенствования инвестиционного законодательства и постепенной стабилизации внутриполитической ситуации. Начнем с последнего фактора. За последние 7 лет, в период с 2011 по 2017 г., страны Африки значительно повысили свой индекс конкурентоспособности. А такие страны, как Руанда и Маврикий, где соответствующий индикатор достиг величины 4,49, а также Ботсвана (4,29), Кения (3,9), Эфиопия (3,77), Сенегал (3,74), Кот-д'Ивуар (3,7) и Гана (3,69) превосходили по этому показателю успешно развивающиеся экономики Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Камбоджу и Мьянму, где он не превышает 3,6⁷.

А по рейтингу *doing business* три африканские страны – Маврикий (25-е место), Руанда (41-е место) и Марокко (69-е место) – опережают такие страны, как Индонезия (72-е место), Китай (78-е место) и Индия (100-е место). В первую сотню входят также Кения (80-е место), Ботсвана (81-е место), ЮАР (82-е место), Замбия (85-е место), Тунис (88-е место) и Сейшельские Острова (95-е место)⁸.

Иными словами, по инвестиционной привлекательности Африка ничуть не уступает азиатским лидерам развития, а по некоторым позициям и превосходит их.

Улучшение инвестиционного климата на Африканском континенте способствует увеличению объема капиталовложений из-за рубежа. В 2017 г. приток иностранных инвестиций в Африку составил 57,5 млрд долл., что на 1,5 млрд долл. больше полученной африканскими государствами ОПР (56 млрд долл. в 2017 г.). При этом большая часть зарубежного капитала была направлена не в горнодобычу, а в такие отрасли, как производство потребительских товаров, инфраструктура, сфера услуг, включая финансы, а также в информационный и телекоммуникационный секторы [Новикова 2017, с. 56–63]. Весьма примечательно, что значительная доля инвестиций поступила из развивающихся стран, в том числе из регионов Дальнего и Ближнего Востока.

Наиболее перспективной в ближайшие годы может стать реализация инфраструктурных проектов. Их объем может достигать 50 млрд долл. ежегодно. Инфраструктура в Африке, несмотря на значительный рост в последние годы, все еще развита недостаточно, особенно по сравнению с другими регионами мира. Более половины африканского населения (645 млн) имеют ограниченный доступ к электричеству, только треть сельских жителей живут в радиусе 2 км от ближайшей дороги (в других развивающихся странах этот показатель превышает две трети). Ежегодный прирост только государственных инвестиций в инфраструктурный сектор составляет 3% и в ближайшие годы может еще более ускориться⁹.

7 Global Competitiveness Index (n/y) // World Economic Forum // <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/competitiveness-rankings/>, дата обращения 12.10.2018.

8 Doing Business 2018. Reforming to Create Jobs (2018) // <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

9 African Economic Outlook 2017 (2017) // https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page30, дата обращения 12.10.2018.

Рост государственного потребления, в том числе и через реализацию крупных инвестиционных проектов, выступает мощным двигателем экономического роста африканских государств. Однако основным триггером развития африканской экономики в 2000-е гг. стал рост частного потребления. По нашим подсчетам, его вклад в экономический рост в тот период составлял от 40 до 60%. В среднем частное потребление в Африке росло в период с 2010 по 2016 гг. на 3,6% ежегодно. На ближайшую перспективу данный показатель с высокой долей вероятности может вырасти до 4%¹⁰. Такой прирост потребления в значительной степени обеспечивается быстрорастущим африканским населением и ускоренным формированием среднего класса, который уже сегодня составляет примерно 350 млн чел., или треть населения Африки. По нашим подсчетам, объем внутреннего потребления континента, который в 2017 г. превысил 920 млрд долл. США (в 2008 г. он составил 680 млрд) может вырасти к 2030 г. до 2,2 трлн долл. И произойдет этот рост в значительной степени за счет увеличения покупательной способности среднего класса, численность которого вырастет по меньшей мере вдвое¹¹.

Важный источник развития многих африканских стран – денежные трансферты мигрантов. Они служат одним из важнейших источников валютных поступлений для значительного числа африканских государств. Объем денежных переводов африканских мигрантов из-за рубежа в 2017 г. достиг 66,2 млрд долл., что на 2,4% больше, чем в 2016 г.¹² По нашим подсчетам, в

африканских государствах рост объема переводов на 10% на душу населения в среднем снижает долю бедных в стране на 3,5%. Эксперты Всемирного Банка подсчитали, что переводы родственников сократили долю беднейшего населения в африканских странах, являющихся основными получателями переводов (Египет, Марокко, Тунис, Лесото, Эритрея, Гана, Уганда), в среднем на 5–6%, что привело к росту потребительского спроса. Обладая мультипликативным эффектом, трансферты из-за рубежа дают новые стимулы к развитию африканской экономики.

Для их эффективного использования в интересах развития в первую очередь необходима интеграция домашних хозяйств – получателей переводов в формальный финансовый сектор. Уже сегодня в ряде африканских стран это достаточно успешно осуществляется. Вместе с тем, хотя значительная часть денежных средств, получаемых из-за рубежа, используется африканцами на потребительские нужды, так называемая сберегательная, или инвестиционная, часть трансфертов растет и достигает в некоторых случаях 40% [Абрамова 2013, с. 278–279].

Помимо финансовых поступлений в тех или иных формах, ключевое значение для ускорения экономического роста на Африканском континенте будет иметь региональная интеграция, которая позволит совместно и более эффективно использовать потенциалы отдельных государств Африки.

Важнейшим этапом развития интеграционных процессов на Африканском континенте стал саммит Африканского союза в Аддис-Абебе в 2013 г., по ито-

10 Рассчитано по: World Bank (2017). World Development Indicators 2017. Washington, DC. © World Bank.

11 Рассчитано по предыдущим источникам и по: African Economic Outlook 2017 (2017) // OECD-ilibrary.org // https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page29, дата обращения 12.10.2018.

12 African Economic Outlook 2017 (2017) // OECD-ilibrary.org // https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economic-outlook-2017_aeo-2017-en#page18, дата обращения 12.10.2018.

гам которого была принята Декларация к 50-летию создания Организации Африканского Единства (ОАЕ), преобразованной 9 июля 2002 г. в Африканский союз (АС). Главными задачами, провозглашенными в Декларации, стали объединение и развитие региональных экономических сообществ «как строительных блоков» АС и «ускорение процесса достижения целей Африканского экономического сообщества», включая создание «континентальной зоны свободной торговли». Было дано обещание сделать Африку к 2020 г. регионом, «свободным от конфликтов», положив конец «всем войнам на континенте» [Корендясов, Урнов, Шубин 2013, с. 8–9]. В созданных на территории Африки региональных объединениях, несмотря на все сложности, постепенно претворяются в жизнь реформы, которые уже в той или иной степени обеспечили заметный уровень юридически-правового единства, свободы передвижения людей, товаров, финансов, услуг, единого регулирования хозяйственной деятельности и трудовых отношений в рамках каждой интеграционной группировки. Главными интеграционными объединениями на Континенте, которые Африканский союз рассматривает как своеобразные блоки будущего африканского общего рынка, являются: ЭКОВАС (Экономическое сообщество западноафриканских государств), КОМЕСА (Общий рынок Восточной и Южной Африки), САДК (Сообщество развития Юга Африки), ВАС (Восточноафриканское сообщество), ЭККАС (Экономическое сообщество стран Центральной Африки), СЕН-САД (Сообщество сахельско-сахарских государств), ИГАД (Межправительственный орган по развитию Восточной Африки) и ЮМА (Союз арабского Магриба).

На саммите была также принята «Повестка 2063» – стратегический план развития Африканского континента на

50 лет. В соответствии с «Повесткой» предусматривается следующий график формирования континентальных интеграционных институтов:

- создание Африканского таможенного союза – 2019 г.;
- создание общего африканского рынка – 2025 г.;
- создание валютного союза – 2030 г.
- создание единых институтов законодательной, исполнительной и судебной властей и единого гражданства – 2063 г.

Важнейший шаг к реализации «Повестки 2063» сделан на состоявшемся 19–21 марта 2018 г. Чрезвычайном саммите Африканского союза, где принято решение о создании африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA). Это самое крупное межгосударственное торговое соглашение в мире с момента возникновения ВТО в 1995 г. В соответствии с принятым соглашением, предусматривается снижение таможенных пошлин на 90% между странами, подписавшими соглашение, в течение ближайших пяти лет. На саммите решение подписали 44 африканских государства. Впоследствии к ним присоединились еще 5 стран – ЮАР, Сьерра-Леоне, Лесото, Бурунди и Намибия. Нигерия, крупнейшая экономика Африки, до последнего времени воздерживалась от подписания этого соглашения, что, по нашему мнению, затрудняло практическую реализацию этого весьма амбициозного проекта. Нигерийцы опасались, что наибольшие преимущества от соглашения извлекут другие страны, в первую очередь ЮАР, а не сама Нигерия. Однако 11 июля 2018 г., после встречи один на один с пришедшим на смену Джейкобу Зуме президентом ЮАР Сирилом Рампосой, глава Нигерии Мухаммаду Бухари все-таки решил присоединиться к данному соглашению, которое поможет

реализовать африканскую мечту о резком подъеме внутриафриканской торговли¹³. Несмотря на то что из 49 стран, подписавших этот документ, его ратифицировали только 6, само его принятие подавляющим большинством африканских государств – важный шаг на пути к реальной экономической интеграции.

Таким образом, развивая интеграционные процессы, используя свои конкурентные преимущества в ресурсной сфере, активно балансируя между старыми и новыми партнерами, привлекая финансовые и технологические ресурсы, активизируя человеческий капитал, современная Африка постепенно превращается во влиятельного игрока в мировой политике и экономике, необходимое звено в противостоянии большим вызовам. Современная африканская экономика делает реальные шаги в сторону диверсификации и сбалансированности по целому ряду направлений – географическому, отраслевому, потребительскому, производственному, по соотношению форм собственности и факторов производства и их вкладу в прирост ВВП.

В экономическом развитии африканских государств формируются два новых тренда – повышается роль реального сектора экономики и ускоряется развитие отраслей, которые ориентируются не на внешнего, а на внутреннего потребителя.

По мнению экспертов Института Африки РАН, вероятен сценарий выживания **единого общеафриканского полюса как центра силы глобальной значимости**. И здесь необходимо более подробно остановиться еще на одном важнейшем факторе, который в ближайшем будущем окажет колоссаль-

ное влияние не только на развитие Африканского континента и его превращение из объекта в субъект международных отношений, но и на развитие и структурную перестройку всей мировой экономики.

Африканский континент – один из ключевых факторов мировых демографических процессов.

В свое время именно население Черного континента внесло весьма значимый вклад в развитие мирового хозяйства. Африка с XVI по XIX в. играла роль основного поставщика рабов, в первую очередь на Американский континент. Рабский труд африканцев, по сути, стал основой первоначального накопления капитала экономики США. По разным данным за указанный нами период в страны Нового света было продано от 12 до 17 миллионов африканцев. Это нанесло колоссальный демографический урон Африканскому континенту, который покинули наиболее активные и здоровые люди в детородном возрасте. Африканский генофонд в значительной степени был разрушен, что отбросило развитие Континента на столетия. А Соединенным Штатам прибытие африканских рабов дало такой первоначальный импульс, какого никогда не смог бы обеспечить только труд белых колонистов.

Сегодня, в эпоху глобализации, когда рабочая сила относительно свободно перемещается из страны в страну, современная Африка вновь обретает важную роль в мировом развитии, постепенно превращаясь в главного поставщика трудовых ресурсов, обладая высокой долей молодого трудоспособного населения, которое прирастает ускоренными темпами.

13 Morocco-Nigeria to Finally Sign the African Free Trade Agreement (2018) // Menafn.com, July 14, 2018 // https://menafn.com/qn_news_story_s.aspx?storyid=1097163675&title=Morocco--Nigeria-to-Finally-Sign-the-African-Free-Trade-Agreement&src=RSS, дата обращения 12.10.2018.

Сегодня главными демографическими гигантами выступают Китай с населением 1,4 млрд человек и Индия, число жителей которой превысило 1,3 млрд человек. Всего в этих двух странах на сегодняшний день проживают примерно 40% мирового населения. Китай, благодаря длительным усилиям и успешной реализации государственной политики ограничения рождаемости, которая проводилась под лозунгом «Одна семья – один ребенок», сократил темпы прироста населения до 0,3%. В Индии этот показатель все еще достаточно высокий и превышает 1,5%. По прогнозам ООН, к 2024 г. эта страна займет первое место в мире по числу жителей, обогнав Китай. В ближайшие десять лет рост мирового населения в абсолютном выражении будет происходить в основном за счет этих двух стран. **Но начиная примерно с 2030 г. центр мирового демографического роста переместится в Африку**, где темпы прироста населения в настоящее время остаются самыми высокими в мире и составляют 2,5% в год¹⁴. ООН прогнозирует, что в период с 2017 по 2050 гг. население нашей планеты увеличится на 2,2 млрд человек. Вклад Африки в этот прирост составит 1,3 млрд, или 60%. Безусловным демографическим лидером на Африканском континенте останется Нигерия, которая уже сегодня занимает седьмую строчку в рейтинге стран по численности населения, а к 2050 г. поднимется на третье место¹⁵.

Традиционно ускоренный рост населения развивающихся государств, получивший в научной литературе название «демографический взрыв», рассматривался в качестве угрозы для

развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, так как связывался с увеличением безработицы, неполной занятости, бедности и голода. Сегодня в условиях глобализации и формирования международного рынка труда, когда перелив рабочей силы из региона в регион значительно облегчен, что обусловлено не только социально-экономическими, технологическими, информационно-коммуникационными, но и политическими факторами, одним из драйверов ускоренного роста развивающихся государств выступает демографический фактор (или, в современной терминологии, демографический дивиденд), а именно – быстрое увеличение населения, в первую очередь трудоспособного, стран Востока и Юга и старение населения Запада. Весьма примечательно, что экономического возвышения в первые два десятилетия XXI века достигли страны с молодым быстрорастущим населением – не только упоминавшиеся нами ранее Китай и Индия, но и Индонезия, Бразилия, Мексика, Филиппины, Вьетнам и др. В Африке в 2000-е гг. настоящий рывок сделали Нигерия (198 млн) и Египет (98 млн) – две крупнейшие по числу жителей страны Субсахарской и Северной Африки. Нигерия превратилась в крупнейшую экономику Африки южнее Сахары по размерам ВВП, как по обменному курсу (375,8 млрд долл. в 2017 г.), так и по паритету покупательной способности (1119 млрд долл. в 2017 г.), обогнав традиционного конкурента – ЮАР и заняв в мировом рейтинге стран по размерам ВВП 21 и 22 место соответственно. Египет же по данному индикатору занял первое место в Африке по ППС

14 African Economic Outlook 2016 (2016) // African Development Bank Group // https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/AEO_2016_Report_Full_English.pdf, дата обращения 12.10.2018.

15 World Population Prospects: The 2017 Revision (2017) // United Nations. Department of Economic and Social Affairs // <https://www.un.org/development/desa/publications/world-population-prospects-the-2017-revision.html>, дата обращения 12.10.2018.

(1129 млрд долл.) и третье – по обменному курсу (235 млрд долл.), пропустив вперед ЮАР (349 млрд долл.)¹⁶. Весьма примечательно, что вторая по численности населения африканская страна Эфиопия (105 млн жителей в 2017 г.) показывает в последние несколько лет темпы прироста экономики на уровне 8%.

Превращение «демографического проклятия» в «демографический дивиденд» обусловлено целым комплексом причин.

Главная из них нами уже упоминалась. Она связана с переструктурированием структуры мирового рынка трудовых ресурсов, львиная доля которых обеспечивается сегодня развивающимися, в том числе африканскими, странами. Уже сегодня 80% трудовых ресурсов планеты сосредоточено в странах Азии, Африки и Латинской Америки, они обеспечивают более 90% прироста мирового рынка труда. Конечно, современные технологии производства, в частности использование робототехники, сокращают необходимость применения рабочих рук. Однако, как показывает опыт развитых стран, дефицит в людях трудоспособного возраста сохраняется, в первую очередь в сфере услуг. Возникают новые виды потребностей, которые требуют новых видов труда. Да и в производственной сфере в обозримой перспективе сохранятся трудоемкие сегменты. Особый дефицит в трудовых ресурсах будет испытывать Европа, где старение населения идет ускоренными темпами. Европейские власти вынуждены в этих условиях проводить пенсионные реформы и облегчать доступ трудовым мигрантам из стран Азии и Африки, прекрасно понимая, что нормальное функционирование их экономик и сохране-

ние привычного уровня благосостояния и потребления возможно только в случае массового притока людских ресурсов молодых возрастов. Есть два основных пути решения этой проблемы – ввоз рабочей силы из-за рубежа (путь, чреватый нарастанием социальной напряженности и размыванием традиционной европейской идентичности) и перенос собственных предприятий в районы с высоким трудовым потенциалом, в том числе на африканский континент. И в том и в другом случае африканская составляющая в формировании трудовых ресурсов планеты будет расти, а значит, повысится роль континента в глобальном экономическом пространстве.

Не следует также забывать, что в самой Африке в условиях высоких темпов прироста экономики и более низкого, по сравнению с развитыми государствами, уровня технологического развития также растет спрос на рабочие руки.

К тому же многие азиатские страны, по инерции считающиеся молодыми, на самом деле либо уже ими не являются (Тайвань, Сингапур, Южная Корея), либо «состарятся» в обозримой перспективе (Китай). Из крупных регионов мира только Африка южнее Сахары находится в самом начале второго этапа демографического перехода [Фитунни 2017, с. 3–15]. Сохраняющаяся высокая рождаемость и низкая смертность при сравнительно невысокой средней продолжительности жизни (55 лет) и снижающейся детской смертности ведут к преобладанию в структуре населения молодых возрастов. По данным на 2018 г. средний возраст жителей Субсахарской Африки – 20 лет. Это означает, что в недалеком будущем международный рынок труда будет в ос-

16 GDP, PPP (n/y) // Worldbank.org // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD>, дата обращения 12.10.2018.

новном формироваться не азиатскими, а африканскими государствами¹⁷.

Второй важный результат воздействия «демографического дивиденда» – рост и изменение структуры мирового потребления. Количественное увеличение жителей страны физически увеличивает размеры потребления, а значит, расширяет внутренний рынок стран с быстрорастущим населением. При этом высокая доля людей молодого возраста меняет и саму структуру потребления, обеспечивая спрос на новые товары. Не секрет, что две трети африканцев имеют мобильные телефоны, включая самые современные модели, хотя многие из них голодают. Во многих странах Африки (Кения, Нигерия, ЮАР и др.) небывалыми темпами растут сектор мобильных услуг и интернет-банкинг. Именно молодежь является как основным потребителем, так и создателем современных товаров, в то время как представители старшего поколения, которых будет все больше и больше в развитых странах, не предъявляют повышенного спроса на новинки и предпочитают знакомые им консервативные образцы. Конечно, трудно предположить, что в ближайшие десять-двадцать лет африканцы займут лидирующие позиции в сфере НИОКР. Однако уже сейчас самый высокий конкурс в африканских университетах наблюдается на факультетах, готовящих специалистов-программистов. Расширяется и рынок традиционных потребительских товаров. Денежные трансферты африканцев из-за рубежа позволяют семьям эмигрантов приобретать компьютеры, телевизоры и да-

же автомобили. Через 20–30 лет большинство автомобилей, бытовой техники, электроники и других товаров длительного пользования будет продаваться не в Азии, как сегодня, а в Африке. Количественный и качественный рост потребительского рынка станет мощным драйвером развития африканской, а в будущем и мировой экономики. Так произошло в Китае в конце 1990-х гг. По данным ООН, к середине нынешнего века число жителей Африки по среднему варианту прогноза ООН составит 2,5 млрд чел., или 26% мирового населения. А к 2100 г. африканцев будет уже 4 468 млн, или 40% всех живущих на земле. Весьма примечательно, что в период с 2050 по 2100 гг. сократится не только население Европы (с 716 млн в 2050 г. до 653 млн в 2100 г.), но и Азии (по прогнозу – с 5257 млн в 2050 г. до 4780 млн в 2100 г.)¹⁸. Таким образом, мир, по сути, к концу XXI века станет в значительной степени «африканским».

И еще одно важное преимущество стран с молодым быстрорастущим населением. Преобладание в структуре населения пожилых людей резко повышает коэффициент демографической нагрузки и, как следствие, расходы на здравоохранение и пенсионное обеспечение. Именно это происходит сейчас в странах Запада. А в африканских странах люди старше 60 лет составляют всего 5% населения, что позволяет экономить расходы бюджета и использовать их в интересах развития.

Современная Африка – динамично растущий рынок производства и услуг, инвестиций, современных технологий, наукоемкой продукции, рабочей

17 United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017) // World Population Prospects: The 2017 Revision, Volume II: Demographic Profiles (ST/ESA/SER.A/400) // https://esa.un.org/Unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_Volume-II-Demographic-Profiles.pdf, дата обращения 12.10.2018.

18 United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017) // World Population Prospects: The 2017 Revision, Volume II: Demographic Profiles (ST/ESA/SER.A/400) // https://esa.un.org/Unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_Volume-II-Demographic-Profiles.pdf, дата обращения 12.10.2018.

силы и потребительских товаров. Вопреки инерционным представлениям о ней тех, кто пребывает в плену стереотипов 70–80 гг. прошлого века, Африка уже вступила на этап индустриального подъема и ускоренной модернизации производственного потенциала. Экономический рост Континента ускоряется, в том числе благодаря быстро расширяющемуся среднему классу, который предъявляет повышенный спрос на потребительские и новые инвестиционные товары, а также на современные услуги.

Изменение положения Африканского континента в мировой системе координат привлекает к нему внимание всех крупных международных игроков, как традиционных (США, Великобритании, Франции, Германии), так и новых (Китая, Японии, Индии, Бразилии, Турции, Ирана, Индонезии, Австралии и даже Новой Зеландии). Обостряется конкурентная борьба за политическое и экономическое доминирование на Африканском континенте. Речь идет не только об обеспечении безопасности и «схватке за стратегические ресурсы и рынки». Все эти государства прекрасно понимают: в 2020–2030-х гг., когда Африканский континент превратится в главный источник мирового прироста трудовых ресурсов, покупательского спроса и природных возможностей для развития мировой цивилизации, только с его помощью они обеспечат себе стабильные позиции и зоны влияния в будущей конкурентной борьбе.

Россия, к сожалению, только в последние 2–3 года осознала важность использования «африканского вектора» при решении стратегических задач собственного экономического развития. Во многом этому способствовали санкции, введенные западными государствами. Российским экономическим операторам очень не хочется выходить из зоны комфорта и пере-

ориентироваться с западного на южное направление. Но делать это придется. О развороте в сторону Африки свидетельствует принятое на коллегии МИДа в мае 2018 г. решение о разработке новой Концепции взаимоотношений РФ и африканских государств. Предыдущая Концепция была принята в 1994 г. и уже не отвечает интересам ни России, ни Африки. Состоявшийся 16 мая на площадке Минэкономразвития первый бизнес-форум «Россия — Африка» с участием крупных российских компаний также говорит о серьезности интересов наших государственных структур и бизнес-сообщества в отношении Африканского континента. Большой вклад в развитие российско-африканских отношений внес визит С.В. Лаврова в Анголу, Намибию, Мозамбик, Зимбабве и Эфиопию в марте 2018 г. В 2019 г. планируется проведение масштабного российско-африканского форума в РФ. Россия пытается вернуть утраченные в 1990-е гг. позиции на Континенте, но делать это с каждым днем труднее из-за растущей конкуренции, смены африканских элит, снизившихся финансовых возможностей РФ. Вот почему нашей стране необходимо определить наиболее перспективные для политического и экономического взаимодействия африканские страны и отраслевые приоритеты сотрудничества и сконцентрироваться в первую очередь на них. В Африку России надо вернуться всерьез и надолго, не просто для того, чтобы не отстать от других, а четко осознавая необходимость взаимодействия с африканцами на всех направлениях. Активное российско-африканское сотрудничество позволит обеим сторонам извлечь геополитические и геоэкономические дивиденды, способствуя развитию их экономик и укрепляя позиции РФ и африканских государств на международной арене.

Список литературы

Абрамова И.О. (2013) Новая роль Африки в мировой экономике XXI века. М.: Институт Африки РАН.

Корендясов Е.Н., Урнов А.Ю., Шубин В.Г. (2013) Африка, Россия и 50-летие ОАЕ/АС // Азия и Африка сегодня. № 9. С. 6–13.

Новикова З.С. (2017) Российские телекоммуникационные компании в Африке // Ученые записки Института Африки РАН. № 1(38). С. 56–63.

Фитуни Л.Л. (2000) Роль теневого международного движения капитала в условиях глобализации // Восток. Африко-Азиатские общества: история и современность. № 3. С. 88–100.

Фитуни Л.Л. (2010) Экономика Африки: вызовы посткризисного разви-

тия. Статья 2. Реальный сектор вчера, сегодня, завтра // Азия и Африка сегодня. № 9. С. 8–14.

Фитуни Л.Л. (2017) Предиктивный анализ роли демографического дивиденда в преодолении структурных дисбалансов социально-экономического развития Африки (2015–2060 гг.) // Ученые записки Института Африки РАН. № 2. С. 3–15.

Abramova I. (2017) Potential of the African Continent in the Updated Strategy of Development of the Russian Federation // African Studies in Russia. Yearbook 2014–2016 (eds. Dmitriev R.V., Abramova I.O., Bondarenko D.M., Fituni L.L.). Moscow: Institute for African Studies RAS, pp. 5–15.

Political Processes in the Changing World

Africa in the Modern Model of the World Order: a Powerful Player or an Outsider?

Irina O. ABRAMOVA

Corresponding Member RAS, Professor, Director, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of African and Arabic Studies, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). Address: 30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation. E-mail: irina.abramova@inafr.ru

CITATION: Abramova I.O. (2018) Africa in the Modern Model of the World Order: a Powerful Player or an Outsider? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 6–21 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-6-21

ABSTRACT. *The article analyses the transfiguration of Africa's position in the emerging new model of world economic development. The author emphasizes that until recently Africa was assigned the role of an "outsider" of the world economy. The transition of developed countries to a postindustrial and innovative development model has further exacerbated the lagging behind of the countries of the region from the advanced directions of the economy. Other negative factors that affected the development of African economies in the second decade of the 21st century include the high dependence of the African economy on commodity exports, the slowdown in China's growth, the socio-economic consequences of the so-called "Arab spring", primarily the destruction of Libya, and the continuation of old and the emergence of new conflicts in a number of African states. Despite numerous and often successful attempts by external forces to keep Africa as an object within the world economy and politics, the continent is increasingly becoming an active "subject" in international relations, and its development in the coming decades may, in our view, change its position in a new model of world development. Beginning in the 2030s, Africa, according to the forecasts, including those made at the Insti-*

tute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, will turn into the most important and almost unique global strategic reserve of sources of raw materials within the framework of the "Coming (New) Production Revolution" – NPR, Next (in other documents New) Production Revolution. The African continent today occupies the leading positions in the world precisely for those commodities that have no analogues and are vital for the development of defense and innovative technologies of the 21st century. Other important factors in the accelerated development of Africa are the quantitative and qualitative growth of the continent's labor potential, the expansion of consumption in the African domestic markets, the economic diversification in a number of countries of the continent by means of increasing the share of services and industry in GDP, and a significant improvement in the business climate as a result of improved investment legislation and the gradual stabilization of domestic political of the situation. Besides the increase in financial revenues in various forms, regional integration, (including a continental free trade zone), will be a key to accelerating economic growth in the African continent, which will allow for joint and more effective use of the potentials of individual African states.

Modern Africa is a dynamically growing market of labor force, consumer goods, investment, modern technologies, high technology machinery products. The author anticipates in the foreseeable future the realization of a scenario of gradual evolvement of a joined pan-African pole of global significance.

KEY WORDS: *Africa, world economic development model, demographic dividend, strategic resources, conflicts, regional integration*

References

- Abramova I.O. (2013) *Novaya rol' Afriki v mirovoj ekonomike XXI veka* [New Role of Africa in World Economy of the XXI Century], Institute for African Studies RAS.
- Abramova I.O. (2017) Potential of the African Continent in the Updated Strategy of Development of the Russian Federation. *African Studies in Russia. Yearbook 2014–2016* (eds. Dmitriev R.V., Abramova I.O., Bondarenko D.M., Fituni L.L.), Moscow: Institute for African Studies RAS, pp. 5–15.
- Korendyasov E.N., Urnov A.Yu., Shubin V.G. (2013) Afrika. Rossiya i 50-letie OAE/AS [Africa, Russia and 50 Anniversary OAU/AU]. *Asia and Africa today*, no 9, pp. 6–13.
- Novikova Z.S. (2017) Rossijskie telekommunikatsionnye kompanii v Afrike [Russian Telecommunications Companies in Africa]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, no 1, pp. 56–63.
- Fituni L.L. (2000) Rol' tenevogo mezh-dunarodnogo dvizheniya kapitala v uslovi-yakh globalizatsii [The Role of the International Shadow Capital Flows in the Context of Globalization]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no 3, pp. 88–100.
- Fituni L.L. (2010) Ekonomika Afriki: vyzovy postkrizisnogo razvitiya. Stat'ya 2. Real'nyj sektor vchera, segodnya, zavtra [The Economy of Africa: the Challenges of Post-crisis Development. Article 2. Real Sector Yesterday, Today, Tomorrow]. *Asia and Africa today*, no 9, pp. 8–14.
- Fituni L.L. (2017) Prediktivnyj analiz roli demograficheskogo dividenda v preodolenii strukturnykh disbalansov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Afriki (2015–2060 gg.) [Predictive Analysis of the Role of the Demographic Dividend in Overcoming the Structural Imbalances of the Social and Economic Development of Africa (2015–2060)]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, no 2, pp. 3–15.

С точки зрения экономики

Внешекономическая стратегия малых африканских стран в глобализирующемся мире¹

Мария Андреевна ВОЛОДИНА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.
E-mail: volodinamarie@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Володина М.А. (2018) Внешекономическая стратегия малых африканских стран в глобализирующемся мире // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 22–37.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-22-37

АННОТАЦИЯ. Автором разработаны новые критерии причисления африканских государств к группе малых стран. Отмечено, что критерии причисления к малым странам в развитом мире не могут в полной мере соответствовать критериям, применяемым в отношении Африканского континента. На основе сопоставления численности населения Африки с некоторыми странами Европы выделены малые государства Африканского континента. Подчеркнут тот факт, что пока не выработан единый критерий причисления к малым странам. На взгляд автора, оценивать африканские страны, используя только экономические показатели, некорректно, поскольку темпы экономического роста не всегда совпадают с демографическими показателями, социокультурными преобразованиями, этно-племенной спецификой в Африке. Выделены и рассмотрены основные типы внешнеэкономических стратегий малых стран

Африки. Показано, что государства Африканского континента нередко используют несколько стратегий для развития своих стран. Малые страны активно вовлечены в интеграционные процессы, которые вписываются в общую концепцию модернизации и поступательного развития Африки. Важную роль в процессах модернизации в Африке играют международные финансовые, образовательные, инновационно-технические программы. Нередко именно малые страны становятся своеобразным транспортным хабом на региональном уровне, что способствует укреплению внешнеэкономических отношений между странами Африканского континента, привлекает значительный финансовый, ресурсный, инновационный капитал. Исторические и этно-племенные особенности некоторых государств Африки, в особенности продолжительные кровопролитные войны, мешают поступательному развитию этих стран. Ярким примером по-

¹ Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20216 «Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы») в ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН.

добных трагических событий является Руанда (причисленная к малым государствам автором статьи), где непрекращающиеся гражданские войны подтолкнули экономическую и политическую стабильность. В таких случаях требуется значительная международная помощь с привлечением соседних с Руандой стран для реализации возможных крупных региональных программ и инвестиционных проектов. Поскольку инновационные, инфраструктурные проекты в странах Африки возможны лишь с привлечением всех стран региона, России для активного участия в амбициозных африканских проектах потребуются новые управленческие подходы и интересные проекты для комплексного развития Африканского континента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, малая страна, внешнеэкономическая стратегия, типология стран, региональная интеграция, официальная помощь развитию

Определение понятия «малая страна»

Понятие «малая страна» имеет различные интерпретации и особенности употребления. Наиболее четким и пространственным является использование термина «малая страна» на большом региональном, геополитическом и геоэкономическом пространстве. В отечественной науке проблемам определения категории малой страны посвящены концептуальные работы – в отношении Европы рассмотрены важные аспекты внешнеэкономических, внутривосточных взаимоотношений между малыми странами Западной Европы, проанализированы основные принципы определения понятия малой страны [Юданов 1984].

В России основоположником типологизации зарубежных стран по пра-

ву считается В.В. Вольский. В течение многих десятилетий предложенная им концепция уточнялась, видоизменялась, трансформировалась, ведь первая предварительная ее версия была создана полвека назад [Вольский 1968]. В данной работе понятие «малая страна» отсутствует, а используется термин «небольшие страны» (опираясь на концепцию В.И. Ленина о малых привилегированных нациях в Европе). Последняя периодизация и типологизация стран, выполненная ученым в конце 1990-х гг., разделяет понятия «малая страна», «небольшая страна», «мелкая» и «мельчайшая страна», которые применяются среди прочего и для африканских государств [Вольский 2009]. Критерием для причисления к той или иной категории стран выступают экономические показатели государств, их вовлеченность в мировое капиталистическое хозяйство.

Исследователи (и, что особенно печально, руководители многих международных организаций) не могут прийти к единому мнению, что является критерием определения малой страны во всех регионах мира. Так, еще в конце XX века существовало несколько представлений о первостепенности факторов, влияющих на определение принадлежности к малой стране. Некоторые ученые выступали за определяющий характер таких факторов, как количество населения и территория страны, но здесь возникает проблема с определением точных параметров соотношения данных цифр. Специалисты-регионалисты, занимающиеся странами преимущественно небольшого размера, нередко пытаются выявить общие черты для всех малых стран, но сталкиваются с неразрешимой на сегодняшний день проблемой определения понятия «малая страна». Критерии причисления стран к категории малых настолько многочисленны, что их можно

условно разделить на несколько групп [Sutton 2011]:

- политический вес государства: что именно считать малым – малое государство, малое островное государство с развивающейся экономикой, малое независимое государство, островное государство с субнациональной юрисдикцией, малое государство с уязвимой экономикой?
- физический размер государства: каковы критерии малого государства, мини-государства и микрогосударства?
- демографический фактор: на протяжении многих лет с ростом мирового народонаселения неумолимо сдвигается минимальный порог принадлежности к малым странам.

Некоторые исследователи считали экономические показатели основополагающим фактором для характеристики стран. В данном случае также не решена задача с определением конкретных экономических данных для причисления к тому или иному типу стран [Юданов 1984, с. 22–24]. Есть и попытки проводить математические расчеты методом кластерного анализа для выделения малых стран одновременно по численности населения, территории (или пригодной к обработке площади) и ВВП [Crowards 2002].

На наш взгляд, для определения малой страны важно учитывать многочисленные факторы: экономические, территориальные и демографические, политические и военно-стратегические. Однако такой анализ может быть применим лишь к немногим государствам, поскольку, например, даже многие сравнительно крупные развивающиеся страны пока не могут обладать высокими экономическими показателями и определенной военно-стратегической

и торгово-экономической независимостью от стран развитого капитализма. В этой связи нам кажется правильным использовать демографический показатель для определения малых стран африканского континента, поскольку в настоящий момент темпы демографического роста в совокупности с высокими темпами экономического роста являются важными показателями поступательной модернизации и развития развивающихся стран.

На Африканском континенте под «малыми странами» следует рассматривать небольшие страны (как по населению, так и по политическому и экономическому весу в Африке). Согласно критериям Всемирного Банка, к малым странам относятся 14 африканских государств: Ботсвана, Джибути, Экваториальная Гвинея, Габон, Гамбия, Лесото, Маврикий, Намибия, Сейшельские Острова, Свазиленд, Сан-Томе и Принсипи, Коморские Острова, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде. Эти страны участвуют в Форуме малых стран и население каждой из них менее 2,5 млн чел. Однако существует проблема с самим определением принадлежности к малым странам. В Западной Европе к малым странам традиционно относят Нидерланды, население которых составляет около 17 млн чел. (данные 2015 г.), Бельгию (население более 11 млн чел.), Швецию, Австрию и др., при том что в Форуме участвуют от Европы Кипр, Эстония, Исландия, Мальта, Черногория и обычно относимое к «карликовым» государство Сан-Марино. Таким образом, существует диспропорция – африканские страны не соответствуют критериям, применяемым к Западной Европе. Подобные проблемы в концептуальном определении понятия «малая страна» характерны и для региона Южной Азии, где существует региональная интеграционная организация – Ассоциация регионального сотрудниче-

ства Южной Азии (SAARC). Во многих аналитических материалах приводятся данные, в которых Шри-Ланка (с населением 22 млн чел.) относится к малым государствам [De Silva 1999; Gunasekara 2015; Kadira 2015]. Несмотря на право голоса в этой региональной организации, малые страны Южной Азии не в состоянии активно отстаивать свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую позицию, в отличие от такого тяжеловеса, как Индия. Многие исследователи приводят сводные таблицы с основными показателями развития стран региона, где физический размер того или иного государства не определяет его реальный экономический статус [Kumar 2015]. Тем не менее такой субъективный подход оказывается более уязвим для критики – ведь определяя «малость» страны относительно ее значения на фоне более мощных соседей [Knudsen 2002], можно и Бангладеш в Южной Азии отнести к малым на фоне Индии.

На наш взгляд, для выстраивания долгосрочных внешнеэкономических и геополитических отношений со странами Африки необходимо использовать четкие показатели. Если взять в качестве барьера 12 млн чел. (поскольку отнесение в Европе Нидерландов к малым странам – действительно вопрос дискуссионный), то в Африке к малым можно отнести 26 независимых государств, включая Тунис, Руанду, Бенин, Бурунди, Того, Сьерра-Леоне, Эритрею, Конго, Либерию и др. Увеличение числа таких стран имеет практический интерес для России, поскольку отнесение к малым преимущественно крошечных островных государств или небольших стран без выхода к морю не оставляет реалистичных возможностей значительного наращивания связей с нашей страной.

Исторической и экономической особенностью африканского континен-

та является проведение границ государств без учета этно-лингвистических особенностей развития тех или иных африканских обществ. Именно формирование независимых государств Африки, основанных на политических реалиях (принадлежность западным колониям), привело к дестабилизации в регионе, к непрекращающимся междоусобным войнам (когда представители одного этноса или племени оказались разделенными границами разных государств), войнам за ресурсы и т.д.

В этой связи стоит отметить важную роль так называемых малых государств, ведь нередко именно эти страны оказывались под «перекрестным огнем», будучи окружены крупными африканскими странами, которые постоянно ведут экономические и кровавые войны между собой за влияние на континенте. От позиции этих малых стран часто зависит не только стабильность в различных регионах Африки – благодаря взвешенной политики их руководителей происходит поступательный процесс модернизации и региональной интеграции, способствующий развитию всего Африканского континента.

Внеэкономические стратегии малых стран Африки

Многие страны из группы малых государств четко обозначили свою внешнеэкономическую стратегию, а именно – всестороннюю транспортную, логистическую и техническую модернизацию; подчеркивается особая посредническая роль этих стран в обеспечении доступности различных благ во все уголки Африканского континента. Поскольку малые страны нуждаются в выходе к морю для участия в мировых внешнеторговых операциях, они заинтересованы в благоприятном политическом и экономическом климате в регионе; они активно со-

трудничают с крупными странами своего региона, привлекая граждан крупных стран к логистическим работам в своей стране, тем самым способствуя трудовой интеграции в регионе, созданию совместных предприятий и проектов. Для Африканского континента особенно актуальна проблема занятости, ведь именно от нее зависит искоренение террористических угроз, контроль над нелегальными потоками миграции, ограничение оборота оружия и наркотрафиков.

Как видно из таблицы 1, безусловно существуют значительные дисбалансы в основных экономических показателях малых стран Африки – более крупные по численности населения страны не всегда более финансово успешные. Многие зависят от географических и природных условий, от стратегии государства, политической устойчивости, инвестиционной привлекательности и др.

Расширение диапазона отнесения к малым странам позволяет более де-

Таблица 1. Основные показатели малых стран Африки

Страна	Численность населения, 2016 г. (млн чел.)	Общий объем ВВП в ценах и по ППС 2016 г., млрд долл.	ВВП на душу населения в ценах и по ППС 2016 г., долл.
Сейшельские Острова	0,09	2,6	27 420
Сан-Томе и Принсипи	0,20	0,6	3 191
Кабо-Верде	0,54	3,5	6 561
Коморские Острова	0,80	1,3	1 582
Джибути	0,94	3,3	3 550
Экваториальная Гвинея	1,22	31,7	25 968
Маврикий	1,26	25,9	20 494
Свазиленд	1,34	11,1	8 242
Гвинея-Биссау	1,82	2,9	1 585
Габон	1,98	35,9	18 108
Гамбия	2,04	3,4	1 681
Лесото	2,20	7,0	3 165
Ботсвана	2,25	36,7	16 313
Намибия	2,48	26,0	10 470
Мавритания	4,30	16,4	3 817
ЦАР	4,59	3,2	693
Либерия	4,61	3,8	815
Конго, респ.	5,13	29,8	5 809
Эритрея	6,00	9,2	1 528
Ливия	6,29	55,4	8 805
Сьерра-Леоне	7,40	10,8	1 455
Того	7,61	11,6	1 531
Бурунди	10,52	7,9	746
Бенин	10,87	23,6	2 169
Тунис	11,40	130,6	11 451
Руанда	11,92	22,8	1 913

Составлено по материалам ИМЭМО РАН на основе: [Мачавариани 2017].

тально рассмотреть экономические показатели и в широкой перспективе определить причины отставания или успешности данных обществ.

Наиболее острым становится вопрос отнесения Ливии к числу малых стран, поскольку это государство всегда рассматривалось как крупное в своем субрегионе, проводящее четкую внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию, предлагавшее новые амбициозные планы для всего Африканского континента. Может быть, именно в отнесении своей страны к числу крупных (с соответствующими политическими шагами), переоценке своего политического веса кроются важные причины резких кардинальных изменений в Ливии, приведшие к раздробленности и политическому коллапсу? Однако малость страны не всегда мешает ее внешнеполитической активности (примеры – Австрия, Бельгия, Швейцария).

На наш взгляд, стоит выделить несколько основных типов выстраивания внешнеэкономической стратегии малых стран Африканского континента.

1. Страны, активно участвующие в интеграционных процессах в своем регионе.

Одной из важных стратегий выстраивания внешнеэкономической политики является *участие в крупных финансовых региональных объединениях и организациях*. Целями подобных союзов являются: поступательная интеграция региона для отражения возможных военных, гуманитарных угроз, борьба с бедностью, реализация инфраструктурных проектов, облегчение торгово-финансовых операций между этими странами, а также формирование единого

внешнеполитического и внешнеэкономического пространства для осуществления различных операций с иностранными государствами.

В данной связи интересен пример Экономического сообщества стран Западной Африки (ECOWAS). Опираясь на статистические данные и ежегодные аналитические материалы этой организации, можно сделать следующие выводы. Во-первых, страны Западной Африки являются наиболее населенной частью африканского континента, а на их экономику и политическую жизнь оказывают дестабилизирующее влияние военные конфликты. Руководители данной организации выделяют эту проблему в качестве основной, но пытаются предпринимать важные шаги для борьбы с безработицей – одной из фундаментальных причин конфликтов в регионе. Во-вторых, ECOWAS действительно активно сотрудничает с мировыми экономическими партнерами – США (сотрудничество в сфере технологий), Китаем (соглашения в частном секторе, реализация инфраструктурных проектов), Индией (контракты в агропромышленном секторе), Исламским банком (предварительные договоренности в сфере интеграционных проектов), Союзом сотрудничества арабских государств Персидского залива (инвестиционные проекты), ЕС (программы в сфере региональной инфраструктуры, образования)², Африканским банком развития (помощь в сфере машиностроения).

Малые страны Западной Африки – Того, Гамбия, Бенин – активно участвуют в интеграционных процессах в Западной Африке. Эти страны, преимущественно с аграрной направленностью, реэкспортируют товары в сосед-

2 2016 Annual Report. ECOWAS Common External Tariff (CET): Achievements, Challenges and Prospects (2016) // ECOWAS // http://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2017/11/Annual-Report-2016_English-Fina_Final.pdf, дата обращения 12.10.2018.

ние страны, что свидетельствует об отсутствии транспортной инфраструктуры в этом регионе. Региональным транспортным хабом (воздушным и морским) в Западной Африке в ближайшее время должна стать столица Гамбии – Банжул. Правительство Гамбии предпринимает важные шаги для привлечения инвестиций в инфраструктурные проекты путем ослабления тарифных издержек для инвесторов, облегчения административных и юридических процедур и др.³ Грузопотоки в Западной Африке идут в основном через полтора десятка портов, из которых выделяются пять: Лагос, Дакар, Абиджан и крупнейшие порты двух малых стран – Котону (Бенин) и Ломе (Того) [UNCTAD 2016]. При этом между портами идет серьезная конкуренция за право стать главным транспортным хабом в регионе [Dyck, Ismael 2015]. Например, четверть товарного экспорта Нигера (данные ВТО за 2017 г.) приходится на урановое сырье, которое пока вывозится через порты Бенина, но планируются более короткие маршруты, для чего необходимо создать новую транспортную инфраструктуру⁴.

Руководством ECOWAS также поставлены четкие задачи создать Зону свободной торговли, поступательной индустриализации, строительства фармацевтических предприятий, создания полноценных трансграничных цепочек, создания стоимости в машиностроительном комплексе в Западной Африке. Единый таможенный тариф, стандартизированные паспорта и безвизовый режим недавно были введены⁵, а единая валюта в регионе уже

давно существует (западноафриканский франк). Основным препятствием для осуществления данных амбициозных планов является отсутствие железнодорожного сообщения между некоторыми странами региона (в частности, с крупной страной Нигерией и др.). Для реализации намеченных программ Западной Африке понадобятся разнообразные технологические решения и инновационные проекты, где у России есть возможности продемонстрировать свои технические разработки и тем самым стать активным партнером в данном регионе.

Интересным примером регионального сотрудничества на Африканском континенте является Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС). Страны региона уже используют единую валютную систему – центральноафриканский франк, который с момента своего появления (1945 г.) был привязан к французскому франку; в настоящий момент эта валюта имеет фиксированное соотношение с евро (как и западноафриканский франк). Существуют разные мнения по поводу положительного и отрицательного влияния этой валюты на африканские страны, использующие франк [Lecomte 2016]. С одной стороны, франк гарантирует определенную стабильность данным странам, облегчает проведение внешнеторговых операций друг с другом, укрепляет экономические связи с Европейским Союзом и т.п. С другой стороны, четкая привязка к евро делает франк «тяжелой» валютой, что негативно сказывается на платежеспособности местного населения,

3 Trade Policy Review 2011 // Ministry of Trade, Industry, Regional Integration and Employment. Republic of Gambia // <http://www.motie.gov.gm/content/trade-policy-review-2011>, дата обращения 12.10.2018.

4 Носков А.Ю. (2016) Урановые войны Франции в Черной Африке // Независимая газета. 11 октября 2016 // http://www.ng.ru/ng_energiya/2016-10-11/12_uran.html, дата обращения 12.10.2018.

5 Free Movement of People (n/y) // ECOWAS // <http://www.ecowas.int/life-in-the-community/education-and-youth>, дата обращения 12.10.2018.

приводит к удорожанию основных видов продуктов и услуг. Ведь отнюдь не случайно среди стран зоны франка оказались государства, относящиеся к слабо развитым, – Бенин, ЦАР, Коморские Острова и др.

Сообщество развития Юга Африки (Southern African Development Community – SADC) проводит поступательную интеграционную политику в отношении пятнадцати стран – членов этой организации. В настоящий момент можно отметить значительные успехи в продвижении экономической интеграции стран Южной Африки. В 2008 г. была сформирована зона свободной торговли, в 2010 г. – таможенный союз; важной вехой в истории региона станет введение единой монетарной системы, ожидаемое в ближайшее время⁶. Значительную роль в интеграционном и модернизационном процессах, происходящих в Южной Африке, играет Намибия. Правительство этой страны при поддержке Сообщества развития Юга Африки реализует амбициозные проекты по превращению главного порта Намибии – Уолфиш-Бей – в крупнейшую транспортную артерию в регионе. По задумкам, транспортный коридор обеспечит кратчайший морской путь из Южной Африки в Европу, тем самым будет способствовать еще большей кооперации и интеграции с соседними странами в регионе, позволит расширить железнодорожную сеть на африканском континенте – для последующей транспортировки грузов из порта во внутренние регионы Африки⁷. Во многом подобные инфраструктурные проекты вписываются в общую программу поступательной индустриализации Намибии (на-

званной Growth at Home – «Рост и развитие» у себя на родине), с учетом опыта и помощи стран, дружественных Намибии, – государств Южной Африки, Индии, Бразилии, Кубы, Китая и Южной Кореи.

Важной вехой в истории Африканского континента, в углублении интеграционных процессов в Африке явилось подписание в марте 2018 г. соглашения о создании Африканской зоны свободной торговли. Договор предусматривает создание единого рынка товаров и услуг, свободное движение капиталов и рабочей силы на Африканском континенте. С уверенностью можно назвать данное соглашение одним из крупнейших в мире (по численности населения и количеству стран-участников) экономическим, политическим и модернизационным проектом. Договор позволит активизировать внутриконтинентальную торговлю, привлечет новые инвестиции, способствует активизации транспортных, инновационных, социальных, инфраструктурных программ. Не все африканские страны сразу подписали это соглашение (например, ЮАР присоединилась в июле 2018 г.), в ближайшее время стоит ожидать новых стран – членов данного договора.

2. Страны, получающие значительную финансовую официальную помощь в целях развития.

Нужно отметить, что многие африканские государства, финансируемые в рамках официальной помощи в целях развития, являются наиболее уязвимыми в плане внутривнутриполитического положения, этноконфессиональных противоречий. Таков пример Бурун-

6 Integration Milestones (n/y) // Southern African Development Community // <https://www.sadc.int/about-sadc/integration-milestones/>, дата обращения 12.10.2018.

7 African Development Bank (n/y) // http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Project-and-Operations/2014-2018-Namibia_Country_Strategy_Paper.pdf, дата обращения 12.10.2018.

ди, Мавритании, Сьерра-Леоне. Ситуация часто усугубляется борьбой за природные ресурсы, что приводит к непрекращающимся гражданским войнам – в Сьерра-Леоне война имела многовекторный, многоплановый характер, ведь в конфликт были вовлечены и соседние страны, и представители международных компаний. Войны за контроль над алмазными приисками получили название «алмазные войны», а сами алмазы, добытые в столь жестоких конфликтах, называют кровавыми.

Представители стран – реципиентов помощи в целях развития многие годы получают финансовую, а также инновационно-управленческую, административную помощь от международного сообщества, поскольку, раздираемые конфликтами, гражданскими войнами, не видят иного выхода из сложившейся ситуации. Только постоянная поддержка в лице международных организаций с внедрением новых технологий – в сельском хозяйстве, в борьбе с безработицей и т.д. – позволяет достичь определенной стабильности не только в конкретных странах, но и во всем регионе. В некоторых странах уже запущены стратегические программы по борьбе с безработицей (особенно среди молодежи), которые предусматривают создание и реализацию масштабных инфраструктурных проектов, как в Бенине⁸. Важны для африканского континента и экологические программы

от мирового сообщества – внедрение солнечной энергетики, как в Эритрее⁹, программы по озеленению и расширению лесного и агрокультурного массива, как в Гвинее-Бисау¹⁰.

Лидером по размерам официальной помощи развитию на душу населения в 2016 г. в Африке стали Сан-Томе и Принсипи, которые получили из двусторонних и многосторонних источников по 235 долл. в среднем на каждого жителя, что в 11 раз больше среднемирового показателя. Далее следовали Кабо-Верде (210 долл.) и Джибути (196 долл.)¹¹. Несмотря на относительную стабильность политической ситуации, эти страны в силу очень небольшого размера (в каждом из этих государств население не достигает 1 млн чел.) и ряда других факторов также вынуждены сильно опираться на зарубежную помощь.

В 2016 г. девять малых стран континента получали на душу населения вдвое больше официальной помощи развитию, чем в среднем по Африке. Крупнейшая из них – Руанда, занимавшая в расчете на душу населения восьмое место (96 долл.)¹². Руанда – самая крупная (по численности населения – более 11 млн чел.) страна из числа малых государств Африки. Исторические особенности развития этой страны – затяжные кровопролитные гражданские войны – значительно отбросили ее от процесса модернизации. Меж-

8 Stratégie Nationale de Mise en Œuvre de la Politique Nationale de l'Emploi (2018) // PNUD. Burundi, May 5, 2018 // <http://www.bi.undp.org/content/burundi/fr/home/presscenter/articles/2018/Strategie-nationale-de-la-politique-nationale-d-emploi.html>, дата обращения 12.10.2018.

9 Bye Bye Kerosene! Residents of Ajerberb Village Welcome Solar Energy Lighting (2017) // PNUD. Eritrea, November 15, 2017 // <http://www.er.undp.org/content/eritrea/en/home/presscenter/articles/2017/11/15/bye-bye-kerosene-residents-of-ajerberb-village-welcome-solar-energy-lighting.html>, дата обращения 12.10.2018.

10 Le Fond Mondial pour l'Environnement à Travers le PNUD Appuie la Valorisation Culturelle et le Reboisement dans la Région de Biombo (2018) // PNUD. Guinea-Bissau, May 6, 2018 // http://www.gw.undp.org/content/guinea_bissau/fr/home/news-centre/le-pnud-appuie-la-valorisation-culturelle-et-le-reboisement-dans.html, дата обращения 12.10.2018.

11 Net ODA Received per Capita (current US\$) (n/y) // World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/DT.ODA.ODAT.PC.ZS>, дата обращения 12.10.2018.

12 Rwanda. Human Development Indicators (n/y) // United Nations Development Programme // <http://www.hdr.undp.org/en/countries/profiles/RWA>, дата обращения 12.10.2018.

дународные проекты и финансовая помощь направлены на всеобъемлющее развитие страны. В настоящий момент основные программы развития Руанды сосредоточены на образовательной и инфраструктурной политике.

3. Страны с *офшорной* внешнеэкономической политикой.

По данным МВФ, среди офшорных экономических зон из африканских стран значатся лишь Сейшельские Острова¹³, а по данным Министерства финансов РФ африканские государства с офшорной зоной – это Маврикий, Либерия, Коморские Острова и Сейшельские Острова¹⁴. Для одной из самых бедных стран мира – Либерии – важной статьёй доходов является использование флага страны торговыми судами других государств (так называемый удобный или дешевый флаг). Подобная практика позволяет иностранным судам получать низкие налоговые ставки, сокращать формальные процедуры, облегчает бюрократическую волокиту и т.п. Маврикий, не отнесенный МВФ к офшорным зонам, имеет некоторые бюрократические особенности, препятствующие полноценному функционированию офшорной внешнеэкономической политики, – это государство не входит в число стран, подписавших Гаагскую конвенцию «О взаимном признании документов», т.е. для легализации своего офшора в этой стране необходимо отправлять документы в третью страну, имеющую с Маврикием соглашение о взаимном признании документов. Подобных соглашений с круп-

ными западными партнерами (в отличие от России) это государство не имеет¹⁵. Таким образом, можно говорить о привилегированном положении российских бизнес-партнеров на Маврикии (хотя пока этот остров более популярен у индийских компаний). Многих богатых россиян на Коморских Островах как офшорной зоне привлекала возможность получить второе гражданство за инвестиционные вложения в эту страну. Однако с 2017 г. подобная практика не осуществляется. С точки зрения полного спектра налоговых послаблений и открытости международному бизнес-сообществу банки Коморских Островов довольно слабые, мало ориентированы на международные контакты, опираются в основном на внутренний рынок.

Проблема «дешевых флагов» для России носит стратегический характер – основной причиной регистрации судов в офшорных зонах является тот факт, что большинство российских судов строятся на иностранных верфях на заемные средства западных банков, которые выдвигают требования офшорной регистрации. В России в настоящий момент уже отсутствуют необходимые условия для строительства грузовых и пассажирских судов, а кредитная политика российских банков вызывает лишь негодование. Политика прикрепления российских судов к иностранным странам со сниженным налогообложением отражает весь комплекс проблем в нашей стране.

Сейшельские Острова являются наиболее популярной офшорной зо-

13 Offshore Financial Centers (OFCs): IMF Staff Assessments (2014) // International Monetary Fund, November, 2014 // <http://www.imf.org/external/NP/ofca/OFCA.aspx>, дата обращения 12.10.2018.

14 Перечень государств и территорий, предоставляющих льготный режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны) (2013) // Министерство финансов РФ. 25 января 2013 // https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=18409, дата обращения 12.10.2018.

15 Офшор по-маврикийски: если вы сбежали от налогов, вас все равно разденут (1995) // Коммерсант. 6 сентября 1995 // <https://www.kommersant.ru/doc/19214>, дата обращения 12.10.2018.

ной в Африке – бизнесменов здесь привлекают высокий уровень секретности, мизерная ставка налогообложения, относительно простая бюрократическая система.

4. Страны, опирающиеся в своей внешнеэкономической стратегии на ресурсный потенциал.

Наличие природных ресурсов, безусловно, оказывает положительное влияние на экономические показатели различных стран. В африканских странах богатые полезными ископаемыми земли при отсутствии развитого политического представительства в государствах и при сложной этноконфессиональной структуре общества нередко постоянно окрашиваются в красный цвет – вследствие затяжных кровопролитных войн. Борьба за ресурсы становится основной стратегией развития общества этих государств.

Африканский континент изобилует природными ресурсами. Наиболее важными являются нефтяные и газовые месторождения, алмазы, уголь, золото, фосфориты. Однако основные полезные ископаемые в Африке размещены крайне неравномерно по всей территории Континента. Проблема африканских стран заключается в том, что для добычи полезных ископаемых (в довольно сложных геологических и географических условиях), их дальнейшей обработки и транспортировки необходимо наличие квалифицированного персонала, что требует специального образования, которое на Африканском континенте пока находится в зачаточном состоянии. Это приводит к острой нехватке трудовых кадров, поэ-

тому многие африканские страны привлекают к работе иностранных специалистов и иностранные инвестиции для разработки месторождений.

Среди малых стран Африки с наиболее зависимыми от природных ископаемых экономиками выделяются: Экваториальная Гвинея (где доля промышленности, кроме обрабатывающей, – более 94% ВВП), Республика Конго (69% ВВП), Габон (более 48% ВВП), Мавритания (около 40% ВВП), Ботсвана (более 30% ВВП), Гвинея (около 25% ВВП), Сьерра-Леоне (около 21% ВВП)¹⁶.

Экваториальная Гвинея, найдя обширные запасы нефти в 1990-е гг., совершила значительный и резкий скачок в экономической динамике Африканского континента, став третьей страной в Субсахарском регионе по производству нефти (после Нигерии и Анголы; далее следуют Габон и Республика Конго)¹⁷. Однако сильная зависимость Экваториальной Гвинеи от экспорта энергоносителей (преимущественно в США) ослабляет и подтачивает стабильность в стране, поскольку государство остается привязанным к мировым ценам на нефть и, тем самым, становится уязвимым в экономическом плане. В последние годы с резким падением цен на нефть государство предприняло важные шаги для преодоления экономических и политических диспаритетов. При поддержке Африканского банка развития приняты необходимые меры в сфере строительства, модернизации инфраструктуры, улучшения системы образования и административно-управленческих кадров за счет программы по поощрению обучения местного населения за рубежом¹⁸. Вступив в

16 UNCTAD (2015) // UNCTAD Handbook of Statistics 2015 // http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat40_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

17 BP Statistical Review of World Energy. June 2017, p. 14.

18 Equatorial Guinea Economic Outlook (n/y) // African Development Bank // <https://www.afdb.org/en/countries/central-africa/equatorial-guinea/equatorial-guinea-economic-outlook/>, дата обращения 12.10.2018.

ОПЕК в 2017 г., Экваториальная Гвинея рассчитывает на крупные инвестиционные проекты, преимущественно из стран Персидского залива, которые активно вкладываются в растущие экономики мира¹⁹.

5. Страны, которые во внешнеэкономической (и нередко внешнеполитической) деятельности видят своим главным стратегическим партнером крупную соседнюю страну или страну – бывшую метрополию.

К таким странам можно отнести Тунис. Государство, находящееся в тисках крупных государств Северной Африки, с весьма сложными отношениями между собой, борющимися за влияние в данном регионе и в Африке в целом, в своей внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии избрало модель всяческой опоры на поддержку Франции.

В Южной Африке наиболее ярким примером опоры на крупного соседа является Свазиленд. О сильной зависимости Свазиленда от экономики ЮАР говорят экономические показатели: 85% импорта Свазиленда поступает из ЮАР, 60% экспорта этой страны отправляется в ЮАР. Свазиленд активно участвует в масштабном южноафриканском проекте по электрификации всей Южной Африки – компании из Мозамбика, ЮАР и Свазиленда являют собой пример успешной модели межгосударственного кооперирования, партнерства частных и государственных компаний.

Географические особенности местоположения Лесото определили тесные взаимоотношения этого государ-

ства с ЮАР, его основным экономическим и стратегическим партнером. Страна преимущественно аграрная и с малой территорией нуждается в надежном партнере в регионе. ЮАР дает возможность трудоустройства выходцам из Лесото в различных секторах экономики, но преимущественно в горнодобывающей (по некоторым неофициальным источникам, финансовые трансакции из ЮАР рабочими из Лесото составляют около 30% поступлений экономики Лесото²⁰).

Тесная экономическая, геостратегическая, транспортно-логистическая связь определяет взаимоотношения Джибути со своим крупным соседом – Эфиопией. Благодаря запущенным инвестиционным мегапроектам для модернизации транспортного коридора в этом регионе экономический рост в Джибути ускорился за последнее время и составил 6,5% (2014–2016 гг.). Программа экономического развития страны «Видение 2035» предусматривает значительную международную финансовую помощь (прежде всего от Всемирного Банка) в размере свыше 100 млн долл.²¹ Пакет инвестиционных проектов включает в себя различные экономические, аграрно-технические, образовательные программы, которые позволят Джибути поступательно развиваться и укреплять региональную безопасность. Обеспечение стабильного экономического положения в регионе будет способствовать эффективному функционированию одной из самых загруженных транспортных артерий в мире – Баб-эль-Мандебскому проливу – ведь именно бедные слои населения нередко становятся легкой до-

19 Equatorial Guinea. Overview (n/y) // World Bank // <http://www.worldbank.org/en/country/equatorialguinea/overview#1>, дата обращения 12.10.2018.

20 Lesotho's Economic Woes Create Generation of Migrants (2017) // Daily Mail, July 16, 2017 // <http://www.dailymail.co.uk/wires/afp/article-4700398/Lesothos-economic-woes-create-generation-migrants.html>, дата обращения 12.10.2018.

21 Djibouti. Overview (n/y) // World Bank // <http://www.worldbank.org/en/country/djibouti/overview>, дата обращения 12.10.2018.

бычей террористических, разбойных и др. группировок.

* * *

Представленные выше типы внешнеэкономических стратегий малых стран Африки являются довольно условными, некоторые страны могут в стратегическом видении выделять сразу несколько моделей выстраивания своей политики. Совершенно очевидно то, что все малые страны Африки испытывают нехватку в квалифицированной рабочей силе как для разработки природных месторождений, так и для создания необходимых инфраструктурных проектов, выстраивания инвестиционной политики. Система образования также нуждается в повсеместном реформировании, ведь, хотя колониальные власти в свое время обучали местное население, в настоящее время все наработанные навыки устарели и требуют пересмотра. Ввиду географического положения африканские страны нуждаются в масштабных и новаторских агропромышленных и экологических программах – для использования солнечной энергии, расширения и диверсификации сельскохозяйственных специализаций. Повсеместно в Африке население сталкивается с резким дефицитом медицинского оборудования, медицинского персонала и учреждений.

Африканские страны тесно связаны между собой – и культурно-историческое прошлое (прежде всего колониальное), и специфика этноплеменных отношений между странами (когда одни народы и племена оказались разделенными границами новых государств), и высокая роль полезных ископаемых в развитии и модернизации всех стран Африки – все эти факторы лишь укрепляют взаимозависимость и взаимодополняемость каждой страны Африканского континента. Стоит отметить, что для России важен этот ре-

гион, однако российской стороне нужно предлагать африканцам не только крупные национальные проекты (такие, как строительство АЭС), но прежде всего масштабные межстрановые, региональные проекты. Крупные региональные проекты, запущенные в малых странах Африки, будут способствовать интеграционным процессам, развивать и расширять транспортно-логистическую доступность различных уголков Континента.

Для выстраивания долгосрочных внешнеэкономических и геополитических отношений в Африке стоит рассматривать Африканский континент как единое и неделимое целое – учитывая сложносоставную этно-политическую и этно-племенную специфику данных африканских обществ. Поступательное развитие Континента зависит от активизации как внутриафриканских, так и международных внешнеэкономических связей.

Список литературы

- Вольский В.В. (1968) О типах капиталистического мира // Вестник Московского ун-та. Серия «География». № 6. С. 44–54.
- Вольский В.В. (2009) Типы зарубежных стран // Вольский В.В. Избранные сочинения. М.; Смоленск: Ойкумена. С. 251–282.
- Мачавариани Г. (2017) Мир в 2016 году (таблицы мирового развития) // Ин-т мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова // https://www.imemo.ru/files/File/magazines/Osn_pokaz_ME/2017/Full_Text2017.pdf, дата обращения 12.10.2018.
- Юданов Ю.И. (ред.) (1984) Малые страны Западной Европы. М.: Мысль.
- Crowards T. (2002) Defining the Category of “Small” States // Journal of

International Development, vol. 14, no 2, pp. 143–179.

De Silva K.M. (1999) Sri Lanka: The Security Problems of a Small State // Defence and Peace Economics, vol. 10, no 4, pp. 361–381.

Dyck G.K., Ismael H.M. (2015) Multi-Criteria Evaluation of Port Competitiveness in West Africa Using Analytic Hierarchy Process (AHP) // American Journal of Industrial and Business Management, vol. 5, no 1, pp. 432–446.

Gunasekara S.N. (2015) Bandwagoning, Balancing, and Small States: A Case of Sri Lanka // Asian Social Science, vol. 11, no 28, pp. 212–220.

Kadira P. (2015) Why Small States Matter in International Politics: The Case of Sri Lanka // Brookings, September 3, 2015 // <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/09/03/why-small-states-matter-in-international-politics-the-case-of-sri-lanka/>, дата обращения 12.10.2018.

Knudsen O.F. (2002) Small States, Latent and Extant: Towards a General Perspective // Journal of International

Relations and Development, vol. 5, no 2, pp. 182–198.

Kumar P. (2015) Empowerment of Smaller Powers in South Asian Security Cooperation // Asia-Pacific Center for Security Studies // http://apcss.org/wp-content/uploads/2015/11/Pradeep-Kumar_final.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Lecomte E. (2016) Power Relations Between States and Trans-National Economic Institutions: A Case Study of the CFA Franc // Lund University Libraries, Student Papers // <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8909627>, дата обращения 12.10.2018.

Sutton P. (2011) The Concept of Small States in the International Political Economy // The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs, vol. 100, no 413, pp. 141–153.

UNCTAD (2016) // Review of Maritime Transport 2016 // https://www.unctad.org/en/PublicationChapters/rmt2016ch4_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

From the Point of Economic

International Economic Strategy of Small African Countries in a Globalizing World

Maria A. VOLODINA

PhD in History, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: volodinamarie@gmail.com

CITATION: Volodina M.A. (2018) International Economic Strategy of Small African Countries in a Globalizing World. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 22–37 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-22-37

ABSTRACT. *The author has developed new criteria for the inclusion of African countries in the group of small countries. It is noted that the criteria for assignment to small countries in the developed world cannot fully meet the criteria applicable to the African continent. On the basis of a comparison of the population of Africa with some countries of Europe, small states of the African continent are singled out. Emphasize the fact that a single criterion for attributing to small countries has not yet been developed. In the author's opinion, it is incorrect to evaluate African countries using only economic indicators, since economic growth rates do not always coincide with demographic indicators, sociocultural transformations, and ethnic and tribal characteristics in Africa. The main types of foreign economic strategies of small African countries are identified and considered. It is shown that the states of the African continent often use several strategies for the development of their countries. The small countries of the African continent are actively involved in integration processes that fit into the overall concept of African modernization and development. An important role in the processes of modernization in Africa is played by international financial, educational, innovative and technical programs. Often, it is precisely small countries that become a kind of trans-*

port hub at the regional level, which contributes to the strengthening of foreign economic relations between the countries of the regions of the African continent, attracts considerable financial, resource, and innovative capital to African countries. The historical and ethno-tribal characteristics of some African states, especially the long and bloody wars, hinder the progressive development of these countries. A vivid example of such tragic events is Rwanda (attributed to the small states by the author of the article), where incessant civil wars have undermined the economic and political stability in the region. In such cases, substantial international assistance will be required with the involvement of Rwanda's neighboring countries for the implementation of possible major regional programs and investment projects. Since innovative infrastructure projects in African countries are possible only with the involvement of all countries of the region, in this regard, Russia will need new management approaches and interesting projects for the integrated development of the African continent to actively participate in ambitious African projects.

KEY WORDS: *Africa, small country, foreign economic strategy, country typology, regional integration, official development assistance*

References

- Crowards T. (2002) Defining the Category of “Small” States. *Journal of International Development*, vol. 14, no 2, pp. 143–179.
- De Silva K.M. (1999) Sri Lanka: The Security Problems of a Small State. *Defence and Peace Economics*, vol. 10, no 4, pp. 361–381.
- Dyck G.K., Ismael H.M. (2015) Multi-Criteria Evaluation of Port Competitiveness in West Africa Using Analytic Hierarchy Process (AHP). *American Journal of Industrial and Business Management*, vol. 5, no 1, pp. 432–446.
- Gunasekara S.N. (2015) Bandwagoning, Balancing, and Small States: A Case of Sri Lanka. *Asian Social Science*, vol. 11, no 28, pp. 212–220.
- Kadira P. (2015) Why Small States Matter in International Politics: The Case of Sri Lanka. *Brookings*, September 3, 2015. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/09/03/why-small-states-matter-in-international-politics-the-case-of-sri-lanka/>, accessed 12.10.2018.
- Knudsen O.F. (2002) Small States, Latent and Extant: Towards a General Perspective. *Journal of International Relations and Development*, vol. 5, no 2, pp. 182–198.
- Kumar P. (2015) Empowerment of Smaller Powers in South Asian Security Cooperation. *Asia-Pacific Center for Security Studies*. Available at: http://apcss.org/wp-content/uploads/2015/11/Pradeep-Kumar_final.pdf, accessed 12.10.2018.
- Lecomte E. (2016) Power Relations Between States and Trans-National Economic Institutions: A Case Study of the CFA Franc. *Lund University Libraries, Student Papers*. Available at: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/8909627>, accessed 12.10.2018.
- Machavariani G.I. (2017) Mir v 2016 godu (tablitsy mirovogo razvitiya) [World in 2016 (Tables of the World Development)]. *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences*. Available at: https://www.ime-mo.ru/files/File/magazines/Osn_pokaz_ME/2017/Full_Text2017.pdf, accessed 12.10.2018.
- Sutton P. (2011) The Concept of Small States in the International Political Economy. *The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs*, vol. 100, no 413, pp. 141–153.
- UNCTAD (2016). Review of Maritime Transport 2016. Available at: https://www.unctad.org/en/PublicationChapters/rmt2016ch4_en.pdf, accessed 12.10.2018.
- Vol'skij V.V. (1968) O tipakh kapitalisticheskogo mira [On types of the Capitalistic World]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya «Geografiya»*, no 6, pp. 44–54.
- Vol'skij V.V. (2009) Tipy zarubezhnykh stran [Types of the Foreign Countries]. *Vol'skij V.V. Selected Work*, Moscow, Smolensk: Oikumen, pp. 251–282.
- Yudanov Yu.I. (ed.) (1984) *Malye strany Zapadnoj Evropy* [Small Countries of the Western Europe], Moscow: Misl'.

Факторы экономического роста стран Африки к югу от Сахары: современные тенденции

Галина Викторовна ПОДБИРАЛИНА

кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». Адрес: 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36. E-mail: galvp@mail.ru

Джон Чинеду АЗИАГБА

ассистент кафедры мировой экономики, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». Адрес: 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36. E-mail: johnytaz@yahoo.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Подбиралина Г.В., Азиямба Д.Ч. (2018) Факторы экономического роста стран Африки к югу от Сахары: современные тенденции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 38–54. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-38-54

АННОТАЦИЯ. Несмотря на то что Африканский континент позиционируется как один из экономически быстро растущих в мире (особенно субрегион Африки южнее Сахары), отсутствие индустриализации и использования современных технологий продолжает оставаться тормозом для развития экономики африканских стран, которые в значительной степени зависят от сельского хозяйства и экспорта необработанных товаров, имеющих относительно низкую добавленную стоимость и составляющих более 80% их экспорта. Это оказывает негативное влияние не только на экономическое развитие региона, но и на подушевые доходы населения. В статье дается оценка экономического потенциала африканских стран, который является одним из важнейших факторов преодоления экономической отсталости, достижения целей устойчивого развития, повышения жизненного уровня населения и изменения статуса стран Африки южнее Сахары в мировой экономи-

ческой системе. Показано, что для африканских государств важно привлечение новых технологий и инновационных продуктов в сферы промышленности и сельского хозяйства, поскольку знания и инновации выступают локомотивом экономического роста и являются одним из важнейших факторов реконструкции и модернизации их экономик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономический рост, инновационное развитие, страны Африки к югу от Сахары, цели устойчивого развития, экономический потенциал, модернизация промышленности и сельского хозяйства

Влияние демографического фактора и инноваций на экономическое развитие стран Африки к югу от Сахары

В настоящее время особенно актуальным становится вопрос о способности страны в процессе структурных

изменений своей экономики использовать существующие и внедрять новые инновационные разработки и технологии, поскольку от этого зависит и социально-экономическое развитие и определение ее места в современной системе мировой экономики и мировых хозяйственных связей. Однако некоторым странам, особенно тем, которые международные организации относят к категориям «наименее развитые» и «страны с низким уровнем дохода», бывает очень сложно внедрять современные технологии в силу отсутствия необходимых знаний, опыта, квалификации, финансовых возможностей и недостаточного инвестирования в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) [Отчет о промышленном развитии – 2016].

Тем не менее правительства этих государств заинтересованы в индустриализации промышленного и сельскохозяйственного производства, осознавая, что развитие экономики с использованием новейших технологий является одним из важнейших факторов, способствующих снижению уровня бедности и обеспечению социально-экономической и экологической устойчивости, эффективному использованию имеющегося ресурсного потенциала [Отчет о промышленном развитии – 2018].

В настоящее время имеются определенные предпосылки для того, чтобы страны Африки к югу от Сахары (АЮС) активно использовали современные технологии в экономике. В первую очередь, это значительный ресурсный потенциал, особенно качественный и количественный состав населения. В настоящее время в странах Аф-

рики проживают более 1,2 млрд чел., а к 2050 г.¹ численность населения континента может составить 2,5 млрд чел.

По мнению экспертов, происходящий на Континенте в целом, и в Африке южнее Сахары в частности, «бурный демографический рост обуславливает, в свою очередь, быстрый рост трудоспособного населения», численность которого увеличилась более чем в два раза за последние 30 лет и, по прогнозам, к 2025 г. вырастет еще в 2,5 раза [Абрамова 2013]. В данном случае рост населения следует рассматривать не как проблему, а как предпосылку для модернизации национальных африканских экономик, поскольку увеличивающейся количественно рабочей силе будут необходимы знания, определенные профессиональные навыки, квалификация, чтобы гарантировать достойный уровень жизни.

Следует отметить, что в африканском регионе пока преобладает сельское население (на середину 2018 г. оно составляло 740 млн чел.)², несмотря на устойчивый и быстрый рост доли городского населения (42,5%). Согласно прогнозам экспертов, к 2030 г. в Африке сохранится преобладание сельского населения (увеличится до 880 млн чел.), но и там доля городских жителей будет расти и составит более 48% [Щербакова 2018].

Современное состояние уровня урбанизации представлено в таблице 1 на примере 11 африканских стран. Мы видим, что доля городского населения в этих странах достаточно высокая, хотя и наблюдается значительный разброс: от 13,2% (Мозамбик) до 62,5% (Республика Конго). Средние темпы роста городского населения также высокие – от 2,1 (Марокко) до 6,6 (Руанда).

1 Согласно прогнозам.

2 Доля сельского населения составила 57,5%.

Однако в странах, которые демонстрируют высокий уровень урбанизации (Камерун, Кот-д'Ивуар, Судан и др.), промышленность продолжает оставаться на стадии становления, в то время как сектор услуг демонстрирует быстрый рост, причем часто в нелегальных и неформальных подсекторах. Занятость в промышленности также находится не на высоком уровне (за исключением Республики Конго, Марокко и ЮАР). Для индустриального развития в этих государствах необходимо учитывать взаимосвязь промышленного развития и урбанизации, поскольку быстрый рост африканских городов должен способствовать развитию внутренних и региональных рынков для отечественных промышленных продуктов, росту потребительского класса и изменению моделей потребления. Кроме того, рост городского населения оказывает влияние на развитие сельского хозяйства, поскольку увеличивается спрос на продукцию аграрного сектора. И в данном случае потребует-

ся не только поддержка промышленности, но и повышение производительности и развития сельского хозяйства. Решить эту задачу возможно (но, по всей вероятности, не в краткосрочном периоде) за счет дополнительного финансирования отрасли, предоставления льгот для развития фермерского бизнеса, улучшения логистически-транспортной инфраструктуры и пр.) [Economic Report on Africa 2017].

В отличие от других регионов мира (например, Европы), Африка не имеет проблем со старением населения, а урбанизация создает условия для концентрации рабочей силы. Параллельно с процессом урбанизации в последние десятилетия растет уровень образования африканского населения (особенно в густонаселенных регионах), а также использование современных технологий в различных отраслях экономики. Однако уровень грамотности по-прежнему остается одной из серьезных, но нерешенных проблем в большинстве стран АЮС, что оказывает не-

Таблица 1. Демографические показатели отдельных стран Африки к югу от Сахары, 2017 г.

Показатели	Камерун	Республика Конго	Кот-д'Ивуар	Мадагаскар	Марокко	Мозамбик	Нигерия	Руанда	Судан	Эфиопия	ЮАР
Население, млн чел.	23,3	4,6	22,7	24,2	34,4	28,0	182,2	11,6	40,2	99,4	55,0
Урбанизация (% от общей численности населения)	54,4	65,4	54,2	35,1	60,2	32,2	47,8	28,8	33,8	19,5	64,8
Темпы роста городского населения (средний показатель за 10 лет)	3,7	3,5	3,7	4,8	2,1	3,5	4,7	6,6	2,6	4,8	2,4
Доля городского населения в крупнейших городах, %	24,1	62,5	39,5	30,7	17,0	13,2	15,1	37,6	37,7	16,7	26,4
ВВП на душу населения, долл.	1251	1851	1399	412	2872	525	2640	697	2089	619	5692
Занятость в промышленности (%, по отношению к прошлому году)	9,1	20,6	н/д	7,9	21,4	3,4	8,5	6,7	15,3	7,4	23,5

Источник: [Economic Report on Africa 2017].

гативное воздействие на экономическое развитие в регионе. Поэтому необходимо совершенствование системы, использование современных образовательных методов и технологий. Можно предположить, что благодаря росту трудоспособного населения, отсутствия проблемы старения и стремительно развивающемуся процессу урбанизации страны Африки станут одним из перспективных регионов для использования современных технологий, а также расширения деятельности технологических компаний, ведущих свой бизнес в этом регионе [Урбанизация Африки 2018].

В Отчете о промышленном развитии за 2018 г. отмечается, что использование инноваций играет большую роль в диверсификации промышленности и сельского хозяйства и способствует достижению Целей устойчивого развития (ЦУР). Применение такого подхода увеличивает возможности по созданию новых рабочих мест, улучшению благосостояния населения, удовлетворению спроса на новые виды продукции, которые обладают более высоким качеством. Все это должно содействовать повышению эффективности усилий, направленных на достижение целей, предусмотренных в Повестке дня на период до 2030 г. [Отчет о промышленном развитии – 2018, с. 2].

В материалах, разработанных Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ESCAP), понятие «инновация» определяется как «внедрение нового или существенно более качественного продукта (товара или услуги), или процесса (например, новый метод сбыта), или нового организационного метода (например, методы предпринимательства, организации рабочего места или внешних сношений)». Причем любой инновационный продукт, процесс или организационный метод должен быть для ком-

пании либо новым, либо значительно совершеннее предыдущего [Новые тенденции в инновационной политике 2018, с. 2]. То есть производство и внедрение новых видов продукции вследствие технологического прогресса может выступать важным источником благосостояния населения, однако необходимо не только повышать качество потребительских товаров, но и осуществлять устойчивое снижение цен на них. В итоге будут выигрывать и производители продукции, и потребители, поскольку произойдет повышение покупательной способности населения (особенно более уязвимой его части), что положительно скажется на его продолжительности жизни [Отчет о промышленном развитии – 2018, с. 9]. Но такой подход к определению инноваций не в полной мере соответствует африканской действительности. Здесь более уместно использовать термин «инновационное развитие» в более узком смысле, а именно, как использование опыта других стран во внедрении инновационных разработок и применение уже имеющихся технологий для модернизации промышленности и сельского хозяйства.

Модернизация промышленности и сельского хозяйства – важный этап в решение социально- экономических проблем

Следует уточнить, что в процессе модернизации промышленности и сельского хозяйства важна регулирующая роль государства, поскольку с помощью государственных инвестиций правительства могут руководить разработкой технологий и инноваций, способствующих решению социально-экономических и экологических проблем. И уже имеются положительные приме-

ры в осуществлении целевых стратегий при содействии внедрению технологий, которые обеспечивают повсеместное оказание услуг малоимущему населению. Особенно активно этот процесс наблюдается в азиатском регионе. Например, в Индии разработана стековая технологическая платформа, основывающаяся на системе биометрической идентификации «Аадхаар»³, применение которой позволило обеспечить общедоступность финансирования в стране для 1,2 млрд людей. Использование уникального идентификационного номера (на базе биометрических и демографических данных) позволило государственным и частным банкам создать открытую и универсальную сравнительно дешевую систему платежей, доступную гражданам, имеющим либо банковский счет, либо мобильный телефон. Согласно статистике, в настоящее время социальные пособия напрямую получают свыше 338,6 млн чел., благодаря чему в течение трех лет правительство страны может сэкономить 7,51 млрд долл. [New Innovation 2017; Новые тенденции в инновационной политике 2018, с. 10]. В странах АЮС также наблюдаются отдельные успехи в области внедрения технологических разработок, которые облегчили населению доступ к финансовым и информационным услугам. Например, в Кении запуск платформы M-Pesa в 2007 г. позволил населению оплачивать товары и услуги при помощи мобильных устройств, и в настоящее время около 74% кенийцев пользуются мобильными денежными системами⁴, а стартапам в области ИКТ стало намного про-

ще принимать платежи потребителей. Еще один пример – это использование интернет-приложения M-Farm, позволяющего кенийским фермерам быть в курсе текущей рыночной информации и назначать более высокие цены на свою продукцию. Кроме того, в Кении разрабатываются продукты, нацеленные в первую очередь на мобильных пользователей. Это обусловлено тем, что 99% абонентов интернета в стране (около 16 млн чел.) выходят в интернет через мобильные устройства⁵.

В отличие от мировых лидеров (США, Япония, Германия, Франция, Китай и др.), большинство стран Африки к югу от Сахары находятся на ранних этапах модернизации. И при этом они имеют большие возможности обеспечить всеохватывающее промышленное развитие и достижения ЦУР. Однако для самостоятельной разработки новых технологий у них недостаточно опыта, квалификации и финансовых ресурсов. Следовательно, эти государства могут заимствовать технологии у других стран и обеспечивать благодаря их применению экономический рост. Но и в данном случае необходимо соответствующее образование и квалификация. Кроме того, технологии следует использовать с целью модернизации производства именно в тех отраслях (например, в обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве), которые обеспечивают экономический рост [Отчет о промышленном развитии – 2016, с. 18].

В настоящее время условия участия стран Африки в международном сотрудничестве и обмене по-прежнему

3 «Проект “Аадхаар” – это функционирующая под руководством правительства на базе технологий система обеспечения общедоступности финансирования. В ней используется уникальный идентификационный номер (на базе биометрических и демографических данных), который привязан к номеру мобильного телефона, не требующего больших затрат на обслуживание банковского счета, и открытой мобильной платформе». https://www.unescap.org/sites/default/files/CICTSTI_2018_6%20Inclusive%20technology%20and%20innovation%20-%20Russian.pdf, дата обращения 12.10.2018

4 К 2007 г. лишь немногие кенийские граждане имели кредитные карточки и доступ к банкам.

5 <https://share.america.gov/ru/>, дата обращения 12.10.2018

в значительной степени определяют не столько самим африканским регионом, сколько его партнерами, контролирующими более высокие сегменты в производственно-сбытовых цепочках. Согласно статистике, на Африканский континент, где проживает 12% населения планеты, до сих пор приходится примерно 1% мирового ВВП и 2% мировой торговли, а внешние факторы (экономическая помощь, поставки продовольствия, технологий и пр.) в значительной степени определяют условия его внутреннего развития [Аналитические материалы к рабочим мероприятиям форума «Развитие парламентаризма» 2018].

Обладая огромным минерально-сырьевым (как по объемам запасов, их качеству, так и по себестоимости добычи) и людским потенциалом, многие страны Африки имеют надежную базу для экономического развития. В последнее десятилетие африканский континент показывает высокие темпы экономического роста, что позволяет предположить возможность преодоления его маргинального положения в доле и структуре мирового ВВП. Так, например, средний ежегодный прирост общего ВВП Африки за период с 2008 по 2016 г. составил 4%, а ряд африканских стран демонстрирует рекордные темпы: в 2017 г. рост ВВП в Гане составил 8,3%, в Эфиопии – 8,2%, в Кот-д’Ивуаре – 7,2%, в Джибути – 7% [Аналитические материалы к рабочим мероприятиям форума «Развитие парламентаризма» 2018].

Тем не менее значительный экономический рост не сопровождался соразмерным прогрессом в индустриализации, а был обусловлен расширением внутренних рынков, поддерживаемых растущим средним классом; улучшением бизнес-среды, вызванным совершенствованием макроэкономического управления; урбанизацией; благопри-

ятными ценами на сырьевые товары и увеличением государственных и частных инвестиций. В результате постоянное отсутствие индустриализации стало тормозом для африканской экономики, страны которой в значительной степени зависят от сельского хозяйства и экспорта необработанных товаров, имеющих относительно низкую добавленную стоимость и составляющих более 80% их экспорта (например, в Алжире, Анголе, Нигерии и других государствах Континента). Это негативно влияет на подушечные доходы населения. Следует отметить, что в среднем африканская промышленность генерирует около 700 долл. в ВВП на душу населения, что составляет менее трети того же показателя в Латинской Америке (2 500 долл.) и примерно пятую часть в Восточной Азии (3 400 долл.) [Industrialize Africa 2018].

Зависимость экономики от экспорта ограниченного количества первичных продуктов негативное воздействие не только на создание региональных производственно-сбытовых цепочек, но и на социально-экономическое развитие африканских стран, поскольку в производстве практически отсутствуют товары с высокой добавленной стоимостью, что приводит к недополучению финансовых ресурсов для национальных экономик и проблемам в создании дополнительных рабочих мест, которые крайне необходимы их молодому населению. Но здесь нельзя обобщать, поскольку такая ситуация характерна не для всех стран АЮС. Например, чтобы увеличить добавленную стоимость и укрепить сырьевую базу для промышленности, некоторые страны (Кот-д’Ивуар, Гана, Гвинея, Нигерия, Сенегал и др.) организовали исследовательские институты для перевода сырья в полуфабрикаты и готовые товары, а в Гане и Нигерии организованы институты, специализирующиеся

на аэронавтике, ядерной энергии, химии и металлургии. Эти меры способствовали созданию первых технологических парков и кибердеревень, которые имеют промышленность, производящую продукты с высокой добавленной стоимостью [Bossuyt 2016].

Тем не менее африканский экспорт состоит в основном из продукции низкотехнологичного производства и необработанных природных ресурсов, что тормозит развитие региональной торговой интеграции, по сравнению с другими развивающимися регионами. Так, например, доля внешней торговли Африки в ВВП в 2015 г. составляла 40% по сравнению с 47,3% для развивающейся экономики в целом. Показатели межафриканской торговли также низкие: доля внутрирегиональной торговли в общем объеме торговли африканских стран в 2015 г. составила 15,3%. Для сравнения: у развивающихся экономик в Восточной Азии этот показатель был равен 32,1% [Transforming African Economies 2017].

Промышленное развитие и качество инфраструктуры играют ключевую роль в сохранении темпов экономического роста, и без применения инноваций и современных технологий этого достичь практически невозможно. Во многих африканских странах инфраструктурные ограничения (неразвитость автомобильной, железнодорожной и портовой инфраструктуры) тормозят экономическое развитие примерно в той же степени, что и политическая нестабильность, непрозрачное регулирование и отсутствие доступа к финансированию и технологиям, и добавляют от 30 до 40% к стоимости товаров, которыми страны торгуют между собой. По мнению экспертов, неудовлетворительное состояние инфра-

структуры ежегодно сокращает ВВП стран Континента на 2%, а также снижает производительность труда на 40% [Аналитические материалы к рабочим мероприятиям форума «Развитие парламентаризма» 2018].

Рост инновационности и конкурентоспособности промышленного и сельскохозяйственного производства – ключевая задача африканской экономики

В настоящее время главная задача африканской экономики – сохранить и нарастить темпы инновационной деятельности, и для этого есть все предпосылки. Так, например, по состоянию институциональной структуры и развития рынка такие страны, как Маврикий, Ботсвана, ЮАР, Намибия, Руанда и Буркина-Фасо, не уступают некоторым странам Европы (Румынии, Сербии, Беларуси, Украине и др.), Юго-Восточной и Восточной Азии и Океании (Камбодже, Ямайке, Индонезии и др.). Причем начиная с 2012 г. среди стран Африки к югу от Сахары стало больше государств, входящих в группу «динамичных новаторов», чем в любом другом регионе. В 2016 г. к «динамичным новаторам» эксперты относили Бурунди, Кению, Руанду, Мозамбик, Уганду, Малави, Мадагаскар, Объединенную Республику Танзания и Сенегал [Глобальный инновационный индекс 2017].

Авторы доклада «Глобальный инновационный индекс» отмечают, что в 2017 г. кластер «инновационных достижений» составляют 17 стран⁶, причем большинство из этих экономик (девять) расположены в регионе Африки к югу от Сахары (табл. 2).

⁶ В 2017 г. в него вошли еще две страны.

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что в странах Африки к югу от Сахары наблюдается прогресс в инновационных достижениях. Так, например, в Кении, Руанде, Сенегале, Уганде, Мозамбике и Малави выделяются инновационные успехи не менее пяти раз за предыдущие шесть лет, а Танзания и Бурунди присоединились к этой группе в 2017 г. Эта тенденция позволяет предположить возможность сократить разрыв в уровнях доходов между более успешными в эко-

номическом развитии странами и государствами, относящимися к группе «наименее развитых стран» [The Global Innovation Index 2017].

Как было отмечено выше, важным направлением экономического развития является индустриализация промышленного и сельскохозяйственного производства с использованием новых технологий и инноваций. Это обусловлено тем, что промышленный рост положительно влияет на общий ВВП и производительность. Лидеры африкан-

Таблица 2. Достижения в области инноваций

Страны	Уровень (группа) доходов	Годы, в которые наблюдались инновационные достижения
Вьетнам	Средний уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2013, 2012, 2011 (в течение 7 лет)
Кения	Средний уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2013, 2012, 2011 (в течение 7 лет)
Республика Молдова	Средний уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2013, 2012, 2011 (в течение 7 лет)
Индия	Средний уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2013, 2012, 2011 (в течение 7 лет)
Армения	Средний уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2013, 2012 (в течение 6 лет)
Украина	Средний уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2012 (в течение 5 лет)
Руанда	Низкий уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2012 (в течение 5 лет)
Уганда	Низкий уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2013 (в течение 5 лет)
Мозамбик	Низкий уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2012 (в течение 5 лет)
Малави	Низкий уровень доходов	2017, 2016, 2015, 2014, 2012 (в течение 5 лет)
Сенегал	Низкий уровень доходов	2017, 2015, 2014, 2013, 2012 (в течение 5 лет)
Таджикистан	Средний уровень доходов	2017, 2016, 2013 (в течение 3 лет)
Мальта	Высокий уровень дохода	2017, 2016, 2015, (в течение 3 лет)
Мадагаскар	Низкий уровень доходов	2017, 2016 (в течение 2 лет)
Болгария	Средний уровень доходов	2017, 2015 (в течение 2 лет)
Бурунди	Низкий уровень доходов	2017 (1 год)
Объединенная Республика Танзания	Низкий уровень доходов	2017 (1 год)

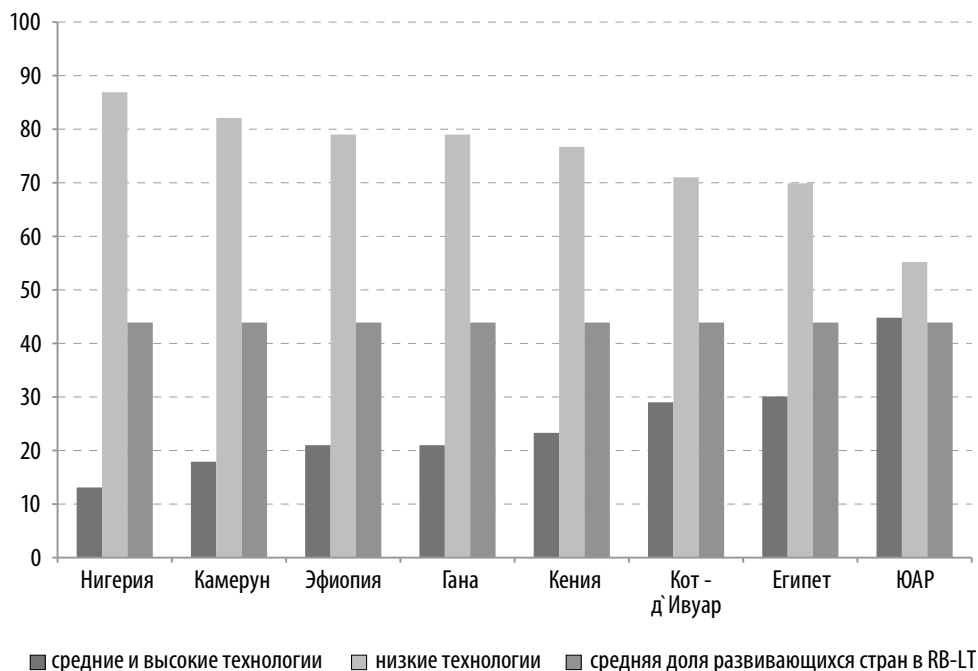
Источник: Key Findings of the GII 2017, table A, p. xxv // http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf, дата обращения 05.08.2018.

ских стран осознают, что промышленность играет важную роль в создании высокотехнологичной продукции, прошедшей все стадии по цепочкам добавленной стоимости, от сырья до готовой продукции. Индустриализация повышает производительность за счет внедрения новых технологий и методов, создает рабочие места, повышает профессиональные навыки работников, поддерживает устойчивость экономики и социальную стабильность. Кроме того, индустриализация может улучшить торговый баланс путем создания конкурентной продукции для экспорта [Industrialize Africa 2018].

Многие африканские страны разрабатывают планы экономического развития с активным внедрением иннова-

ций. Например, правительством Нигерии разработан план экономического восстановления «Economic Recovery Growth Plan 2017–2020», который поможет стране преодолеть последствия недавнего экономического спада и достичь стабильности в области энергетики, сельского хозяйства и пищевой промышленности, а также стимулировать приток зарубежных инвестиций и подготовить новое поколение молодых специалистов. В частности, план подразумевает инвестиции в образование, призванные справиться с дефицитом кадров, развитие инновационных подходов к ведению сельского хозяйства для обеспечения самодостаточности в производстве ключевых пищевых товаров, в том числе риса (в

Рис. 1. Структура промышленности отдельных стран АЮС, 2016 г., % от ВВП

Источник: [Industrialize Africa 2018].

2018 г.) и пшеницы (в 2020 г.), введение универсального медицинского страхования и налоговых льгот для инновационных отраслей, что окажет положительное влияние на экономическое развитие страны и ее кадров [Нигерия представит свой инновационный план 2017].

Несмотря на определенные достижения, опыт Африки в области индустриализации до настоящего времени не был особенно успешным. Промышленный ВВП остается низким, структура экспорта – ресурсоемкой и низкотехнологичной (рис. 1), а устойчивый экономический рост происходит не за счет производства высокотехнологичной продукции, а за счет экспорта сырья, в том числе сельскохозяйственного, и благодаря таким структурным факторам, как рост внутренних рынков и урбанизация.

В настоящее время индустриализации африканской экономики препятствует множество проблем, но решение их возможно. Например, за счет оптимального использования структурных факторов, основными из которых являются демографический и урбанизация. Так, согласно прогнозам, в 2050 г. в Африке будет проживать 2 млрд чел. Это одна пятая населения мира, где к 2025 г. сосредоточится самая молодая рабочая сила (по оценке, более 500 млн чел. на рынке труда) [Industrialize Africa 2018]. Как было отмечено в начале исследования, демографический рост может выступить предпосылкой для модернизации национальных африканских экономик, поскольку увеличивающемуся составу рабочей силы будут необходимы знания, определенные профессиональные навыки, квалификация, чтобы гарантировать достойный уровень жизни.

Во-вторых, в Африке самый высокий уровень урбанизации в мире. Около 40% населения проживает в городских районах, а в 20 крупнейших африканских городах в ближайшие 10 лет ожидается рост городского населения на 50%, что потребует развития инфраструктуры и сферы услуг, а следовательно, создания новых рабочих мест. Активизация урбанизационного процесса способствует росту внутренних рынков (более чем на 5% в год) и среднего класса. Согласно статистике, в 2010 г. 150 млн африканцев относились к среднему классу. Согласно прогнозам, к 2020 г. этот показатель может увеличиться до 210 млн чел., а к 2040 г. – до 490 млн [Industrialize Africa 2018].

В-третьих, в настоящее время в африканском регионе стали активно использоваться цифровые и технологические разработки. Африка является самым быстрорастущим цифровым потребительским рынком с 600 млн пользователей интернета. Предполагается, что к 2020 г. на Континенте будет около 720 млн пользователей смартфонов. В настоящее время примерно 31% африканцев находится в пределах досягаемости подключения интернета [Industrialize Africa 2018]. Цифровизация экономики может положительно повлиять на социально-экономическое развитие региона АЮС (в первую очередь для развития малого бизнеса). Однако этот процесс таит и ряд угроз для африканской экономики, которая пока еще ассоциируется с «поставщиком сырьевой продукции» (в 2014 г. доля Африки в добавленной стоимости мировой промышленности составляла всего 1,6%)⁷. Как представляется, пока несколько преждевременно считать цифровизацию экономики одним из решающих факторов экономического роста.

⁷ Для сравнения: в АТР этот показатель равен 44,6%.

Сельское хозяйство – основа экономики большинства африканских стран, расположенных к югу от Сахары

Африканский континент обладает огромным потенциалом и может стать крупным участником регионального и глобального рынка продовольствия, однако рост объемов производства сельскохозяйственной продукции в последние десятилетия обеспечивался преимущественно за счет увеличения площадей обрабатываемых земель, а не за счет роста производительности земельных угодий и труда. В настоящее время сельское хозяйство обеспечивает занятость значительной доли населения, но его основу составляют семейные хозяйства, возделывающие небольшие участки земли, площадь которых, как правило, не превышает двух гектаров. По оценкам ФАО страны Африки к югу от Сахары сталкиваются со сложными проблемами, включая конфликты и отсутствие безопасности, слабые службы поддержки сельского хозяйства, отсутствие финансовых учреждений и страхования, отсутствие гарантированных прав на землю, изменение климата и ожидаемое удвоение численности населения к 2050 г. [Ксенофонтowa 2015].

Для решения этих проблем, а также искоренения бедности и обеспечения продовольственной безопасности необходим дополнительный объем чистых государственных инвестиций (от 6 до 7 млрд долл. США ежегодно). Инвестиции нужны и для улучшения транспортной инфраструктуры и доступа к энергоресурсам и воде, рынкам и рыночной информации. Кроме того, они необходимы для того, чтобы фермеры могли существенно интенсифицировать производство сельскохозяйственных культур и получать больше продукции со своих земельных участ-

ков, улучшить управление водными и земельными ресурсами, плодородием почв и повысить уровень ирригации, а также для поддержки научных исследований в сельском хозяйстве и консультационных служб, наращивания потенциала и образования [Инвестирование в сельское хозяйство (б/г)].

В настоящее время в африканских странах проводится политика активного привлечения иностранных инвесторов, для которых создаются все более благоприятные условия. Как отмечается в докладе директора Института Африки РАН И.О. Абрамовой, «в ближайшее десятилетие политика активного привлечения иностранных инвестиций может в среднем прибавить еще порядка 2% к ВВП Континента». По данным рейтингового агентства Standard & Poor's, в список привлекательных для инвестирования рынков, относящихся к категории Frontier Emerging Markets (всего 37 государств), включены 8 стран АЮС – Ботсвана, Кот-д'Ивуар, Гана, Кения, Маврикий, Намибия, Нигерия и Замбия [Абрамова 2017, с. 7–8].

Важную роль в развитии аграрного сектора стран АЮС и поддержании продовольственной безопасности в регионе играет Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), которая оказывает финансовую помощь в рамках Комплексной программы развития сельского хозяйства в Африке и обеспечения устойчивости к внешним воздействиям. Например, сотрудничество ФАО и Кении направлено на создание конкурентоспособного сельскохозяйственного сектора в стране и повышение продовольственной безопасности для кенийского населения. Помощь ФАО направлена на проведение стимулирующей инвестиционной политики для секторов экономики, основанных на сельском хозяйстве; увеличение производительности средне- и мелкосерийных

фермерских хозяйств; совершенствование управления земельными, водными и другими природными ресурсами в целях повышения продовольственной безопасности и социально-экономического развития на всех уровнях; улучшение устойчивости жизнеобеспечения уязвимых групп населения; доступ и использование информации, инноваций, знаний и опыта с целью стимулирования целостного роста в сельскохозяйственном секторе [Country Programming Framework 2014].

Помощь ФАО в Нигерии сосредоточена на улучшении продовольственной безопасности; поддержке сельскохозяйственной политики, нормативной базы и Повестки в области сельскохозяйственной трансформации для приоритетных цепочек создания стоимости и поощрения достойной занятости для молодежи и женщин; повышении производительности сельского хозяйства и создании благоприятных условий для расширения доступа на рынки. Важными направлениями деятельности ФАО также являются оказание помощи в эффективном управлении природными ресурсами, а также в снижении риска бедствий благодаря управлению чрезвычайными ситуациями [Country Programming Framework (CPF) Federal Republic of Nigeria (n/y)].

И это не единственные примеры. Однако для модернизации и интенсификации сельского хозяйства в африканском регионе помимо политической и финансовой помощи международных организаций необходима последовательная государственная политика в сфере аграрного производства, которая должна учитывать, что в современных реалиях основным ресурсом являются инновации.

* * *

Можно согласиться с выводами российских и зарубежных экспертов о том, что в настоящее время экономическая

значимость стран Африки устойчиво нарастает. Согласно прогнозам, Африканский континент станет «самым динамично развивающимся регионом мира, от которого во многом будут зависеть характер и темпы роста в развитых государствах, их обеспеченность сырьем, энергетическими ресурсами и человеческим капиталом» [Абрамова 2017, с. 4]. Но чтобы такие прогнозы стали действительностью, правительствам африканских государств необходимо модернизировать промышленность и сельское хозяйство. Во многом этому может способствовать применение технологий и инноваций.

На современном этапе инновации применяются в различных отраслях экономики, здравоохранения, образования и т.д., что обусловило качественное изменение условий труда и повысило значимость человеческого фактора в экономическом прогрессе [Носова, Любимцева 2017, с. 16–17]. Распространение новых технологий, основанных на широкой сфере научных исследований, таких как информационные технологии, биологические науки, материаловедение и энергетика, является примером технологических прорывов и может послужить двигателем для следующей волны экономического роста в странах Африки к югу от Сахары. В ближайшие годы многие технологии (мобильный интернет, облачные технологии, прогрессивная робототехника, автономные автомобили, накопление и хранение энергии, трехмерная печать, прогрессивные материалы, возобновляемая энергия и пр.) могут повлиять на предпочтения потребителей, возможности производителей, получение прибыли в рамках экономической деятельности в различных отраслях экономики национальных хозяйств. Отчет о промышленном развитии – 2016, с. 20]. По всей вероятности, пока несколько преждевременно говорить о повсе-

местном внедрении технологий и инноваций в африканскую экономику, поскольку не следует опираться только на среднегодовые темпы прироста и впечатляющий демографический рост. Пока для большинства стран АЮС остаются нерешенными проблемы бедности, социальные проблемы, крайне неспокойна политическая ситуация. Поэтому правительствам стран предстоит решать эти задачи комплексно, и важным фактором здесь может быть региональная интеграция.

Не следует забывать и о том, что технологические изменения не только могут стимулировать увеличение производительности труда в африканских странах, но и выступать источником новых вызовов и проблем, к которым относятся тенденции на рынке труда, ведущие к более активному высвобождению занятых из целого ряда секторов и росту неравенства в доходах, взрывное усиление агломеративных тенденций, обостряющих экологические и транспортные проблемы, а также неравномерность развития внутри стран, рост регионализации и протекционизма на фоне усиления гегемонизма владельцев основных технологических платформ [Аналитические материалы к рабочим мероприятиям форума «Развитие парламентаризма» 2018].

Список литературы

- Абрамова И.О. (2013) Ресурсный потенциал Африки: структура, параметры, значимость для мировой экономики и внутреннего развития // Проблемы современной экономики. № 3(47). С. 155–161.
- Абрамова И.О. (2017) Потенциал африканского континента в обновленной стратегии развития Российской Федерации. Пленарный доклад. М.: Ин-т Африки РАН.
- Аналитические материалы к рабочим мероприятиям форума «Развитие парламентаризма» (2018) // <http://duma.gov.ru/media/files/lxiFIGEAUa3MlXv2K7aN7M8QNR0sLNYW.pdf>, дата обращения 12.10.2018.
- Глобальный инновационный индекс 2017 г.: Открытие доступа к кредитованию для мелких фермерских хозяйств в Африке (2017) // WIPO.int. 10 ноября 2017 // http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2017/article_0006.html, дата обращения 12.10.2018.
- Инвестирование в сельское хозяйство (6/г) // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций // <http://www.fao.org/support-to-investment/our-work/by-region/sub-saharan-africa/ru/>, дата обращения 12.10.2018.
- Ксенофонтова Н.А. (ред.) (2015) Африка в контексте глобальной продовольственной безопасности. М.: Ин-т Африки РАН.
- Нигерия представит свой инновационный план экономического развития на EXPO 2020 Dubai (2017) // Thefirstgroup.com. 30 декабря 2017 // <https://www.thefirstgroup.com/ru/news/2017/>, дата обращения 12.10.2018.
- Новые тенденции в инновационной политике, призванные содействовать ускорению процесса достижения целей в области устойчивого развития: стимулирование новаторской деятельности в интересах всех слоев населения и содействие развитию социальных предприятий (2018) // Организация Объединенных Наций. Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана. ESCAP/74/32. Бангкок, 11–16 мая 2018 года. С. 7 // https://www.unescap.org/commission/74/document/E74_32R.pdf, дата обращения 12.10.2018.
- Носова С.С., Любимцева О.Ю. (2017) Рост инновационности и конкурентоспособности промышленных предпри-

ятий – ключевая проблема российской экономики в XXI в. // Инновации и инвестиции. № 1. С. 16–17.

Отчет о промышленном развитии – 2016. Роль технологий и инноваций во всеохватывающем и устойчивом промышленном развитии. Обзор (2015) // Организация Объединенных Наций по промышленному развитию. UNIDO ID/447. Вена. С. 18 // https://www.unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_OVERVIEW_RUSSIAN_0.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Отчет о промышленном развитии – 2018. Спрос на продукцию обрабатывающей промышленности: фактор всеохватывающего и устойчивого промышленного развития (2017) // Организация Объединенных Наций по промышленному развитию. UNIDO ID/448. Вена. С. v-vi // https://www.unido.org/sites/default/files/files/2017-11/IDR2018_OVERVIEW_RUSSIAN.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Россия и Африканский союз. Перспективы межпарламентского сотрудничества (2018) // <http://duma.gov.ru/media/files/FKtP4k8TsAJ2hNVsb91iX6vTFccvNYze.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Урбанизация Африки – мощный драйвер технологического рынка (2018) // Ffin.ru. 27 февраля 2018 // <https://ffin.ru/market/review/82/58033/>, дата обращения 12.10.2018.

Щербакова Е. (2018) Прогноз городского и сельского населения мира // Демоскоп Weekly. № 775–776 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0775/barom04.php>, дата обращения 12.10.2018.

Bossuyt J. (2016) Political Economy of Regional Integration in Africa The Economic Community of West African States (ECOWAS). Repot, January 2016 // The European Centre for Development Policy Management // [http://ecdpm.org/wp-](http://ecdpm.org/wp-content/uploads/ECDDPM-2016-Political-Economy-Regional-Integration-Africa-ECOWAS-Report.pdf)

[content/uploads/ECDDPM-2016-Political-Economy-Regional-Integration-Africa-ECOWAS-Report.pdf](http://ecdpm.org/wp-content/uploads/ECDDPM-2016-Political-Economy-Regional-Integration-Africa-ECOWAS-Report.pdf), дата обращения 12.10.2018.

Country Programming Framework (CPF) Federal Republic of Nigeria, 2013–2017 (n/y) // FAO // <http://www.fao.org/3/a-au053e.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Country Programming Framework for Kenya 2014–2017 (2014) // FAO // <http://www.fao.org/3/a-bp634e.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Economic Report on Africa. Urbanization and Industrialization for Africa's Transformation (2017) // United Nations. Economic Commission for Africa // <https://www.uneca.org/publications/economic-report-africa-2017>, дата обращения 12.10.2018.

Industrialize Africa (2018) // African Development Bank Group. Communication and External Relations Department // https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Documents/Brochure_Industrialiser_l_Afrique-En.pdf, дата обращения 12.10.2018.

New Innovation Approaches to Support the Implementation of Sustainable Development Goals (2017) // Permanent Mission of India, May 10, 2017 // <http://pmindiaun.org/pages.php?id=1467>, дата обращения 12.10.2018.

The Global Innovation Index 2017. Innovation Feeding the World (2017) // WIPO.int // http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Transforming African Economies through Smart Trade and Industrial Policy. Economic Commission for Africa (2017) // United Nations. Economic Commission for Africa. Addis Ababa, Ethiopia // https://www.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/transforming-african-economies_smart-trade_industrial-policy_eng.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Factors of Economic Growth in Sub-Saharan Africa: Current Trends

Galina V. PODBIRALINA

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of World Economy, Federal State Educational Institution of Higher Education Plekhanov Russian University of Economic. Address: 36, Lane Stremyannyj, Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: galvp@mail.ru

John Cinedu ASIAGBA

Assistant of the Department of World Economy, Federal State Educational Institution of Higher Education Plekhanov Russian University of Economic. Address: 36, Lane Stremyannyj, Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: johnytaz@yahoo.com

CITATION: Podbiralina G.V., Asiagba J.C. (2018) Factors of Economic Growth in Sub-Saharan Africa: Current Trends. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 38–54 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-38-54

ABSTRACT. *Despite the fact that the African continent is positioned as one of the fastest growing economies in the world (especially the sub-region of sub-Saharan Africa), the lack of industrialization and the use of modern technologies continues to be a brake on the development of the economies of African countries, which largely depend on agriculture and exports of raw goods that have a relatively low added value and account for more than 80% of their exports. This has a negative impact not only on the economic development of the region, but also on per capita incomes of the population. This article assesses the existing economic potential of African countries, which is one of the most important factors for overcoming economic backwardness, achieving the goals of sustainable development, raising the standard of living of the population and changing the status of SSA countries in the world economic system. It is shown that it is important for African states to attract new technologies and innovative products to the industrial and agricultural sectors, since knowledge and innovations are the locomotive of economic growth and are one of the*

most important factors in the reconstruction and modernization of their economies.

KEY WORDS: *economic growth, innovative development, sub-Saharan Africa, Cedi sustainable development, economic potential, modernization of industry and agriculture*

References

Abramova I.O (2013) Resursnyj potentsial Afriki: struktura, parametry, znachimost' dlya mirovoj ekonomiki i vnutrennego razvitiya [Africa's Resource Potential: Structure, Parameters, Significance for the World Economy and International Development]. *Problemy sovremennoj ekonomiki*, no 3(47), pp. 155–161.

Abramova I.O. (2017) I.O. Potentsial afrikanskogo kontinenta v obnovennoj strategii razvitiya Rossijskoj Federatsii. *Plenarnyj doklad* [The Potential of the African Continent in the Updated Development Strategy of the Russian Federation. Plenary Report], Moscow: Institut Afriki RAN.

Analiticheskie materialy k rabochim meropriyatiyam foruma «Razvitie parlamentarizma» [Analytical Materials for the Working Events of the Forum «Development of Parliamentarism»] (2018). Available at: <http://duma.gov.ru/media/files/lxiFIGEAUa3MLXv2K7aN7M8QNR0sL-NYW.pdf>, accessed 12.10.2018.

Bossuyt J. (2016) Political Economy of Regional Integration in Africa The Economic Community of West African States (ECOWAS). Repot, January 2016. *The European Centre for Development Policy Management*. Available at: <http://ecdpm.org/wp-content/uploads/ECDPM-2016-Political-Economy-Regional-Integration-Africa-ECOWAS-Report.pdf>, accessed 12.10.2018.

Country Programming Framework (CPF) Federal Republic of Nigeria, 2013–2017 (n/y). FAO. Available at: <http://www.fao.org/3/a-au053e.pdf>, accessed 12.10.2018.

Country Programming Framework for Kenya 2014–2017 (2014). FAO. Available at: <http://www.fao.org/3/a-bp634e.pdf>, accessed 12.10.2018.

Economic Report on Africa. Urbanization and Industrialization for Africa's Transformation (2017). *United Nations. Economic Commission for Africa*. Available at: <https://www.uneca.org/publications/economic-report-africa-2017>, accessed 12.10.2018.

Global'nyj innovatsionnyj indeks 2017 g.: Otkrytie dostupa k kreditovaniyu dlya melkikh fermerskikh khozyajstv v Afrike [Global Innovation Index 2017: Opening up Access to Credit for Small Farmers in Africa] (2017). *WIPO.int*, November 10, 2017. Available at: http://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2017/article_0006.html, accessed 12.10.2018.

Industrialize Africa (2018). *African Development Bank Group. Communication and External Relations Department*. Available at: <https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Doc->

uments/Brochure_Industrialiser_I_Afrique-En.pdf, accessed 12.10.2018.

Investirovanie v sel'skoe khozyajstvo [Investing in Agriculture] (n/y). FAO. Available at: <http://www.fao.org/support-to-investment/our-work/by-region/sub-saharan-africa/ru/>, accessed 12.10.2018.

Ksenofontova N.A. (ed.) (2015) *Afrika v kontekste global'noj prodovol'svennoj bezopasnosti* [Africa in the Context of Global Food Security], Moscow: Institut Afriki RAN.

New Innovation Approaches to Support the Implementation of Sustainable Development Goals (2017). *Permanent Mission of India*, May 10, 2017. Available at: <http://pmindiaun.org/pages.php?id=1467>, accessed 12.10.2018.

Nigeriya predostavit svoj innovatsionnyj plan ekonomicheskogo razvitiya na EXPO 2020 Dubai [Nigeria to Present its Innovative Economic Development Plan at EXPO 2020 Dubai] (2017). *The-firstgroup.com*, December 30, 2017. Available at: <https://www.thefirstgroup.com/ru/news/2017/>, accessed 12.10.2018.

Nosova S.S., Lyubimtseva O.Yu. (2017) Rost innovatsionnosti i konkurentosposobnosti promyshlennykh predpriyatij – klyuchevaya problema rossijskoj ekonomiki v XXI v. [The Growth of Innovation and Competitiveness of Industrial enterprises – a key problem of the Russian economy in the XXI century.]. *Innovatsii i investitsii*, no 1, pp. 16–17.

Novye tendentsii v innovatsionnoj politike, prizvannye sodejstvovat' uskoreniyu protsessa dostizheniya tselej v oblasti ustojchivogo razvitiya: stimulirovanie novatorskoj deyatel'nosti v interesakh vsekh sloev naseleniya i sodejstvie razvitiyu sotsial'nykh predpriyatij [New Trends in Innovation Policies to Accelerate the Achievement of the Sustainable Development Goals: Promoting Innovation for all Segments of the Population and Promoting Social Enterprises] (2018). *United Nations. Economic and social Commission for Asia*

and the Pacific. ESCAP/74/32. Bangkok, May 11–16, 2018, p. 7. Available at: https://www.unescap.org/commission/74/document/E74_32R.pdf, accessed 12.10.2018.

Otchet o promyshlennom razvitii-2016. Rol' tekhnologij i innovatsij vo vseokhvaty-vayushhem i ustojchivom promyshlennom razvitii. Obzor [Report on Industrial Development in 2016. The role of Technology and Innovation in Inclusive and Sustainable Industrial Development. Review] (2015). *United Nations Industrial Development Organization*. UNIDO ID/447. Vena, p. 18. Available at: https://www.unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_OVERVIEW_RUSSIAN_0.pdf, accessed 12.10.2018.

Otchet o promyshlennom razvitii-2018. Spros na produktsiyu obrabatyvayushhej promyshlennosti: faktor vseokhvaty-vayushhego i ustojchivogo promyshlennogo razvitiya [Report on Industrial Development in 2018. The Demand for Manufactured goods as a Factor of Inclusive and Sustainable Industrial Development] (2017). *United Nations Industrial Development Organization*. UNIDO ID/448. Vena, p. v-vi. Available at: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2017-11/IDR2018_OVERVIEW_RUSSIAN.pdf, accessed 12.10.2018.

Rossiia i Afrikanskij soyuz. Perspektivy mezhparlamentskogo sotrudnichestva

[Russia and the African Union. Prospects for Inter-Parliamentary Cooperation] (2018). Available at: <http://duma.gov.ru/media/files/FKtP4k8TsAJ2hNVsb91iX-6vTFccvNYze.pdf>, accessed 12.10.2018.

Shcherbakova E. (2018) Prognoz gorodskogo i sel'skogo naseleniya mira [World Urban and Rural Population Forecast]. *Demoscope Weekly*, no 775–776. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0775/barom04.php>, accessed 12.10.2018.

The Global Innovation Index 2017. Innovation Feeding the World (2017). *WIPO.int*. Available at: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf, accessed 12.10.2018.

Transforming African Economies through Smart Trade and Industrial Policy. Economic Commission for Africa (2017). *United Nations. Economic Commission for Africa*. Addis Ababa, Ethiopia. Available at: https://www.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/transforming-african-economies_smart-trade_industrial-policy_eng.pdf, accessed 12.10.2018.

Urbanizatsiya Afriki – moshhnyj driver tekhnologicheskogo rynka [Africa's urbanization is a Powerful Driver of the Technology Market] (2018). *Ffin.ru*. February 27, 2018. Available at: <https://ffin.ru/market/review/82/58033/>, accessed 12.10.2018.

Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование¹

Карина Алиевна ГЕМУЕВА

младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: krina07@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Гемуева К.А. (2018) Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 55–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73

АННОТАЦИЯ. Китайские компании активно участвуют в строительстве инфраструктурных объектов в странах Африки южнее Сахары (АЮС), существенная доля которых финансируется за счет китайских кредитов. По некоторым оценкам, на эти цели в 2000–2015 гг. Китай направил более 60% всех выделенных странам АЮС кредитов. Большая часть проектов выполняется крупными государственными компаниями КНР, их основными преимуществами являются возможность обеспечить льготное финансирование проекта, особая китайская модель финансирования, государственная поддержка за счет деятельности в русле стратегических целей КНР и приобретенные компетенции по реализации аналогичных проектов в Китае. Такая связка китайских банков и компаний служит эффективным инструментом для продвижения стратегических экономических и политических интересов КНР. Вместе с тем это дает странам АЮС уникальную возможность реализовать

масштабные инфраструктурные проекты, необходимые для дальнейшего социально-экономического развития. Участие Китая в инфраструктурных проектах в странах АЮС началось в 1960-е годы, а заметный рост масштаба и количества проектов отмечается с первого десятилетия XXI века. С выдвиганием инициативы «Один пояс – один путь» акцент смещается в сторону реализации трансграничных и трансрегиональных мегапроектов. В статье раскрываются характерные особенности китайской модели финансирования, в том числе связанный характер кредитов, отсутствие политических требований (кроме признания принципа «одного Китая»), комбинированные схемы снижения рисков невозврата кредитов и непрозрачность условий сделок. Подробно рассмотрены ключевые направления инфраструктурного строительства китайских компаний в странах АЮС – энергетика, транспорт и телекоммуникации. Отдельное внимание уделено крупнейшим проектам в каж-

¹ Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20216 «Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы») в ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН.

дой сфере. Проанализированы проблемы, возникающие в ходе осуществления китайских инфраструктурных проектов, а также особенности среды реализации проектов на Африканском континенте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка южнее Сахары, КНР, кредитное финансирование, энергетическая инфраструктура, транспортная инфраструктура, телекоммуникации

На состоявшемся в 2015 г. Форуме сотрудничества Китай – Африка было отмечено, что слаборазвитая инфраструктура является одним из узких мест, препятствующих независимому и устойчивому развитию Африки. На момент обретения странами Африки независимости, оставшейся им в наследие инфраструктуры было явно недостаточно для социально-экономического развития. Строительство инфраструктурных объектов поступательно велось со второй половины XX в., но лишь в XXI в. стало можно говорить о буме инфраструктурного строительства в Африке. Стали реализовываться как средние по размерам проекты, так и очень крупные, затрагивающие несколько соседних стран. Существенная их доля реализуется с участием Китая, в том числе в части финансирования проектов.

В настоящей статье рассматриваются реализуемые с участием Китая инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары (АЮС), источники и условия их финансирования, показана связь реализуемых инфраструктурных проектов с долгосрочными геэкономическими и геополитическими целями сотрудничества Китая со странами АЮС. Проводится подробный анализ ключевых направлений финансирования и строительства Китаем инфраструктурных объектов в странах АЮС — энергетики, транспорта и телекоммуникаций.

Кредитное финансирование в историческом контексте

Китай начал финансировать инфраструктурные проекты в странах АЮС в 1960-х гг. с обретением африканскими странами независимости и возросшим интересом Китая к поиску политических и идеологических союзников на Африканском континенте. В XX в. приоритет отдавался проектам небольшим по размерам, но дающим быструю отдачу. Среди масштабных проектов с китайским финансированием можно выделить строительство железной дороги ТАЗАРА (из Танзании в Замбию), глубоководного порта в Мавритании и реконструкцию железной дороги в Ботсване. С конца 1970-х гг. финансовая помощь Китая странам АЮС резко сократилась, что связывают с исчезновением идеологического мотива и фокусированием на собственном экономическом развитии с введением политики реформ и открытости [Copper 2016, p. 14]. В 1980–1990-е гг. акцент был смещен с предоставления беспроцентных кредитов на низкопроцентные, сокращены сроки выплаты кредитов, стал применяться механизм отсрочки платежей и списания старых кредитов [Дейч 2008, с. 174]. В рамках политики «выхода вовне» кредитное сотрудничество приобрело более прагматичный характер и стало важным инструментом для продвижения экономических интересов Китая: обеспечения потребности в энергоресурсах и минеральном сырье, расширения рынков сбыта китайских товаров и услуг [Brautigam 2009, p. 52]. Китайским компаниям предоставлялась государственная поддержка в виде льготного налогообложения, правительственных льготных кредитов [Li Zhongyuan 2003]. В XXI в. отмечается интенсификация китайско-африканского взаимодействия в сфере строительства и финансирования ин-

фраструктурных объектов, в том числе расширение спектра и рост масштаба проектов. В контексте инициативы «Один пояс – один путь» на первый план выдвигаются особо крупные трансграничные проекты.

Предоставление льготных и беспроцентных кредитов странам АЮС также служит продвижению интересов Китая в политической сфере, в том числе помогает обеспечить поддержку стран-реципиентов по ключевым вопросам на международной арене, является инструментом в дипломатической борьбе с Тайванем. После восстановления КНР дипломатических отношений с Гамбией и Сан-Томе и Принсипи в 2016 г. и Буркина-Фасо в 2018 г. на всем Африканском континенте осталась только одна страна, признающая Тайвань – Свазиленд.

Сотрудничество КНР со странами Африки по линии «Юг – Юг» выходит на новый уровень с основанием Форума сотрудничества Китай – Африка в 2000 г., на котором определяются ключевые направления сотрудничества на три года, заключаются важнейшие сделки. На последнем саммите в Йоханнесбурге в 2015 г. Китай заявил о выделении финансирования в размере 60 млрд долл. в течение последующих трех лет, которое включает 35 млрд льготных и экспортных кредитов.

Особенности кредитного финансирования инфраструктурных проектов

Сотрудничество Китая и стран АЮС имеет не ситуационный характер, оно является частью комплексной долгосрочной стратегии развития Китая. Для финансирования инфраструктурных

проектов в странах АЮС китайская сторона использует разнообразные финансовые инструменты. Среди них гранты (субсидии), кредиты по нулевой ставке (беспроцентные кредиты), льготные, коммерческие, экспортные кредиты, пакетное финансирование [Brautigam 2011, p. 205]. В ряде случаев наблюдается совместное финансирование проекта китайским банком и международными финансовыми структурами.

Оператором оказания межгосударственной правительственной помощи в форме грантов и кредитов по нулевой ставке выступает MOFCOM (Министерство торговли Китая). Зачастую такие кредиты предоставляются для выполнения не очень крупных, но имеющих значительную имиджевую составляющую социальных проектов, например стадионов, спортивных комплексов, ремонта дорог и т.д. В некоторых случаях в качестве оказания экономической помощи MOFCOM производит списание ранее выданных кредитов [Brautigam, Hwang 2016, p. 5].

Льготные кредиты для финансирования инфраструктурных проектов, в том числе весьма крупных, обычно предоставляет China Eximbank. Минимальная сумма для льготного кредитования составляет эквивалент 20 млн юаней, при этом обязательным требованием является доля закупаемой при реализации проекта китайской продукции или процент участия китайских подрядчиков не менее 50% [Brautigam 2009, p. 279]. Сумма льготного кредита для покупателя не должна превышать 85% от общей стоимости контракта². Кредиты на коммерческих условиях предоставляют как China Eximbank, так и China Development Bank (CDB) и другие государственные банки, но

2 NRZ's Futile Chinese Dalliances (2017) // Zimbabwe Situation, September 28, 2017 // <https://www.zimbabwesituation.com/news/nrz-futile-chinese-dalliances/>, дата обращения 12.10.2018.

в меньших объемах – Bank of China, China Construction Bank и Industrial and Commercial Bank of China [Brautigam, Hwang 2016, p. 5]. За 2000–2015 гг. на China Eximbank и China Development Bank приходится соответственно 66 и 14% общего объема предоставленных кредитов странам АЮС³.

Китайский подход к кредитованию инфраструктурных проектов значительно отличается от рекомендованных критериев ОЭСР, особенно в части учета страновых рисков, прозрачности условий сделок, размера поддержки. Приоритетом при принятии решения о финансировании сделки или проекта является его соответствие долговременным и среднесрочным стратегическим целям Китая, в том числе продвижению китайской продукции и услуг.

Китайские финансовые институты в гораздо меньшей степени принимают в расчет страновые риски, активно сотрудничают со странами АЮС с нестабильным или сложным внутривнутриполитическим положением, а также со странами, правительства которых по критериям ОЭСР являются неэффективными или коррумпированными. Единственным жестким требованием является признание принципа «одного Китая». Такой подход позволяет в том числе осуществлять проекты, затрагивающие несколько стран (трансграничные инфраструктурные проекты). Для снижения рисков невозврата предоставленных кредитных средств активно применяются комбинированные схемы: погашение путем прямых поставок топливных, минеральных или сельскохозяйственных ресурсов, т. наз. «Ангольская модель»; обеспечение кредитов за счет экспорта природных ресурсов; выплата кредитов за счет средств от реали-

зации соответствующих товаров и услуг, поступающих на целевой депозитный счет; сотрудничество с китайской корпорацией страхования экспортных кредитов Sinosure. Доля кредитов, обеспеченных сырьевыми товарами или доходами от их экспорта, составляет 33% [Brautigam, Hwang 2016].

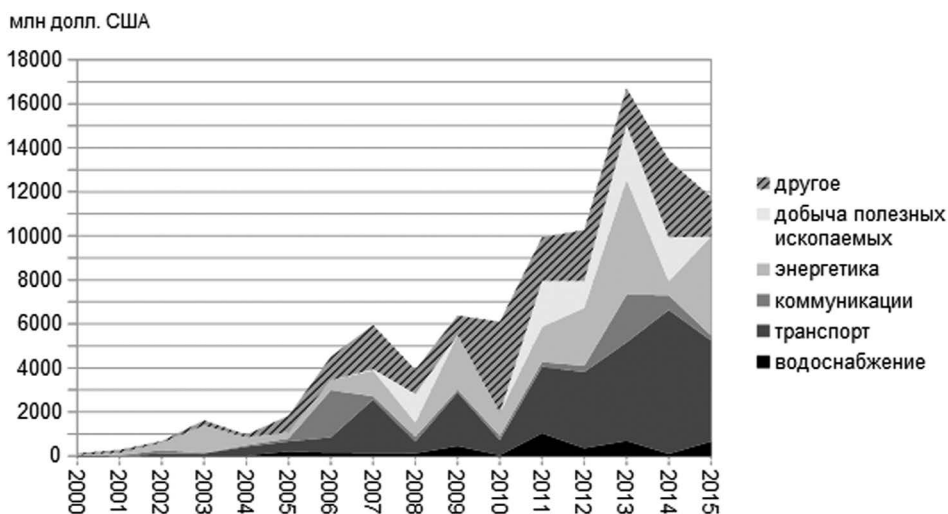
Учитывая отсутствие официальных данных о кредитном сотрудничестве в открытом доступе, было предпринято несколько попыток оценки масштабов китайско-африканского сотрудничества с опорой на данные из открытых источников с разной степенью их проверки. К первым таким глобальным исследованиям можно отнести опубликованный в 2008 г. доклад Всемирного банка «Building bridges: China's Growing Role as Infrastructure Financier for Sub-Saharan Africa», в котором дается оценка объема обязательств Китая по финансированию инфраструктурных проектов в Африке в 2001–2006 гг. В докладе проанализированы соответствующие кредитные сделки в географическом и секторальном разрезе [Foster, Butterfield, Chen, Pushak 2009]. Наблюдается большой разброс среди оценок объемов фактически выделенных кредитов странам Африки [Малахов 2016, с. 61]. По расчетам рейтингового агентства Fitch Rating, за 2001–2010 гг. China Eximbank предоставил странам Африки финансирование на сумму 67,2 млрд долл. По оценкам исследовательского центра Rand Corporation, в 2001–2011 гг. объем финансовый вложений Китая (включая ПИИ) в 49 стран Африки составил 175 млрд долл. Исследователи аналитического центра AidData (Колледж Вильгельма и Марии в США), используя методику сбора данных путем мониторинга СМИ, создали комплексную статистическую базу фи-

3 Chinese Loans to African Governments for 2000–2017 (n/y) // SAIS-CARI // <http://www.sais-cari.org/data-chinese-loans-and-aid-to-africa>, дата обращения 12.10.2018.

нансирования Китаем проектов в странах АЮС (не включая ЮАР) в 2000–2014 гг.⁴ Учитывая только подтвержденные сделки, объем китайских кредитов странам АЮС за этот период составил 72 млрд долл. Преимуществами этой работы является хранение полной статистической базы в открытом доступе, а также деление проектов по типам и сферам финансирования, странам-реципиентам и др. Вместе с тем в статистическую таблицу включен ряд неподтвержденных сделок, которые являются скорее соглашениями о намерениях, а не фактически предоставленными кредитами⁵. Наиболее детальным и тщательным представляется анализ, проведенный в рамках проекта China Africa Research Initiative (CARI), руководителем которого является профессор универси-

тета Джона Хопкинса Дебора Браутигэм. По оценкам CARI, за 2000–2015 гг. странам Африки были предоставлены кредиты в размере 94,4 млрд долл., в том числе странам АЮС – 86,8 млрд долл. Основными направлениями финансирования инфраструктурных проектов в странах Африки являются транспортная, энергетическая и информационно-коммуникационная инфраструктура, на которые за 2000–2015 гг. было выделено 32, 24 и 7% всех кредитов соответственно (см. рис. 1). В ежегодном исследовании Deloitte «African Construction Trends, 2017» указано, что на эти направления приходится более половины всех проектов в сфере инфраструктуры, реализованных в африканских странах в 2017 г. Самая высокая доля участия Китая наблюдается в Центральной и Восточной

Рис. 1. Кредитное финансирование Китаем проектов в странах Африки в 2000–2015 гг. в секторальном разрезе

Источник: составлено по данным статистической базы CARI.

4 AidData's Global Chinese Official Finance Dataset, 2000–2014, Version 1.0 (n/y) // AIDDATA // <https://www.aiddata.org/data/chinese-global-official-finance-dataset>, дата обращения 12.10.2018.

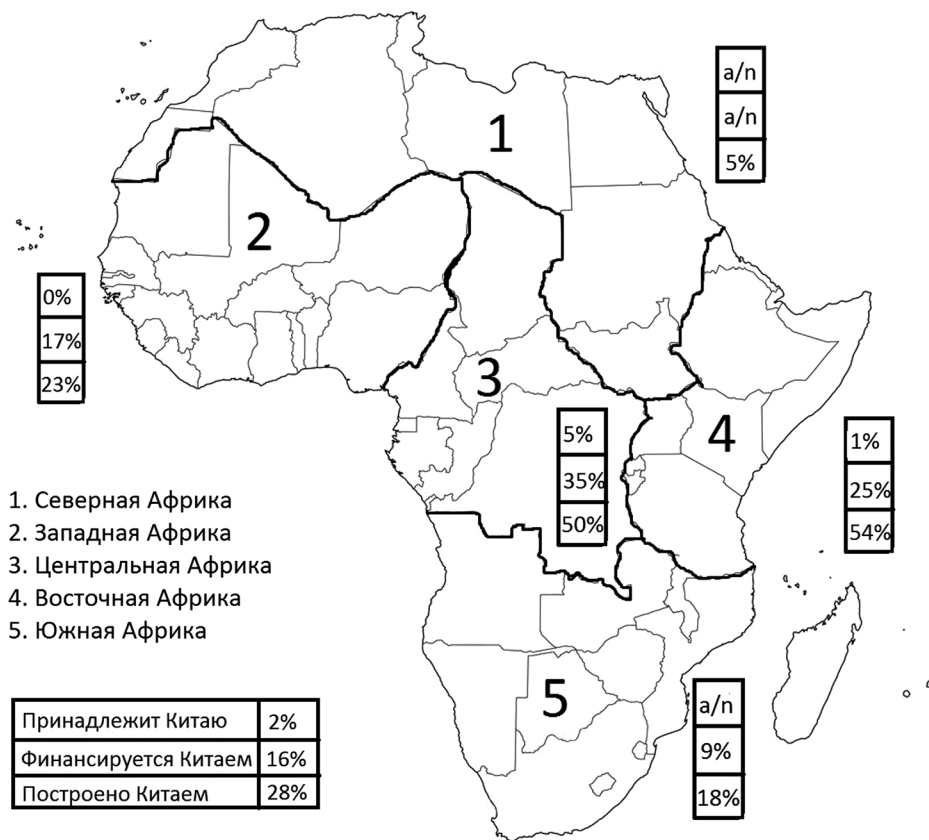
5 Brautigam D. (2013) AidData: Why It Is not Wikipedia // SAIS-CARI. Blog, May 02, 2013 // <http://www.chinaafricarealstory.com/search?q=aiddata>, дата обращения 12.10.2018.

Африке (см. рис. 2) [African Construction Trends 2017].

Оценив экономические возможности стран АЮС по самостоятельному финансированию и реализации инфраструктурных проектов, можно сделать вывод, что предлагаемые Китаем меха-

низмы кредитования позволяют сбалансировать интересы китайской стороны и интересы стран АЮС, нуждающихся в значительных финансовых ресурсах для развития базовой инфраструктуры, а также снизить риски невозврата предоставленных кредитов.

Рис. 2. Доля Китая в строительстве инфраструктурных проектов* в Африке в 2017 г. в региональном разрезе**

Источник: [African Construction Trends 2017].

* Учитываются проекты с общей стоимостью более 50 млн долл., реализуемые на 1 июня 2017 г. Данные округлены.

** Деление на регионы согласно категоризации, принятой Африканским банком развития.

6 Данная категоризация отличается от категоризации, используемой в РФ и определенной Общероссийским классификатором стран мира (ОКСМ). Согласно ОКСМ, Замбия, Зимбабве, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Мозамбик, Реюньон относятся к Восточной Африке, а Ангола – к Центральной Африке.

Энергетика

Проведение индустриализации, повышение уровня жизни населения невозможны без стабильного энергоснабжения. В связи с этим развитие энергетической инфраструктуры является критическим условием для экономического развития стран Африки, где, по данным Африканского банка развития, в настоящее время более 650 миллионов жителей не имеют доступа к электричеству⁷. Наиболее тяжелая ситуация наблюдается в странах АЮС.

В соответствии с данными доклада «Boosting the Power Sector in Sub-Saharan Africa – Chinese Involvement» Международного энергетического агентства (IEA), с 2010 по 2015 гг. установленные электрогенерирующие мощности в странах АЮС выросли с 95 до 115 ГВт. Более 7 ГВт новых мощностей по производству электроэнергии построено китайскими подрядчиками, что составляет более 30% всех новых установленных мощностей за этот период или 46%, если исключить ЮАР [IEA 2016, p. 14].

Китайские компании стали принимать активное участие в строительстве энергетической инфраструктуры в странах АЮС с начала XXI в. Первые успешные проекты реализованы в Эфиопии, Конго, Судане и Нигерии. По данным доклада, к концу 2015 г. китайские проекты охватили уже как минимум 37 стран региона. За 2010–2015 гг. завершено 54 проекта строительства электрогенерирующих мощностей и 25 проектов в сфере передачи и распространения электроэнергии. Проекты китайских компаний охватывают стро-

ительство всех типов электростанций, за исключением АЭС, причем на производство возобновляемой энергии приходится 56% мощностей в 2010–2020 гг. (из них 49% – ГЭС). Строятся ТЭС на различных видах топлива (уголь, газ, торф, тяжелые углеводороды) в зависимости от наличия данных ресурсов в стране. Средний размер вводимых мощностей в проектах китайских компаний в этот период составлял 188 МВт, хотя он может варьироваться от минипроектов (0,4 МВт) до мегапроектов мощностью более 500 МВт (см. табл. 1.) [IEA 2016, pp. 12, 14, 15, 18].

Китайским государственным компаниям в реализации энергетических проектов в странах АЮС принадлежит ведущая роль: компаниями, контролируемыми на национальном и провинциальном уровне, реализовано 90% всех проектов [IEA 2016, p. 20]. Конкретные условия кредитных сделок по реализации масштабных проектов можно рассмотреть на примере ГЭС Isimba (183 МВт) в Уганде: был привлечен льготный кредит China Eximbank в размере 482,5 млн долл., что составляет 85% общей стоимости проекта, со сроком погашения кредита в 20 лет и льготным периодом 5 лет⁸. Подрядчиком проекта выбрана китайская компания China International Water & Electric Corporation.

По данным доклада, 78% проектов китайских компаний в сфере энергетики в странах АЮС финансируются китайскими банками и финансовыми институтами и 10% – за счет смешанных кредитов от китайских и других иностранных финансовых институтов. В структуре китайского финанси-

7 AfDB: 650 Million Africans Live without Electricity (2018) // TODAY.ng, May 02, 2018 // <https://www.today.ng/business/energy/afdb-650-africans-live-electricity-110714>, дата обращения 12.10.2018.

8 Parliament Okays Shs1.4 Trillion Loan for Isimba Hydropower Deal (2016) // Daily Monitor, March 16, 2016 // <http://www.monitor.co.ug/News/National/Parliament-okays-Shs1-4-trillion-loan-for-Isimba-hydropower-deal/-/688334/2653534/-/91uj8z/-/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

ния 74% приходится на льготные кредиты, 8% – на акционерное финансирование, 6% – на коммерческие кредиты, по 5% – на смешанные кредиты и гранты. Крупнейшим кредитором является China Eximbank, финансирующий более 60% проектов. В остальных случаях финансирование обеспечивается другими государственными банками Китая (например, ICBC и CDB), международными финансовыми структурами (например, Мировым банком, Европейским инвестиционным банком

и Африканским банком развития) и местными правительствами [IEA 2016, pp. 31, 33, 35].

В последние годы стимулируется переход к акционерному финансированию проектов, в том числе за счет инвестиций China-Africa Development Fund. Ему принадлежит 40% ТЭС Sunon Asogli в Гане, а 60% – Shenzhen Energy Group⁹. Большинство объектов энергетической инфраструктуры построено в рамках EPC-контрактов (Engineering, Procurement, Construction), тем не ме-

Таблица 1. Китайские проекты в странах АЮС по строительству электростанций мощностью более 500 МВт*

Страна	Название проекта	Мощность (МВт)	Стоимость проекта (млн долл.)	Год завершения строительства	Китайский банк-кредитор, размер кредита	Китайский подрядчик проекта
Нигерия	ГЭС Mambilla	3050	5792	2023	EXIM, 4923 млн долл.	Sinohydro, Gezhouba, CGCOC
Ангола	ГЭС Caculo Cabaca	2171	4500	2024	ICBC, 3825 млн долл.	Gezhouba
Судан	ГЭС Merowe Dam	1250	2945	2009	EXIM, 608 млн долл.	Sinohydro, CIWEC
Замбия	ГЭС Kafue Gorge Lower	750	2000	2019	EXIM, ICBC, 1700 млн долл.	Sinohydro
Эфиопия	ГЭС Gilgel Gibe III Dam	1870	1830	2016	ICBC, 421 млн долл.	DEC
Уганда	ГЭС Karuma Hydro	600	1688	2018	EXIM, 1435 млн долл.	Sinohydro
Ботсвана	Угольная ТЭС Morupule B	600	1600	2014	ICBC, 825 млн долл.	CNEEC
Нигерия	ГЭС Zungeru	700	1294	2020	EXIM, 984 млн долл.	CNEEC, Sinohydro
Зимбабве	Угольная ТЭС Hwange (7,8)	600	1100	2022	EXIM, 998 млн долл.	Sinohydro
Ангола	Газовая ТЭС Soyo I	750	985	2017	ICBC, 837 млн долл.	СМЕС
Нигерия	Газовая ТЭС Papalanto (Olorunsogo)	750	650	2015	EXIM, 414 млн долл.	SEPCO III
Нигерия	Газовая ТЭС Omosho	500	167	2013	EXIM, 167 млн долл.	СМЕС

Источник: составлено автором на основе данных СМИ.

* В таблицу не включены проекты ГЭС Inga 3 в ДР Конго (4800 МВт), ГЭС Mpanda Nkua в Мозамбике (1500 МВт), ТЭС Lami в Кении (1050 МВт), ТЭС Kudu в Намибии (800 МВт), ТЭС Arkyia/Port Sudan в Судане (500 или 600 МВт), угольная ТЭС Aboano power station в Гане (700 МВт), поскольку их последующая реализация не подтверждена.

9 Smith-Asante E. (2017) Accra CADFund Invests over \$100 Million in Projects // Graphic.com.gh, August 28, 2017 // <https://www.graphic.com.gh/business/business-news/accra-cadfund-invests-over-100-million-in-projects.html>, дата обращения 12.10.2018.

нее продвигается сотрудничество и в рамках государственно-частного партнерства, в том числе в форме BOT (Build, Operate, Transfer) [IEA 2016, p. 19]. Например, в 2017 г. дочерней компанией China Longyuan Power Group Corporation были запущены две ВЭС De Aar и De Aar II в ЮАР суммарной мощностью 244,5 МВт. Помимо привлечения финансирования и выполнения ЕРС-контракта, компания будет нести ответственность за эксплуатацию и техническое обеспечение электростанций в течении 20 лет¹⁰.

Китайские компании участвуют в строительстве как местных распределительных сетей, так и трансграничных магистральных ЛЭП в странах АЮС. Например, реализуются проекты по строительству магистральных ЛЭП Кения – Эфиопия и Кения – Танзания с сопутствующей энергетической инфраструктурой. Усилиями китайских компаний в 2010–2020 гг. построено или будет построено не менее 28 тыс. км электросетей [IEA 2016, p. 14].

С 2010-х гг. отмечается интерес китайских компаний к проектам в сфере альтернативной энергетики в странах АЮС. Так, за счет кредита China Eximbank в размере 400 млн долл., компания Great Wall Drilling Company пробурила скважины для строительства геотермальной электростанции Olkaria V в Кении¹¹. Участие китайских компаний планируется еще в двух геотермальных проектах. На декабрь 2018 г.

запланировано введение в строй СЭС Garissa, которая строится компанией China Jiangxi за счет кредита China Eximbank в размере 136 млн долл¹². В Эфиопии введены в строй ВЭС Адама и Адама II¹³, реализуются проекты по строительству электростанций, работающих на мусоре и биомассе. Правительство Анголы в 2017 г. подписало меморандум с компанией СНЕС относительно строительства мусороперерабатывающего завода стоимостью 195 млн долл.¹⁴

Транспорт

Китай является одним из важнейших торговых партнеров для стран АЮС, импортируя различное минеральное сырье и поставляя промышленную продукцию. Существующие экономические потребности обуславливают его интерес к развитию транспортной инфраструктуры стран АЮС, в первую очередь в проектах по строительству и восстановлению железных дорог, строительству и модернизации портов. Кроме этого, китайские компании участвуют в строительстве автомобильных дорог и аэропортов, поставке подвижного состава. Масштаб участия Китая в инфраструктурных проектах в этих странах можно представить исходя из слов посла КНР в Малави Ван Шитина: «Китай построил более 5600 км железных дорог, 4500 км до-

10 De Aar Wind-power Projects Start Feeding Electricity to Northern Cape (2017) // Times Live, November 30, 2017 // <https://www.timeslive.co.za/news/south-africa/2017-11-30-de-aar-wind-power-projects-start-feeding-electricity-to-northern-cape/>, дата обращения 12.10.2018.

11 Kenyan President Hails China for Boosting Its Geothermal Power (2017) // Chinadaily, May 02, 2017 // http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-05/02/content_29164598.htm, дата обращения 12.10.2018.

12 Garissa-based 55MW Solar Farm Starts Operations in Dec. 2018 (2018) // Daily Nation, February 22, 2018 // <https://www.nation.co.ke/business/Garissa-55MW-solar-farm-starts-operations/996-4315296-fd5jn0z/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

13 China's Biggest Wind Power EPC Project Successfully Transfers (2016) // Chinadaily, May 24, 2016 // http://www.chinadaily.com.cn/m/powerchina/2016-05/24/content_25653253.htm, дата обращения 12.10.2018.

14 Chinese Company Builds Waste Recycling Plant in Luanda, Angola (2017) // Macauhub.com.mo, July 19, 2017 // <https://macauhub.com.mo/2017/07/19/pt-empresa-chinesa-constroi-fabrica-de-reciclagem-de-residuos-em-luanda-angola/>, дата обращения 12.10.2018.

рог, 9 портов, 34 электростанции, 14 аэропортов, 68 больниц и более 200 школ в Африке»¹⁵.

Первым крупным китайским проектом в сфере транспортной инфраструктуры в Африке является железная дорога ТАЗАРА. Железнодорожная магистраль протяженностью 1860 км, соединившая Замбию с портом Дар-эс-Салам в Танзании, была построена Китаем в 1970-е гг. за счет беспроцентного кредита в размере 500 млн долл. [*Copper* 2016, р. 52]. Однако после сдачи в эксплуатацию этот знаковый проект китайско-африканского сотрудничества столкнулся с рядом проблем, включая неэффективное управление, нехватку квалифицированных кадров и неудовлетворительное техническое состояние. Это привело к определенным имиджевым потерям Китая в Африке и нежеланию Китая участвовать в новых крупных проектах. В XXI в. после приобретения китайскими компаниями компетенций в строительстве и эксплуатации современных железных дорог и учета негативного опыта стало заметно возрождение интереса китайских компаний к реализации масштабных транспортных проектов на континенте. Например, к 2016 г. реконструированы три железнодорожные ветки в Анголе (Benguela Railway, Luanda Railway и Namibe Railway¹⁶), маршрут Абуджа – Кадуна в Нигерии. С выдвижением инициативы «Один пояс – один путь» акцент сместился в сторону реализации сверхкрупных трансграничных проектов, нацеленных на объединение железнодорожных маршру-

тов стран Африки в региональные сети. Среди первых реализованных проектов – электрифицированная железная дорога Аддис-Абеба – Джибути и участок Момбаса – Найроби (первый этап проекта, связывающего семь стран Африки с портом Момбаса в Кении), каждая стоимостью порядка 4 млрд долл. Обе дороги построены в соответствии с принятыми в Китае техническими стандартами (ширина колеи 1435 мм), их использование в дальнейших проектах будет способствовать расширению экспорта китайской техники и услуг. Китайской стороной учтен негативный опыт при реализации железной дороги ТАЗАРА: в ряде крупных проектов после завершения строительства железных дорог китайские компании обязались заниматься их эксплуатацией и обслуживанием в течение нескольких лет, одновременно с этим происходит подготовка и обучение местного управленческого и линейного персонала железной дороги¹⁷.

В глобальной стратегии Китая модернизация железнодорожной инфраструктуры стран АЮС, связывающей побережье с внутренними районами Африки, где расположены месторождения полезных ископаемых, сопряжена с развитием портовой инфраструктуры и созданием в непосредственной близости особых экономических и промышленных зон. Ярким примером деятельности Китая по созданию комплексной логистической цепочки служит участие в строительстве и финансировании многофункционального порта Дорале (Джибути), соединенно-

15 Has Malawi Become a Dumping Ground for Chinese Products? (2017) // Africa-China Reporting Project, September 21, 2017 // <http://africachinareporting.co.za/2017/09/has-malawi-become-a-dumping-ground-for-chinese-products/>, дата обращения 12.10.2018.

16 Ранее называлась Moçamedes Railway (CFM).

17 Yun S. (2017) China and the East Africa Railways: Beyond Full Industry Chain Export // Brookings.edu, July 06, 2017 // <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2017/07/06/china-and-the-east-africa-railways-beyond-full-industry-chain-export/>, дата обращения 12.10.2018.

го с Эфиопией железной дорогой Аддис-Абеба – Джибути¹⁸. К 2014 г. зафиксировано участие Китая в 15 проектах портовой и связанной с ней инфраструктуры. В шести проектах отмечено получение финансирования из Китая, а в четырех – интерес Китая к инвестициям в операторов контейнерных терминалов и портов¹⁹. Китайские компании реализуют проекты строительства и модернизации глубоководных портов на побережье Индийского и Атлантического океанов: порт Лобито (Ангола), Бейра (Мозамбик), Абиджан (Кот-д’Ивуар), Дар-эс-Салам (Танзания), Ламу (Кения) и др.

Помимо инфраструктуры для грузовых перевозок Китай активно развивает транспортную инфраструктуру в крупных африканских городах. В частности, введено в строй легкое метро в Аддис-Абебе (Эфиопия) в 2015 г. и в Абудже (Нигерия) в 2018 г., реализуется проект в Лагосе (Нигерия). Обсуждается строительство легкорельсового транспорта в Замбии и Зимбабве.

Участие китайских компаний в развитии инфраструктуры воздушного транспорта в странах АЮС наблюдается со второй половины 2010-х гг. Это вызвано тем, что в Китае в целом завершены строительство и модернизация аэропортов, причем современные аэропорты появились не только в столицах провинций, но и в большинстве уездных центров. Компании, которые приобрели соответствующие компетенции, в соответствии со стратегической политикой Китая поощрялись к расширению своей деятельности за рубежом, в том числе в странах Африки.

К числу первых реализованных проектов можно отнести модернизацию аэропортов в Мали, Мозамбике, Кении, Танзании и Маврикии. Только в 2015–2016 гг. китайские компании завершили проекты по строительству, расширению и модернизации аэропортов в ДР Конго (N’Djili International Airport), Намибии (Ondangwa Airport), Сомали (Bosaso International Airport), Того (Gnassingbe Eyadema International Airport) и Зимбабве (Victoria Falls International Airport). В настоящее время китайские компании реализуют проекты в более чем десяти африканских странах. Самый масштабный – строительство международного аэропорта Luanda International Airport в Анголе общей стоимостью 3,8 млрд долл.²⁰

В целом можно отметить, что реализуемые китайской стороной инфраструктурные проекты в сфере транспорта существенно повышают экономический потенциал стран АЮС. Наибольший интерес Китай проявляет к железнодорожным проектам, обеспечивающим доступ к необходимым для экономики КНР сырьевым и сельскохозяйственным ресурсам в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Телекоммуникации

С начала XXI в. телекоммуникационный сектор стран АЮС переживает бурное развитие, что отчасти объясняется крайне низкими стартовыми показателями. Если в 2000 г. общее число абонентов мобильных сетей в ре-

18 Djibouti Opens \$590m World Class Mega Port Co-funded by China (2017) // [Africanews.com](http://www.africanews.com/2017/05/25/djibouti-opens-590m-world-class-mega-port-co-funded-by-china/), May 25, 2017 // <http://www.africanews.com/2017/05/25/djibouti-opens-590m-world-class-mega-port-co-funded-by-china/>, дата обращения 12.10.2018.

19 Casabayo M. (2014) China in the African Ports: A String of Pearls in the Making? // Lund University Publications // <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=8852087&fileId=8852092>, дата обращения 12.10.2018.

20 Angola's New President Inspects New Luanda International Airport (2017) // [Avic-intl.cn](http://www.avic-intl.cn/html/news/4275.html), November 03, 2017 // <http://www.avic-intl.cn/html/news/4275.html>, дата обращения 12.10.2018.

гионе составляло всего 10 млн чел.²¹, то в 2010 г. число уникальных абонентов превысило 200 млн и за последующие шесть лет выросло до 420 млн чел. В период с 2010 по 2017 гг. охват населения мобильной связью в странах АЮС вырос с 27 до 44%²². К 2016 г. компания ZTE участвовала в строительстве сетей связи в 48 африканских странах²³; компания Huawei установила более половины всех базовых станций для беспроводной передачи данных в Африке, 70% высокоскоростных мобильных сетей четвертого поколения стандарта LTE и более 50 тыс. км ВОЛС (волоконно-оптических линий связи); корпорация China Communications Services построила более 25 тыс. км ВОЛП²⁴. Несмотря на впечатляющие показатели роста, телекоммуникационный рынок стран АЮС обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития: по прогнозам GSM Association, охват населения мобильной связью достигнет 52% к 2025 г., а доля пользователей мобильного интернета за последующие восемь лет вырастет с 21 до 40%²⁵.

Наиболее сильные позиции на африканском рынке заняли крупнейшие китайские производители телекоммуникационного оборудования Huawei и ZTE, предоставляющие широкий спектр ИКТ-решений и услуг. Их дея-

тельность охватывает практически все страны региона. Среди других китайских компаний можно выделить Alcatel Shanghai Bell и China Communications Services Corporation (CCS). Первая изначально была создана как совместное китайско-французское предприятие. После поглощения компанией Nokia Alcatel-Lucent в 2016 г. оно было переименовано в Nokia Shanghai Bell, в которой China Huaxin принадлежит 50% акций²⁶. В 2001–2007 гг. Alcatel Shanghai Bell принимала участие в крупных телекоммуникационных проектах в Анголе, Гане, Нигерии и Того с общей стоимостью более 550 млн долл. [Foster, Butterfield, Chen, Pushak 2009, pp. 100–105]. China Communications Services Corporation (China Comservice) вместе с дочерней компанией China International Telecommunication Construction Corporation (CITCC) реализовала проекты в таких странах, как Эфиопия, Танзания, Нигерия, ЮАР и ДР Конго²⁷. Китай практически не осуществляет прямые инвестиции в предприятия телекоммуникационного сектора, среди редких исключений можно назвать приобретение компанией ZTE 51% акций мобильного оператора Congo Chine Telecoms в 2000 г. (в 2011 г. продан France Telecom-Orange²⁸) и создание совместного предприятия по производству оптико-во-

21 Creating Mobile Telecom Markets in Africa (2016) // International Finance Corporation, World Bank Group. Note 19, September 2016 // <https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/95f1e831-fc48-49e4-804f-d92b710882dc/EMCompass+Note+19+Mobile+Telecoms+SSA+9-30+Final.pdf?MOD=AJPERES>, дата обращения 12.10.2018.

22 The Mobile Economy: Sub-Saharan Africa 2017 (2017) // GSMA Intelligence // <https://www.gsmaintelligence.com/research/?file=7bf3592e6d750144e58d9dcfac6adfab&download>, дата обращения 12.10.2018.

23 Chinese Technology Companies' Development in Africa (2016) // Chinadaily, February 05, 2016 // http://africa.chinadaily.com.cn/weekly/2016-02/05/content_23404083.htm, дата обращения 12.10.2018.

24 State-Owned Telecom Subsidiary Looks to Africa to Reverse Its Fortunes (2017) // China Technology News, March 09, 2017 // <http://www.technologynewschina.com/2017/03/state-owned-telecom-subsidiary-looks-to.html>, дата обращения 12.10.2018.

25 The Mobile Economy 2018 (2018) // GSMA // <https://www.gsma.com/mobileeconomy/wp-content/uploads/2018/02/The-Mobile-Economy-Global-2018.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

26 Bushell-Embling D. (2017) Nokia Formally Launches Nokia Shanghai Bell JV // Telecom Asia, July 04, 2017 // <https://www.telecomasia.net/content/nokia-formally-launches-nokia-shanghai-bell-jv>, дата обращения 12.10.2018.

27 Chinese Firm Hopes to Wire Continent with Same Strategy that Boosted Internet Access across China (2017) // Global Times, March 13, 2017 // <http://www.globaltimes.cn/content/1037500.shtml>, дата обращения 12.10.2018.

28 ZTE Sells 51% Stake in Congo Chine Télécom to France Telecom-Orange (2011) // ZTE, October 21, 2011 // http://www.zte.com.cn/en/press_center/news/201110/t20111021_351198.html, дата обращения 12.10.2018.

локонного кабеля YOA Cable в ЮАР в 2016 г.

Приход китайских телекоммуникационных компаний на африканский рынок происходил на рубеже XX–XXI вв., активизация их деятельности во многом сопряжена с формированием и реализацией стратегии «идти вовне», предполагающей государственную поддержку соответствующих предприятий. Например, к 2009 г. компаниям Huawei и ZTE были открыты кредитные линии для финансирования зарубежной деятельности в размере 30 и 25 млрд долл. соответственно²⁹ (стоит учесть, однако, что они не были полностью использованы). Благодаря этому компании имели возможность проводить выгодную ценовую политику и вести деятельность в странах с более высокими политическими рисками. Первые крупные контракты по строительству телекоммуникационной инфраструктуры были заключены в начале 2000-х гг. с ДР Конго, Анголой, Нигерией, Ганой, Эфиопией, Зимбабве и др. Помимо проектов по прокладке и модернизации сетей, китайские компании участвовали и в других инновационных проектах, таких как «электронное правительство», центры хранения и обработки данных, уличное освещение на солнечных батареях (проект ZTE в Того), интернет-доступ на железных дорогах и легком метро (проекты Huawei в ЮАР, Кении, Эфиопии), системы безопасности в городах (проекты ZTE в Нигерии и Кабо-Верде) и система счет-

чиков электропотребления с предоплатой (проект ZTE в Анголе).

С выдвижением инициативы «Один пояс – один путь» акцент сместился в сторону более масштабных проектов, охватывающих несколько стран или целый регион. В апреле 2015 г. компания CCS предложила проект создания «африканской информационной магистрали», по-другому называемый «Восемь вертикалей, восемь горизонталей». Проект предполагает создание высокоскоростных сетей во всех крупных городах Африки с последующим объединением их в региональную сеть³⁰. Другой мегапроект «Pakistan East Africa Cable Express» подразумевает строительство подводной кабельной сети, на первом этапе соединяющей Пакистан и Джибути, а в дальнейшем – Китай с южной, восточной и северной Африкой и Европой. Главным инвестором выступает китайская компания Tropic Science Co., Ltd., в проекте задействованы китайские компании Tropic Science Co., Ltd. и Huawei Marine Networks, начальный этап работ стартовал в 2017 г.³¹ В мае 2018 г. начались работы по проекту «South Atlantic Inter Link», соединяющему Камерун и Бразилию, контракт на строительство кабельной сети был заключен с Huawei Marine Networks в 2017 г.³²

Согласно данным CARI, на сектор телекоммуникаций пришлось чуть более 7% всех выделенных китайских кредитов в 2000–2015 гг. (6766 млн долл.). Причем лишь на одну Эфиопию прихо-

29 Clark R. (2009) Huawei Gets \$30b Credit Line from CDB // Telecom Asia, September 14, 2009 // <https://www.telecomasia.net/content/huawei-gets-30b-credit-line-cdb>, дата обращения 12.10.2018.

30 Chinese Company Builds Network to Boost Internet Access in Africa (2017) // People's Daily, March 29, 2017 // <http://en.people.cn/n3/2017/0329/c90000-9196530.html>; Chinese Firm Hopes to Wire Continent with Same Strategy that Boosted Internet Access across China (2017) // Global Times, March 13, 2017 // <http://www.globaltimes.cn/content/1037500.shtml>, дата обращения 12.10.2018.

31 Huawei Marine и Tropic Science приступили к прокладке подводного кабеля между Азией и Африкой (2016) // Huawei.com. 6 ноября 2017 // http://www.huawei.com/ru/press-events/news/ru/2017/huawei_marine_tropical_science, дата обращения 12.10.2018.

32 Huawei Cable Ship Sails on Journey to Lay New South Atlantic Link (2018) // Capacity, May 25, 2018 // <http://www.capacitymedia.com/Article/3809516/Huawei-cable-ship-sails-on-journey-to-lay-new-south-atlantic-link>, дата обращения 12.10.2018.

дится 47% кредитов, тогда как на семь стран АЮС (Эфиопия, Танзания, Нигерия, Камерун, Ангола, Зимбабве и Гвинея) – более 80%.

Проблемы китайских инфраструктурных проектов и особенности среды реализации

Качественная оценка китайских инфраструктурных проектов в странах АЮС представляется непростой задачей, учитывая отсутствие в открытом доступе достоверных и подробных данных по многим проектам. Значительное число публикаций в СМИ и аналитических работ политизированы, в них отражена либо прокитайская позиция с акцентом на взаимовыгодность сотрудничества и успешные проекты, либо прозападная позиция. Во втором случае критике подвергаются как отдельные китайские проекты, так и в целом модель взаимодействия Китая и стран АЮС, в том числе сотрудничество Китая с рядом недемократических и коррупционных режимов, масштабное освоение природных ресурсов Африки, негативные аспекты связанного финансирования. Экономическая экспансия Китая на Африканский континент в рамках комплексной государственной стратегии вызывает заметное раздражение западных элит, так как приводит к снижению их политического и экономического влияния в регионе. Вместе с тем по результатам опроса, проведенного агентством «Афробарометр» в 36 странах Африки, 63% респондентов оценивают характер взаимодействия с Китаем как «отчасти положительный» или «очень положительный». При-

чем ключевым фактором такого отношения являются инвестиции Китая в инфраструктуру и другие программы развития³³.

При анализе китайских инфраструктурных проектов в странах АЮС следует разделять проблемы, относящиеся непосредственно к китайским проектам, и особенности среды реализации проекта. К последним можно отнести неразвитое законодательство и ненадлежащую работу контролирующих и регулирующих органов, наличие предпосылок к реализации коррупционных схем, нехватку собственных средств для финансирования масштабных проектов, нехватку квалифицированных кадров, отсутствие производства многих необходимых материалов и оборудования внутри страны, недостаточный уровень экологического образования, завышенные ожидания населения. Очевидно, что экономическая отдача от инфраструктурных проектов в регионе будет выше для стран с более эффективным управлением и развитыми институтами [Dollar 2016, p. 57].

Среди проблем, характерных для китайских проектов, можно выделить намеренное завышение цен контрактов китайскими подрядчиками и применение коррупционных схем для лоббирования своих интересов из-за непрозрачности сделок и отсутствия открытых тендеров по условиям предоставления связанного финансирования. Например, в Зимбабве по результатам аудита проекта NetOne's National Mobile Broadband (NMBB), выполненного компанией Huawei за 218 млн долл., справедливая цена проекта была признана в пределах 120–140 млн долл. По результатам переговоров удалось договориться о возмещении китайской компани-

33 China's Growing Presence in Africa Wins Largely Positive Popular Reviews (2016) // Afrobarometer.org // <http://afrobarometer.org/publications/ad122-chinas-growing-presence-africa-wins-largely-positive-popular-reviews>, дата обращения 12.10.2018.

ей 30 млн долл.³⁴ Подобные обвинения высказывались в адрес многих масштабных инфраструктурных проектов Китая в странах АЮС, однако без проведения независимых расследований сложно судить, в какой степени они соответствуют действительности.

Реализация некоторых проектов зачастую вызывает критику СМИ из-за недостаточного внимания китайской стороны к экологическим аспектам, наличия проблем в ходе отчуждения земель под инфраструктурные проекты, проблем с привлечением местной рабочей силы. Следует учитывать, что реализация масштабных проектов, особенно ГЭС, неизбежно сопряжена с негативными экологическими последствиями. В некоторых случаях несоответствие экологическим стандартам вызвано привлечением китайских подрядчиков с недостаточным уровнем компетенций, в частности при строительстве ТЭС Morupule B в Ботсване³⁵. Ответственность за компенсацию ущерба при изъятии земли под строительство инфраструктуры лежит на инвесторе проекта, обычно представленного государственными структурами. Тем не менее, учитывая негативный опыт с протестами населения и задержками в реализации проекта по этой причине, китайская сторона уделяет больше внимания этой проблеме: одним из условий China Eximbank при предоставлении финансирования железной дороги Найваша – Малаба в Уганде были гарантии выплаты компенсаций³⁶. Что касается послед-

ней проблемы, то по результатам исследования ученых Б. Саутмана и Я. Хайжуна, доля местной рабочей силы в персонале китайских компаний превысила 80%, хотя руководящие и технические должности преимущественно занимают китайцы³⁷.

По мере роста научного и технологического уровня китайских компаний растет и качество реализуемых ими проектов в странах АЮС. Например, по результатам исследования качества транспортных проектов, выполненных за счет кредитов Всемирного банка китайскими компаниями и компаниями из стран ОЭСР, обнаружилось, что показатели практически одинаковы, но для китайских компаний характерен больший разброс по качеству [Farrell 2016, p. 15]. Однако Китаю до сих пор не достаёт компетенций в проектировании и производстве такого высокотехнологичного оборудования, как турбины и генераторы для электростанций [IEA 2016, p. 19]. Наблюдаются попытки продвижения локомотивных двигателей китайского производства в страны Африки, хотя до настоящего времени можно отметить наличие технических проблем.

Выводы

- Китаю удалось разработать альтернативный стандартам ОЭСР эффективный механизм финансирования, выгодный для развиваю-

34 Nigel Gambanga (2016) NetOne Prejudiced of \$78 Million in Overpriced Huawei Deal as Shadow of Suspicion is Raised over Other Projects // The Financial Gazette, April 12, 2016 // <https://www.financialgazette.co.zw/netone-prejudiced-of-78-million-in-overpriced-huawei-deal-as-shadow-of-suspicion-is-raised-over-other-projects/>, дата обращения 12.10.2018.

35 World Bank "Classifies" Morupule B as a Health Hazard (2018) // Sunday Standard, April 15, 2018 // <http://www.sundaystandard.info/world-bank-%E2%80%9CClassifies%E2%80%9D-morupule-b-health-hazard>, дата обращения 12.10.2018.

36 China Exim Sets Terms for Financing Uganda's Standard Gauge Railway (2016) // The East African, May 28, 2016 // <http://www.theeastafrican.co.ke/business/China-Exim-sets-terms-for-financing-Uganda-SGR/2560-3223214-esac0v/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

37 Brautigam D. (2015) 5 Myths about Chinese Investment in Africa // Foreign Policy, December 04, 2015 // <https://foreignpolicy.com/2015/12/04/5-myths-about-chinese-investment-in-africa/>, дата обращения 12.10.2018.

щихся стран АЮС и вместе с тем способствующий экспансии китайских компаний и китайских товаров на иностранные рынки. Китай заинтересован в сопряжении интересов и планов экономического развития со странами Африки.

- Китайские государственные компании осуществляют свою деятельность в русле выполнения стратегических планов Китая, поэтому долгосрочный характер сотрудничества со странами АЮС позволяет Китаю учитывать негативный опыт реализации проектов для совершенствования моделей сотрудничества.
- Наблюдаются эволюция целей и моделей кредитного финансирования китайских проектов в регионе, расширение спектра и рост масштаба проектов. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» делается акцент на реализацию особо крупных трансграничных проектов.
- Благодаря гибким подходам к финансированию и участию в проектах китайских компаний, получивших необходимые компетенции, сотрудничество с КНР дает многим странам АЮС возможность реализовать масштабные инфраструктурные проекты, необходимые для промышленного и гуманитарного развития. Состояние экономики многих стран АЮС не позволяет им самостоятельно финансировать проекты такого масштаба, а международные финансовые институты крайне неохотно идут на сотрудничество со странами с высокими рисками и зачастую выдвигают трудновыполнимые макроэкономические и политические требования.
- Реализация инфраструктурных проектов способствует росту объ-

емов торговли стран АЮС, в том числе с Китаем (за счет материалов и техники в ходе реализации проекта, экспорта минеральной продукции, месторождения которых стали транспортно доступными, импорта китайский товаров). В дальнейшем после реализации основной части инфраструктурных проектов ожидается расширение финансирования промышленных проектов.

- Наряду с положительными существуют и отрицательные аспекты сотрудничества. К ним можно отнести завышение контрактных цен, наличие предпосылок для коррупции за счет непрозрачности сделок, проблемы в ходе отчуждения земель под инфраструктурные проекты, недостаточное внимание к экологическим аспектам и др. На ход реализации инфраструктурных проектов также отрицательно влияют особенности среды реализации проекта.

Список литературы

- Дейч Т.Л. (2008) Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН.
- Малахов Ф.В. (2016) Азиатская модель финансирования экспорта: практика Китая в странах Африки южнее Сахары // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 58–64.
- African Construction Trends, 2017 (2017) // Deloitte.com // https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ao/Documents/energy-resources/Africa_Construction_Trends_Reports.pdf, дата обращения 12.10.2018.
- Brautigam D. (2009) *The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa*, Oxford: Oxford University Press.
- Brautigam D. (2011) *Chinese Development Aid in Africa: What, Where, Why,*

and How Much? // *Rising China: Global Challenges and Opportunities* (eds. Golley J., Ligang Song), Canberra: Australia National University Press, pp. 203–222 // <https://deborahbrautigam.files.wordpress.com/2013/04/2011-brautigam-chinese-aid-in-africa.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Brautigam D., Hwang J. (2016) *Eastern Promises: New Data on Chinese Loans in Africa, 2000–2014*. CARI Working Paper No. 2016/4 // <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/58ac91ede6f2e1f64a20d11a/1487704559189/eastern+promises+v4.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Cisse D. (2012) *Chinese Telecom Companies Foray Into Africa* // *African East-Asian Affairs*, vol. 69, no 7 pp. 16–23 // <http://aeaa.journals.ac.za/pub/article/view/94/45>, дата обращения 12.10.2018.

Copper J. (2016) *China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. Volume III*, New York: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137532688

Dollar D. (2016) *China's Engagement with Africa: from Natural Resources to Human Resources* // *The Brookings Institution*, Washington // <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Chinas-Engagement-with-Africa-David-Dollar-July-2016-1.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Farrell J. (2016) *How Do Chinese Contractors Perform in Africa? Evidence from World Bank Projects*. SAIS China Africa Research Ini-

tiative. Working Paper No. 3, February 2016 // http://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/573c970bf8baf3591b05253f/1463588620386/Working+Paper_Jamie+Farrell.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Foster V., Butterfield W., Chen C., Pushak N. (2009) *Building Bridges. China's Growing Role as Infrastructure Financier for Sub-Saharan Africa*, Washington: World Bank. DOI: 10.1596/978-0-8213-7554-9 // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2614/4/80910PUB0Buil101OFFICIAL0USE0ON-LY1.pdf?sequence=1&isAllowed=y>, дата обращения 12.10.2018.

Hubbard P. (2007) *Aiding Transparency: What We Can Learn About China. Exim Bank's Concessional Loans*. Center for Global Development. Working Paper No. 126 // https://www.cgdev.org/files/14424_file_AidingTransparency.pdf, дата обращения 12.10.2018.

IEA (2016). *Boosting the Power Sector in Sub-Saharan Africa – Chinese Involvement*. OECD/IEA, Paris // https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Partner_Country_SeriesChinaBoosting_the_Power_Sector_in_SubSaharan_Africa_Chinas_Involvement.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Li Zhongyuan (2003) *Liyong duiwai youhui daikuan zhichi qiye “zou-chuqu”* [Using Preferential Loans to Foreign Countries Support Enterprises to “Go Out”] // *International Economic Cooperation*, no 3(4), pp. 15–17 (in Chinese).

Chinese Infrastructure Projects in Sub-Saharan Africa: Credit Financing

Karina A. GEMUEVA

Junior Researcher Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: krina07@mail.ru

CITATION: Gemueva K.A. (2018) Chinese Infrastructure Projects in Sub-Saharan Africa: Credit Financing. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 55–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73

ABSTRACT. *Chinese companies are actively involved in building infrastructure facilities in sub-Saharan Africa (SSA), with a substantial part of the projects funded by Chinese banks. According to some estimates, more than 60% of all Chinese loans granted to the SSA countries from 2000 to 2015 were provided to this end. Vast majority of the projects are carried out by the state-owned enterprises (SOEs). Their main advantages are the opportunity to obtain concessionary financing for the project, a special Chinese model of financing, a government support of activities serving the national strategic goals and the expertise gained from the implementation of similar projects in China. This combination of Chinese banks and companies is an effective tool for promoting China's strategic economic and political interests. Meanwhile, it gives the SSA countries a unique opportunity to implement large-scale infrastructure projects necessary for further socio-economic development. China's participation in infrastructure projects in the SSA countries began in the 1960s, and there has been a marked increase in the scale and number of projects since the first decade of the 21st century. In response to the launching "One belt, one road" initiative, the focus is shifting towards cross-border and trans-regional mega-projects. Chinese financing model profile described in the article comprise "tied" loans, no-political-strings-attached approach (except for the recogni-*

tion of the "one China" principle), combined schemes to reduce the risk of non-repayment of loans and non-transparent transaction terms. The key areas of infrastructure development by Chinese companies in the SSA countries, i.e. energy, transport and telecommunications, are considered in detail. Particular attention is paid to the largest projects in each area. The problems arising during the implementation of Chinese infrastructure projects, as well as features of the project implementation environment on the African continent are analyzed.

KEY WORDS: *Sub-Saharan Africa, China, loan financing, energy infrastructure, transport infrastructure, telecommunications*

References

- African Construction Trends, 2017 (2017). *Deloitte.com*. Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ao/Documents/energy-resources/Africa_Construction_Trends_Reports.pdf, accessed 12.10.2018.
- Deych T.L. (2008) *Afrika v strategii Kitaya* [Africa in China's Strategy], Moscow: Institute for African Studies RAS.
- Malakhov F. (2016) *Aziatskaya model' finansirovaniya eksporta: praktika Kitaya v stranakh Afriki yuzhnee Sakhary* [Asian Model of Export Financing: China's Ex-

perience in SSA]. *Asiya i Afrika segonya*, no 11, pp. 58–64.

Brautigam D. (2009) *The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa*, Oxford: Oxford University Press.

Brautigam D. (2011) Chinese Development Aid in Africa: What, Where, Why, and How Much? *Rising China: Global Challenges and Opportunities* (eds. Golley J., Ligang Song), Canberra: Australia National University Press, pp. 203–222. Available at: <https://deborahbrautigam.files.wordpress.com/2013/04/2011-brautigam-chinese-aid-in-africa.pdf>, accessed 12.10.2018.

Brautigam D., Hwang J. (2016) *Eastern Promises: New Data on Chinese Loans in Africa, 2000–2014*. CA-RI Working Paper No. 2016/4. Available at: <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/58ac91ede6f2e1f64a20d11a/1487704559189/eastern+promises+v4.pdf>, accessed 12.10.2018.

Cisse D. (2012) Chinese Telecom Companies Foray Into Africa. *African East-Asian Affairs*, vol. 69, no 7, pp. 16–23. Available at: <http://aeaa.journals.ac.za/pub/article/view/94/45>, accessed 12.10.2018.

Copper J. (2016) *China's Foreign Aid and Investment Diplomacy*. Volume III, New York: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137532688

Dollar D. (2016) China's Engagement with Africa: from Natural Resources to Human Resources. *The Brookings Institution*, Washington. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Chinas-Engagement-with-Africa-David-Dollar-July-2016-1.pdf>, accessed 12.10.2018.

Farrell J. (2016) *How Do Chinese Contractors Perform in Africa? Evidence from World Bank Projects*. SAIS China Africa Research Initiative. Working Paper No. 3, February 2016. Available at: http://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/573c970bf8baf3591b05253f/1463588620386/Working+Paper_Jamie+Farrell.pdf, accessed 12.10.2018.

Foster V., Butterfield W., Chen C., Pushak N. (2009) *Building Bridges. China's Growing Role as Infrastructure Financier for Sub-Saharan Africa*, Washington: World Bank. DOI: 10.1596/978-0-8213-7554-9. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2614/480910PUB0Buil101OFFICIAL0USE0ONLY1.pdf?sequence=1&isAllowed=y>, accessed 12.10.2018.

Hubbard P. (2007) *Aiding Transparency: What We Can Learn About China. Exim Bank's Concessional Loans*. Center for Global Development. Working Paper No. 126. Available at: https://www.cgdev.org/files/14424_file_AidingTransparency.pdf, accessed 12.10.2018.

IEA (2016). Boosting the Power Sector in Sub-Saharan Africa – Chinese Involvement. OECD/IEA, Paris. Available at: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Partner_Country_SeriesChinaBoosting_the_Power_Sector_in_SubSaharan_Africa_Chinas_Involvement.pdf, accessed 12.10.2018.

Li Zhongyuan (2003) Liyong duiwai youhui daikuan zhichi qiye “zou chuqu” [Using Preferential Loans to Foreign Countries Support Enterprises to “Go Out”]. *International Economic Cooperation*, no 3(4), pp. 15–17 (in Chinese).

В национальном разрезе

Алжир: региональный лидер или потенциально нестабильное государство?

Алексей Михайлович ВАСИЛЬЕВ

академик РАН, профессор, почетный президент Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института Африки РАН; заведующий кафедрой африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов (РУДН). Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: ns_inafr@mail.ru

Наталья Александровна ЖЕРЛИЦЫНА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН; доцент Российского университета дружбы народов (РУДН). Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: ns_inafr@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Васильев А.М., Жерлицына Н.А. (2018) Алжир: региональный лидер или потенциально нестабильное государство? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 74–85. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-74-85

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются возможности и угрозы, стоящие перед Алжирской Народной Демократической Республикой в настоящий момент. Алжир по целому ряду параметров обладает потенциалом регионального лидера в одном из самых стратегически важных регионов мира. Это природные и человеческие ресурсы, стабильные экономические, дипломатические связи с арабским миром, странами Европы и Америки. И ведущие державы, и соседи по региону возлагают на АНДР надежды как на ключевого партнера в усилиях по обеспечению безопасности и борьбе с терроризмом. Алжирские власти стремятся представить свою страну сильным региональным лидером, свободным от внутренних разногласий и экстремизма, которые преследуют другие арабские государства. Однако в реальности ситуация является

более сложной. В данный момент АНДР находится в непростой ситуации, учитывая как внутреннее положение, так и опасность, исходящую извне. Основной причиной политической и экономической неопределенности внутри страны являются ожидания и опасения, связанные с грядущей сменой власти, – президентские выборы назначены на весну 2019 г. Социально-экономическая сфера Алжира является еще одним слабым местом, способным при неблагоприятном развитии событий создать проблемы нестабильности. К числу давних нерешенных проблем АНДР относится берберский вопрос, угрожающий единству страны. Противостояние Алжира и Марокко в западно-сахарском вопросе приводит к сохранению зоны нестабильности в регионе и способствует укоренению террористической угрозы. На протяжении последнего десяти-

летия Алжиру приходится уделять все больше внимания и выделять ресурсы для укрепления региональной безопасности. В этой сфере Алжир демонстрирует приверженность мирной дипломатии, невмешательству во внутренние дела других государств и неприятие любой внешней роли своих вооруженных сил. Именно такая позиция принесла республике международное признание в качестве регионального лидера и надежного партнера в борьбе с терроризмом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Алжир, региональное лидерство, угроза нестабильности, терроризм, социально-экономические трудности, берберский вопрос*

По ряду параметров Алжирская Народная Демократическая Республика обладает потенциалом регионального лидера в одном из самых стратегически важных регионов мира. Если учитывать экономические, военные возможности, влияние и авторитет в регионе и мире, сильные ресурсы, то Алжир формально имеет право претендовать на звание региональной державы, принадлежавшее доселе в Северной Африке только Египту. Страна располагает такими важными ресурсами, как выгодное географическое положение на стыке Европы, Средиземноморья, арабского мира и Африки, одни из самых богатых запасов нефти и газа на континенте и позитивная демографическая ситуация с преобладанием молодого населения. Алжир обладает мощной и боеспособной армией, прошедшей крепление в ходе гражданской войны 1991–1999 гг. и являющейся ныне одним из оплотов гражданского мира в стране.

Внешняя политика республики характеризуется независимым характе-

ром, что позволяет расширить дипломатические отношения в целях укрепления и углубления торговых связей. Алжир сотрудничает с соседними арабскими странами, а также извлекает выгоду из тесных отношений с США и странами Евросоюза. Благодаря историческим связям, Европа, и особенно Франция, остается одним из ближайших партнеров Алжира. АНДР подписала соглашение об ассоциации с ЕС в 2002 г. и выразила готовность начать переговоры по плану действий в рамках европейского соседства и партнерства в 2011 г. В 2018 г. ЕС является крупнейшим торговым партнером Алжира, на его долю приходится более половины торговли страны – 50,3%¹. Развиваются и алжиро-американские отношения, как в экономическом плане, так и в плане обеспечения региональной стабильности и борьбы с терроризмом. Традиционно дружественные отношения связывают североафриканскую страну с РФ, Алжир входит в тройку ведущих экономических партнеров России на Африканском континенте.

После того как властям Алжира в начале 2000-х гг. удалось устранить угрозу исламского экстремизма и наладить в стране мирный политический процесс, многие страны мира – как ведущие державы, так и региональные игроки – стали рассматривать АНДР в качестве ключевого партнера в Северной Африке в усилиях по обеспечению безопасности и борьбе с терроризмом. Алжир жизненно заинтересован в устранении угрозы, создаваемой джихадистами, действующими в регионе. Сильные и опытные спецслужбы этой страны являются важными партнерами для соответствующих ведомств США и Франции [Долгов 2018, с. 54]. Без актив-

1 Countries and Regions: Algeria (n/y) // European Commission // <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/algeria/>, дата обращения 12.10.2018.

ного сотрудничества со стороны Алжира будет очень трудно укрепить безопасность соседнего Туниса, ослабшую вследствие кризиса, последовавшего за «жасминовой революцией» 2011 г. [*Sa-ti Aouin* 2013, p. 77]. Без политического веса Алжира окончание гражданской войны в Ливии будет практически невозможно. Влияние Алжира распространяется и за пределы Северной Африки: он рассматривает регион Сахеля в качестве зоны своих стратегических интересов, а всемерное укрепление здесь лидирующего положения является одним из главных приоритетов его внешней политики. Об этом свидетельствует и участие АНДР в урегулировании конфликта в Мали.

В условиях конфликтов и кризисов, которые переживает в последние годы регион Ближнего Востока и Северной Африки, наличие такого весомого игрока, как Алжир, должно было бы вселять оптимизм. Алжирские власти стремятся представить свою страну сильным региональным лидером, свободным от внутренних разногласий и экстремизма, которые преследуют другие арабские государства. Однако в реальности ситуация является более сложной, Алжир сталкивается с угрозами своей стабильности. В данный момент страна находится в непростой ситуации, учитывая как внутреннее положение, так и опасность, исходящую извне. Существует ряд угроз, таких как внутренняя политическая борьба, экономические неурядицы, активизация исламистского терроризма, которые как по отдельности, так и в совокупности могут привести к дестабилизации.

Основной причиной политической и экономической неопределенности внутри страны являются ожидания и опасения, связанные с грядущей сменой власти, а вместе с ней и партийно-государственных и силовых элит. До очередных президентских выборов

в Алжире остается несколько месяцев, они должны состояться весной 2019 г., но до сих пор нет ясности, кто на них будет выдвигаться от «партии власти». Существует возможность, что таким кандидатом вновь станет сам президент Абдель Азиз Бутефлика, правящий Алжиром последние 19 лет, несмотря на почтенный возраст – 81 год и плохое состояние здоровья. Такой вариант может быть продавлен окружением президента, а именно его младшим братом и личным советником Саидом Бутефликой.

О повышении градуса внутривнутриполитической напряженности свидетельствуют события нескольких последних лет: громкие отставки в правительстве и партийном руководстве, чистки в рядах службы безопасности, аресты и реальные тюремные сроки для ряда высокопоставленных военных, принятие законов против журналистов и всех тех, кто «подрывает устои». 2017 г. стал рекордным для истории Алжира в плане смены глав правительств, уже к августу страна получила третьего премьер-министра за год. Основная борьба разворачивается между кланом Саида Бутефлики и заместителем министра обороны и начальником штаба армии Ахмедом Гаидом Салахом. Брат президента стремится монополизировать право выбора преемника, он намерен не допустить усиления военных и ограничить их амбиции во власти. Такая позиция идет вразрез с историческим наследием Алжира, страны, в которой роль армии в течение десятилетий традиционно была определяющей. Именно благодаря вмешательству алжирской армии удалось избежать прихода исламистов к власти и провозглашения здесь «исламской республики» в 1992 г. в ходе вооруженной борьбы властей с исламскими радикалами. Генерал Салах выступает против принижения роли армии в определении судьбы страны. Не

претендуя лично на высший пост в республике, он считает, что именно армия должна и далее играть роль главного гаранта конституции, оставаясь одним из основополагающих институтов политической системы Алжира.

Вряд ли следует рассчитывать на выдвижение на президентских выборах 2019 г. сильной кандидатуры от оппозиционных партий. Хотя за годы правления Бутефлики было сделано немало для создания и развития в стране многопартийности и в Национальной народной ассамблее Алжира соседствуют самые разные партии – от левосоциалистической троцкистской до умеренно исламистских и национальных берберских, но на политической сцене доминирующими остаются только две: Фронт национального освобождения и Национальное демократическое объединение, которые поддерживают Бутефлики. Существующие тенденции были подтверждены на прошедших в мае 2017 г. парламентских выборах: две пропрезидентские партии получили абсолютное большинство голосов – 164 плюс 97².

Исламистский «Союз во имя справедливости, возрождения и развития», в который входят партии «Общественное движение за мир», «Аль-Ислах» и «Ан-Нахда», получил 48 мест³. Эти три партии исповедуют умеренный исламизм, их лидеры позиционируют себя как системную оппозицию, в основном поддерживая программу экономических и политических реформ президента Бутефлики. В новом парламенте представлены и крайне левая троцкистская Партия трудящихся (11 мест),

и партии «Фронт социалистических сил» (14 мест) и «Объединение за культуру и демократию» (9 мест), выступающие за демократическое и светское развитие Алжира и соблюдение прав берберского населения.

Весьма скромный результат алжирских партий политического ислама особенно контрастно выглядит на фоне недавних успехов их единомышленников в соседних североафриканских странах. В Тунисе и Марокко исламистские партии по результатам последних выборов если и не выиграли, то продемонстрировали весьма высокие результаты, показывающие востребованность и перспективность этой идеологии [Долгов 2017, с. 112]. Данные алжирских выборов свидетельствуют как о некотором сокращении базы поддержки исламистов в стране после десятилетия гражданской войны, так и о недоверии к политическому процессу, когда правящая партия выигрывает каждые выборы уже 20 лет подряд. Весьма высоко число алжирцев, бойкотирующих выборы, оно доходит до 55%⁴, среди которых большинство именно приверженцев религиозной идеологии. В Алжире в последние годы сформировалось мощное ультраконсервативное салафитское движение, проповедующее отказ от политики и дистанцирование от нее, оно запрещает своим лидерам и адептам участвовать в выборах [Ланда 2014, с. 139]. Для того чтобы партии исламской направленности имели перспективы на политической сцене Алжира, они должны трансформироваться из религиозных в политические институты. Считается, что доминирование харизматичного лидера

2 Мамед-заде П. (2017) В Алжире проходят очередные парламентские выборы // TASS-online.ru. 4 мая 2017.

3 Caputo S. (2015) Immuni dal Terrorismo: il Segreto dell'Algeria // Il Giornale, November 25, 2015 // <http://www.ilgiornale.it/news/mondo/immuni-terrorismo-segreto-dellalgeria-1198334.html>, дата обращения 12.10.2018.

4 Amayas Zmirli (2017) Algérie: Quand Gronde la Rage Sourde du Boycott et de l'Abstention // Le Point, November 23, 2017 // http://afrique.lepoint.fr/actualites/algerie-elections-locales-entre-boycott-et-abstention-22-11-2017-2174242_2365.php, дата обращения 12.10.2018.

или шейха-основателя необходимо дополнить или заменить демократической выборной процедурой. Слабым местом как алжирских, так и других североафриканских партий политического ислама является отсутствие практического плана, знаний и опыта государственного управления. Неожиданное возвышение и быстрое падение с олимпа государственной власти «Братьев-мусульман» в Египте и «Ан-Нахды» в Тунисе в ходе «арабской весны» и «арабской зимы» свидетельствуют о том, что религиозной и идеологической риторики явно недостаточно, когда дело касается решения практических проблем общества. Партиям данной направленности еще предстоит убедить граждан Алжира в том, что они предлагают реальное решение экономических и социальных проблем общества, при этом не угрожая безопасности и стабильности государства.

Социально-экономическая сфера Алжира является еще одним уязвимым местом, способным при неблагоприятном развитии событий подорвать стабильность. Болезненный переход от авторитаризма к плюрализму в конце 1980-х гг., последовавшее затем «черное десятилетие» противостояния светской власти и исламистов, трудный, хрупкий процесс политического урегулирования в нулевых годах оставили стране мало шансов на быстрое достижение экономического процветания. Богатство углеводородных ресурсов позволило Алжиру во время всех этих кризисов держаться на плаву, но до сих пор в стране не создана диверсифицированная экономика, способная обеспечить запросы активного населения.

К 2011 г., к началу «арабской весны» в соседних странах, Алжир подошел с продолжавшими оставаться не-

решенными социально-экономическими проблемами. Во многом эти проблемы одинаковы для всех стран Магриба: высокая безработица, особенно молодежная, жилищная проблема. Безработица достигала 11% в 2011 г., по ВВП на душу населения Алжир занимал 126 место в мире, за чертой бедности жили от 15 до 20% населения⁵. «Арабская весна» в Алжире началась с протестов в квартале бедноты Баб аль-Уэд столицы. Выступления были направлены против растущей дороговизны жизни, массовой безработицы и нехватки жилья. Протесты становились все более массовыми и перекинулись на другие районы Алжира, затронув 20 из 48 провинций страны [Salah Hadji 2014, p. 38]. Но благодаря быстрой и адекватной реакции властей, сделавших шаги навстречу недовольным – повышена минимальная заработная плата, отменено чрезвычайное положение, – протесты «арабской весны» в Алжире быстро пошли на убыль.

Неустойчивость экономической модели АНДР, когда на нефтегазовую отрасль приходится 97% экспортных доходов, не раз за последнее десятилетие напоминала о себе. Падение мировых цен на нефть и газ вынуждает власти сокращать традиционно широкий спектр субсидий для беднейших слоев населения, и социальная стабильность оказывается под угрозой. Правительству уже пришлось увеличить некоторые налоги, одновременно повысив цены на топливо, электроэнергию и газ. Усилению протестных настроений в Алжире способствовало и повышение цен на продукты питания первой необходимости – молоко, муку, сахар. Экономический кризис ударил и по среднему классу Алжира: власти вынужденно пошли на сокращение социальных про-

5 Меркулов А. (2016) Алжир усиливает меры безопасности // TASS-online.ru. 17 февраля 2016.

грамм, объявили об увольнении 40% госслужащих⁶. Бюджет, принятый парламентом АНДР на 2017 г., подразумевал программу жесткой экономии и введение новых налогов. Увеличилась стоимость топлива, коммунальных услуг, жилья, бытовой техники и продуктов питания. Цены на них выросли на 10–15%. По мнению ряда специалистов, эти меры не могли исправить ситуацию, поскольку являлись простой попыткой заделать пробоины в бюджете, не открывая новых перспектив для национальной экономики. Но они наносили серьезный удар по покупательской способности алжирцев. Социальная напряженность, недовольство населения и протесты заставили власти в середине 2017 г. отложить программу жесткой экономии и увеличить расходы, что привело к прогнозу восстановления роста экономики до 4% в 2018 г. Премьер-министр Ахмед Уяхья заявил, что субсидии алжирского правительства на горячее, молоко и хлеб не будут отменены. По его словам, «в Алжире проводится неизменная социальная политика, основанная на социальной справедливости и национальной солидарности»⁷. Сочетание низких мировых цен на нефть и более высоких государственных расходов увеличило дефицит бюджета в 2017 г. Весной 2018 г. МВФ и Всемирный банк предупредили алжирское правительство, что зависимость от экспансионистской денежно-кредитной политики для финансирования бюджетного дефицита может привести к резкому росту инфляции и торгового дефицита.

Еще одним опасным последствием сырья характера алжирской экономики является выдавливание из стра-

ны образованных граждан, которые предпочитают уехать в Канаду, США и ЕС, а их замещают малообразованные жители африканских стран. На этом фоне возникает дефицит квалифицированных кадров, что может создать политические и экономические проблемы. При такой структуре экономики даже позитивный демографический фактор – преобладание молодого населения – превращается в угрозу для стабильности системы. Недаром алжирские власти весьма дорожат поддержкой Франции в вопросе визовой политики, позволяющей перемещать алжирскую безработную молодежь в ЕС, что дает возможность разрядить социальную напряженность и обеспечить общественную стабильность в легко уязвимом алжирском социуме. Это не говоря еще об идущем в страну потоке валюты.

К числу давних нерешенных проблем АНДР относится берберский вопрос, угрожающий единству страны. Берберы, коренное население Северной Африки, представлены в Алжире различными этническими группами, они составляют около 25–30% населения. Начало расколу алжирского общества было положено в 1960-х гг., когда был взят курс на построение унитарного государства, основанного на арабо-мусульманской культуре. Жесткий курс на арабизацию и подавление берберской культуры вызвал закономерную реакцию: берберы протестовали, неоднократно поднимали восстания. Благодаря «политической весне» 1989 г. у берберского меньшинства появилась возможность принимать участие в политической жизни страны и заявлять о своих культурных и политических

6 The Report Algeria 2017 (2017), Oxford Business Group // <https://www.pwc.fr/fr/assets/files/pdf/2018/02/the-report-algeria-2017.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

7 Lamine Ghanmi (2018) Algeria Halts Hundreds of Imports to Save Foreign Reserves // The Arab Weekly, January 14, 2018.

правах. В 1991–1992 гг. власти страны смягчили политику арабизации: разрешено преподавание берберской культуры в вузах страны, в 1995 г. проведен Всемирный конгресс амазиг (самоназвание берберов). Именно берберская часть населения Алжира была самым непримиримым противником радикальных исламистов в годы гражданской войны: помимо прочего их разделяли и культурно-цивилизационные противоречия. В годы правления А. Бутефлики правительство Алжира предприняло некоторые шаги, направленные на выполнение требований берберской оппозиции. На законодательном уровне признана самоидентификация берберского меньшинства, в 2015 г. берберский язык амазиг объявлен вторым государственным. Правительство приняло специальную программу по улучшению социально-экономической обстановки в Кабилии – месте компактного проживания берберов. Берберские партии представлены в парламенте страны.

Несмотря на эти достижения, представители берберского населения продолжают настаивать на том, что принятые властью программы и законы не действуют, оставаясь фиктивными. По их мнению, из всех стран, в которых проживают берберы, именно Алжиру принадлежит первенство по масштабам подавления национальных прав этого меньшинства. Берберские представители приводят следующие факты: со времени принятия закона о языке в 2015 г. государство выделило финансирование только на 1% ставок преподавателей берберского языка в средних и высших учебных заведениях [Балмасов 2017].

Еще один частый упрек властям со стороны защитников прав берберского меньшинства заключается в том, что государственные органы отказываются регистрировать новорожденных берберских детей под национальными

именами под предлогом отсутствия таких имен в государственном регистре. Всемирный конгресс амазигов, осудивший эту ситуацию как проявление преднамеренной арабизации, побуждает берберов параллельно вести собственную регистрацию детей.

Разочарование в легитимном пути борьбы за национальные права отражается на падении поддержки официальных парламентских партий берберов «Фронт социалистических сил» и «Объединение за культуру и демократию». Представители национального меньшинства обвиняют их в соглашательстве. Одновременно происходит опасное укрепление позиций радикалов и сепаратистов, например «Движения за автономную Кабилию».

В условиях, когда страны Магриба находятся под ударом политических потрясений, социальной нестабильности и террористической угрозы, как никогда необходимо единство и взаимопонимание между руководством соседних государств для сохранения стабильности в регионе. Но одной из проблем, мешающих достижению сплоченности и взаимной поддержки, являются застарелые региональные конфликты. Одним из самых сложных и опасных для будущего Северной Африки является западносахарский конфликт. Его истоки лежат в колониальном прошлом, а открытый конфликт – «война в песках» между Алжиром и Марокко – произошел в 1963 г. Когда в 1976 г. Фронт ПОЛИСАРИО провозгласил независимость Западной Сахары, назвав самопровозглашенное государство Сахарской Арабской Демократической Республикой (САДР), Марокко продолжало настаивать на принадлежности ему этой территории, проводилась политика ее интенсивного заселения «коренными» марокканцами для экономического слияния с остальным Марокко. И сейчас САДР остается частично при-

знанным государством, а отношения соседних арабских стран по-прежнему страдают из-за нерешенности этого конфликта. Алжир и Марокко демонстративно отказываются от совместных поисков компромиссных решений по проблеме Западной Сахары. Алжир выступает за самоопределение западносахарского народа, осуждая марокканскую позицию. Руководство АНДР требует провести референдум о независимости Западной Сахары. На территории Алжира по-прежнему находится большое количество беженцев из Западной Сахары. Нерешенность конфликта приводит к сохранению зоны нестабильности в регионе и способствует укоренению террористической угрозы, поскольку многие террористы привлекают на свою сторону население, неудовлетворенное центральной властью или ее отсутствием, как происходит в случае с Западной Сахарой.

Противостояние Алжира и Марокко в западно-сахарском вопросе приводит к тому, что две страны видят друг в друге конкурентов и на региональном, и даже на африканском уровне. Стабильное политическое и экономическое развитие Марокко в последние десятилетия позволяет королевству оспаривать лавры регионального лидера у Алжира. Марокко в данный момент занимает ведущее место среди африканских государств по темпам экономического роста и по инвестициям на Африканском континенте [The Africa Investment Report 2016]. Экономические достижения королевства конвертируются в политические дивиденды: несмотря на то что позиция Марокко в западно-сахарском вопросе подвергается международной критике, его положение в Африканском союзе заметно окрепло.

На протяжении последнего десятилетия Алжиру приходится уделять все больше внимания и выделять ресурсы для решения проблем региональной безопасности. Волнения в Тунисе и Египте, гражданская война в Ливии, восстание туарегов в Мали, передислокация боевиков-террористов из зон боевых действий в Сирии и Ираке в конфликтные и кризисные зоны в Ливии, регион Сахеля, Африканского рога и бассейн озера Чад потребовали от руководства АНДР формирования новой чрезвычайной международной стратегии. И большой заслугой правительства Бутефлики стал выбор пути мирной дипломатии и социально-экономических способов борьбы с терроризмом [Сапронова 2016, с. 575]. Алжир продемонстрировал приверженность невмешательству во внутренние дела других государств и неприятие любой внешней роли своих вооруженных сил. Именно такая позиция принесла республике международное признание в качестве регионального лидера и надежного партнера в борьбе с терроризмом.

Именно Алжир озаботился разработкой всеобъемлющей стратегии для Африки, предусматривающей способы пресечения иностранного вмешательства на Континенте под предлогом борьбы с терроризмом. Во всех своих дипломатических и военных усилиях по борьбе с терроризмом на африканском уровне Алжир стремится подчеркнуть принцип «африканизации решений». Алжир активно сотрудничает в Африканской организации полицейского сотрудничества (Африпол), которая должна объединить усилия стран Континента в борьбе с различными вызовами, которые угрожают безопасности и стабильности Африки⁸.

8 Мамед-заде П. (2017) Борьба с терроризмом и преступностью станут приоритетными задачами Африпола // TASS-online. 16 мая 2017.

В Сахеле, который находится в непосредственной близости от него, Алжир всегда избирает дипломатический путь и избегает любых военных подходов к решению такой международной проблемы, как терроризм. Алжир также стремится убедить международное сообщество в необходимости пресекать финансирование терроризма, в том числе в форме выплат выкупа. Эти усилия увенчались успехом в декабре 2009 г., когда Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1904, запрещающую выплату выкупа в качестве дополнения к резолюциям № 1373 и № 1267 о запрете финансирования терроризма [Watanabe 2017, p. 141].

Правительство Алжира играет активную роль в дипломатических усилиях по прекращению конфликта, затрагивающего его южного соседа Мали. В январе 2014 г. АНДР выступила инициатором начала многосторонних переговоров, длившихся полтора года и закончившихся подписанием мирных соглашений между правительством Мали и туарегским «Движением за освобождение Азавада». Военное вмешательство Франции в 2013 г. и пятилетнее пребывание там французского контингента войск не привело к искоренению террористических группировок и повышению уровня безопасности в регионе [Кузнецов 2015, с. 127]. Напротив, граница Алжира с Мали стала менее безопасной, подвергаясь напору беженцев, террористов и организованной преступности.

Алжир на протяжении нескольких лет принимает активное участие в международных посреднических усилиях, направленных на политическое урегулирование ливийского кризиса. Базовые принципы, на которых основывается позиция АНДР, – территориаль-

ная целостность Ливии, политический диалог противостоящих сил и неприменение силы. Положительным фактором является взаимопонимание в ливийском вопросе между Алжиром и соседним Тунисом. Страны имеют общую позицию по ливийскому урегулированию, выступают за политическое решение ливийских конфликтов, решительно отвергая военные варианты. И Алжир, и Тунис поддерживают правительство национального единства Ливии, а также усилия, направленные на поиск политического урегулирования в этой стране через сближение позиций ливийских сторон. Эксперты обеих стран предостерегают, что внешнее военное вмешательство в Ливии может привести к гражданской войне в соседних странах, и аргументируют это неизбежным наплывом сотен тысяч ливийских беженцев⁹.

Таким образом, внешние угрозы и внутренние вызовы, с которыми Алжир сталкивается в последние годы, купируются его властями лишь частично. Относительная стабильность и безопасность внутри страны имеет обратной стороной застойную политическую систему и вялую экономику, вызывающие регулярные всплески социального недовольства. Перед правительством АНДР стоит задача диверсификации экономики в сжатые сроки, но в нынешней политической обстановке большие ресурсы отвлекаются на решение проблем безопасности. Тупиковая ситуация во взаимоотношениях между Марокко и Алжиром блокирует установление партнерских отношений между ключевыми политическими силами Северной Африки, от которых зависит политическая, экономическая, социальная стабильность в регионе. О перспективах регионального

9 Mezri Haddad (2016) Libye-Tunisie: une Guerre n'Arrive Jamais Seule // L'Expression, February 14, 2016.

лидерства АНДР гораздо яснее можно будет судить после проведения президентских выборов 2019 г., когда станут понятны основные приоритеты новой власти в экономической, социальной и внешнеполитической сфере.

Список литературы

- Балмасов С.С. (2017) Алжирские берберы: власти усиливают угнетение по национальному признаку // Институт Ближнего Востока. 20 августа 2017 // <http://www.iimes.ru/?p=37177>, дата обращения 12.10.2018.
- Долгов Б.В. (2017) Феномен «арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: Ленанд.
- Долгов Б.В. (2018) Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2017 гг. М.: URSS.
- Кузнецов В.А. (2015) Безопасность государств Северной Африки в условиях политической трансформации // Наумкин В.В., Малышева Д.Б. (ред.) Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. М.: ИВ РАН. С. 102–129.
- Ланда Р.Г. (2014) Трагический финал «арабской политической весны» // Россия и мусульманский мир. № 5. С. 124–142.
- Сапронова М.А. (2016) Роль Абдель Азиза Бутефлики в урегулировании внутриафриканского конфликта // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Междунар. отношения. Т. 16. № 3. С. 567–577.
- Salah Hadji (2014) *Au Rythme d'une Revolution*, Tunisie: Maison Perspectives.
- Sami Aoun (2013) *Le Printemps Arabe: Mirage ou Virage?* Tunisie: Mediaspaul.
- The Africa Investment Report 2016 (2016), London: The Financial Times // <https://www.camara.es/sites/default/files/publicaciones/the-africa-investment-report-2016.pdf>, дата обращения 12.10.2018.
- Watanabe L. (2017) Islamic State in North Africa: Still There, Struggling to Expand // *Middle East Policy*, vol. 24, no 2, pp. 137–147.

National Peculiarities

Algeria: a Regional Leader or a Potentially Unstable State?

Aleksey M. VASILIEV

Academician, Professor, Honorary President, Institute for African Studies Russian Academy of Sciences; Head of Department of African and Arabic Studies, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). Address: 30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation. E-mail: ns_inafr@mail.ru

Natalia A. ZHERLITSINA

PhD in History, Senior Researcher, Institute for African Studies Russian Academy of Sciences; Assistant Professor, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). Address: 30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation. E-mail: ns_inafr@mail.ru

CITATION: Vasiliev A.M., Zherlitsina N.A. (2018) Algeria: a Regional Leader or a Potentially Unstable State? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 74–85 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-74-85

ABSTRACT. *The article analyzes the opportunities and threats facing the People's Democratic Republic of Algeria at the moment. Algeria has the potential to become a regional leader in one of the most strategically important regions of the world in a number of parameters. These are natural and human resources, stable economic and diplomatic ties with the Arab world, Europe and America. Both the major powers and the neighbours in the region have placed their hopes in Algeria as a key partner in the efforts to ensure security and combat terrorism. The Algerian authorities seek to present their country as a strong regional leader, free from the internal divisions and extremism that have plagued other Arab States. However, in reality the situation is more complicated, Algeria is a potentially unstable state. At the moment, Algeria is in a difficult situation, given both the internal situation and the danger posed from the outside. The main reason for the political and economic uncertainty*

in the country is the expectations and fears associated with the upcoming change of power, the presidential elections are scheduled for spring 2019. Algeria's socio-economic sphere was another vulnerable place that could, in case of unfavourable developments, create instability. The Berber issue, which threatens the unity of the country, is one of the long-standing major problems of the Algeria. The confrontation between Algeria and Morocco on the Western Sahara issue has led to keep on the zone of instability in the region and has contributed to the terrorist threats. Over the past decade, Algeria has had to pay increasing attention and resources to regional security issues. In this area, Algeria has demonstrated its commitment to peaceful diplomacy, non-interference in the internal affairs of other states and rejection of any external role of its armed forces. This position has brought the Republic international recognition as a regional leader and a reliable partner in the fight against terrorism.

KEY WORDS: *Algeria, regional leadership, threat of instability, terrorism, socio-economic difficulties, Berber question*

References

- Balmasov S.S. (2017) Alzhirskie berberi: vlasti usilivayut ugnetenie po natsional'nomu priznaku [Algerian Berbers: the Authorities Increase the Oppression on a National Basis]. *Institut Blizhnego Vostoka*, August 20, 2017. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=37177>, accessed 12.10.2018.
- Dolgov B.V. (2017) *Fenomen «arabskoj vesny» 2011–2016: prichiny, razvitie, perspektivy. Tunis, Egipet, Liviya, Siriya, Alzhir* [The Phenomenon of the “Arab Spring” 2011–2016: Causes, Development, Prospects. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria], Moscow: Lenand.
- Dolgov B.V. (2018) *Islamistskoe dvizhenie v Alzhire i Tunisie: 1970–2017* [Islamist Movement in Algeria and Tunis: 1970–2017], Moscow: URSS.
- Kuznetsov V.A. (2015) Bezopasnost' gosudarstv Severnoj Afriki v usloviyakh politicheskoy transformatsii [Security of the North African States in the Context of Political Transformation]. *Konflikt i vojni XXI veka. Blizhnij Vostok i Severnaya Afrika* [Conflicts and Wars of the XXI Century. Middle East and North Africa] (eds. Naumkin V.V., Malysheva D.B.), Moscow: IV RAN, pp. 102–129.
- Landa R.G. (2014) Tragicheskiy final «arabskoj politicheskoy vesny» [Tragic Finale of the “Arab Political Spring”]. *Rossiya i musul'manskij mir*, no 5, pp. 124–142.
- Salah Hadji (2014) *Au Rythme d'une Revolution*, Tunisie: Maison Perspectives.
- Sami Aoun (2013) *Le Printemps Arabe: Mirage ou Virage?* Tunisie: Mediaspaul.
- Sapronova M.A. (2016) Rol' Abdel Aziza Butefliki v uregulirovanii vnutrialzhirskogo konflikta [The Role of Abdel Aziz Bouteflika in the Settlement of the Intra-Algerian Conflict]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 16, no 3, pp. 567–577.
- The Africa Investment Report 2016* (2016), London: The Financial Times. Available at: <https://www.camara.es/sites/default/files/publicaciones/the-africa-investment-report-2016.pdf>, accessed 12.10.2018.
- Watanabe L. (2017) Islamic State in North Africa: Still There, Struggling to Expand. *Middle East Policy*, vol. 24, no 2, pp. 137–147.

Роль электроэнергетики в экономическом развитии Египта¹

Сергей Николаевич ВОЛКОВ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН. Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: sergey.n.volkov@outlook.com

Анна Юрьевна ШАРОВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН. Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: sharova.inafr@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Волков С.Н., Шарова А.Ю. (2018) Роль электроэнергетики в экономическом развитии Египта // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 86–104.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-86-104

АННОТАЦИЯ. Египет – наиболее динамично развивающаяся страна Северной Африки, которая в ближайшее время, как ожидается, превратится в крупнейшую по величине ВВП, измеренного по паритету покупательной способности, экономику Африки, отодвинув на второе место Нигерию. В качестве одного из ведущих локомотивов экономического подъема страны руководство АРЕ рассматривает ускоренное развитие национальной энергетической базы, в том числе и электроэнергетики. Оно базируется на последних достижениях научно-технического прогресса и новых формах привлечения прямых иностранных инвестиций, в первую очередь – концессионных соглашениях в формате государственно-частного партнерства, позволяющих и средним по величине компаниям принимать участие в процессе транснационализации, что является одной из ее отличительных черт на современном этапе.

Планом развития электроэнергетики, рассчитанным до 2035 г., предусматривается использование различных традиционных и возобновляемых источников энергии. В результате планируется создать сбалансированную структуру электрогенерации, преодолев существующий в настоящее время крен в сторону газовых ТЭС. Ожидается, что в 2034/35 финансовом году в Египте 34,0% выработки электроэнергии придется на угольные ТЭС, 19,4% – на солнечные электростанции (11,8% – фотогальванические и 7,6% – электростанции, работающие на технологии концентрирования солнечной энергии), 19,4% – на газовые ТЭС, 14,6% – на ветряные электростанции, 8,8% – на АЭС, 3,2% – на ГЭС и почти 0,6% – на ТЭС, использующие в качестве основного сжигаемого топлива мазут. Целью развития электроэнергетики является создание передовой отрасли хозяйства, в которой значительную роль будут играть энергоэффективные

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-07-00010 «Африканский вектор» фундаментальной трансформации экономической структуры РФ в новых геополитических условиях».

технологии, обеспечение бесперебойного и надежного энергоснабжения потребителей, а также превращение страны в региональный энергетический хаб. Все это будет способствовать не только преодолению кризисных явлений в самой отрасли, наблюдавшихся с 2010-х годов, но и дальнейшему изменению характера включения египетской экономики в систему международного разделения труда, который за последние десятилетия претерпел существенные изменения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Египет, экономический рост, электроэнергетика, мегапроекты, возобновляемые источники энергии, атомная энергетика, государственно-частное партнерство

Арабская Республика Египет (АРЕ) – наиболее динамично развивающаяся с 70-х гг. XX в. страна Северной Африки. По данным ЮНКТАД, по объему ВВП Египет в 1970 г. находился на третьем месте в регионе после Алжира и Ливии, причем этот показатель, измеренный в неизменных ценах 2010 г., составлял всего 54,6% алжирского. В 1982 г. Египет поднялся на второе место в регионе, а в 1993 г. вышел на первое. В 2016 г. египетский ВВП превышал алжирский уже на 31,8%. Среднегодовой темп его прироста в АРЕ за 1970–2016 гг. составил 5,5%². При сохранении достигнутой динамики развития страна уже в ближайшие годы по объему

ВВП по паритету покупательной способности (ППС) может стать лидером Африканского континента, сместив на второе место Нигерию. В пользу этого говорят и оценки темпов экономического развития этих стран на период до 2023 г., сделанные специалистами Международного валютного фонда (МВФ). Согласно прогнозам, в 2018 г. темпы прироста реального ВВП Египта превысят показатели Нигерии почти в 2,5 раза, в 2019 г. – в 2,9 раза, а в последующие четыре года – в 3 раза [World Economic Outlook 2018, pp. 245–246].

Поддержание высоких устойчивых темпов экономического развития АРЕ – насущная необходимость, позволяющая относительно успешно решать наиболее сложную для египетского руководства задачу обеспечить работой до сих пор быстро растущее население страны: в 2017 г. темпы прироста населения составили 1,9%³. Безработица в Египте, резко возросшая во время событий «арабской весны», с 2013 г. медленно сокращается, снизившись в 2017 г. до 12,1%⁴ (в 2013 г. она составил 13,2%, в 2014 г. – 13,1%, 2015 г. – 13,1%, 2016 г. – 12,4%⁵). При этом безработица в стране затрагивает в первую очередь молодежь (безработица в возрастной группе от 15 до 24 лет более чем в два раза превышает средние показатели), женщин (почти в три раза выше, чем среди мужчин), и ее уровень растет вместе с ростом уровня образования

2 Gross Domestic Product: Total and per Capita, Growth Rates, Annual, 1970–2016 (n/y) // UNCTAD Statistics // <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=109>, дата обращения 12.10.2018.

3 Population Growth (Annual %) (n/y) // World Bank Open Data // <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW>, дата обращения 12.10.2018.

4 Unemployment Rate (2018) // ILO, May 2018 // http://www.ilo.org/ilostat/faces/oracle/webcenter/portalapp/pagehierarchy/Page3.jspx?MBI_ID=2&_afLoop=498097576594957&_afWindowMode=0&_afWindowId=null#!%40%40%3F_afrWindowId%3Dnull%26_afrLoop%3D498097576594957%26MBI_ID%3D2%26_afrWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3D7317su0wf_4, дата обращения 12.10.2018.

5 Unemployment Rate by Sex and Age (%) (n/y) // ILO // http://www.ilo.org/ilostat/faces/oracle/webcenter/portalapp/pagehierarchy/Page27.jspx?subject=LUU&indicator=UNE_DEAP_SEX_AGE_RT&datasetCode=A&collectionCode=YI&_afLoop=498521228339199&_afWindowMode=0&_afWindowId=7317su0wf_18#!%40%40%3Findicator%3DUNE_DEAP_SEX_AGE_RT%26_afrWindowId%3D7317su0wf_18%26subject%3DLUU%26_afrLoop%3D498521228339199%26datasetCode%3DA%26collectionCode%3DYI%26_afrWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3D7317su0wf_83, дата обращения 12.10.2018.

(безработица среди людей с высшим образованием почти в два раза выше, чем среднестрановые показатели), что свидетельствует об определенных просчетах в системе образования. От того, насколько успешно египетскому руководству удастся решить проблему безработицы и использовать «демографический дивиденд», детальная концепция которого разработана в Институте Африки РАН [Абрамова 2010], в значительной мере будут зависеть темпы экономического развития страны.

Наибольшую угрозу устойчивому росту экономики Египта (с 1970 г. темпы роста ВВП в постоянных ценах неизменно оставались положительными) представляет утрата внутривнутриполитической стабильности, что наглядно проявилось в ходе «арабской весны», когда темпы экономического развития резко снизились: с 5,1% в 2010 г. до 1,7% в 2011 г., 2,2% – в 2012 г., 2,1% – в 2013 г. События «арабской весны» в Египте, ее причины и последствия детально рассмотрены в работах российских авторов [Васильев, Ткаченко 2011; Васильев, Саватеев, Исаев 2014]. Поскольку она была совершена в основном городской молодежью, то с целью укрепления внутривнутриполитической стабильности египетское руководство разработало и в настоящее время неуклонно проводит в жизнь широкомасштабную молодежную политику.

Обращает на себя внимание тот факт, что сохранение на протяжении длительного времени высоких темпов экономического развития обеспечивалось в АРЕ в условиях в целом низкой даже по африканским меркам нор-

мы валового внутреннего накопления капитала египетскими резидентами. Относительно высоких показателей, превышающих в отдельные годы даже 30% ВВП, Египту удалось достичь лишь в период с 1975 по 1991 гг., однако с 1992 г. они лишь дважды – в 2007 г. и в 2008 г. – перешагнули рубеж в 20%, а в 2016 г. находились на уровне 15,05%⁶.

Низкая норма внутреннего накопления усугубляется еще и зачастую невысокой эффективностью государственных капиталовложений, обусловленной в значительной мере стремлением египетского руководства реализовать крупные престижные проекты, не дающие соответствующей экономической отдачи.

Попытки решить действительно острую проблему нехватки сельскохозяйственных земель в Египте в рамках гигантского проекта «Тошка»⁷, реализация которого началась с января 1998 г., обернулись полным фиаско и растратой практически впустую огромных инвестиций. Такая же судьба может ждать и 8 млрд долл., вложенных в 2014–2015 гг. в расширение Суэцкого канала, поступления от которого зависят от состояния мировой торговли. Развязываемые президентом США Д. Трампом торговые войны со всеми крупными поставщиками продукции в страну не будут способствовать росту мирового товарооборота. Кроме того, развитие Россией Северного морского пути и реализация проекта «Новый шелковый путь», продвигаемого Китаем в сотрудничестве с Казахстаном, Россией и другими странами, а в особенности его сухопутной составля-

6 Gross Domestic Product: GDP by Type of Expenditure, VA by Kind of Economic Activity, Total and Shares, Annual, 1970–2016 (n/y) // UNCTAD Statistics // <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=95>, дата обращения 12.10.2018.

7 Проект «Тошка» – проект по созданию второй долины реки Нил, предусматривающий строительство системы каналов для передачи вод из бассейна водохранилища Насер на орошение пустынной юго-западной части АРЕ и направленный на развитие и расширение сельскохозяйственного производства, а также создание новых рабочих мест и населенных пунктов вдали от узких границ существующей долины Нила.

ющей, будут снижать значение для мировой торговли Суэцкого канала, через который сейчас проходит 7–8% грузооборота мировой морской торговли. Единственным ощутимым в настоящее время результатом выполнения этого проекта стало сокращение времени ожидания судов у входов в канал и повышение тоннажа проходящих по нему судов [Волков 2017].

Для финансирования капиталовложений в условиях низкой нормы внутреннего накопления Египет был вынужден постоянно прибегать к иностранным займам, в том числе у международных организаций. В ноябре 2016 г. МВФ и Египет подписали трехлетнее кредитное соглашение на сумму, эквивалентную 8,59 млрд СДР⁸ или 12 млрд долл., с целью поддержать всеобъемлющую государственную программу экономических реформ, направленную на восстановление макроэкономической стабильности, содействие устойчивому и инклюзивному росту, защиту наиболее уязвимых групп населения.

Чтобы стимулировать инвестиции в национальную экономику, Египет проводит активную политику привлечения иностранного капитала, улучшая инвестиционный климат и совершенствуя законодательство. В частности, ЮНКТАД в отчете о выполнении Египтом подготовленных ею рекомендаций по этому вопросу отметила, что большинство из них выполнено полностью или в значительной мере [Report on the Implementation 2006, p. 17]. Кроме того, Египет является лидером среди африканских стран по количеству подписанных двусторонних соглашений о поощрении и защите инвестиций: подписано 100 договоров (по этому пока-

зателю страна находилась на шестом месте в мире), из которых в настоящее время действует 72, а также 12 двусторонних соглашений с инвестиционными положениями (действуют 10)⁹.

В 2017 г. сумма накопленных в стране прямых иностранных инвестиций достигла 109,7 млрд долл. По этому показателю АРЕ находилась на втором месте в Африке после ЮАР [World Investment Report 2018, p. 188]. Заметный прирост этого показателя за последние три года (в 2014 г. накопленные иностранные инвестиции оценивались в 87,9 млрд долл.) объясняется в первую очередь развитием государственно-частного партнерства в форме соглашений о разделе продукции в добывающей промышленности и концессионных соглашениях, получивших широкое распространение в электроэнергетике [Судас, Бобылева, Львова 2011].

Планы создания современной конкурентоспособной экономики нашли отражение в Стратегии устойчивого развития Египта до 2030 г. Она базируется на четырех экономических «опорах» (всего их десять, что лишний раз свидетельствует о ее комплексном характере), из которых всего одна отраслевая, и это – энергетика. Энергетический сектор, по мнению ее авторов, должен отвечать «национальным требованиям устойчивого развития» и обеспечивать «максимально эффективное использование различных традиционных и возобновляемых ресурсов, способствующих экономическому росту, повышению конкурентоспособности, достижению социальной справедливости и сохранению окружающей среды». Это должен быть «инновационный сектор, способный прогнозировать и адаптироваться к местным, региональным и меж-

8 СДР – специальные права заимствования — искусственное резервное и платежное средство, эмитируемое МВФ.

9 Investment Policy Hub (n/y) // <http://investmentpolicyhub.unctad.org/IIA/iasByCountry#footnote>, дата обращения 12.10.2018.

дународным изменениям, соответствовать Целям устойчивого развития»¹⁰. Кроме того, в этом документе прописан и ряд конкретных мер в области энергетики до 2030 г., осуществление которых должно повысить ее долю в ВВП страны с 13,1 до 20% в 2020 г. и 25% в 2030 г.

Таким образом, египетское руководство ясно отдает себе отчет в том, что краеугольным камнем развития национальной экономики является энергетика, и в первую очередь электроэнергетика, поскольку она определяет динамику научно-технического прогресса, является основой жизнеобеспечения населения страны и развития абсолютно всех отраслей. Именно поэтому анализ перспектив развития электроэнергетики в Египте – одной из наиболее развитых стран африканского континента, представляет определенный интерес; к тому же не менее амбициозные планы модернизации этой отрасли готовят или реализуют и другие африканские государства.

В 2016/2017 финансовом году в Египте выработано почти 190 млрд кВт·ч электроэнергии, что на 1,7% больше, чем в предыдущем году, установленные мощности составили 45008 МВт, увеличившись на 15,8%. Значительная доля мощностей (91,8%) приходилась на

тепловые электростанции (ТЭС), работающие в основном на природном газе, на гидроэлектростанции (ГЭС) – 6,2%, на возобновляемые источники энергии – 2% (см. табл. 1).

Межстрановой обмен электроэнергией пока играет незначительную роль в энергобалансе АРЕ. По существующим межсистемным линиям электропередачи (ЛЭП) с Ливией напряжением 220 кВ и Иорданией – Сирией – Ливаном напряжением 400 кВ, введенным в эксплуатацию в 1998 г., в 2016/2017 фин. г. Египет экспортировал 104,6 млн кВт·ч электроэнергии, импортировал – 96 тыс. кВт·ч.

Однако в ближайшем будущем эта ситуация может измениться кардинальным образом. В настоящее время на стадии реализации находится проект объединения энергосистем Египта и Саудовской Аравии, который включает в себя сеть из подводного кабеля протяженностью 16 км, проходящего под Акабским заливом, и воздушной ЛЭП протяженностью 1450 км. Пропускная способность двух очередей составит 3000 МВт. Ожидается, что первая очередь строительства будет завершена к концу 2020 г., а весь проект – к концу 2021 г. Стоимость проекта оценивается в 1,6 млрд долл.; финансиру-

Таблица 1. Структура установленных мощностей в Египте в 2016/2017 г.

	МВт	%
ТЭС с газотурбинными установками (ГТУ)	13345	29,7
ТЭС с паротурбинными установками (ПТУ)	15449	34,3
ТЭС с парогазовыми установками (ПГУ)	12527	27,8
ГЭС	2800	6,2
Возобновляемые источники энергии (ВИЭ)	887	2
ИТОГО:	45008	100

Источник: [Annual Report 2016/2017 2018].

10 [Egypt Vision 2030 (n/y)].

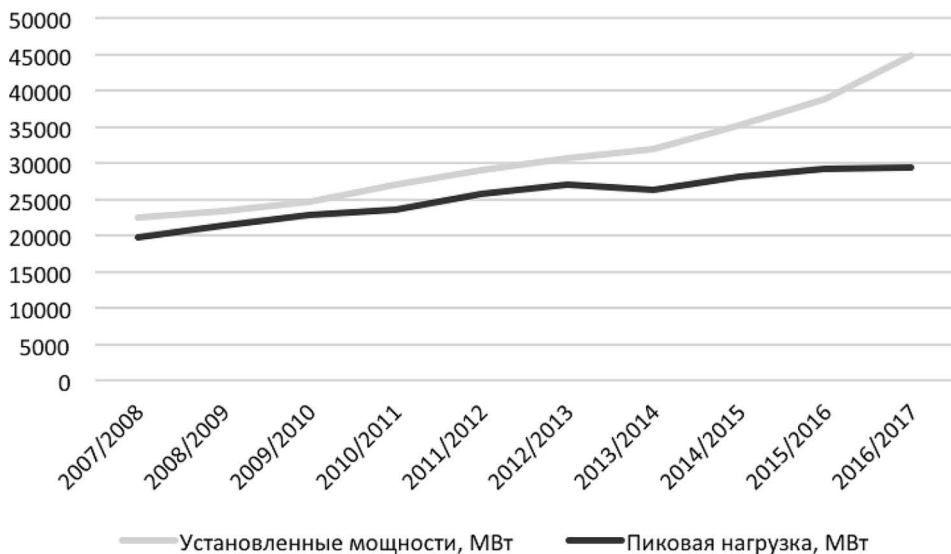
вание осуществляется правительством Египта (600 млн), а также арабскими банками и фондами¹¹. Имеются также планы по строительству ЛЭП между Египтом и Суданом, Эфиопией, Демократической Республикой Конго, странами Северной Африки и ЕС.

Пиковая нагрузка в энергосистеме Египта, которую удалось покрыть без отключения потребителей, в 2016/2017 фин. г. достигла 29400 МВт, продемонстрировав нехарактерный низкий темп роста в 0,7% по сравнению с предыдущим годом. Согласно прогнозам, пиковая нагрузка к 2025 г. возрастет более чем в два раза (до почти 65 тыс. МВт), удовлетворение ее требует быстрого и масштабного ввода новых мощностей, которые в среднем увеличиваются более медленными темпами (7–8% в год)

по сравнению с пиковой нагрузкой. Ситуация начала кардинально меняться в 2014 г., когда ввод новых энергетических мощностей в Египте стал превосходить темпы роста пиковой нагрузки, что позволило значительно увеличить суммарный резерв мощности по энергосистеме. В 2014/2015 фин. г. введенные мощности увеличились на 10%, что стало своеобразным рекордом за последние несколько лет, в 2015/2016 г. – на 10,3%, в 2016/2017 г. – на 15,8% (см. рис. 1 и табл. 2).

Однако следует отметить, что установленные мощности в энергосистеме Египта, как уже существующие, так и вводимые, не всегда могут быть эффективно использованы и улучшать показатели надежности энергосистемы. Это связано прежде всего с устареванием

Рисунок 1. Установленные мощности и пиковая нагрузка в энергосистеме Египта в 2007–2017 гг., МВт

Составлено авторами по: [Annual Reports 2008/2009–2016/2017 2009–2018].

11 Farag M. (2017) Tender Envelopes in Egypt-Saudi Arabia Electricity Project to Be Opened in March // Daily News Egypt, January 22, 2017 // <https://www.dailynewsegyp.com/2017/01/22/611708/>, дата обращения 12.10.2018.

Таблица 2. Темпы роста установленных мощностей и пиковой нагрузки в Египте в 2009–2017 гг., %

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Установленные мощности	4,1	5,2	9,4	7,5	5,9	3,9	10	10,3	15,8
Пиковая нагрузка	8,1	6,7	3,2	9,3	5	–3,2	7,2	4,2	0,7

Составлено авторами по: [Annual Reports 2008/2009–2016/2017 2009–2018].

энергетической инфраструктуры, перебоями с поставками природного газа и нефтепродуктов, типом и низким качеством используемого топлива, неблагоприятным воздействием высоких температур в летний период, когда потребление электроэнергии значительно увеличивается, зависимостью выработки гидроэнергии от количества воды, а также влиянием неравномерности скорости ветра и солнечной радиации на работу возобновляемых источников энергии.

Основными проблемами отрасли до недавнего времени являлись низкая надежность энергоснабжения потребителей и частые отключения электроэнергии, обусловившие социальные напряжения в 2010-х гг. В 2014 г. Египет постиг самый тяжелый топливно-энергетический кризис за последние несколько десятилетий. Он затронул как граждан, так и крупные предприятия, которые понесли огромные убытки. Дошло до того, что в сентябре 2014 г., после аварии, надолго лишившей Каир света, президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси заявил, что дефицит электроэнергии угрожает существованию государства. По его словам, такое стало возможно из-за недостаточного финансирования энергетической сферы в течение долгих лет.

Одной из главных причин нездорового финансового положения в энергетике АРЕ стали государственные субсидии и установленные тарифы на электроэнергию и топливо, которые

не покрывали ни инвестиционных затрат компаний, ни реальной стоимости производства, снижали стимулы к инвестированию и внедрению современных энергоэффективных технологий. В 2013 г. энергетические субсидии достигли 22% расходов бюджета Египта и составили 7% ВВП, что превысило совокупные расходы на здравоохранение и образование (5%). 1 июля 2014 г. был дан старт масштабной поэтапной реформе ценообразования, и правительство впервые увеличило цены на электроэнергию и основные виды топлива на 40–78%. Ожидается, что к 2019 г. энергетические субсидии сократятся до 0,5% ВВП [ESMAP 2017, pp. 1–2].

Таким образом, перед вступившим 8 июня 2014 г. в должность президента АРЕ А.Ф. ас-Сиси, помимо неотложных внутриполитических проблем, встал вопрос о принятии экстренных мер по нормализации ситуации в электроэнергетике и разработке долгосрочной стратегии ее развития. Необходимо отметить, что министерство электроэнергетики и возобновляемых источников энергии Египта успешно справились с двумя этими задачами.

Для реализации программы срочной поддержки национальной электроэнергетики, стоимость которой президент А.Ф. ас-Сиси определил в 12 млрд долл., Египет обратился в первую очередь к американской компании General Electric, тесно сотрудничающей с министерством электроэнергетики (в отделении GE в Египте работа-

ет около 400 чел.). В мае 2015 г. с этой компанией был подписан контракт на поставку 46 небольших газотурбинных блоков общей мощностью 2,7 ГВт для замены устаревшего оборудования и строительства новых ТЭС в небольших населенных пунктах. С учетом поставки этого оборудования, позволившего ослабить дефицит электроэнергии в период пикового потребления, в Египте сейчас работает более 140 газовых и паровых турбин GE, генерирующих 15,5 ГВт электроэнергии¹².

Месяцем позже, в июне 2015 г., был подписан контракт на 6 млрд евро, названный мегапроектом, на строительство трех крупных ТЭС с компанией Siemens, которая также завоевала весьма прочные позиции в Египте за 117 лет сотрудничества с местными компаниями¹³.

Контракт, самый крупный за всю историю компании Siemens, предусматривал строительство на условиях «под ключ» трех ТЭС в Бени-Суэйфе, Буруллусе и в возводимой сейчас в 45 км к востоку от Каира новой административной столице Египта мощностью 4800 МВт каждая. Это будут три крупнейшие в мире ТЭС комбинированного цикла. Выбранная технология и оборудование позволяют экономнее расходовать топливо и повысить КПД станций до 60%.

В марте 2017 г. состоялся торжественный пуск в эксплуатацию первых очередей этих ТЭС мощностью 4800 МВт. С завершением строительства электростанций и их вводом в эксплуатацию, ожидающимся в 2018 г., общая мощность энергосистемы страны увеличится сразу на 45%.

Наряду с компанией Siemens в строительстве электростанций участвуют две крупнейшие египетские компании: Orascom, которую журнал «Engineering News-Record» в 2017 г. поставил на 32-е место в рейтинге международных подрядчиков, и Elsewedy Electric, представляющую из себя крупный электротехнический холдинг.

Компании Siemens, Orascom и Elsewedy Electric организовали финансирование строительства трех ТЭС, причем немецкая компания помогла профинансировать 60% стоимости проекта. Для этих целей были созданы международные банковские консорциумы (в частности, консорциум из 30 итальянских банков)¹⁴.

Параллельно с оперативным наращиванием генерирующих мощностей министерство электроэнергетики и возобновляемых источников энергии АРЕ актуализировало долгосрочную программу развития отрасли до 2035 г., реализация которой стартовала 1 июля 2016 г., когда в Египте начался очередной финансовый год. Основными целями программы стали:

- опережающее развитие возобновляемой энергетики;
- объединение энергосистемы Египта с соседними государствами и его превращение в региональный энергетический хаб;
- повышение энергоэффективности.

Как отмечено выше, возобновляемая энергетика не получила пока широкого распространения в Египте: в 2016/2017 фин. г. доля электроэнергии, произведенной из возобновляе-

12 GE Power in Egypt (n/y) // General Electric // <https://www.ge.com/eg/b2b/power>, дата обращения 12.10.2018.

13 Our History in Egypt (n/y) // Siemens // <https://www.siemens.com/global/en/home/company/about/history/countries/egypt.html>, дата обращения 12.10.2018.

14 Farag M. (2017) Sisi, Merkel Inaugurate Siemens Power Plants Today, Adding 4,800 MW to the National Grid // Daily News Egypt, March 01, 2017 // <https://dailynewsegypt.com/2017/03/01/sisi-merkel-inaugurate-siemens-power-plants-today-adding-4800-mw-national-grid/>, дата обращения 12.10.2018.

мых источников энергии (за исключением гидроэнергетики), составила всего 1,5%. Однако уже сейчас она играет заметную роль в электрификации сельской местности, удаленных регионов, не подключенных к единой энергетической системе, а следовательно, и в экономическом подъеме этих территорий страны [Shoutan 2017].

В ближайшее время доля электроэнергии из ВИЭ в энергобалансе может заметно возрасти, предпосылками к чему стали изменения, внесенные в законодательство в 2014 г. Они были сформулированы в законе «О стимулировании производства электроэнергии из возобновляемых источников энергии», введенном президентским декретом № 203 от 2014 г., и в декрете № 1947 от 2014 г. «О льготных тарифах на проекты в области возобновляемых источников энергии». Целью закона № 203 от 2014 г. является законодательное регулирование отношений между производителями электроэнергии, Egyptian Electricity Transmission Company (EETC) и ее потребителями.

До его принятия большинство проектов, реализованных в Египте в области возобновляемых источников энергии, принадлежали New and Renewable Energy Authority (NREA). Их осуществление финансировалось в основном по линии международного сотрудничества в целях развития. Новый закон предусматривает несколько вариантов реализации проектов, осуществляемых в области возобновляемых источников энергии:

- проекты, предлагаемые Egyptian Electricity Transmission Company на тендерной основе частным инвесторам на условиях ВОО

(«строительство – владение – управление»). ЕЕТС заключает долгосрочное соглашение о покупке электроэнергии (power purchase agreement, PPA) на условиях, согласованных с частным инвестором;

- осуществление проектов частными инвесторами на условиях ВОО, которые продают ЕЕТС электроэнергию по льготному тарифу, введенному в действие декретом № 1947 от 2014 г.;
- проекты, которые создаются частными инвесторами, заключающими долгосрочные соглашения о покупке электроэнергии напрямую с крупными потребителями, используя существующие электросети по договорам с ЕЕТС¹⁵.

Чтобы привлечь инвестиции в возобновляемую энергетику, в 2014 г. правительство Египта ввело так называемый зеленый (или льготный) тариф (feed-in tariff, FIT), который предполагает выплату надбавки за электроэнергию, произведенную из ВИЭ, и зависит от источника энергии, мощности станции и времени ее работы. Срок действия льготных тарифов также зависит от источника ВИЭ: для гелиостанций он равен 25 годам, а для ветряных электростанций – 20 годам¹⁶. Введение этого тарифа способствовало существенному повышению интереса частных иностранных инвесторов к реализации проектов в области возобновляемых источников энергии, что позволило запустить второй этап FIT. В октябре 2016 г. декретом премьер-министра № 2532 внесены в законодательство некоторые изменения, в частности более

¹⁵ [Presidential Decree-Law 2014].

¹⁶ Note on Egypt's Feed-in Tariffs for Renewable Energy Projects (2014) // Sharkawy & Sarhan Law Firm, November 02, 2014 // http://www.lawforall.info/uploads/141/97/Note_on_Egyptys_Feed-in_Tariffs_for_Renewable_Energy_Projects.pdf, дата обращения 12.10.2018.

чем на 40% снижены тарифы на электроэнергию¹⁷.

Самым значимым в настоящее время в Египте проектом государственно-частного партнерства (ГЧП) является крупнейшая в мире гелиостанция Benban Solar Park мощностью 1,6–2 ГВт. Ее строительство должно быть завершено в 2019 г. Она будет состоять из 32 отдельных установок, первые из которых мощностью 165 МВт уже пущены в эксплуатацию. В течение 25 лет ЕЕТС обязуется закупать электричество у Benban Solar Park по цене 7,8 американских центов за кВт·ч.

Для инвестирования этого проекта был создан консорциум из десяти банков во главе со входящей во Всемирный банк Международной финансовой корпорацией (МФК), который предоставил 653 млн долл. для финансирования 13 из 32 гелиоустановок. Консорциум финансирует несколько групп частных компаний, заключивших контракты на их строительство, включая индийскую компанию Shapoorji Energy и испанскую компанию ACCIONA Energía.

С сентября 2017 г. к реализации этого проекта подключились компания из ОАЭ Alcazar Energy Partners (4 гелиоустановки), китайская TBEA SunOasis (4), саудовская ACWA Power (3) и египетская Elsewedy Electric (1). Обращает на себя внимание тот факт, что в число участников данного проекта вошли средние по размерам капитала, но быстро развивающиеся компании, которые постепенно превращаются в новые ТНК, что и является одной из особенностей современного этапа процес-

са транснационализации [Либман, Хейфец 2006].

Всего по состоянию на февраль 2018 г. было профинансировано строительство 29 гелиоустановок (16 при участии ЕБРР и 13 при участии МФК) мощностью 1,5 ГВт за счет привлечения на концессионных условиях ВОО 1,8 млрд долл. частных инвестиций¹⁸.

Можно предположить, что опыт строительства Benban Solar Park будет тиражироваться и в дальнейшем, поскольку Египет ставит перед собой амбициозную задачу довести долю экологически чистой энергии (с учетом гидроэнергетики) в ее общем производстве до 20% к 2022 г. и до 37% к 2035 г.¹⁹, причем на гелиоэнергетику, которую российские специалисты определяют как самый перспективный и эффективный способ генерации электроэнергии в регионе Ближнего Востока и Северной Африки [Филоник, Исаев, Морозов 2017; Носков 2015], будет приходиться 19,4%.

Если строительство этой самой мощной в мире гелиостанции близится к завершению, то строительство первой в Египте частной ветряной электростанции (ВЭС) в Рас-Гарибе в районе Суэцкого залива только стартовало. В декабре 2017 г. египетская Orascom Construction Limited объявила о том, что консорциум, в который также входят французская Engie и японские компании Toyota Tsusho Corporation и Eurus Energy Holdings Corporation, закрыл финансирование с участием японских банков Japan Bank for International Corporation и Sumitomo Mitsui Banking Corporation, а также

17 [Renewable Energy 2016].

18 Egypt Constructs World's Largest Solar Park (2018) // Egyptian Streets, February 24, 2018 // <https://egyptianstreets.com/2018/02/24/egypt-constructs-worlds-largest-solar-park/>, дата обращения 12.10.2018.

19 Lolwa R. (2018) Benban Solar Plant Starts Operating, Egypt Targets 37% Clean Energy by 2035: Shaker // Egypt Today, March 13, 2018 // <http://www.egypttoday.com/Article/3/45157/Benban-solar-plant-starts-operating-Egypt-targets-37-clean-energy>, дата обращения 12.10.2018.

французского Société Générale проект строительства ВЭС, инвестиции в которую оцениваются в 400 млн долл.²⁰ Месяцем позже появилось сообщение о том, что консорциум этих компаний передал Siemens Gamesa Renewable Energy заказ на строительство ВЭС в составе 125 ветрогенераторов общей мощностью 262,5 МВт. Строительство должно быть завершено к июлю 2019 г., и к концу года ВЭС пустят в эксплуатацию²¹. Ранее в электронных СМИ сообщалось, что консорциум с участием Orascom Construction выиграл в 2016 г. тендер на поставку ЕЕТС электроэнергетики по 4,7 центов за 1 кВт·ч.

Следует отметить, что величина тарифа на электроэнергию по соглашению РРА является основным вопросом в переговорах египетской стороны с иностранными компаниями. Так, например, составной частью мегапроекта Siemens в Египте помимо трех крупных ТЭС было также строительство 12 ВЭС общей мощностью 2 ГВт, однако предложенный немецкой компанией тариф – 5,9 центов за 1 кВт·ч – не устроил ЕЕТС, которая попросила изыскать возможность снизить его до 4,7 центов. Стороны до сих пор не достигли согласия по этому вопросу.

Упор на развитие в Египте на период до 2035 г. солнечной и ветряной генерации, которая характеризуется существенным непостоянством, ставит серьезную проблему стабильности работы национальной электросети. Именно задачу стабилизации будет выполнять

гидроаккумулирующая электростанция (ГАЭС) на горе Аттака в провинции Суэц, работы над проектом которой близки к завершению. Его разрабатывает консорциум швейцарской AF Consult и компании из Великобритании Artelia, с которым в июне 2017 г. был заключен соответствующий контракт. Мощность этой электростанции должна составить 2400 МВт. Проект стоимостью 2,6 млрд долл. на условиях EPC+F («инжиниринг – снабжение – строительство + финансирование») будет осуществлять китайская государственная компания Sinohydro – крупнейшая в мире гидроэнергетическая подрядная компания. Строительство ГАЭС должно быть завершено за 7 лет²².

Гидроэнергетический потенциал Нила на территории Египта в значительной мере уже задействован. В дальнейшем возможно строительство лишь небольших ГЭС, таких, например, как построенная летом 2018 г. электростанция мощностью 32 МВт на новой плотине в г. Асьют²³.

Кроме того, в ближайших планах министерства электроэнергетики и возобновляемых источников энергии АРЕ – строительство ряда крупных угольных электростанций, совокупные мощности которых к 2035 г. должны обеспечить 34% общей генерации электроэнергии в стране. В феврале 2018 г. министерство электроэнергетики и возобновляемых источников энергии АРЕ объявило тендер, закрытый в мае, на строительство угольной

20 ORASCOM Construction Consortium Reaches Financial Close for the 250 MW BOO wind Farm in Egypt (2017) // ORASCOM Construction, December 18, 2017 // <http://www.orascom.com/investor-relations/press-releases/2017/12/18/OC-consortium-reaches-financial-close-250MW-BOO/>, дата обращения 12.10.2018.

21 Doaa F. (2017) Orascom-Engie-Toyota Seal Financial Closure for 250MW wind Farm // Egypt Today, December 18, 2017 // <http://www.egypttoday.com/Article/3/37339/Orascom-Engie-Toyota-seal-financial-closure-for-250MW-wind-farm>, дата обращения 12.10.2018.

22 Pumped Storage Power Plant, Attaqa Mountain in Suez (n/y) // Artelia Group // <https://www.arteliagroup.com/en/expertise/markets/energy/hydropower/pumped-storage-power-plant-attaqa-mountain-suez>, дата обращения 12.10.2018.

23 Electricity Ministry Operates 16 MW Assiut Hydropower Station (2018) // Daily News Egypt, March 13, 2018 // <https://www.energycentral.com/news/electricity-ministry-operates-16-mw-assiut-hydropower-station>, дата обращения 12.10.2018.

электростанции в порту Хамравейн на побережье Красного моря мощностью 6000 МВт. Проект должен быть реализован за 7 лет в рамках схемы EPC+F, которая обязывает компанию-исполнителя предоставить необходимое финансирование. Egyptian Electricity Holding Company, объединяющая государственные генерирующие компании, погасит кредит после завершения строительства проекта. Свои технические и финансовые предложения, находящиеся в диапазоне 4,4–6,19 млрд долл., представили три консорциума. Победитель этого тендера до сих пор не объявлен²⁴.

Кроме того, в заключительной стадии находятся переговоры по строительству угольной станции в районе Oyoun Mousa на Синае мощностью 2650 МВт и стоимостью 4 млрд долл. В этом проекте, который эмиратская компания Al Nowais планирует реализовать в форме ГЧП на концессионной основе, она предлагает продавать электроэнергию по 5,8–6,7 центов за 1 кВт·ч²⁵.

Если развитие угольной энергетики в стране еще впереди, то практическая реализация вынашивавшихся еще с 60-х гг. XX в. планов развития атомной энергетики, на долю которой по плану в 2035 г. должно приходиться 8,8% вырабатываемой электроэнергии, стартовала в конце 2017 г. Строительство российской госкорпорацией «Росатом» с участием крупнейших египетских фирм первой в стране и в Северной Африке атомной электростанции мощностью 4800 МВт в небольшом городе эд-Дабаа в 3,5 км от побережья Средиземного моря на трассе Александрия – Мерса-Матрух на 85% финанси-

руется за счет российского экспортного кредита в 25 млрд долл. Остальные 15% стоимости проекта профинансирует Египет.

Коммерческие контракты на строительство АЭС в эд-Дабаа в составе четырех энергоблоков нового поколения 3+ с повышенной безопасностью и улучшенными технико-экономическими показателями мощностью 1200 МВт каждый (по типовому российскому проекту «АЭС–2006») вступили в силу в декабре 2017 г. Общая сумма четырех контрактов: на строительство АЭС «Дабаа» на условиях EPC, поставку ядерного топлива на весь период эксплуатации станции, сервисный контракт и контракт по обращению с отработанным ядерным топливом – составила почти 60 млрд долл. Это самая крупная несырьевая сделка за всю историю России и крупнейшая в мировой атомной энергетике.

Однако для Египта значение этой АЭС сложно измерить деньгами. Станция, на которой при каждом энергоблоке будет сооружен завод по опреснению морской воды, станет центром экономического развития египетской провинции Матрух – одной из наиболее слабо населенных в стране. Еще более важным для АРЕ должен стать технологический прорыв, который обеспечит участие египтян в строительстве и последующей эксплуатации АЭС [Корендясов 2016, с. 3].

Следует особо подчеркнуть, что Египет уделяет большое внимание вопросу подготовки национальных кадров для энергетики, включая этот пункт в договоры, заключаемые со многими компаниями. В частности, после завершения

24 Farag M. (2018) EEHC Opens Financial Envelopes for Hamrawein Coal Plant before Cabinet // Daily News Egypt, May 20, 2018 // <https://dailynewsegypt.com/2018/05/20/eehc-opens-financial-envelopes-for-hamrawein-coal-plant-before-cabinet/>, дата обращения 12.10.2018.

25 Electricity Ministry Allocates Land for Al Nowais' USD 4 bn Coal Plant (2017) // Enterprise, December 10, 2017 // <https://enterprise.press/stories/2017/12/10/electricity-ministry-allocates-land-for-al-nowais-usd-4-bn-coal-plant/>, дата обращения 12.10.2018.

строительства трех крупнейших ТЭС с участием компании Siemens, в строительстве которых принимало участие свыше 20 тыс. чел., что наглядно демонстрирует масштабы выполненных работ, в новом учебном центре, построенном в районе Айн-Сохна в промышленной зоне Суэцкого канала, в течение четырех лет будут обучаться около 5,5 тыс. прошедших отбор технических специалистов и инженеров.

Для работы на АЭС Египет планирует подготовить с помощью российских специалистов более 1700 чел. Для этого Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» и каирский университет Айн-Шамс подписали соглашение о сотрудничестве по подготовке студентов-атомщиков. Университет Айн-Шамс станет базовым египетским вузом, готовящим специалистов новой для Египта отрасли – атомной энергетики. Сотрудничество будет включать в себя, как обучение бакалавров российскими преподавателями в Египте, так и продолжение обучения наиболее отличившихся студентов в магистратуре и аспирантуре в России [Калиниченко 2017, с. 49].

Кроме того, Египет уже начал с 2017/2018 учебного года самостоятельную подготовку специалистов в области мирного атома, построив в г. ад-Дабаа Атомный институт – первое на Ближнем Востоке высшее учебное заведение в области атомной энергетики, в котором на первый курс планировалось принять 75 студентов²⁶.

Помимо подготовки высококвалифицированных кадров министерство электроэнергетики и возобновляемых источников энергии АРЕ проводит курс на всемерное развитие электротехнической промышленности в

стране, в том числе поощряя иностранные компании к локализации производства.

Электротехническая промышленность уже превратилась в одну из наиболее развитых отраслей египетского машиностроения, производя конкурентоспособную продукцию по международным стандартам и спецификациям, часть которой экспортируется. Амбициозные планы министерства предусматривают удовлетворение за счет местного производства:

- 42% оборудования электростанций;
- 80% оборудования для передачи электроэнергии;
- 100% оборудования распределительных сетей.

Крупнейшим национальным производителем в этой отрасли является созданная в 1938 г. компания El Sewedy Cables, которая позднее была переименована в Elsewedy Electric. Бурный рост компании начался в середине 1980-х гг., в результате которого за 30 лет Elsewedy Electric превратилась в диверсифицированный холдинг по производству в основном электротехнической продукции: широкой номенклатуры проводов и кабелей, изоляторов, электрических счетчиков, трансформаторов, оборудования для ветроэнергетики, а также различных материалов и взрывозащищенного оборудования для нефтегазовой промышленности и т.д.

Следует отметить, что братья эль-Севеди, которым принадлежит контрольный пакет акций компании, безусловно, относятся к числу наиболее успешных и крупных представителей египетского бизнеса. За короткое время они смогли организовать не толь-

26 75 Dabaa Nuclear School Students to Start Academic Year Sunday (2017) // Egypt Today, November 18, 2017 // <https://www.egypttoday.com/Article/1/33107/75-Dabaa-Nuclear-School-students-to-start-academic-year-Sunday>, дата обращения 12.10.2018.

ко производство широкого круга электротехнической продукции, но и создать крупный международный холдинг, контролирующий 32 компании, которым принадлежат 30 промышленных предприятий, расположенных в 14 странах и экспортирующих свою продукцию в 110 государств мира.

Причиной такого успеха, помимо всего прочего, является неизменный курс компании на технологическое развитие. Большое внимание уделяется повышению качества производимой продукции. Производимый ею кабель получил такие сертификаты качества, как ISO, KEMA, BASEC, CE, VDE, SCS, что позволяет экспортировать его в 23 страны мира, в том числе и Россию.

В основе технологического прогресса Elsewedy Electric лежит тесное сотрудничество с мировыми лидерами этой отрасли в форме организации совместного производства и приобретения патентов и лицензий. Так, например, в 2017 г. компания подписала соглашение о промышленном партнерстве с американской CTC Global, которая запатентовала композитный сердечник с волокнами углерода для линий электропередач, позволяющий повысить их эффективность, пропускную способность и надежность. Это соглашение позволит ей продавать эту наукоемкую продукцию не только на внутреннем рынке, но и широко экспортировать ее²⁷.

В последние годы генерация электроэнергии является, пожалуй, наиболее успешным направлением деятельности компании. В феврале 2016 г. подписан контракт на условиях EPC на строительство в Анголе трех ВЭС сто-

имостью 484,5 млн долл. В марте 2017 г. подписан меморандум о взаимопонимании между EETC и консорциумом в составе Elsewedy Electric и японской Marubeni Corporation о строительстве на условиях ВОО двух ВЭС по 250 МВт севернее Хургады. Кроме того, в сентябре 2017 г. подписано соглашение PPA в рамках строительства компанией гелиоустановки мощностью 65 МВт в проекте Benban Solar Park²⁸.

Таким образом, финансирование развития электроэнергетики в АРЕ осуществляется как за счет международных кредитов, так и за счет успешного привлечения в крупных размерах частного, в основном иностранного, капитала в ГЧП в форме концессионных соглашений. Полученный при этом опыт развития такой формы совместного предпринимательства, безусловно, будет использован для придания импульса развитию других отраслей египетской экономики, в первую очередь транспорта, коммунального хозяйства, образования и здравоохранения. В этих целях совершенствуется национальное законодательство, принимаются соответствующие подзаконные акты, а также создано специальное подразделение в структуре министерства финансов АРЕ – Центральный отдел по ГЧП, ответственный за инициирование и реализацию проектов ГЧП в Египте.

Резюмируя вышеизложенное следует отметить, что электроэнергетика в АРЕ – это:

- одна из наиболее динамичных и высокотехнологичных отраслей национальной экономики, которая является прочной базой социально-экономического развития Египта;

27 "CTC GLOBAL" and "ELSEWEDY ELECTRIC" Announce ACCC Conductor Manufacturing Partnership (2017) // ELSEWEDY ELECTRIC, March 26, 2017 // <http://www.elsewedyelectric.com/FE/Common/NewDetails.aspx?ID=92&g=7>, дата обращения 12.10.2018.

28 "ELSEWEDY ELECTRIC" Awarded a Solar PV Project under Round II of Egypt Renewables Feed-in-Tariff Program (2017) // ELSEWEDY ELECTRIC, September 14, 2017 // <http://www.elsewedyelectric.com/FE/Common/NewDetails.aspx?ID=99&g=7>, дата обращения 12.10.2018.

- отрасль специализации египетской экономики в ближайшем будущем, которая позволит заметно изменить характер ее включения в систему международного разделения труда;
- область освоения новых форм бизнеса, в том числе ГЧП, – опыт, который может быть тиражирован и в других отраслях национальной экономики;
- сфера динамичной транснационализации.

Безусловно, эта отрасль национального хозяйства Египта имеет значительный потенциал наращивания генерирующих мощностей, в том числе на базе возобновляемых источников энергии. Успешная реализация стратегического плана развития электроэнергетики, разработанного правительством и активно воплощаемого в жизнь, должна не только решить проблемы самого сектора (обеспечение быстрорастущего спроса, бесперебойное и надежное энергоснабжение всех категорий потребителей), но и способствовать экономическому подъему страны.

Список литературы

- Абрамова И.О. (2010) Население Африки в новой глобальной экономике. М.: Ин-т Африки РАН.
- Васильев А.М., Саватеев А.Д., Исаев Л.М. (ред.) (2014) «Арабский кризис» и его международные последствия. М.: Ленанд.
- Васильев А.М., Ткаченко А.А. (2011) Революционные потрясения в странах Северной Африки // Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) Россия в многополярном мире. М.: Весь мир. С. 533–541.
- Волков С.Н. (2017) Российско-египетские экономические отношения: современное состояние и перспективы // Дейч Т.Л., Корендясов Е.Н. (ред.) Африканские страны в современных международных отношениях: новые рубежи. М.: Ин-т Африки РАН. С. 113–127.
- Калиниченко Л.Н. (2017) Перспективы участия российского бизнеса в энергетических проектах в Африке // Ученые записки Ин-та Африки РАН. № 1. С. 45–55.
- Корендясов Е.Н. (2016) Атомно-энергетический рынок Африки: роль и место России // Азия и Африка сегодня. № 3. С. 2–6.
- Либман А., Хейфец Б. (2006) Мировые процессы транснационализации и российский бизнес // Вопросы экономики. № 12. С. 61–79.
- Носков А.Ю. (2015) Солнечная энергетика Северной Африки // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 45–49.
- Судас Л.Г., Бобылева А.З., Львова О.А. (2011) Зарубежный опыт проектного финансирования в сфере энергетике // Государственное управление. Электронный вестник. № 29. С. 1–20 // http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk__29._dekabr_2011_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/sudas_bobyleva_lvova.pdf, дата обращения 12.10.2018.
- Филоник А.Ю., Исаев В.А., Морозов В.М. (2017) Возобновляемые источники энергии в развитии Арабского Востока (на примере становления гелиоэнергетики) // Вестник МГИМО Ун-та. Т. 57. № 6. С. 143–160.
- Annual Reports 2008/2009–2016/2017 (2009–2018) // Egyptian Electricity Holding Company (EEHC) // http://www.moe.gov.eg/english_new/report.aspx, дата обращения 12.10.2018.
- Annual Report 2016/2017 (2018) // Egyptian Electricity Holding Company (EEHC) // <http://www.eehc.gov.eg/eehc-portal/Eng/YearlyReport/report%20E.pdf>, дата обращения 12.10.2018.
- Egypt Vision 2030. The Sustainable Development Strategy (SDS) (n/y) //

http://www.nationalplanningcycles.org/sites/default/files/planning_cycle_repository/egypt/egypt_sustainable_development_strategy_vision_2030.pdf, дата обращения 12.10.2018.

ESMAP (2017) // Energy Subsidy Reform Facility Country Brief: Egypt (English). ESMAP Brief. Washington, D.C.: World Bank Group // <http://documents.worldbank.org/curated/en/873871506492500301/Energy-subsidy-reform-facility-Egypt>, дата обращения 12.10.2018.

Presidential Decree-Law No.203/2014 “Regarding the Stimulation of Producing Electricity from Renewable Energy Sources” (2014), The Middle East Library for Economic Services // <http://egyptera.org/Downloads/Laws/law2014.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Renewable Energy (2016) // RED, Renewable Policy Updated, Issue 11, November 17, 2016, International Energy Agency // <http://www.iea.org/media/topics/renewables/repolicyupdate/redrenewable->

[policyupdate-no11-final-2016-11-17.pdf](http://www.iea.org/media/topics/renewables/repolicyupdate/redrenewable-policyupdate-no11-final-2016-11-17.pdf), дата обращения 12.10.2018.

Report on the Implementation of the Investment Policy Review: Egypt (2006), New York and Geneva: United Nations.

Shouman E.R. (2017) International and National Renewable Energy for Electricity with Optimal Cost Effective for Electricity in Egypt // Renewable and Sustainable Energy Reviews, vol. 77, pp. 916–923.

World Economic Outlook. April 2018. Cyclical Upswing, Structural Change (2018), Washington: International Monetary Fund // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/03/20/world-economic-outlook-april-2018>, дата обращения 12.10.2018.

World Investment Report 2018: Investment and New Industrial Policies (2018), Geneva: United Nations Publication // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

The Role of the Electricity Sector in the Economic Development of Egypt

Sergey N. VOLKOV

PhD in Economics, Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation. E-mail: sergey.n.volkov@outlook.com

Anna Yu. SHAROVA

PhD in Economics, Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation. E-mail: sharova.inafr@gmail.com

CITATION: Volkov S.N., Sharova A.Yu. (2018) The Role of the Electricity Sector in the Economic Development of Egypt. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 86–104 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-86-104

ABSTRACT. Egypt is the most dynamically developing country in the region of North Africa. In the nearest future, it is expected to turn into the largest economy of Africa in terms of GDP measured by PPP and to overtake Nigeria. The leadership of Egypt considers accelerated development of the national energy complex, including electricity sector, as one of the main drivers of the economic growth. It will be based on the latest achievements of scientific and technological progress and new forms of attracting foreign direct investment, mainly concession agreements in the format of public-private partnership. This allows medium-sized companies to participate in the process of transnationalization that becomes one of its distinguishing features on the modern stage. The master plan for the development of the electric power industry until 2035 envisages the use of various traditional and renewable energy sources. It is planned to create a balanced electric power generation structure, overcoming the current bank tilt towards gas-fired thermal power plants. It is expected that in the 2034/35 financial year coal-fired power plants in Egypt will account

for 34.0% of electricity generation, 19.4% for solar power plants (11.8% for photovoltaics and 7.6% for concentrated solar power), 19.4% for gas-fired power plants, 14.6% for wind power plants, 8.8% for nuclear power plants, 3.2% for hydro power plants and almost 0.6% for thermal power plants working on fuel oil. The objective of electricity sector's development is the creation of an advanced branch of the economy, in which renewable energy sources and energy-efficient technologies play an important role, ensuring uninterrupted and reliable energy supply, as well as turning the country into a regional energy hub. All this will contribute not only to overcoming the crisis phenomena in the industry itself, observed since 2010s, but also to further change in the nature of the inclusion of the Egyptian economy in the system of the international division of labor, which has undergone significant changes over the past decades.

KEY WORDS: Egypt, economic growth, electricity sector, megaprojects, renewable energy, nuclear energy, public-private partnership

References

- Abramova I.O. (2010) *Naselenie Afriki v novoj global'noj ekonomike* [African Population in the New Global Economy], Moscow: Institute for African Studies RAS.
- Annual Reports 2008/2009–2016/2017 (2009–2018). *Egyptian Electricity Holding Company (EEHC)*. Available at: http://www.moe.gov.eg/english_new/report.aspx, accessed 12.10.2018.
- Annual Report 2016/2017 (2018). *Egyptian Electricity Holding Company (EEHC)*. Available at: <http://www.eehc.gov.eg/eehcportal/Eng/YearlyReport/report%20E.pdf>, accessed 12.10.2018.
- Egypt Vision 2030. The Sustainable Development Strategy (SDS)* (n/y). Available at: http://www.nationalplanningcycles.org/sites/default/files/planning_cycle_repository/egypt/egypt_sustainable_development_strategy_vision_2030.pdf, accessed 12.10.2018.
- ESMAP (2017). *Energy Subsidy Reform Facility Country Brief: Egypt* (English). ESMAP Brief, Washington, D.C.: World Bank Group. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/873871506492500301/Energy-subsidy-reform-facility-Egypt>, accessed 12.10.2018.
- Filonik A.Yu., Isaev V.A., Morozov V.M. (2017) Vozobnovlyaemye istochniki energii v razvitii Arabskogo Vostoka (na primere stanovleniya gelioenergetiki) [Renewable Energy Sources in the Development of the Arab Countries (on the Example of the Formation of Solar Energy)]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, vol. 57, no 6, pp. 143–160.
- Kalinichenko L.N. (2017) Perspektivy uchastiya rossijskogo biznesa v energeticheskikh projektakh v Afrike [Prospects for Russian Business Participation in Energy Projects in Africa]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, no 1, pp. 45–55.
- Korendyasov E.N. (2016) Atomno-energeticheskij rynek Afriki: rol' i mesto Rossii [Nuclear Energy Market of Africa: Role and Place of Russia]. *Asia and Africa today*, no 3, pp. 2–6.
- Libman A., Kheifets B. (2006) Mirovye protsessy transnatsionalizatsii i rossiiskij biznes [World Processes of Transnationalization and Russian Business]. *Voprosy ekonomiki*, no 12, pp. 61–79.
- Noskov A.Yu. (2015) Solnechnaya energetika Severnoj Afriki [Solar Power in North Africa]. *Asia and Africa today*, no 1, pp. 45–49.
- Presidential Decree-Law No.203/2014 “Regarding the Stimulation of Producing Electricity from Renewable Energy Sources” (2014), The Middle East Library for Economic Services. Available at: <http://egyptera.org/Downloads/Laws/law2014.pdf>, accessed 12.10.2018.
- Renewable Energy (2016). *RED, Renewable Policy Updated*, Issue 11, November 17, 2016, International Energy Agency. Available at: <http://www.iea.org/media/topics/renewables/repolicyupdate/redrenewablepolicyupdateno11final20161117.pdf>, accessed 12.10.2018.
- Report on the Implementation of the Investment Policy Review: Egypt* (2006), New York and Geneva: United Nations.
- Shouman E.R. (2017) International and National Renewable Energy for Electricity with Optimal Cost Effective for Electricity in Egypt. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, vol. 77, pp. 916–923.
- Sudas L.G., Bobyleva A.Z., Lvova O.A. (2011) Zarubezhnyi opyt proektnogo finansirovaniya v sfere energetiki [Foreign Experience of Project Financing in the Energy Sector]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, no 29, pp. 1–20. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk__29._dekabr_2011_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/sudas_bobyleva_lvova.pdf, accessed 12.10.2018.
- Vasil'ev A.M., Savateev A.D., Isaev L.M. (eds.) (2014) «Arabskii krizis» i ego mezhdunarodnye posledstviya [“The Arab Cri-

sis” and Its International Consequences], Moscow: LENAND.

Vasilyev A.M., Tkachenko A.A. (2011) *Revolutsionnye potryaseniya v stranakh Severnoj Afriki* [Revolutionary Turmoil in North Africa]. *Rossiya v mnogopolyarnom mire* [Russia in a Multipolar World] (eds. Dynkin A.A., Ivanova N.I.), Moscow: Ves’ mir, pp. 533–541.

Volkov S.N. (2017) *Rossijsko-egipetskie ekonomicheskie otnosheniya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Russian-Egyptian Economic Relations: the Current State and Prospects]. *Afrikan-skie strany v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: novye rubezhi* [African Countries in Modern International

Relations: New Frontiers] (eds. Deych T.L., Korendyasov E.N.), Moscow: Institute for African Studies RAS, pp. 113–127.

World Economic Outlook. April 2018. Cyclical Upswing, Structural Change (2018), Washington: International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/03/20/world-economic-outlook-april-2018>, accessed 12.10.2018.

World Investment Report 2018: Investment and New Industrial Policies (2018), Geneva: United Nations Publication. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf, accessed 12.10.2018.

Транспортная инфраструктура в Эфиопии

Андрей Константинович БАРИНОВ

младший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН. Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1.
E-mail: Barinov23@bk.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Барinov А.К. (2018) Транспортная инфраструктура в Эфиопии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 105–118. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-105-118

АННОТАЦИЯ. Развитие транспортной инфраструктуры является приоритетной задачей для многих африканских стран. От этого процесса зависит эффективность континентальных и мировых торговых коридоров, а также в значительной степени определяется стоимость экономической деятельности в регионе. В этой связи можно выделить преобразования в транспортном секторе Эфиопии. Правительство страны приняло решение построить национальную сеть железных дорог, а также разработало комплекс мер по развитию авиационных и классических автодорожных путей сообщения. В ходе войны за независимость Эритреи, после которой 25 апреля 1993 года под наблюдением ООН в Эритрее прошел референдум и было объявлено об отделении, Эфиопия потеряла морскую порттовую инфраструктуру и не имеет собственных выходов к морю, что в значительной степени осложняет ведение внешнеэкономической деятельности. Развитие транспортных коридоров, связывающих центры производства и потребления с крупными портами региона, является приоритетной задачей для страны. Именно поэтому в последние десятилетия правительство Эфиопии активно привлекает иностранных инвесторов и мировые финансовые организации для создания стабиль-

ных, эффективных и экономически выгодных путей сообщения с портовой инфраструктурой соседних стран. В этом году начала функционировать полностью перестроенная китайскими компаниями железнодорожная линия Аддис-Абеба – Джибути, а в ближайшие годы, при сотрудничестве Кении и Эфиопии, будет запущена автомагистраль Момбаса – Найроби – Аддис-Абеба. Подобные инфраструктурные проекты не только меняют направления торговых коридоров, но и дают возможность снизить транспортные издержки и активизировать внешнеэкономическую деятельность страны. Власти Эфиопии делают большие успехи в развитии внутренней транспортной инфраструктуры, что позволяет эффективнее использовать природные, экономические и людские ресурсы внутри государства. В первую очередь это связано со строительством и модернизацией автодорожных и железнодорожных путей сообщения. К реализации подобных проектов активно привлекаются иностранные компании; в таком сотрудничестве могут быть заинтересованы и российские предприятия. В статье приведен обзор основных видов транспорта на территории Эфиопии, а также представлены ключевые перспективные проекты, которые потенциально могут быть интересны российским компаниям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Эфиопия, инфраструктура, транспортная инфраструктура, транспорт, железные дороги, автодорожные пути сообщения, трубопроводы, авиационная инфраструктура*

Транспортная инфраструктура в Эфиопии

Развитие, модернизация и строительство транспортных систем в странах Африки играют важную роль для роста экономики Континента, эффективного использования природных, экономических и людских ресурсов и способствуют интеграции региона в систему глобального мирового хозяйства.

Ускорение экономического роста на Континенте требует масштабных программ развития базовой и транспортной инфраструктуры, внедрения новых передовых технологий [Абрамова, Морозенская 2016, с. 353].

Международные финансовые организации, правительства африканских стран и иностранные инвесторы направляют значительные средства на развитие инфраструктуры в регионе, стремясь вовлечь страны Африки в мировую торговлю, улучшить доступ международных компаний к природным ресурсам и рынкам континента. Африканские страны, в свою очередь, заинтересованы в усилении связей с мировым рынком товаров и услуг, стремятся использовать транспортную инфраструктуру для дальнейшей региональной интеграции в рамках различных экономических и политических союзов. В последние годы в Восточной Африке активно развивается

транспортное строительство: в процессе реализации находится более 50 крупных проектов на общую сумму свыше 60 млрд долл. США [Маценко 2016, с. 32].

Одной из экономически наиболее быстро растущих стран региона является Эфиопия [Абрамова, Фитунни 2015, с. 145]. Правительство государства при поддержке мировых финансовых организаций и иностранных инвесторов активно развивает транспортную инфраструктуру на своей территории и достигло в этом значительных успехов.

Прежде чем переходить к обзору транспортной инфраструктуры Эфиопии, необходимо отразить экономический потенциал региона в ряде основных показателей.

По данным ЮНКТАД, на 2016 г. население Эфиопии составляло 102,4 млн чел. с приростом 2,4% в год, при этом активно проходит урбанизация жителей страны¹. Рост населения, как в сельской, так и в городской местности, приводит к дополнительной нагрузке на транспортный сектор, который обеспечивает мобильность граждан и трудовых ресурсов. При бурном росте населения правительство страны использует строительство инфраструктурных объектов, чтобы создавать рабочие места для значительного числа работников разной квалификации [Маценко 2016, с. 34].

ВВП Эфиопии в 2016 г. находился на уровне 70 млрд долл., а его рост составил 7,56% и значительно опередил общемировые показатели. Рост экономики, в свою очередь, сильно зависит от мощности транспортной инфраструктуры, которая обеспечивает развитие и функционирование внутреннего рынка, дает возможность эффективно распределять экономические и природные

1 United Nations Conference Trade and Development. General Profile: Ethiopia (n/y) // UNCTADstat.unctad.org // <http://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/231/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

ресурсы. Данные по внешней торговле, представленные в годовом отчете Национального банка Эфиопии (National Bank of Ethiopia) за 2016/2017 год, свидетельствуют, что экспорт страны составил 2907,5 млн долл.² В процентном соотношении он распределен по следующим направлениям: Азия – 37,7%, Европа – 32,4%, Африка – 21,5%, Северная и Южная Америка – 7,5%, Океания – 0,9%³. В свою очередь импорт в Эфиопию составил 15802,6 млн долл. и направлен из следующих регионов: Азия – 62,65%, Европа – 25,08%, Африка – 3,88%, Северная и Южная Америка – 8,2%, Океания – 0,11%⁴. Поскольку Эфиопия является внутриконтинентальной страной и не имеет выхода к морю [Fekadu M. Debela 2013, p. 24], объем внешней торговли страны сильно зависит от стабильных и экономически эффективных транспортных коридоров, которые обеспечивают связь региона с морскими портами Континента и международными рынками.

Железнодорожный транспорт

В начале XXI в. Эфиопия имела трудности с доступом на мировой рынок, так как классические транспортные коридоры больше не функционировали или нуждались в модернизации. Сначала, в ходе вооруженного эфиопо-эритрейского конфликта 1998–2000 гг., Эфиопия потеряла доступ к портам Асэб и Массауа, через которые осуществляла значительную часть внешнеторговой деятельности [Шауро 2005, с. 91]. Это вынудило страну перевести товаропотоки на альтер-

нативные транспортные линии, в частности направить их через порт Джибути. При этом основная железная дорога, связывающая Аддис-Абебу (Эфиопия) и Джибути, нуждалась в глубокой модернизации и не была в состоянии обеспечить транспортировку резко возросшего объема грузов [Морозенская 2012, с. 60]. В 2004 г. железная дорога уже не смогла перевозить необходимый для внешней торговли объем товаров, а в 2008 г. окончательно прекратила работу.

С закрытием железной дороги Аддис-Абеба – Джибути Эфиопия, по сути, лишилась железнодорожной системы, а вся нагрузка легла на автодорожную инфраструктуру. В 2010 г. правительство Эфиопии принимает решение создать новую Национальную железнодорожную сеть Эфиопии (National Railway Network of Ethiopia). Первостепенной задачей являлось восстановление ж/д сообщения между Аддис-Абейой и Джибути, чтобы обеспечить стабильную, экономически выгодную транспортировку больших объемов товаров внешней торговли.

Правительства Эфиопии и Джибути приняли решение о совместном строительстве новой железнодорожной линии Аддис-Абеба – Джибути. Для этого проекта была специально создана совместная компания Ethio-Djibouti Standard Gauge Rail Transport S.C., штаб-квартира которой находится в Аддис-Абебе. Правительству Эфиопии принадлежит 75% компании, а правительству Джибути обладает 25% акций. В проект активно инвестировали китайские компании: Exim Bank of China, China Development Bank, Indus-

2 National Bank of Ethiopia. Annual Report 2016–2017, p. 47 (n/y) // NBE.gov.et // <http://www.nbe.gov.et/publications/annualreport.html>, дата обращения 12.10.2018.

3 National Bank of Ethiopia. Annual Report 2016–2017, p. 52 (n/y) // NBE.gov.et // <http://www.nbe.gov.et/publications/annualreport.html>, дата обращения 12.10.2018.

4 National Bank of Ethiopia. Annual Report 2016–2017, p. 54 (n/y) // NBE.gov.et // <http://www.nbe.gov.et/publications/annualreport.html>, дата обращения 12.10.2018.

trial and Commercial Bank of China. Общая стоимость проекта оценивается в 4,5 млрд долл.

Строительство железнодорожной линии также осуществляли две китайские компании – China Railway Group Ltd. и China Civil Engineering Construction Corp. Железная дорога имеет стандартизованную колею 1435 мм и обладает общей протяженностью 759 км, из которых 666 км находятся в Эфиопии. На железнодорожной линии располагается 21 станция, в их числе 2 погрузочные, 2 пассажирские, 13 станций для обслуживания пассажиров и обработки грузов, а также 4 исключительно перестановочные станции (однако все станции могут использоваться в качестве перестановочных). Пропускная способность дороги оценивается в 24,9 млн тонн грузов в год⁵. Это железнодорожное направление имеет ключевое значение для развития эфиопской экономики, так как позволяет повысить конкурентоспособность продукции страны на мировом рынке за счет сокращения транспортных издержек. В первую очередь это касается кофе и живого скота, которые экспортируются в страны Персидского залива, а также текстильной продукции предприятий в пригородах Аддис-Абебы [Морозенская 2012, с. 60].

Участок железной дороги Аддис-Абеба – Джибути на территории Эфиопии принадлежит правительству страны, а именно государственной компании Ethiopian Railway Corporation (ERC). Операционная деятельность

на дороге началась 1 января 2018 г. До 2023 г. операторами железнодорожной линии являются китайские компании China Railway Group Ltd. и China Civil Engineering Construction Corp., с 2024 г. управление дорогой перейдет в руки компании Ethio-Djibouti Standard Gauge Rail Transport S.C.

С 2015 г. в Эфиопии ведется строительство еще двух железнодорожных участков. Первая линия со стандартизированной колеи 1435 мм и протяженностью 392 км соединит города Аваш и Уольдья. Стоимость участка оценивается в 1,7 млрд долл.⁶ Помимо правительства Эфиопии, основными инвесторами выступили турецкие и западные финансовые организации: Türk Eximbank, the Swedish National Export Credits Guarantee Board, Denmark's Export Credit Board. Строительство выполняет компания Yapi Merkezi Turkey⁷. На данный момент проект выполнен на 50%, первый этап строительства практически завершен, второй финальный этап будет реализован к 2020 г.⁸ После завершения строительства железнодорожный участок перейдет под управление государственной компании Ethiopian Railway Corporation (ERC).

Вторая линия, которая строится на территории Эфиопии, продлит железную дорогу от города Уольдья до Мэкэле. Ширина колеи этого участка составляет 1435 мм, а протяженность 216 км. Стоимость проекта оценивается в 1,5 млрд долл.⁹ Основное финансиро-

5 Rogers D. (2015) Ethiopia Steams Ahead with Vision for a Modern National Rail Network // Global Construction Review, February 17, 2015 // <http://www.globalconstructionreview.com/markets/ethiopia-steams-ahead-vision-modern-n8a8t8i8o8n8a8/>, дата обращения 12.10.2018.

6 Awash Woldia / Hara Gebeya Railway Line Project (n/y) // Railway-technology.com// <https://www.railway-technology.com/projects/awash-woldia-hara-gebeya-railway-line-project/>, дата обращения 12.10.2018.

7 Awash Woldia / Hara Gebeya Railway Line Project (n/y) // Railway-technology.com// <https://www.railway-technology.com/projects/awash-woldia-hara-gebeya-railway-line-project/>, дата обращения 12.10.2018.

8 Turkish Construction Giant Eyes More Africa Projects after Ethiopia, Tanzania Railways (2017) // Daily Sabah, August 2, 2017 // <https://www.dailysabah.com/economy/2017/08/02/turkish-construction-giant-eyes-more-africa-projects-after-ethiopia-tanzania-railways>, дата обращения 12.10.2018.

9 Foundation Stone Laid for Northern Ethiopia Line (2015) // Railway Gazette, February 25, 2015 // <http://www.railwaygazette.com/news/news/africa/single-view/view/foundation-stone-laid-for-northern-ethiopia-line.html>, дата обращения 12.10.2018.

вание предоставлено правительством Эфиопии и китайскими финансовыми организациями. Строительство железнодорожной транспортной инфраструктуры осуществляет China Communications Construction Company¹⁰. На сегодняшний день реализовано 46% проекта¹¹. Владелец транспортной инфраструктуры также станет государственная компания Ethiopian Railway Corporation (ERC).

Строящиеся участки Аваш – Уольдия и Уольдия – Мэкэле присоединены к железной дороге Аддис-Абеба – Джибути в городе Аваш.

Существует еще пять перспективных проектов по строительству железнодорожных веток, которые сформируют национальную сеть железных дорог, но их строительство пока не началось из-за недостатка финансирования. К

этим железнодорожным линиям относятся: 1) Аддис-Абеба – Амбо – Джимма и Джимма – Гура-Фэдрра – Дилла (700 км); 2) Амбо – Нэкэмте – Асоса – Курмук (520 км); 3) Финот – Селам – Бахр-Дар – Верета – Уольдия – Хара-Гебея – Семера – Элидар –Таджура(Джибути) (734 км); 4) Верета – Азэзо – Мэтэма (244 км) 5) Адама – Итея – Гасера и Итея – Асэлла (248 км).

Автодорожная инфраструктура

Стоит отметить, что больше 90% грузов в пределах Эфиопии перевозятся автодорогами, и этот вид транспорта играет ключевую роль для государства [Mushir, Hailemariam 2015, p. 846]. По данным Эфиопского управления автодорогами (Ethiopian Roads Authority)

Таблица 1. Распределение федеральной сети автодорог по административным регионам Эфиопии

Регион	Количество дорог (ед.)	Протяженность дорог (км)	Протяженность дорог с асфальтовым покрытием (км)	Протяженность дорог, покрытых гравием (км)
Афар	33	1902	1538	364
Амхара	132	6353	3314	3039
Бенишангуль-Гумуз	12	707	243	464
Дыре-Дауа	4	45	27	18
Гамбела	9	521	170	351
Оромия	166	9031	4334	4697
Сомали	25	2552	798	1754
Область народностей Южной Эфиопии	88	4328	2074	2254
Тыграй	38	2547	2098	449
Харари	4	47	37	10

Составлено по: Ethiopian Roads Authority. Distribution of the Federal Road Network in to Regions and RNMD by 2016¹².

10 Foundation Stone Laid for Northern Ethiopia Line (2015) // Railway Gazette, February 25, 2015 // <http://www.railwaygazette.com/news/news/africa/single-view/view/foundation-stone-laid-for-northern-ethiopia-line.html>, дата обращения 12.10.2018.

11 Berhane D. (2017) Ethiopia: Mekelle-Woldya Railway Project at a Standstill // Horn Affairs, May 13, 2017 // <https://hornaffairs.com/2017/05/13/ethiopia-mekelle-woldya-railway-project-standstill/>, дата обращения 12.10.2018.

12 Ethiopian Roads Authority. Distribution of the Federal Road Network in to Regions and RNMD by 2016 (2016) // Era.gov.et // http://www.era.gov.et/web/guest/road-asset/-/document_library_display/9qSu/view/52021, дата обращения 12.10.2018.

на 2016 г., федеральная сеть автодорог насчитывала 513 дорог общей протяженностью 28032 км, из них 13 400 км являются гравийными дорогами, а 14 632 км покрыты асфальтом¹³. Распределение дорог по регионам представлено в таблице 1.

В первую очередь к ключевым автодорогам в Эфиопии можно отнести шестиполосную автостраду Аддис-Абеба – Адама длиной 84,7 км. Эта автомагистраль является составным участком дороги № 1 Аддис-Абеба – Адама – Аваш – Буре. Дорога № 1, в свою очередь, по протяженности составляет 853 км и ведет из столицы в город Буре на границе с Эритреей. Также у автомобильного коридора есть ответвление № 1А, ведущее в приграничный город Га-лафи (Джибути)¹⁴.

Следующей крупной автодорогой на территории Эфиопии является направление № 2 Аддис-Абеба – Дэссе – Мэкэле – Адигарт – Аксум протяженностью 1071 км.

На запад от столицы ведет дорога № 4 Аддис-Абеба – Нэкэмте – Гымби длиной 445 км. Это направление приводит к автодорожной развилке, которая с одной стороны ведет в город Гамбелла, а с другой стороны в город Курмук на границе с Суданом.

Из столицы на запад ведет и дорога № 5 Аддис-Абеба – Джимма – Мету протяженностью 510 км. От города Джимма в юго-западном направлении идет дорога № 6 Джимма – Мизан-Тэфэри длиной 216 км.

На востоке страны располагается дорога № 10 Аваш – Харэр – Кэбри-Дэ-

хар длиной 572 км. От нее в районе города Джиджига есть ответвление, ведущее в Сомали¹⁵.

Необходимо отметить, что в центре автодорожной системы Эфиопии находится Аддис-Абеба [Mushir, Hailemariam 2015, р. 853]. Столица является крупнейшим грузовым хабом и распределительным центром для дорожного товаропотока внутри страны.

Ряд ключевых автодорог на юге и севере Эфиопии являются участками трансафриканской автомагистрали Каир – Кейптаун (Cairo – Cape Town Trans-African Highway 4). К ним относятся дорога № 3 Аддис-Абеба – Дэджен – Бахр-Дар – Гондэр длиной 737 км, автомобильное направление № 7 Моджо – Шашэмэнне – Соддо – Арба-Мынч протяженностью 432 км и автомобильный путь № 8 Шашэмэнне – Ауаса – Агэрэ-Марьям размером 214 км¹⁶.

Основным проектом по развитию автодорожной транспортной инфраструктуры в Эфиопии на данный момент является строительство международного автодорожного коридора Момбаса – Найроби – Аддис Абеба. Это крупный проект по развитию транспортной инфраструктуры на территории Кении и Эфиопии. Основное финансирование на реализацию проекта поступает от Африканского банка развития (African Development Bank) в рамках проекта LAPSET [Морозенская 2014, с. 226], а также выделяется из бюджета, как Кении, так и Эфиопии. Данный коридор является частью трансафриканской автомагистрали Ка-

13 Ethiopian Roads Authority. Distribution of the Federal Road Network in to Regions and RNMD by 2016 (2016) // Era.gov.et // http://www.era.gov.et/web/guest/road-asset/-/document_library_display/9qSu/view/52021, дата обращения 12.10.2018.

14 Ethiopian Roads Authority. Distribution of the Federal Road Network in to Regions and RNMD by 2016 (2016) // Era.gov.et // http://www.era.gov.et/web/guest/road-asset/-/document_library_display/9qSu/view/52021, дата обращения 12.10.2018.

15 Ethiopian Roads Authority. Distribution of the Federal Road Network in to Regions and RNMD by 2016 (2016) // Era.gov.et // http://www.era.gov.et/web/guest/road-asset/-/document_library_display/9qSu/view/52021, дата обращения 12.10.2018.

16 Ethiopian Roads Authority. Distribution of the Federal Road Network in to Regions and RNMD by 2016 (2016) // Era.gov.et // http://www.era.gov.et/web/guest/road-asset/-/document_library_display/9qSu/view/52021, дата обращения 12.10.2018.

ир-Кейптаун (Cairo-Cape Town Trans-African Highway 4).

Строительство коридора между Аддис-Абебой и Момбасой разделено на три этапа. На первом этапе осуществлен поиск инвесторов, а также реализованы изыскательские и инженерные работы. Построено 136 км дорог между городом Исоло и рекой Мериль в Кении; сверх того, построено и модернизировано 670 км дорог на территории Кении и Эфиопии. На втором этапе достроен и восстановлен участок длиной 245 км между рекой Мериль, городом Марсабит и поселением Турбо в Кении, а также реконструировано 193 км автодороги на участке Агэрэ-Марьям – Ябело – Мега в Эфиопии. На третьем этапе запланированы строительство участка 125 км между Турби (Кения) и пограничным городом Мойале и реконструкция 300 км дорог на участках Ауаса – Агэрэ-Марьям и Мега – Мойале в Эфиопии [Морозенская 2014, с. 226].

Проект автодорожного коридора Момбаса – Найроби – Аддис-Абеба находится на третьем, финальном, этапе реализации. В перспективе этот автодорожный путь станет крупным внешнеторговым направлением для Эфиопии и обеспечит устойчивую связь страны с мировым рынком через порт Момбасы.

Авиационный транспорт

Если говорить о воздушных путях сообщения, то нужно отметить, что Эфиопия на сегодняшний день имеет достаточно развитую авиационно-транспортную инфраструктуру в сравнении с соседними африканскими государствами [Морозенская 2012, с. 62].

Более того, в некоторые районы страны можно добраться исключительно по воздуху. Авиационный транспорт, наземная инфраструктура и авиасообщение находятся под государственным контролем эфиопского управления гражданской авиации.

Крупнейшими аэродромами в Эфиопии являются международный аэропорт Боле (Аддис-Абеба) и международный аэропорт Дыре-Дауа.

Регионы Эфиопии неравномерно обеспечены авиационно-транспортной инфраструктурой. Наибольшее количество аэропортов находится в крупных провинциях Оромия и Амхара. Ключевые аэродромы Эфиопии с распределением по административным регионам приведены в таблице 2.

Основным авиаперевозчиком в Эфиопии является государственная компания Ethiopian Airlines, которая осуществляет пассажирские и грузовые перевозки как в Эфиопии, так и за ее пределами. Штаб-квартира ее находится в Аддис-Абебе, в качестве аэропорта приписки зарегистрирован международный аэропорт Боле в Аддис-Абебе. В распоряжении у компании находится 105 самолетов¹⁷.

По данным эфиопского управления гражданской авиации, в Эфиопии осуществляют перевозки крупные европейские компании. К их числу относятся Dutch Airline (KLM), British Midland Airways (BMD), Lufthansa German Airways (LH), Turkish Airlines (TK). Авиаперевозчики из Азии и Ближнего Востока представлены компаниями Yemania (IYE), Saudi Airways (SVA), Emirates (EK), Etihad (EY). На рынке авиаперевозок Эфиопии широко распространены и африканские компании – Kenyan Airways (KQA), Sudan Airways (SUD), Dal-

17 Ethiopian Airlines Fleet Details and History (n/y) // Planespotters.net // <https://www.planespotters.net/airline/Ethiopian-Airlines>, дата обращения 12.10.2018.

Таблица 2. Распределение аэропортов Эфиопии по административным регионам

Гражданские аэродромы		
Административный регион	Количество аэропортов	Названия аэропортов
Аддис-Абеба	1	Bole International Airport (Addis Ababa Bole International Airport)
Афар	1	Semera Airport
Амхара	8	Bahir Dar Airport; Combolcha Airport; Debre Marqos Airport; Debre Tabor Airport; Gondar Airport; Lalibela Airport; Mekane Selam Airport; Genda Wuha Airport
Бенишангуль-Гумуз	1	Asosa Airport
Дыре-Дауа	1	Aba Tenna Dejazmach Yilma International Airport (Dire Dawa)
Гамбела	1	Gambela Airport
Оромия	13	Adaba Airport; Beica Airport; Dembidolo Airport; Dodola Airport; Fincha Airport; Ghinnir Airport; Robe Airport (Gobe Airport); Gore Airport; Aba Segud Airport (Jimma Airport); Mendi Airport; Nejjo Airport; Nekemte Airport; Shakiso Airport
Область народностей Южной Эфиопии	9	Arba Minch Airport; Awasa Airport; Baco Airport (Jinka Airport); Tum Airport; Mizan Teferi Airport; Mui Airport; Sodo Airport; Tipipi Airport; Wacsa Airport
Сомали	5	Dolo Airport; Gode Airport; Garaad Wiil – Waal Airport; Kabri Dar Airport; Shilavo Airport
Тыграй	5	Axum Airport; Dansha Airport; Humera Airport; Alula Aba Nega Airport (Makale Airport); Shire Airport
Военные аэродромы		
Административный регион	Количество аэропортов	Названия аэропортов
Аддис-Абеба	1	Lideta Army Airport
Оромия	2	Harar Meda Airport; Neghelle Airport

Составлено по: информационный ресурс Great circle mapper¹⁸.

lo Airlines (DAO), Egypt Air (MSR), Djibouti Airline (DJB), Angola Airline (TA-AG). Более того, в стране осуществляют перевозки местные компании. Помимо Ethiopian Airlines (EAL) можно выделить Trans Nation Airways (TNA), Suhura Airways, Air Ethiopia, AberdAir Ethiopia, Abyssinian Flight Service и Amibara Aviation Servises¹⁹.

Трубопроводный транспорт

В Эфиопии на данный момент нефтяная и газовая промышленность не развиты. Инфраструктура этой отрасли практически отсутствует, а трубопроводов на территории Эфиопии нет. Ограниченные поставки углеводородов в страну идут через террито-

¹⁸ Great Circle Mapper (n/y) // Gcmap.com // <http://www.gcmap.com/search?Q=country:ET>, дата обращения 12.10.2018.

¹⁹ Ethiopian Civil Aviation Authority (ECAA) (n/y) // ECAA.gov.et // <http://www.ecaa.gov.et/licenseoperators.aspx>, дата обращения 12.10.2018.

рию Судана и Джибути, по автодорогам и железнодорожным путям сообщения.

Правительство Эфиопии подписало ряд соглашений с Южным Суданом о намерении провести через территорию Эфиопии новый трубопровод в порт Джибути. Но проект пока не реализуется, и в ближайшей перспективе этот вопрос не будет решен. Сложный рельеф территории является дополнительным фактором, который усложняет реализацию проекта [Калиниченко 2016, с. 44].

В рамках проекта LAPSET было намечено строительство нефтепровода от Исоло (Кения) до границы с Эфиопией. Это связано с открытием англо-ирландской компанией Tullow Oil нефтяных месторождений в провинциях Туркана (Кения) и Омо (Эфиопия) [Морозенская 2014, с. 226].

Стоит отметить, что на юго-востоке Эфиопии открыты два газовых месторождения Калуб (Calub) и Хилала (Hilala), в настоящее время проводится их доразведка. Лицензии на разработку этих месторождений выданы китайской компании Poly-GCL. Разработка возможна после строительства инфраструктуры, так как регион удален от крупных мировых рынков сбыта.

Владельцы рассматривают вариант строительства 800 км экспортного трубопровода от месторождений до побережья Джибути, где планировалось строительство СПГ. Договор о намерениях о строительстве соответствующей инфраструктуры подписан с Chinese LNG shipping company. Но сейчас на территории Эфиопии строительство трубопроводов не ведется.

Водные пути сообщения

Эфиопия внутриконтинентальная страна и не имеет выхода к морю. Собственной портовой и транспортной инфраструктуры у государства нет [Fekadu M. Debela 2013, p. 24]. Стране принадлежит только 11 торговых судов и 2 танкера²⁰. При этом внешняя торговля Эфиопии в значительной степени зависит от мощности портов, которые расположены в соседних государствах, в первую очередь это Джибути и Момбаса (Кения) [Fekadu M. Debela 2013, p. 24]. Существует потенциальная возможность участия Эфиопии в развитии портовой инфраструктуры в Кении и Джибути, однако на сегодняшний день такое сотрудничество не осуществляется.

Внутренние водные пути сообщения и речной транспорт в Эфиопии слабо развиты. Отдельные речные артерии используются только для внутренних малообъемных перевозок. Серьезную проблему представляют природные условия, которые ограничивают навигацию в период засухи. В перспективе внутренний водный транспорт может развиваться в бассейнах крупных озер, таких как Тана, Абая и Чамо. Но в данный момент эти артерии не могут играть серьезной роли для международной торговли и перевозки значительных объемов грузов.

Итак, в ближайшие годы политика Эфиопии в сфере развития транспортной инфраструктуры будет направлена на создание национальной сети железных дорог, а также на строительство и модернизацию автодорожных путей сообщения, в первую очередь в рамках трансф-

20 United Nations Conference Trade and Development. Maritime Profile: Ethiopia (n/y) // UNCTADstat.unctad.org // <http://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/MaritimeProfile/en-GB/231/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

риканских торговых коридоров. Активное участие в этом процессе принимают компании из Китайской Народной Демократической Республики и стран Европейского Союза. Отдельно можно выделить роль Турции, которая инвестировала в Эфиопию около 3 млрд долл. Значительная часть этих средств пошла на финансирование строительства транспортной железнодорожной инфраструктуры [Костелянец 2016, с. 2].

Инфраструктурные проекты также могут выступить драйвером и для развития сотрудничества между Российской Федерацией и Эфиопией.

Ряд экспертов считает, что на Африканском континенте отечественные компании способны принять участие как в поставках продукции тяжелой машиностроительной промышленности (самолеты, железнодорожные составы, автомобильный транспорт), так и в реализации инфраструктурных проектов – в качестве подрядчика при строительстве трубопроводов, железнодорожных участков, аэродромов и автомобильных коридоров [Абрамова, Фитунни 2015, с. 146]. Эфиопия на данный момент имеет потенциал для подобного сотрудничества, а российские компании могут получить свою долю на этом динамично развивающемся рынке.

В марте 2018 г. в ходе турне по странам Африки министр иностранных дел России С.В. Лавров посетил Эфиопию. Во время переговоров особое внимание уделялось вопросу возобновления прямого авиасообщения между странами, которое в итоге стало одним из главных направлений двухстороннего сотрудничества [Абрамова 2018, с. 9]. В этом процессе активное участие будет принимать отечественная компания «Аэрофлот». Эфиопия в перспек-

тиве может стать крупным транспортным хабом для пассажирских авиаперевозок между Россией и странами Африканского континента южнее Сахары.

Более того, эфиопские авиакомпании могут быть заинтересованы в закупке и обслуживании новых авиасудов российского производства. Крупнейшая авиакомпания Ethiopian Airlines продолжает приобретать новые машины и обладает авиапарком, средний возраст которого составляет 6,2 года. Однако срок эксплуатации у 31,5% используемых самолетов истекает в течение ближайших 5–15 лет²¹. В связи с этим продукция российской авиационной промышленности может найти свою нишу на эфиопском рынке, в первую очередь это касается передовых самолетов Sukhoi Superjet 100, Иркút MC-21 и Ил-96.

Эфиопия многократно высказывала заинтересованность в привлечении России к проектам строительства транспортной инфраструктуры на территории своей страны [Григорьева 2012, с. 228]. Также рассматривались варианты поставок отечественных локомотивов, трамваев и тяжелых грузовых машин для нужд Эфиопии [Григорьева 2012, с. 231]. Но на данный момент такое сотрудничество находится в зачаточном состоянии. Выход отечественных компаний транспортной отрасли на высококонкурентный рынок Эфиопии потребует огромных усилий и финансовых затрат. При этом соперничество за подряды на строительство транспортной инфраструктуры между основными игроками (Китай, Турция, ЕС) постоянно растет.

По нашему мнению, Россия может сыграть свою роль при подготовке кадров, которые будут обслуживать транспортный сектор страны. Значи-

21 Ethiopian Airlines Fleet Details and History (n/y) // Planespotters.net // <https://www.planespotters.net/airline/Ethiopian-Airlines>, дата обращения 12.10.2018.

тельную часть работ по строительству железных дорог и автомобильных коммуникаций в Эфиопии ведут иностранные компании с использованием привозной рабочей силы и персонала, – в первую очередь это касается подрядчиков из Китая [Маценко 2016, с. 35]. Из-за этого Эфиопия вскоре может столкнуться с глубоким дефицитом национальных квалифицированных работников железнодорожной и автодорожной отрасли, а функционирование растущих транспортных сетей будет зависеть от иностранных специалистов.

В свою очередь Российская Федерация располагает профессиональными профильными высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами, которые готовят высококвалифицированные кадры для работы и развития железнодорожного и автодорожного секторов. Свои образовательные программы могут предложить более 10 высших учебных заведений, в том числе: Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), Петербургский государственный университет путей сообщения (ПГУПС), Иркутский институт инженеров железнодорожного транспорта (ИрИИТ) и т.д. Для решения конструкторских задач и подготовки кадров может быть привлечен Всероссийский научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта (ВНИИЖТ). Сотрудничество в подготовке кадров и образовательной сфере в перспективе заложит основу для участия российских промышленных предприятий в реализации крупных транспортных проектов в Эфиопии и сделает рынок последней более доступным для российских строительных компаний.

Отдельного внимания заслуживает восстановление дипломатических и экономических отношений между Эфиопией и Эритреей, которое произошло в 2018 г.²² Этот процесс будет иметь ключевое значение для развития и восстановления транспортных коридоров между двумя странами. В первую очередь это коснется направлений, связывающих отдельные районы Эфиопии с портами Массауа и Асэб в Эритрее.

Российская Федерация на протяжении долгого времени способствовала урегулированию эфиопо-эритрейского конфликта. Россия с 2000 по 2007 г. принимала активное участие в миссии ООН, нацеленной на преодоление последствий вооруженного конфликта между Эритреей и Эфиопией 1998–2000 гг. [Григорьева 2012, с. 227]. МИД Российской Федерации в последние годы поддерживает тесные связи и проводит встречи на самом высоком уровне с официальными представителями как Эритреи, так и Эфиопии.

В подобных условиях перед Российской Федерацией открываются дополнительные возможности, чтобы принять участие в восстановлении транспортных коридоров между двумя странами, что будет иметь ключевое значение для перспектив развития как Восточной Африки, так и Африканского континента в целом.

Список литературы

Абрамова И.О. (2018) Африканское турне С.В. Лаврова: новые вызовы и перспективы российско-африканского сотрудничества // *Азия и Африка сегодня*. № 5. С. 2–10.

22 По данным ТАСС в 2018 г. 16 июля Эритрея открыла свое дипломатическое представительство в эфиопской столице Аддис-Абеба, а 19 июля Редван Хуссейн был назначен на пост чрезвычайного и полномочного посла Эфиопии в Эритрее. Между двумя странами было восстановлено прямое авиасообщение, а 5 сентября Эфиопское коммерческое судно зашло в порт Эритреи впервые за 20 лет.

Абрамова И.О., Морозенская Е.В. (ред.) (2016) Африка: современные стратегии экономического развития. М.: Институт Африки РАН.

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2015) Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. № 9. С. 141–150.

Григорьева С.В. (2012) Российско-эфиопские отношения в конце 1990-х – начале 2000-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 2(1). С. 226–233.

Калиниченко Л.Н. (2016) Трубопроводный транспорт в странах Восточной Африки: Альтернативные проекты // Ученые записки Института Африки РАН. № 2–3. С. 44–50.

Костелянец С.В. (2016) Политика Турции на африканском направлении: новые тенденции в выборе партнеров // Азия и Африка сегодня. № 7. С. 30–35.

Маценко И.Б. (2016) Социально-экономические последствия транспортного освоения восточной Африки // Ученые записки Института Африки РАН. № 2–3. С. 31–37.

Морозенская Е.В. (ред.) (2012) Экономическая инфраструктура стран Африки. М.: Институт Африки РАН.

Морозенская Е.В. (ред.) (2014) Африка: пути модернизации экономики. М.: Институт Африки РАН.

Шауро Э.А. (2005) Эритрея: справочник. М.: Институт Африки РАН.

Fekadu M. Debela (2013) Logistics Practices in Ethiopia, Uppsala: Swedish University of Agricultural Sciences.

Mushir A., Hailemariam M. (2015) Geographical Analysis of Road Transportation of Ethiopia // Ethiopian Journal of Environmental Studies & Management, no 8(1), pp. 846–854.

Transport Infrastructure in Ethiopia

Andrey K. BARINOV

Junior Research Fellow at the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation. E-mail: Barinov23@bk.ru

CITATION: Barinov A.K. (2018) Transport Infrastructure in Ethiopia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 105–118 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-105-118

ABSTRACT. *The development of transport infrastructure is a priority objective for many African countries. This process has significant impact on the efficiency of continental and world trade corridors, and also influence on the costs of economic activity. In this case, the transformation in the transport sector of Ethiopia must be noted. The government of the country has taken a decision to create national railway network and develop aviation and road lines of communication. After The Eritrean War of Independence Eritrean separation was announced and Ethiopia lost its maritime infrastructure and became a landlocked country. This situation provides great difficulties in process of international trade and economic activity for the region. Now the development of transport corridors which connect economic centers with large ports of the region is a priority task for Ethiopian government. In this case Ethiopia is actively attracting foreign investors and world financial organizations to create stable, efficient and economically profitable ways of transport communication with the port infrastructure of neighboring countries. This year, Chinese companies finished to rebuilt the railway line Addis Ababa-Djibouti, in the coming years, governments of Kenya and Ethiopia, will launch new Mombasa-Nairobi-Addis Ababa motorway. This infrastructure projects are essential for enhancing Ethiopian competitiveness and economic activity and provide opportunity to reduce transport costs. Moreover, the Ethiopian author-*

ities are making great progress in developing the internal transport infrastructure, first of all, in terms of increased paved road and development of railway infrastructure, which promotes more efficient use of natural, economic and human resources. Foreign companies are actively involved in realization of this transport projects and it can be a perspective area for cooperation between Russian Federation and Ethiopia. The article provides a detailed overview of Ethiopian transport sector and describes the key infrastructure projects which can be interesting for Russian companies.

KEY WORDS: *Ethiopia, infrastructure, transport infrastructure, transport, railways, road communications, pipelines, aviation infrastructure*

References

- Abramova I.O. (2018) Afrikanskoe turne S.V. Lavrova: novye vyzovy i perspektivy rossijsko-afrikanskogo sotrudnichestva [Lavrov's African Tour: New Challenges and Perspectives for Russian Cooperation with Africa]. *Asia and Africa today*, no 5, pp. 2–10.
- Abramova I.O., Fituni L.L. (2015) Afrika i Rossiya: perspektivy sotrudnichestva v novykh istoricheskikh usloviyakh [Africa and Russia: Prospects for Cooperation in the New Historical Conditions]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova*, no 9, pp. 141–150.

Abramova I.O., Morozenskaya E.V. (eds.) (2016) *Afrika: sovremennye strategii ekonomicheskogo razvitiya* [Africa: a Modern Economic Development Strategy], Moscow: Institute for African Studies RAS.

Fekadu M. Debela (2013) *Logistics Practices in Ethiopia*, Uppsala: Swedish University of Agricultural Sciences.

Grigoreva S.V. (2012) Rossijsko-efiopskie otnosheniya v kontse 1990-kh – nachale 2000-kh godov [Russian-Ethiopian Relations in the Late 1990s – Early 2000s]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no 2(1), pp. 226–233.

Kalinichenko L.N. (2016) Truboprovodnyj transport v stranakh Vostochnoj Afriki: Al'ternativnye proekty [East Africa Pipeline Transport: Alternative Projects]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, no 2–3, pp. 44–50.

Kostelyanets S.V. (2016) Politika Turt-sii na afrikanskom napravlenii: novye tendentsii v vybore partnerov [Turkey's Pol-

icy in Africa: New Trends in the Choice of Partners]. *Asia and Africa today*, no 7, pp. 30–35.

Matsenko I.B. (2016) Sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya transportnogo osvoeniya vostochnoj Afriki [Socio-economic Impact of Transport Development of East Africa]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, no 2–3, pp. 31–37.

Morozenskaya E.V. (ed.) (2012) *Ekonomicheskaya infrastruktura stran Afriki* [Economic Infrastructure in Africa], Moscow: Institute for African Studies RAS.

Morozenskaya E.V. (ed.) (2014) *Afrika: puti modernizatsii ekonomiki* [Africa: Ways to Modernize the Economy], Moscow: Institute for African Studies RAS.

Mushir A., Hailemariam M. (2015) Geographical Analysis of Road Transportation of Ethiopia. *Ethiopian Journal of Environmental Studies & Management*, no 8(1), pp. 846–854.

Shauro E.A. (2005) *Eritreya: spravoch-nik* [Eritrea: a Handbook], Moscow: Moscow: Institute for African Studies RAS.

В рамках дискуссии

Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия?

Татьяна Лазаревна ДЕЙЧ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН. Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: tdeich@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Дейч Т.Л. (2018) Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 119–141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается политика Китая в Африке в последнее десятилетие. Как свидетельствует проведенный анализ, Китай неуклонно наращивает свое присутствие в Африке, причем не только в странах, богатых ресурсами, хотя ресурсы, особенно нефть, сохраняют особую значимость для китайской экономики, но и в бедных природными ископаемыми и мало привлекательных со стратегической точки зрения государствах. Автор анализирует особенности дипломатии Китая в странах Континента, китайско-африканские торговые связи, деятельность Пекина как донора и инвестора в Африке. Особое внимание в статье уделяется инициативе «Один пояс – один путь», которая занимает ведущее место в сегодняшней стратегии Китая и в которой странам Африки, расположенным на перекрестке сухопутного и морского «шелковых путей», отводится важная роль. Китайская инициатива предусматривает реализацию инфраструктурных проектов, включающих строительство железных и шоссейных дорог, авиационное сообщение, проекты в энергетике, промышленные парки, строительство портов в прибрежных странах. Рост вложений Пекина в

африканскую экономику и расширение сфер его влияния на Континенте – предмет пристального внимания политиков, ученых и СМИ. С одной стороны, с Китаем связывают экономический рост африканских стран, ряд которых вошел в список самых быстро растущих государств мира. С другой стороны, Пекин обвиняют в «неоколониализме», утверждая, что он руководствуется собственными интересами, далекими от интересов Африки, и в погоне за ресурсами нарушает права человека и экологические стандарты. Объективный анализ различных аспектов деятельности Пекина в Африке в последнее десятилетие, а также оценки этой деятельности африканцами в ходе опросов могут помочь установить истину.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Африка, помощь, инвестиции, «пояс-путь», инфраструктура, мягкая сила

Успехи пекинской дипломатии на Континенте

До недавнего времени Китай имел дипломатические отношения с 50 из 54 африканских государств. Четыре стра-

ны: Буркина-Фасо, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд и Гамбия сохраняли отношения с Тайванем. Пекин, однако, предпринимал достаточно активные усилия, чтобы привлечь их на свою сторону. Как писал известный американский специалист по политике Китая в Африке Дэвид Шинн, уже в 2013 г. Пекин имел с этими странами более активные отношения, чем Тайбэй. Ученый высказал мнение, что к 2023 г. все африканские страны признают Пекин¹. Уже в том же 2013 г. Гамбия приостановила отношения с Тайванем и признала КНР единственным законным представителем Китая, а в 2016 г. Китай и Гамбия установили дипломатические отношения. А в декабре того же 2016 г. были восстановлены дипломатические отношения между Китаем и Сан-Томе и Принсипи. И наконец, в 2018 г. о восстановлении дипломатических отношений с Китаем заявила Буркина-Фасо. При подписании 28 мая в Пекине совместного коммюнике министр иностранных дел КНР Ван И выразил «искреннюю надежду», что Свазиленд, последняя оставшаяся в Африке страна, сохраняющая дипломатические отношения с Тайванем, также вскоре присоединится к «семье» сторонников Пекина².

Китай лидирует по числу визитов высокого уровня в страны Африки. Так, министр иностранных дел КНР начинает каждый год с посещения стран Континента. Председатель Си Цзиньпин в 2013 г. совершил в Африку один из первых своих зарубежных визитов после прихода к власти, посетив Танза-

нию, Республику Конго и ЮАР, где принял участие в саммите БРИКС, а год спустя Африку посетил премьер Госсовета Ли Кэцян. В январе 2018 г. состоялась очередная визит в Африку министра иностранных дел Ван И, который побывал в четырех странах: Руанде, Анголе, Габоне, Сан-Томе и Принсипи.

А в июле 2018 г. Си Цзиньпин, после Объединенных Арабских Эмиратов посетил четыре африканские страны: Сенегал, Руанду, где почтил своим присутствием Мемориал в память жертв геноцида 1994 г., ЮАР, где участвовал в очередном саммите БРИКС, и Маврикий. Комментируя дипломатическую активность китайского лидера, директор Китайско-африканской исследовательской инициативы (CARI) Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса (SAIS) в Вашингтоне Дебора Бротигем пишет: «Конечно, у ОАЭ есть нефть, но Руанда, Сенегал и Маврикий небогаты ресурсами. А значит, эти визиты не соответствуют интерпретации китайских интересов в Африке как “неоколониалистских”. Выбор стран демонстрирует стремление Китая приобрести друзей и влияние в Африке, позиционируя себя как партнера африканских стран в индустриализации»³. С этим заявлением можно согласиться, обратив внимание на достигнутые договоренности в ходе встреч с руководством каждой из стран, где побывал китайский лидер. Так, Сенегалу обещано помочь сделать приоритетным развитие промышленности и финансировать вторую фа-

1 Shinn D. (2013) China and Africa: The Next Decade. During a Conference on China in Africa at the University of Denver, Denver, Colorado. February 1, 2013 // <https://ru.scribd.com/document/123557623/China-and-Africa-The-Next-Decade>, дата обращения 12.10.2018.

2 Tara Francis Chan (2018) Taiwan Has Just One Diplomatic Ally in Africa and China Is Eagerly Eyeing It Off // Business Insider, May 28, 2018 // <https://www.businessinsider.com/china-is-eyeing-off-swaziland-africa-diplomatic-relationship-with-taiwan-2018-5>, дата обращения 12.10.2018.

3 Brautigam D. (2018) Xi Jinping Is Visiting Africa This Week. Here Is Why China Is Such a Popular Development Partner // The Washington Post, July 24, 2018 // https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/07/24/xi-jinping-is-visiting-africa-this-week-heres-why-china-is-such-a-popular-development-partner/?utm_term=.7b42b1c360d1, дата обращения 12.10.2018.4

зу Специальной экономической зоны (СЭЗ), которая создается вблизи Дакара. С Руандой подписано соглашение о займе в 126 млн долл. на проекты строительства двух дорог, которые пресса страны расценила как «краеугольный камень» африканского развития⁴. В Руанде уже действует СЭЗ вблизи Кигали, где работают китайские фабрики, выпускающие различную продукцию. В Маврикии с 1970 г. существует промышленная зона, которая привлекла производителей из Гонконга и Тайваня. С помощью азиатских стран Маврикий диверсифицировал экономику, создав лучший в Африке деловой климат. В апреле 2018 г. Пекин начал с Маврикийем переговоры о свободной торговле.

В печати называли основную цель визита – побудить африканские страны присоединиться к китайской инициативе «Один пояс – один путь», о которой будет сказано ниже. Помимо этого, Китаю нужны союзники в противостоянии с США, учитывая, что президент Трамп объявил Пекину торговую войну. Но даже принимая во внимание, что вся внешнеполитическая деятельность Китая сегодня так или иначе подчинена реализации инициативы «Один пояс – один путь», нельзя не признать, что эти договоренности отвечают интересам африканских стран, крайне заинтересованных в индустриализации как важ-

ном шаге к устойчивому развитию. Достаточно сказать, что в Африке на производство приходится 10% добавленной стоимости. В 2016 г. «группа 20» обещала помочь странам Континента решить эту проблему, однако Китай на тот момент уже вложил более 33 млрд долл. в финансирование энергетического сектора и 41 млрд долл. в развитие транспортной системы Африки⁵.

Китай – главный торговый партнер Африки

В последнее десятилетие китайско-африканская торговля неуклонно росла. В 2009 г. Китай обошел США, став главным торговым партнером Африки. Объем китайско-африканской торговли, составлявший в 2000 г. 11 млрд долл., вырос до более 220 млрд в 2014 г.⁶, и ожидалось, что он составит 300 млрд долл. в 2015 г.⁷ А как заявил в 2014 г. премьер Ли Кэцян, цель – довести его к 2020 г. до 400 млрд долл.⁸ Однако из-за падения цен на сырье – основной товар африканского экспорта – объем китайско-африканской торговли резко снизился, составив в январе-октябре 2015 г. 147,6 млрд долл. [Pant, Haidar 2017], а за весь 2016 г. – 149,2 млрд долл.⁹ (по другим данным, даже 128 млрд долл.¹⁰). По

4 Shahtahmasebi D. (2018) China Sees Trump's Trade War as Opportunity to Boost Ties with Africa // RT Live. Question More, July 27, 2018 // <https://www.rt.com/op-ed/434245-china-africa-trade-war/>, дата обращения 12.10.2018.

5 Brautigam D. (2018) Xi Jinping Is Visiting Africa This Week. Here Is Why China Is Such a Popular Development Partner // The Washington Post, July 24, 2018 // https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/07/24/xi-jinping-is-visiting-africa-this-week-heres-why-china-is-such-a-popular-development-partner/?utm_term=.7b42b1c360d1, дата обращения 12.10.2018.

6 Yao Lan (2015) China-Africa Trade Tops 220 bln USD in 2014: Envoy // Xinhua, Economy, November 11, 2015 // www.ecns.cn/business/2015/11-21/189578.shtml, дата обращения 12.10.2018.

7 Китай откроет свою первую зарубежную военную базу (2015) // Южный Китай. 25 ноября 2015 // <https://www.south-insight.com/node/217767>, дата обращения 12.10.2018.

8 Premier Li: China-Africa Trade Volume to Top 8400 bln by 2020 (2014) // The State Council. The People's Republic of China, May 07, 2014 // http://english.gov.cn/premier/video/2014/08/23/content_281474983011541.htm, дата обращения 12.10.2018.

9 2015 Business Review XII: China-Africa Trade and Economic Cooperation Starts (2016) // Ministry of Commerce. People's Republic of China, January 25, 2016 // http://english.mofcom.gov.cn/article/zt_businessview2015/news/201602/20160201261327.shtml, дата обращения 12.10.2018.

10 China-Africa Annual Trade Data (Country by Country) 1992–2016 (2017) // SAIS-CARI // www.sais-cari.org/data-china-africa-trade, дата обращения 12.10.2018.

оценкам китайской таможенной службы, африканский экспорт в Китай упал в 2015 г. на 40%¹¹, а по другим данным – даже на 50% в результате падения цен на главный экспортный товар – нефть. Так, экспорт нефти из Анголы – самого крупного африканского экспортера углеводородов в Китай – сократился с 41 млрд долл. в 2014 г. до 15 млрд долл. в 2015 г. На втором месте в списке африканских экспортеров в Китай в 2016 г. – ЮАР, на третьем – Республика Конго. ЮАР и самый крупный покупатель китайских товаров, за ней идут Египет и Нигерия.

В 2017 г., однако, китайско-африканская торговля вновь выросла: ее объем составил 170 млрд долл.¹² Росту товарообмена способствовал переход ряда африканских стран на юань в двусторонней торговле. Такая практика выгодна обеим сторонам, поскольку позволяет снизить зависимость расчетов от третьей стороны. Помимо Анголы, Нигерии, ЮАР и Кении, решение торговать за юани приняли банки Ганы; добавило юань в свою валютную корзину Зимбабве. Так, платежи в юанях за поставки углеводородов из Анголы выросли в 2017 г. на 22%, а китайско-ангольская торговля составила более 2 млрд долл., причем 1,86 млрд долл. пришлось на импорт Китая, в основном нефтяной¹³. Особенность торговли большинства стран Континента с Китаем, за что Пекину всегда адресовались упреки, – их пассивный торговый баланс. В 2016 г. он составил 35,4 млрд долл.¹⁴ Исключение – страны, обладающие сырьевыми богатствами, например Ангола.

Таблица 1.

Торговля КНР со странами Африки в 2000–2017 гг.	
Год	Объем торговли (млрд долл.)
2000	8,7
2001	10,76
2002	12,35
2003	18,5
2004	29,5
2005	40,31
2006	55,5
2007	73,3
2008	106,8
2009	90,07
2010	126,9
2011	166,3
2012	198,49
2013	210,2
2014	220
2015	147,6
2016	149,2
2017	170

Источники: Direction of Trade Statistics. Yearbook // IMF, 2000–2016; China-Africa Economic and Trade Cooperation (2013–2016) // State Council the People's Republic of China; 2015 Business Review XII: China-Africa Trade and Economic Cooperation Starts (2016) // Ministry of Commerce. People's Republic of China, January 25, 2016 // http://english.mofcom.gov.cn/article/zt_businessview2015/news/201602/20160201261327.shtml; Shahtahmasebi D. (2018) China Sees Trump's Trade War as Opportunity to Boost Ties with Africa // RT Live. Question More, July 27, 2018 // <https://www.rt.com/op-ed/434245-china-africa-trade-war/>, дата обращения 12.10.2018.

11 China-Africa Exports Fall by 40% after China Slowdown (2016) // BBC News, January 13, 2016 // www.bbc.com/news/world-africa-35303981, дата обращения 12.10.2018.

12 Shahtahmasebi D. (2018) China Sees Trump's Trade War as Opportunity to Boost Ties with Africa // RT Live. Question More, July 27, 2018 // <https://www.rt.com/op-ed/434245-china-africa-trade-war/>, дата обращения 12.10.2018.

13 Холодков В. (2018) Китай оказался не готов перевернуть мировой рынок нефти // ИА REX. 19 января 2018 // <http://www.iarex.ru/news/55251.html>, дата обращения 12.10.2018.

14 March J. (2018) China's President Xi Pledges Another \$60 Billion for Africa // CNN, September 04, 2018 // <https://edition.cnn.com/2018/09/03/asia/focac-china-africa-development-intl/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

В 2017 г. Китай стал крупнейшим в мире импортером нефти, обойдя по этому показателю США. По данным Международного энергетического агентства (Energy Information Administration – EIA), поставки нефти в Китай составили в 2017 г. 8,4 млн баррелей в день (б/д), а в США – 7,9 млрд б/д. При этом, согласно отчету китайской нефтяной компании «Синопек» (Sinopet), импорт Китаем нефти составил 67,4% его потребностей. По прогнозам компании, в 2018 г. чистый импорт нефти в Китай вырастет еще на 6,7% и составит 423 млн т.¹⁵ Африка в последнее десятилетие являлась вторым после Ближнего Востока источником нефти для Китая: на ее долю приходились 23% общего объема китайского нефтяного импорта. Однако по итогам 2017 г. крупнейшим поставщиком нефти в Китай оказалась Россия; второе место заняла Саудовская Аравия, третье – Ангола¹⁶. «Нефтегаз Ру» приводит следующие данные относительно поставок нефти в Китай на декабрь 2017 г.:¹⁷ Россия – 5,03 млн т. (1/185 млн б/д); Саудовская Аравия – 4,71 млн т. (1,11 млн б/д; на 31,7% больше, чем в декабре 2016 г.), Ангола – 3,17 млн т. (снизила поставки на 6,6%). Помимо Анголы, крупные поставщики нефти в Китай – такие страны Африки, как Республика Конго, Южный Судан, Экваториальная Гвинея, Нигерия, Алжир, Ливия. Китайские компании имеют доли в нефтедобыче Ганы, Нигера, Габона, Эфиопии, Намибии; число стран – поставщиков нефти в Китайполнили также Чад и Кения.

Китай как донор и инвестор в страны Африки

В 2011 г. в Пекине вышла в свет первая Белая книга о внешней помощи, из которой следовало, что Африка получает 52% всей китайской помощи, Азия – 31%, Латинская Америка – 8% [Ligang Song, Garbaut, Cai Fang, Johnston 2017, p. 440]. По данным Китайско-африканской исследовательской инициативы Школы международных исследований Университета Джона Хопкинса (SAIS-CARI), опубликованным в 2016 г., с 2000 по 2014 г. китайские банки, компании и правительство предоставили африканским странам займы более чем на 80 млрд долл.¹⁸ Самыми крупными получателями были Ангола – 21,2 млрд долл., Эфиопия – 12 млрд долл.; по 5 млрд долл. получили Кения, Судан и ДРК [Dollar 2016, p. 59]. Эти данные опровергают мнение, согласно которому основные получатели финансовой помощи Китая – страны, богатые ресурсами: первая в списке – богатая нефтью Ангола, однако вторая – не обладающая крупными запасами сырья Эфиопия. При этом почти 50% займов были направлены в транспортную и энергетическую отрасли. Иными словами, китайские займы шли больше в инфраструктуру, чем в добычу углеводородов и минералов.

В 2018 г. SAIS-CARI опубликовала новые данные, согласно которым с 2000 по 2015 г. китайское правительство, банки и компании предоставили 94,4 млрд долл. финансирования африканским правительствам и своим го-

15 Chu Daye (2018) China Becomes World Largest Oil Importer // Global Times, February 02, 2018 // <http://www.globaltimes.cn/content/1088490.shtml>, дата обращения 12.10.2018.

16 Россия – крупнейший поставщик нефти в Китай в 2017 г. (2018) // Вести. Экономика. 25 января 2018 // <https://www.vestifinance.ru/articles/96804>, дата обращения 12.10.2018.

17 2-й год лидерства: Россия в 2017 г. вновь стала крупнейшим поставщиком нефти в Китай (2018) // Neftegaz.ru. 25 января 2018 // <https://neftegaz.ru/news/view/168591-2-y-god-liderstva-Rossiya-v-2017-g-vnov-stala-krupneyshim-postavshikom-nefti-v-Kitay>, дата обращения 12.10.2018.

18 Albert E. (2017) China in Africa // Council on Foreign Relations, July 12, 2017 // <https://www.cfr.org/backgrounder/china-africa>, дата обращения 12.10.2018.

сударственным компаниям, работающим в Африке (SOE). Главным получателем вновь стала Ангола, которой предоставлены за 15 лет 19,2 млрд долл. При этом SAIS-CARI не считает Китай крупнейшим донором Африки, – им остаются США. Вместе с тем она отмечает неточность данных, поскольку официальных цифр финансовой помощи Африке Китай не предоставляет. Страна не является членом OECD и не участвует в отчетах этой организации. Китайские банки редко предоставляют информацию о финансовых соглашениях. Обнародовать детали таких соглашений и не в практике стран-получателей. Отсюда разница в цифрах помощи Китая Африке¹⁹.

Финансирование осуществляется Китаем в форме займов и кредитов, предоставляемых Народным банком Китая (People's Bank of China), Китайским банком развития (China Development Bank), Экспортно-импортным банком Китая (Export-Import Bank of China) и Китайско-африканским фондом развития (China-Africa Development Fund – CADF). Основным источником финансирования Африки – Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк): в 2000–2015 гг. он предоставил займы почти всем африканским странам на 63 млрд долл. [Pant, Haidar 2017]. China Development Bank финансирует, в основном, мелкие и средние китайские предприятия (SME), участвующие в развитии Африки, делая упор на сельскохозяйственные проекты. CADF был создан в 2007 г. для поддержки китайских компаний, действующих в Африке, и правительство неоднократно его финансировало. Так, в декабре 2015 г. Си Цзиньпин заявил, что правительство внесет в фонд 10 млрд долл.

Таблица 2. Китайские займы Африке в 2002–2017 гг.

Год	Млрд долл.
2002	1
2003	2
2004	1
2005	2
2006	5
2007	6
2008	4
2009	6
2010	7
2011	10
2012	13
2013	18
2014	15
2015	13
2016	30
2017	9

Источник: March J. (2018) China's President Xi Pledges Another \$60 Billion for Africa // CNN, September 04, 2018 // <https://edition.cnn.com/2018/09/03/asia/focac-china-africa-development-intl/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

Как заявил глава CADF, китайские прямые инвестиции в Африку увеличиваются ежегодно на 10%. Всего фонд инвестировал в 87 проектов в 36 странах, делая упор на инфраструктуру, промышленность и производственный сектор. По другим данным, фонд вложил с 2007 по 2017 г. около 3,2 млрд долл. в 91 проект в 36 странах [Беляев, Макарова 2018]. Наряду с государственными компаниями, активную роль в финансировании проектов в странах Африки играют частные фирмы, средние и мелкие, в том числе представляющие отдельные провинции Китая.

19 Chinese Loans to African Governments 2000–2017 (Excel Data). CARI Loan Database Research Guidebook (n/y) // SAIS-CARI // <http://www.sais-cari.org/data-chinese-loans-and-aid-to-africa/>, дата обращения 12.10.2018.

Важную роль в китайском финансировании Африки играет Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК), созданный в 2000 г. Конференции и саммиты форума проводятся раз в три года, и на каждом заседании пекинское руководство обнародует новую программу сотрудничества, включающую финансирование и проекты в различных сферах африканской экономики, намеченные к реализации на предстоящие три года. При этом объемом финансирования каждый раз увеличивается вдвое. На заседании ФОКАК в 2015 г. в Йоханнесбурге Африке было обещано 60 млрд долл.²⁰.

3–4 сентября 2018 г. состоялось очередное заседание ФОКАК в Пекине. Китайские власти повысили его уровень с конференции до саммита, учитывая, как заявил спикер МИДа КНР Гэн Шуан (Geng Shuang), большие нужды стран Африки и практическую необходимость развития китайско-африканских отношений²¹. Это третий саммит ФОКАК (первый состоялся в Пекине в 2006 г., второй – в Йоханнесбурге в 2015 г.). Как заявил Си Цзиньпин, саммит должен дать импульс взаимовыгодному («win-win») сотрудничеству Китая и Африки, поднять его на более высокий уровень; стратегическое партнерство должно перейти в новую стадию. В фокусе заседания оказалась инициатива «Один пояс – один путь». По словам Си Цзиньпина, «Один пояс – один путь» открыт для любой

страны, и Китай приветствует участие всех стран в этой инициативе. Была подчеркнута связь инициативы с программой устойчивого развития ООН 2030 и Повесткой 2063 Африканского союза, а также стратегиями африканских стран, такими, например, как нигерийский План экономического восстановления и роста (ERCP). Как отметил Генеральный консул Китая в Лагосе Чао Сялян (Chao Xialian), Си Цзиньпин обратил особое внимание на этот план и выразил уверенность, что саммит ФОКАК поднимет стратегическое партнерство Китая и Нигерии на новую высоту²². Возможно, отчасти в ответ на критику в адрес Пекина по поводу того, что он ввергает страны континента в долговой кризис, Си Цзиньпин объявил на саммите, что финансирование на этот раз не будет удвоено, а составит те же 60 млрд долл.²³

Как сообщала в январе 2017 г. китайская печать, 2016 г. стал рекордным: китайские компании инвестировали в Африку 14 млрд долл. Предыдущий рекорд был достигнут в 2008 г., когда Китай инвестировал в Африку 9 млрд долл.²⁴ (Впрочем, согласно SAIS-CARI, инвестиции составили в 2008 г. 5,5 млрд долл., причем отчасти благодаря покупке Пекином акций южноафриканского Standard Bank)²⁵. По данным ЮНКТАД за 2018 г., Китай в 2016 г. стал четвертым по масштабам инвестором в Африку. Он ненамного отстал от США, Великобритании и Франции, и его ин-

20 Africa: China Pledges \$60 Billion to African Development (2015) // Al Jazeera, December 05, 2015 // <https://www.aljazeera.com/news/2015/12/china-pledges-60-billion-african-development-151204204624495.html>, дата обращения 12.10.2018.

21 Ding Xiaoxiao (2018) Forum on China-Africa Cooperation in 2018 Upgraded to Summit // China Plus, January 03, 2018 // <http://chinaplus.cri.cn/news/china/9/20180103/73268.html>, дата обращения 12.10.2018.

22 Chao Xiaoliang (2018) FOCAC Beijing Summit Will Benefit China Nigeria Cooperation // This Day, June 2, 2018 // <https://www.thisdaylive.com/index.php/2018/06/02/focac-beijing-summit-will-benefit-china-nigeria-cooperation/>, дата обращения 12.10.2018.

23 March J. (2018) China's President Xi Pledges Another \$60 Billion for Africa // CNN, September 04, 2018 // <https://edition.cnn.com/2018/09/03/asia/focac-china-africa-development-intl/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

24 Yao Nian (2017) Chinese FM to Visit Five African Countries in First Overseas Trip of 2017 // CGTN, January 04, 2017 // https://news.cgtn.com/news/3d49544d3359544d/share_p.html, дата обращения 12.10.2018.

25 China-Africa FDI Data 2003–2015 (Country Breakdown) (2017) // SAIS-CARI // <http://www.sais-cari.org/chinese-investment-in-africa/>, дата обращения 12.10.2018.

вестиции продолжают расти²⁶. Как заявил китайский министр торговли Чжун Шань, в 2018 г. Китай продолжает наращивать свои зарубежные инвестиции, и следует ожидать, что он станет к 2020 г. одним из крупнейших мировых инвесторов. Однако правительство КНР вводит новые нормы и правила, чтобы усилить контроль над капиталами, покидающими страну. В этой связи прямые инвестиции Китая в США, например, упали с 46 млрд в 2016 г. до 29 млрд в 2017 г.²⁷

С 2000 по 2017 г. накопленные китайские прямые инвестиции в Африке выросли с 500 млн долл. до более 41 млрд долл.²⁸

Достоинство китайских прямых инвестиций – диверсификация сфер вложения. В частности, растут инвестиции в промышленный сектор, что способствует внедрению новых технологий, передаче знаний и росту квалификации работников, а также структурной трансформации производств. Способствует этому и создание Китаем в ряде стран специальных экономических зон (СЭЗ), притягивающих инвестиции и новые технологии. Согласно данным, приводимым McKinsey & Company, китайские фирмы работают во многих секторах африканской экономики: 1/3 – в производстве, 1/4 – в секторе услуг, 1/5 – в торговле, строительстве и недвижимости. В Африке действуют свыше 10 тыс. китайских компаний, при этом большая их часть (по некоторым данным, 90%) – частные. Китайские фирмы производят 12% африканской промышленной продукции, ими охвачено 50% африканского рынка инфраструктуры. Так, в Танзании 92 частные китайские компании и 8

Таблица 3. Десять стран Африки, лидирующих по объему накопленных китайских инвестиций

Место	Страна	Сумма (млрд долл.)
1.	ЮАР	4,72
2.	ДРК	3,24
3.	Алжир	2,53
4.	Нигерия	2,38
5.	Замбия	2,34
6.	Судан	1,81
7.	Зимбабве	1,80
8.	Ангола	1,27
9.	Гана	1,27
10.	Танзания	1,14

Источник: March J. (2018) China's President Xi Pledges Another \$60 Billion for Africa // CNN, September 04, 2018 // <https://edition.cnn.com/2018/09/03/asia/focac-china-africa-development-intl/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

государственных, в Кении – 80 частных китайских компаний и 20 государственных. Почти половина китайских компаний вносят на местный рынок новые продукты или услуги, более 2/3 – внедряют новые технологии [Dollar 2016, р. 59].

Китайское финансирование в форме займов, кредитов и инвестиций имеет важную особенность: оно идеологически не мотивировано. Заинтересованности африканских стран в китайском финансировании способствует то, что пекинское руководство не обуславливает его требованиями к политическому курсу африканских государств – в отличие от Запада, часто диктующего государству необходимость соблюдать определенные условия, чтобы получить помощь и инвестиции.

26 Shahtahmasebi D. (2018) China Sees Trump's Trade War as Opportunity to Boost Ties with Africa // RT Live. Question More, July 27, 2018 // <https://www.rt.com/op-ed/434245-china-africa-trade-war/>, дата обращения 12.10.2018.

27 FDI in China Steadily Growing-report (2018) // The BRICS Post, April 12, 2018 // <http://thebricspost.com/fdi-in-china-steadily-growing-report/#.W8cp89cza9I>, дата обращения 12.10.2018.

28 Chao Xiaoliang (2018) FOCAC Beijing Summit Will Benefit China Nigeria Cooperation // This Day, June 2, 2018 // <https://www.thisdaylive.com/index.php/2018/06/02/focac-beijing-summit-will-benefit-china-nigeria-cooperation/>, дата обращения 12.10.2018.

«Один пояс – один путь» и африканская инфраструктура

На сегодняшний день вся внешняя политика Пекина, включая политику в Африке, строится с учетом глобальной китайской инициативы «Один пояс – один путь» (OBOR), выдвинутой председателем Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. Реализацию этой инициативы рассматривают в Пекине как средство ускорения развития самого Китая и задействованных в проекте стран и как барьер на пути вызовов и угроз интересам Китая в Индийском океане.

В китайскую инициативу вовлечена и Африка. Плохая инфраструктура, препятствующая развитию торговли между странами Континента, создающая препятствия интеграции, – одна из главных африканских проблем. Китай имеет опыт и финансовые возможности, позволяющие ему участвовать в ее решении. Согласно докладу фирмы Baker McKenzie и Economist Corporate Network «Заполнить инфраструктурную нишу Африки: как капитал на цели развития трансформирует проект африканской застройки», объем финансирования строительства африканской инфраструктуры с 2009 по 2014 гг. составил 328 млрд долл. (54 млрд долл. в год), причем азиатские, особенно китайские финансовые институты внесли в это существенный вклад: только в 2013 г. – 13,4 млрд долл., а всего за 2009–2014 г., по данным «Инфраструктурного консорциума для Африки» (ICA) – почти 60 млрд. Как заявил главный аналитик китайского Эксимбанка Чжао Чанхуэй (Zhao Changhui), в следующее десятилетие китайские инвестиции в Африку составят не менее 1 трлн долл., а Эксимбанк станет глав-

ным китайским источником вложений в африканскую инфраструктуру (75%).

Участие Африки в инициативе «Один пояс – один путь» обеспечит развитие африканской инфраструктуры и позволит Пекину использовать свои возможности в строительной сфере. Это не только стимулирует замедлившийся в последние годы рост Китая, но и принесет пользу странам континента. Вторым преимуществом китайской инициативы для Африки станет, как считают китайские эксперты, возможность перенести на Континент китайские промышленные предприятия интенсивного труда, что обеспечит здесь рост производства, создаст новые рабочие места, повысит оплату труда. В рамках инициативы Китай разворачивает масштабную индустриализацию полупериферийных и периферийных стран, причем во многих из них обрабатывающая промышленность создается фактически с нуля в агропромышленных парках и специальных зонах производственного сотрудничества [Чубаров, Калашников 2018].

Ключевой точкой инфраструктурной взаимосвязанности проекта должна стать Северная Африка. Инициатива включает шесть коридоров, один из которых проходит через страны Ближнего Востока и Северной Африки. Вдоль новых коридоров «шелкового пути» предполагается создать лабиринт из терминалов сжиженного природного газа, трубопроводов, электростанций²⁹. В январе 2016 г. китайские компании China Construction, China Harbor и алжирская Algerian Group создали СП, которое взялось за реализацию проекта строительства нового порта Алжира стоимостью 3,3 млрд долл. и мощностью 6,5 млн контейнеров и 30 млн т грузов в год.

29 Цегоев В. (2018) Китайский след: как КНР расширяет экономическое присутствие в Африке // RT.com. 8 января 2018 // <https://russian.rt.com/business/article/468291-kitai-afrika-investicii>, дата обращения 12.10.2018.

Марокко оказалось в фокусе внимания Пекина после визита в 2016 г. в Китай короля Мохаммеда VI. В отличие от Алжира, эта страна не имеет нефтяных резервов, но ее плюс – политическая стабильность в нестабильном арабском регионе. К тому же Марокко недавно вновь стало членом Африканского союза. С 2011 по 2015 г. китайские прямые инвестиции в Марокко выросли на 195%. Китай уже внес весомый вклад в инфраструктуру Марокко, построив самый длинный в Африке вантовый мост, соединяющий столицу Рабат с г. Сале и входящий в масштабный инфраструктурный проект по созданию крупнейшей в Марокко сети автомобильных дорог – от средиземноморского Танжера до финансовой столицы страны Касабланки. Планируется также строительство высокоскоростной железной дороги между Марракешем и Агадиром³⁰. В ноябре 2017 г. в Марракеше состоялся китайско-африканский инвестиционный форум (CAIF) с участием более 400 представителей китайского и африканского бизнеса, рассчитанный на расширение деловых контактов между инвесторами и предпринимателями в промышленном секторе и инфраструктуре³¹.

В планах Пекина – активизировать взаимодействие инициативы «Один пояс – один путь» и стратегии национального развития Египта – страны, которую Пекин считает «стратегической осью» и «региональным приоритетом». Китай – главный торговый партнер Египта (объем торговли в 2016 г. – 12 млрд долл.) и крупнейший инвестор в специальную экономическую зону Суэцкого канала. В 2016 г. Си Цзиньпин посетил Египет, где подписал 21

соглашение о сотрудничестве в развитии электрификации, транспорта и инфраструктуры. Только в проект развития русла Суэцкого канала предполагается вложить 2,5 млрд долл.

Инициатива «Один пояс – один путь» охватывает и страны Восточной Африки, на базе которых Пекин намерен сформировать часть Морского шелкового пути. При этом он рассчитывает расширить здесь сеть инфраструктуры и перенести в эти страны некоторые свои производства. С 2007 по 2015 г. китайские инвестиции в Восточную Африку выросли в 12 раз. Если в 2007 г. они оценивались менее, чем в 100 млн долл., то в 2015 г. – уже почти 1,2 млрд, составив 40% притока китайских прямых инвестиций в Африку (в 2007 г. – 6%). Китай стал источником почти 16% всего притока ПИИ в Восточную Африку [Macroeconomic and Social Developments in Eastern Africa 2017, p. 37].

Сегодня странам Восточноафриканского сообщества отводится ведущее место в китайской программе развития транспортной инфраструктуры на Континенте. В 2013 г. началось строительство шоссейной дороги в Уганде, связывающей столицу Кампалу с международным аэропортом Энтеббе и призванной заменить грунтовую дорогу, которая, как и другие угандийские дороги, с марта по июнь размывается дождями. Предполагалось, что стройка займет 5 лет, но в марте 2017 г. сообщалось, что дорога завершена на 75%. А 31 мая 2017 был открыт первый участок железной дороги, связавший кенийский порт Момбаса со столицей страны Найроби и международным аэропортом Джомо Кениатты. Дорогу строила китайская компания «Чайна Родс

30 Under the Radar: What's behind China's Love Affair with Morocco? (2017) // Global Risk Insights, March 26, 2017 // <https://globalriskinsights.com/2017/03/chinas-love-affair-with-morocco/>, дата обращения 12.10.2018.

31 Китайско-африканский инвестиционный форум. 27–28 ноября 2017 г. // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3778, дата обращения 12.10.2018.

энд Бридж Корпорейшн» (CRBC). Проект называют крупнейшим за весь период независимости Кении китайским инфраструктурным проектом в стране. Первая фаза строительства – часть китайской инициативы «Один пояс – один путь» – призвана, по мысли Пекина, открыть Восточную Африку для международной торговли. Дорога обошлась в 3,8 млрд долл., причем 90% финансирования обеспечил китайский Эксимбанк. Дорога – часть массивного проекта, который соединит сеть железных дорог Восточную Африку: она будет продолжена до Кампалы (Уганда), а затем в Южный Судан. Это самый дорогой из серии китайских строительных проектов в Африке: общая стоимость его – 13,8 млрд долл.

Дорога заняла заметное место в истории железнодорожного строительства в Африке, поскольку, в отличие от узкоколейных дорог, которые существуют еще со времен колонизации, она имеет стандартную широкую колею. Такую же колею будут иметь и дороги, которые станут ее продолжением, что позволит со временем заменить в Африке всю узкоколейную железнодорожную систему на современную ширококолейную³². К Китаю уже обратилась Танзания с просьбой начать строительство железной дороги со стандартной широкой колеи; дорога пройдет через Центральный транспортный коридор, который соединит порты Момбаса и Дар-эс-Салам и свяжет Танзанию с Демократической Республикой Конго и регионом Великих озер, Руандой и Бурунди в единую транспортную систему.

В мае 2017 г. в Пекине состоялся саммит «Один пояс – один путь», выступая на котором, Си Цзиньпин выра-

зил намерение вложить новые средства в инфраструктурные проекты. Африка отдает должное тому обстоятельству, что внимание Китая к африканской инфраструктуре отвечает задачам «Повестки 2063», принятой Африканским союзом. «Африканская мечта» – соединить страны Континента сетью дорог и воздушных путей, портов, электропередач, телекоммуникаций. Приблизить эту мечту к реальности помогает Китай.

Помимо Северной и Восточной Африки, к инициативе «Один пояс – один путь» проявляют интерес и другие страны Континента. Экономическими возможностями проекта надеются воспользоваться ЮАР, а также страны Западной Африки: Нигерия, Мавритания, Кот-д'Ивуар. А новый президент Зимбабве Эммерсон Мнангагва заявил, что «инициатива “Один пояс – один путь” – это видение будущего»³³.

Критики китайской инициативы обращают внимание на сложности, с которыми столкнутся страны Африки, вынужденные возвращать китайские займы. Однако не следует забывать, что Китай не раз списывал африканские долги, в первую очередь наименее развитым странам (НРС), и обещал на саммите ФОКАК в Пекине в 2018 г. продолжить эту практику.

Сельское хозяйство как сфера сотрудничества

Важное направление китайско-африканского экономического сотрудничества – помощь в развитии сельского хозяйства. В документе 2006 г. «Африканская политика Китая» поставле-

32 Yun Sun (2017) China and the East Africa Railways // Brookings, July 6, 2017 // <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2017/07/06/china-and-the-east-africa-railways-beyond-full-industry-chain-export/>, дата обращения 12.10.2018.

33 Shahtahmasebi D. (2018) China Sees Trump's Trade War as Opportunity to Boost Ties with Africa // RT Live. Question More, July 27, 2018 // <https://www.rt.com/op-ed/434245-china-africa-trade-war/>, дата обращения 12.10.2018.

на задача освоения земель и создания сельскохозяйственных плантаций, обеспечения продовольственных потребностей африканского населения, снабжения его сельскохозяйственной техникой, освоения африканцами технологий в сфере сельского хозяйства и реализации в африканских странах экспериментальных и показательных сельскохозяйственных проектов. Африке оказывается помощь в создании ирригационных систем, в борьбе с опустыниванием путем возведения «зеленых барьеров». Популяризируется китайский опыт в этой области: африканцев приглашают на сельскохозяйственные объекты, знакомят с методами ирригации, использования солнечной энергии, они проходят практику в Центре сельскохозяйственного сотрудничества в Китае. Китайские специалисты направляются в качестве советников в страны Континента. Министерство сельского хозяйства КНР организует семинары по распространению агротехнических знаний для Африки³⁴. Первый демонстрационный центр сельскохозяйственных технологий был открыт в Мозамбике в 2007 г. А в марте 2018 г. на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва министр сельского хозяйства КНР Хань Чанфу сказал, что Китай открыл в 14 странах Африки центры демонстрации сельскохозяйственных технологий, китайские специалисты реализовали около 300 демонстрационных проектов, продвинули 450 видов технологий, провели обучение 30 тыс. сельских жителей. Китай готов делиться с африканскими странами опытом развития сельского хозяйства и помогать африканским коллегам, особенно из самых

бедных стран, обучая их сельскохозяйственным технологиям. «Мы искренне желаем помочь странам Африки в обеспечении продовольственной безопасности, не выдвигая для этого никаких дополнительных условий», – подчеркнул Хань³⁵. Китайские компании финансируют крупное фермерство, разведение скота, строительство хранилищ, организацию переработки зерна. Согласно Плану китайско-африканского сотрудничества на 2016–2018 гг., в ста африканских деревнях должны быть реализованы сельскохозяйственные проекты под руководством 30 групп китайских экспертов³⁶.

Новые технологии, которыми Китай обеспечивает Африку, касаются не только сельскохозяйственного производства, но и повышения качества жизни сельских граждан. В плане развития зеленой экономики – реализация ста проектов чистой энергетики, защиты дикой природы, строительства удобных для жизни городов. Намечено создание китайско-африканского центра экологического сотрудничества, запуск китайско-африканского «зеленого» инновационного проекта.

Нехватка питьевой воды – одна из наиболее острых проблем Континента, которую Китай также помогает решать. В 2007 г. он взялся за проект строительства в Гане плотины и ГЭС Буи на реке Черная Вольта в южной части Национального парка Буи. Наряду с плотинной и ГЭС было намечено создать новый промышленный город Буи-Сити, помочь социально-экономическому развитию региона. Основной задачей проекта было увеличить энергоемкость страны с 2000 мВт в 2007 г. до

34 China Holds Agro-tech Extension Training Course for African Officials (2007) // People's Daily Online, July 05, 2007 // <http://en.people.cn/90001/90776/6207964.html>, дата обращения 12.10.2018.

35 Китай построил центры продвижения и демонстрации сельскохозяйственных технологий в 14 странах Африки (2018) // Жэньминь Жибао. 9 марта 2018 // <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0309/c31521-9435224.html>, дата обращения 12.10.2018.

36 Sibongakonke Shoba (2015) Early Festive Gifts from China's Xi // Sunday Times, December 6, 2015.

6000 мВт к 2015 г. Строительство Буи началось в декабре 2009 г.; первый генератор был запущен в мае 2013 г., а вся ГЭС начала действовать в декабре 2013. Заем в сумме 562 млн долл. на реализацию проекта, подлежащий выплате в течение 17 лет с пятилетним мораторием, предоставил Эксимбанк Китая [Idun-Arkhurst 2008]. Буи опровергает мнение, согласно которому в китайских проектах используются только китайские рабочие и эксперты, пишет Дебора Бротигем. Строительство консультировала французская фирма Coyne et Bellier, а на стройке трудились 1676 ганцев, около 100 китайцев и 60 пакистанцев. Так же обстояло дело и в других проектах строительства дамб и плотин. Так, немецкая фирма Gauß Engineering предоставила консультантов для проекта дамбы в Габоне. На строительстве дамбы в Конго в числе работников были 2000 конголезцев, 20 немецких инженеров-консультантов и всего 400 китайцев [Brautigam, Hwang, Wang 2015]. В 2009 г. начал функционировать построенный с китайской помощью в Судане гидроэнергетический узел Мерове – самое крупное сооружение на реке Нил после Асуанской плотины в Египте. Его стоимость составила 1,5 млрд долл.; ведущим инвестором стал Эксимбанк Китая. В строительстве приняли участие китайские, французские и немецкие компании.

К началу 2011 г. Китай создал в Африке 150 сельскохозяйственных предприятий на арендованных или купленных участках земли. При этом используются разные модели китайских ферм. К примеру, в 2012 г. в Гане действовали четыре маленькие фермы, где выращивали овощи и фрукты. Их владелец Ли поставлял на местный рынок ши-

рокий ассортимент качественных овощей, 85% которых потребляли китайцы, в том числе китайские магазины и рестораны, 5% – ганцы, остальное – европейцы и другие жители Ганы. Ли использовал новые технологии и местных рабочих. Он надеялся в будущем подготовить из числа ганцев мелких предпринимателей, занимающихся коммерческим фермерством. Его фермы создали рабочие места: на одной ферме работали восемь ганцев и два тоголезца, на другой – восемь ганцев.

Еще один пример модели китайского фермерства в Африке – зерновая корпорация в Нигерии Green Agricultural West Africa (GAWA), представляющая собой новую модель сотрудничества правительств КНР и Нигерии, китайских сельскохозяйственных предприятий и местных фермеров. Главные держатели акций – китайские компании Sinopec и China Geo-Engineering Corporation. Корпорация действует в более чем 10 странах Африки, в том числе в сельскохозяйственном секторе. Она выращивает рис, кукурузу, занимается экологическим фермерством, наряду с этим производит сельскохозяйственное оборудование, занимается торговлей [Jiao Yang 2015]. Китайские провинции часто специализируются на определенных видах работ. Так, сфера деятельности Фермы дружбы Газа – Хубэй – производство зерна. Провинция Хубэй подписала соглашение с провинцией Газа Мозамбика на реализацию нескольких сельскохозяйственных проектов. Торговая зона Огун – Гуандун в Игбесе (Нигерия) – проект партнерства провинции Гуандун и правительства штата Огун³⁷.

Однако проблема участия китайских фермеров в сельскохозяйствен-

37 Understanding China-Africa Relations (2016) // The Diplomat, June 21, 2016 // <https://thediplomat.com/2016/06/understanding-china-africa-relations/>, дата обращения 12.10.2018.

ных работах в странах Африки стала предметом острых дебатов в информационной сфере, породив тезис о «захватах земель» (land grabbing) китайцами в Африке. Появились исследования, трактующие в негативном ключе практику китайского фермерства на континенте и его последствия для африканского сельского хозяйства. Вместе с тем немало авторов пытаются пролить свет на эту проблему с помощью оценки деятельности китайских фермеров в той или иной африканской стране. Эту задачу ставили сотрудники Китайско-африканской исследовательской инициативы Университета Джона Хопкинса, опубликовавшие в ряде выпусков издания «Policy Brief» за 2015 г. результаты такого рода исследований. Они пишут, например, что в печати сообщалось о 6 млн га «захваченных» китайцами земель. Между тем проведенные ими исследования показали, что китайцами действительно приобретено лишь 252901 га³⁸.

Одно из исследований посвящено Замбии, где в числе инвесторов в сельское хозяйство оказались китайские предприниматели. Вопреки общепринятому мнению, реализуемые ими сельскохозяйственные проекты представляли собой не инициативу китайского правительства, а результат частной деятельности отдельных мигрантов. После принятия в 1995 г. земельного акта, который впервые с момента обретения страной независимости формально позволял иностранцам приобретать землю путем получения инвестиционных сертификатов, китайцы стали заметными игроками в сельскохозяйственном секторе. Добровольная миграция в сельские районы Замбии привлекает китайских граждан, чис-

ло которых растет. При этом «новые фермеры» считаются двигателем роста сельского хозяйства страны. «Китай, вопреки заявлениям о «захвате» им земель и «неоколониализме», не стал крупным «захватчиком», а его компании не превратились в производителей продуктов питания для вывоза их на китайский рынок», – говорится в статье [Chatelard, Chu 2015]. Большинство китайских фермеров в Замбии – индивидуальные предприниматели, практически мало связанные с государственными предприятиями. В 2015 г. в Замбии имелись две китайские государственные фермы и примерно 30 частных, и большая их часть рассчитана на внутреннее потребление. Проведенные в 2008–2014 гг. опросы работников 16 китайских ферм (государственных и частных) и 27 совместных ферм показали, что новые инвесторы не могут конкурировать с многонациональными корпорациями, лучше интегрированными в экономику страны, имеющими больший доступ к ресурсам. Однако частные фермеры более активны и учатся строить бизнес в проблемных условиях. Вместе с тем ученые не нашли свидетельств того, что частные и даже государственные китайские инвесторы нацелены на экспорт и решение проблем продовольственной безопасности в Китае. Китайские фермы занимают относительно небольшие участки земли и не являются соперниками государственных и коммерческих ферм. Несмотря на небольшой вклад в общее инвестирование, эти фермы представляют собой динамичный и растущий сегмент «возникающего фермерства» в Замбии [Chatelard, Chu 2015].

Тем не менее обвинения в «захвате земель» в Африке с целью производства

38 Chinese Agricultural Investment in Africa, 1987–2016 (Excel Data) (2018) // SAIS-CARI // <http://www.sais-cari.org/data-chinese-agricultural-investments-in-africa/>, дата обращения 12.10.2018.

продукции на экспорт в Китай побудили Пекин сократить объемы деятельности ряда сельскохозяйственных предприятий. В этой связи Дэвид Шинн пишет: «Фактически Индия, Саудовская Аравия и даже США были не менее активны этой сфере, но никто не квалифицировал их деятельность, как *land grabbing*. Сегодня Китай намерен делать упор на создание СП с африканскими инвесторами и совместно решать, будет ли урожай продаваться в Африке или экспортироваться в Китай»³⁹.

Роль «мягкой силы» в африканской политике Китая

С началом реализации Пекином стратегии «выхода за рубеж» в его политике приобретают все больший вес инструменты «мягкой силы». Эти инструменты широко используются в Африке для противодействия теории «китайской угрозы» и улучшения имиджа Китая. «Мягкая сила» также служит цели формирования африканской элиты, ориентированной на сотрудничество Юг – Юг.

Человеческий капитал – предмет особого внимания Пекина. Уже на первом заседании ФОКАК в Пекине в 2000 г. было принято решение: создать «Фонд развития африканских человеческих ресурсов», финансирование которого брал на себя Пекин. В обязанности фонда входило обучение африканских студентов, предоставление им стипендий, помощь африканским странам в создании школ и лабораторий, направление в Африку преподавателей и волонтеров, обучение африканцев китайскому языку и многое другое.

Китайско-африканское сотрудничество в сфере образования достигло заметного прогресса в последние десятилетия. С 2009 по 2012 г. с китайской помощью в Африке построено 28 школ, а 42 школам предоставлено оборудование, в том числе создано 6 компьютерных классов [Forum on China-Africa Cooperation 2013].

В 2012–2015 гг. пекинское руководство предоставило стипендии 20 тыс. африканцев, а на Йоханнесбургском саммите ФОКАК было объявлено, что в 2015–2018 гг. стипендии получают 32 тыс. африканских студентов [Forum on China-Africa Cooperation (2016–2018) 2015]. В 2016 г., по словам заместителя главы Комиссии Африканского союза Эрастуса Мвенчи, африканцам было предоставлено 30 тыс. стипендий, а всего в китайских вузах проходили обучение как на бесплатной, так и на возмездной основе около 150 тыс. африканских студентов [Mwencha 2016].

В 60-е гг. XX в. Китае имели место проявления расизма в отношении африканских студентов, что в ряде случаев побуждало африканцев возвращаться домой, не завершив учебу. Сегодня ситуация изменилась. Опросы студентов из Африки, обучающихся в Китае, показывают их позитивное отношение к процессу обучения. В ходе опросов студенты проявляли интерес и любовь к китайскому языку и культуре, желание сотрудничать в учебе и проводить совместные исследования с китайскими студентами. Интерес африканцев к китайскому языку и культуре рос по мере их пребывания в стране, однако многие говорили, что он возник у них еще до приезда в Китай. Автор статьи, посвященной результатам

39 Shinn D. (2013) China and Africa: The Next Decade. During a Conference on China in Africa at the University of Denver, Denver, Colorado. February 1, 2013 // <https://ru.scribd.com/document/123557623/China-and-Africa-The-Next-Decade>, дата обращения 12.10.2018.

опроса африканских студентов в Китае, пишет: «Ответы респондентов и интервью показывают, что как “агенты мягкой силы” африканские студенты ощущают счастье делиться знаниями с другими, что создает мост для партнерства и дружбы между африканским и китайским народами» [Gonondo 2017, p. 25].

Расширяется программа изучения африканскими студентами китайского языка. В мире создана широкая сеть институтов Конфуция, где, помимо китайского, студентам преподают историю и культуру Китая. Сегодня в Африке уже 47 таких институтов. В Кении, где появился первый в Африке Институт Конфуция, сегодня их уже три, а в Южной Африке – пять. Директор открытого в ЮАР в 2014 г. Института Конфуция Моньяне сказал, что такие институты помогут «положить конец кампании по поводу политики Китая в Африке, апологеты которой заявляют, что Китай хочет купить нас»⁴⁰. Одной из причин успеха программы изучения китайского в Африке Л. Мукаро, преподаватель Университета Зимбабве, назвал востребованность людей со знанием этого языка на рынке труда, в частности в действующих в стране китайских компаниях⁴¹.

Активно развивается научное сотрудничество. В соответствии с принятым в Йоханнесбурге в 2015 г. «Китайско-африканским планом партнерства в науках и технологиях» в Африке создаются лаборатории и инновационные парки. В 2016 г. открыт совместный Исследовательский центр сельскохозяйственных технологий в Университете Джомо Кениатты в Кении, занима-

ющийся в партнерстве с Китайской академией наук микробиологией, инновационными методами развития сельского хозяйства. В 2017 г. начал действовать Китайско-южноафриканский парк научного сотрудничества [Ligang Song, Garnaut, Cai Fang, Johnston 2017, p. 442]. В 2014 г. в Малави открыт Университет науки и технологий. По соглашению между Кенийским университетом Маунт (Mount Kenya University, MKU) и Китайским нефтяным университетом МКИ будет готовить специалистов-нефтяников. Китайский Шэньянский университет химической технологии обязался в 2016 г. создать Университет химической технологии в Нигерии. В 2017 г. официально передана правительству Ганы созданная Китаем Школа биометрических наук в Университете здравоохранения и смежных наук⁴².

Фонд развития человеческих ресурсов в Африке занимается подготовкой квалифицированных специалистов для стран Континента. В рамках программы «Африканские таланты» за 2012–2015 гг. подготовлены 30 173 квалифицированных специалиста [Дейч 2017, с. 52]. В Плане действий на 2016–2018 гг. – обучить 200 тыс. африканских технических специалистов [Forum on China-Africa Cooperation. Johannesburg Action Plan (2016–2018) 2015]. Расширяются новации в обучении профессионалов в сферах технического менеджмента, экономического развития, идет подготовка административного персонала высокого уровня, причем она включает изучение китайского языка.

Важный компонент «мягкой силы» Китая – медицинская помощь. Со-

40 The Goal of 'People to People' Diplomacy (2015). FOCAC 6. Africa-China Progressing Together. Cape Town. December 15, 2015, p.11.

41 Olaniran F. (n/y) On the Growing Ties between China and Zimbabwe // CPAFRICA // <http://www.cp-africa.com/2013/03/03/china-and-zimbabwe/>, дата обращения 12.10.2018.

42 Johnston L.A. (2018) Harvesting from "Poor Old" China to Harness "Poor Young" Africa's Demographic Dividend? // Bridges Africa, vol. 7, no 5, July 2018 // <https://www.ictsd.org/bridges-news/bridges-africa/news/harvesting-from-%E2%80%9Cpoor-old%E2%80%9D-china-to-harness-%E2%80%9Cpoor-young%E2%80%9D-africa%E2%80%99s>, дата обращения 12.10.2018.

трудничеству Китая с Африкой в сфере здравоохранения – 55 лет. Первая китайская медицинская бригада прибыла в Алжир в 1963 г., а, как пишет Дебора Бротигем в книге «Дар дракона», с 1991 по 2008 г. китайские бригады уже охватили медицинской помощью 35 стран Африки [Brautigam 2009, р. 316]. Сегодня китайские врачи работают в 73 клиниках. Так, например, в эфиопском Госпитале дружбы в Акаки, в окрестностях Аддис-Абебы, китайские медики работают с 1974 г. В 2018 г. здесь находится бригада в составе 15 врачей различного профиля и переводчика⁴³. Китайские врачи добились успехов лечения малярии. «Холли Котек», одна из первых китайских компаний на кенийском фармацевтическом рынке, распространила более дешевое лекарство от малярии, чем западные и индийские аналоги, – котексин, который африканцы называли «магическим китайским лекарством»⁴⁴. Китай создал кардиологический центр в Танзании, центр репродуктивного здоровья в Уганде, лабораторию биотехнологии в Университете Найроби (Кения). На саммите ФОКАК в Йоханнесбурге в 2015 г. председатель Си Цзиньпин обещал помочь Африке модернизировать сферу здравоохранения. В Плане действий на 2016–2018 гг. – помощь в сокращении детской и материнской смертности, строительство Центра Африканского союза по контролю за заболеваниями и региональных медицинских центров, сотрудничество между 20 китайскими и 20 африканскими больницами, обучение врачей и медицинского персонала,

направление в Африку китайских медицинских бригад, включающих клинических экспертов и хирургов для проведения срочных операций [Forum on China-Africa Cooperation. Johannesburg Action Plan (2016–2018) 2015].

В 2014 г. Китай принял активное участие в борьбе с распространением лихорадки Эбола, направив в страны Западной Африки медикаменты, продовольствие и другую помощь на 120 млн долл., а также 1200 своих специалистов, которые, в свою очередь, подготовили 1600 местных медицинских работников⁴⁵. Китай обязался также, как заявил заместитель председателя Госкомитета по делам здравоохранения и планового деторождения КНР Цзинь Сяотоа, помочь Африке в модернизации системы здравоохранения и повышении возможностей противодействия чрезвычайным эпидемическим ситуациям⁴⁶.

Развивается китайско-африканское культурное сотрудничество. В одном только 2015 г. Пекин открыл пять новых культурных центров в Африке. Проводятся дни (недели и месяцы) китайской культуры в Африке и африканской культуры в Китае. В Пекине действует Китайско-африканская ассоциация дружбы; ассоциации дружбы созданы и в африканских странах.

Важную роль в отношениях Китая с Африкой играет сфера информации. Китайское центральное телевидение CCTV посвящает африканским проблемам не менее 10 часов в неделю. Китайское международное радио ведет передачи на Африку из Кении на суахи-

43 Feature: Chinese Medical Team Hailed for Their Services in Ethiopia (2018) // Xinhuanet.com, August 19, 2018 // http://www.xinhuanet.com/english/africa/2018-08/19/c_137400678.htm, дата обращения 12.10.2018.

44 Wang Yujue (2016) From Aid to Business? Chinese Medical Companies Arrive in Africa // China Africa Project, August 19, 2016 // <http://chinaafricaproject.com/chinese-medical-aid-kenya-africa/>, дата обращения 12.10.2018.

45 China Awards Model Ebola Fighters (2015) // Xinhuanet.com, November 25, 2015 // http://www.xinhuanet.com/english/2015-11/25/c_134854734.htm, дата обращения 12.10.2018.

46 Китай пообещал поддержку африканским странам в восстановлении после Эболы (2015) // Russian.News.cn. 23 июля 2015 // http://russian.news.cn/2015-07/23/c_134440071.htm, дата обращения 12.10.2018.

ли, китайском и английском. Специалист Института международных отношений ЮАР назвал деятельность в Африке китайских СМИ «частью стратегии “мягкой силы”, нацеленной на создание позитивного образа Пекина в районах его экономической и политической активности»⁴⁷.

Растущее присутствие Китая в большинстве стран дает повод критикам обвинять его в экспансии и даже называть китайскую политику разновидностью неокOLONиализма. В силу сказанного Китай видит одной из задач улучшение своего имиджа, а этой задаче как нельзя лучше отвечают активно используемые им на африканском континенте инструменты «мягкой силы».

Китай в Африке глазами африканцев

В высказываниях африканцев по поводу китайской политики в Африке преобладают положительные оценки, прежде всего относительно вклада Пекина в развитие Континента. Так, выступая на саммите «Один пояс – один путь» в мае 2017 г. в Пекине, президент Эфиопии Хайлемариам Десалень заявил: «Мы продолжаем рассматривать Китай как успешную экономическую модель и надежного союзника в борьбе с бедностью и в стремлении к процветанию»⁴⁸.

Однако такие аспекты китайского присутствия в Африке, как большое число китайских торговцев и бизнесменов, нарушение китайскими компания-

ми экологических стандартов, несоблюдение местных законов, непрозрачный бизнес и проч., вызывают критику и противодействие африканцев. В 2011 г. Майкл Сата выиграл президентские выборы в Замбии благодаря антикитайской риторике. Впрочем, став президентом, он тотчас же начал активно сотрудничать с Китаем. В 2013 г. управляющий Центрального банка Нигерии Ламидо Санусси писал: «следует признать, что Китай, как и США, Россия, Бразилия, и другие державы, находится в Африке не ради ее интересов, а ради собственных». Африканцы порой жалуются на несоблюдение китайскими компаниями условий труда, низкие зарплаты. Как считает профессор Шотландского института Сент-Эндрю Ян Тейлор, при обилии государственных и частных китайских компаний, работающих в Африке, правительство порой не в состоянии контролировать их деятельность⁴⁹. Такое положение дел не раз приводило к забастовкам рабочих: так, в 2012 г. забастовка в Замбии привела к гибели китайских менеджеров. В 2016 г. имели место антикитайские протесты на Мадагаскаре, где китайские предприниматели организовали производство сахара. Сезонные рабочие, недовольные снижением зарплаты, пустили в ход ножи, что привело к гибели двоих рабочих.

Китай не раз обвиняли в том, что его компании привозят своих рабочих и используют их в проектах в Африке, отнимая хлеб у местного населения. Сегодня, однако, как отмечают многие авторы, в китайских проектах руководи-

47 McKenzie D. (2012) Chinese Media Make Inroads into Africa // CNN, September 25, 2012 // <http://edition.cnn.com/2012/09/05/business/china-africa-cctv-media/index.htm>, дата обращения 12.10.2018.

48 Sow M. (2017) African Leaders Attend China's Belt and Road Summit // Brookings, May 19, 2017 // <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2017/05/19/africa-in-the-news-african-leaders-attend-china-one-belt-one-road-summit-violence-escalates-in-central-african-republic-and-cote-divoire-mutiny-ends/>, дата обращения 12.10.2018.

49 Albert E. (2017) China in Africa // Council on Foreign Relations, July 12, 2017 // <https://www.cfr.org/background/china-africa>, дата обращения 12.10.2018.

тели работ и технический персонал – китайцы, но рабочие, а также часть техников – подготовленные Китаем африканцы. По данным китайской компании China Roads and Bridge Corporation (CRBC), в строительстве железной дороги Момбаса – Найроби она использовала больше местного персонала, чем другие иностранные фирмы. В строительстве были заняты 21 858 работников, включая 2 тыс. китайских менеджеров и технического персонала и 19 858 чел. местного персонала, в том числе 4690 техников, 907 менеджеров и 14 261 рабочих. При этом кенийцы работали операторами машинной техники, водителями автопогрузчиков, разнорабочими. В целом за время реализации проекта было создано 38 тыс. рабочих мест. Кроме того, компания CRBC вместе с кенийским Decartes Training Institute открыла частную школу технической подготовки, где, помимо преподавания железнодорожных специальностей, готовятся инженеры, техники, конструкторы, лаборанты. По окончании учебы выдается сертификат, признаваемый кенийским Министерством образования, науки и технологий. Компания CRBC также обучает кенийцев специальностям железнодорожников в Китае. Так, например, с июля по декабрь 2015 г. она направила 13 местных служащих на семинар по менеджменту железнодорожного проекта и строительству для развивающихся стран, который спонсировало Министерство коммерции Китая (МОФКОМ) и организовал Юго-западный транспортный университет Jiaotong. По завершении обучения эти служащие получили сертификаты⁵⁰.

Об отношении африканцев к Китаю и его политике можно судить по результатам опроса, проведенного в 2016 г. «Афробарометром» в 36 странах Африки. 63% респондентов оценили политическое и экономическое влияние Китая на их страны как «позитивное» или «очень позитивное». В Мали такой ответ дали 92% опрошенных, в Нигере – 84%, в Либерии – 81%⁵¹. «Отчасти негативно» или «очень негативно» оценили результаты деятельности Китая в Африке 15% респондентов. Более половины опрошенных (56% из почти 54 тыс. участников) положительно оценили результаты экономической помощи Китая странам Африки. На просьбу назвать пять факторов, более всего способствующих позитивному имиджу Пекина, наиболее частым был ответ: «Китайские финансовые вложения в инфраструктуру и развитие» (32%). На втором месте (23%) оказалась дешевизна китайской продукции. Третье место (16%) заняли инвестиции Китая в африканский бизнес. В числе факторов в пользу Китая были названы также поддержка, которую оказывает он африканским странам на международной арене (6%), невмешательство Пекина во внутренние дела других государств (5%). Как вклад в позитивный образ Китая в Африке респонденты оценили китайскую модель развития, которую сочли наиболее подходящей для использования 24% респондентов. Из 36 стран в пользу китайской модели развития высказались 10; при этом наиболее активно – Камерун (свыше 40%), Судан (35%), Мозамбик (35%), Мали (35%), Танзания (34%), Замбия

50 Wissenbach Uwe, Wang Yuan (2017) African Politics Meet Chinese Engineers. The Chinese-built Standard Gauge Railway Project in Kenya and East Africa. Working Paper No. 2017/13. China Africa Research Initiative, School of Advanced International Studies, John Hopkins University, Washington, D.C. // <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/594d739f3e00bed37482d4fe/1498248096443/SGR+v4.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

51 Morlin-Yron S. (2016) This Is What Africans Really Think of the Chinese // CNN. Africa View, November 06, 2016 // <https://edition.cnn.com/2016/11/03/africa/what-africans-really-think-of-china/index.html>, дата обращения 12.10.2018.

(32%), Египет (29%), Нигер (28%), Бенин (26%), Тунис (24%)⁵².

В целом, опрос подтвердил правоту ученых, не считающих, что Африке следует рассматривать Китай как угрозу и опасаться его растущего влияния в странах Континента. Наиболее позитивный отклик в Африке находят финансовая помощь и инвестиции Китая. В последние годы вложения Китая в Африку растут, и многие африканские руководители рассматривают это как фактор, способствующий экономическому росту и развитию стран континента. Все сказанное выше убеждает в несостоятельности обвинений Китая в неокOLONиалистской политике. Хотя нельзя отрицать наличие минусов в китайской деятельности на Континенте, трудно не согласиться и с тем, что Пекин вносит весомый вклад в развитие Африки. А значит, можно расценивать африканскую политику Пекина не как продиктованную исключительно собственными интересами, в чем его часто обвиняют на Западе, а как взаимовыгодную – «win-win» – и полезную странам Африки.

Список литературы

Дейч Т.Л. (2017) «Мягкая сила» Китая в Африке: сотрудничество в сферах образования и культуры // Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета. Серия «Общественные науки». № 4(788). С. 44–56.

Беляев С., Макарова И. (2018) Китайские инвестиции в Африке: практика Фонда развития Китай-Африка // Российский совет по международным де-

лам. 5 марта 2018 // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/kitayskie-investitsii-v-afrike-praktika-fonda-razvitiya-kitay-afrika/>, дата обращения 12.10.2018.

Чубаров И., Калашников Д. (2018) «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. № 1. С. 25–33.

Brautigam D. (2009) *The Dragon's Gift. The Real Story of China in Africa*, Oxford University Press.

Brautigam D., Hwang J., Wang Lu (2015) Chinese-financed Hydropower Projects in Sub-Saharan Africa // CARI. Policy Brief, no 8 // https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/568c48e669a91a2847f1ac46/1452034278357/CARI_PolicyBrief_8_Apr2015.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Attree L. (2012) China and Conflict-affected States. Between Principle and Pragmatism, Safeworld.

Chatelard S.G., Chu J.M. (2015) Chinese Agricultural Engagements in Zambia: A Grassroots Analysis // CARI. Policy Brief, no 4 // https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/568c474fd8af1097861ed025/1452033871100/CARI_PolicyBrief_4_Jan2015.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Dollar D. (2016) China's Engagement with Africa. From National Resources to Human Resources, Washington: Brookings.

Forum on China-Africa Cooperation. Africa. China-Africa Economic and Trade Cooperation (2013). Beijing, August 2013 // <http://en.people.cn/90883/8382239.html>, дата обращения 12.10.2018.

Forum on China-Africa Cooperation.
Johannesburg Action Plan (2016–2018)

52 Dionne Kim Yi (2016) Here's What Africans Think about China's Influence in Their Countries // The Washington Post, October 28, 2016 // https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/10/28/heres-what-africans-think-about-chinas-influence-in-their-countries/?noredirect=on&utm_term=.eaaeb1d7e6df, дата обращения 12.10.2018.

(2015) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, December 10, 2015 // https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1323159.shtml, дата обращения 12.10.2018.

Gonondo J. (2017) Africa and China Higher Education Cooperation: Establishing Knowledge Sharing Partnership between Students // *Journal of Education and Practice*, vol. 8, no 10, pp. 17–28.

Idun-Arkurst I. (2008) Ghana's Relations with China // *The South African Institute of International Affairs. SAIIA. China in Africa Report*. No 3.

Jiao Yang (2015) Chinese Agribusiness Entrepreneurship in Africa: Case Studies in Ghana and Nigeria // *CARI. Policy Brief*, no 5 // https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/568c4768a2bab8d57520442c/1452033896317/CARI_PolicyBrief_5_Jan2015.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Ligang Song, Garnaut R., Cai Fang, Johnston L. (eds.) (2017) *China's New Sources of Economic Growth: Human Capital, Innovation and Technological Change*. Volume 2, Canberra: The Australian National University.

Macroeconomic and Social Developments in Eastern Africa 2016–2017 (2017) // United Nations Economic Commission for Africa. 21st Intergovernmental Committee of Experts Transformative Growth in Eastern Africa: Catalysts ND Constrains. Venue: Moroni, Union of Comoros Dates November 7–9, 2017 // https://www.uneca.org/sites/default/files/uploaded-documents/SROs/EA/EA-ICE21/macroeconomic_and_social_developments_in_eastern_africa_2016-17.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Mwencha E. (2016) The Third Forum on China-Africa Media Cooperation. Beijing // People's Republic of China, June 21, 2016 // <https://au.int/en/newsevents/30802/3rd-forum-china-africa-media-cooperation-beijing-people-s-republic-china>, дата обращения 12.10.2018.

Pant H.V., Haidar A.M. (2017) China's Expanding Military Footprint in Africa // *ORF*, no 195, September 12, 2017 // <https://www.eurasiareview.com/12092017-chinas-expanding-military-footprint-in-africa-analysis/>, дата обращения 12.10.2018.

Under Discussion

China in Africa: Neo-Colonial Power or “Win-Win” Strategy?

Tat'yana L. DEYCH

DSc in History, Leading Researcher of Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies Russian Academy of Sciences. Address: 30/1, Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russian Federation. E-mail: tdeich@yandex.ru

CITATION: Deych T.L. (2018) China in Africa: Neo-Colonial Power or “Win-Win” Strategy? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 119–141 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141

ABSTRACT. *The article deals with China's policy in Africa in the last decade. As the analysis shows, China is increasing steadily its presence in Africa, not only in the countries rich in resources, although the resources, especially oil, remain of particular importance for the Chinese economy, but also in the poor in natural resources and little attractive from the strategic point of view states. The author analyzes the features of China's diplomacy on the continent, China-Africa trade relations, the activities of Beijing as a donor and investor in Africa. Special attention is paid to “One belt – one road” initiative, which takes the important place in today's China strategy, and to role, which African countries, located on the crossroads of the land and sea “silk roads”, play in this initiative. The Chinese strategy envisages the implementation of infrastructure projects, including the construction of railways and highways, aviation communications, energy projects, industrial parks, and construction of seaports in coastal countries. The growth of Beijing's investments in African economy and the expansion of the spheres of its influence on the continent are the subjects of close attention of politicians, scientists and media. On the one hand, they link with China's policy the economic growth of African countries, some of which have entered into the ranks of the fastest growing*

states of the world. On the other hand, they accuse Beijing in “neo-colonial policy”, claiming that China is guided by its own interests, far from the African interests, and violates human rights and environmental standards in struggle for resources. The author concludes that an objective analysis of the various aspects of Beijing's activities in Africa in the last decade, as well as the assessment of this activity by Africans in the course of interviews, may allow to establish the truth.

KEY WORDS: China, Africa, trade, aid, investment, infrastructure, “one belt-one road”, soft power

References

- Attree L. (2012) *China and Conflict-affected States. Between Principle and Pragmatism*, Safeworld.
- Belyaev S., Makarova I. (2018) Kitajskie investitsii v Afrike: praktika Fonda razvitiya Kitaj-Afrika [Chinese Investment in Africa: Practice of China-Africa Development Fund]. *Russian Council of International Relations*, March 05, 2018. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/kitajskie-investitsii-v-afrike-praktika-fonda-razvitiya-kitay-afrika/>, accessed 12.10.2018.

Brautigam D. (2009) *The Dragon's Gift. The Real Story of China in Africa*, Oxford University Press.

Brautigam D., Hwang J., Wang Lu (2015) Chinese-financed Hydropower Projects in Sub-Saharan Africa. *CARI. Policy Brief*, no 8. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/568c48e669a91a2847f1ac46/1452034278357/CARI_PolicyBrief_8_Apr2015.pdf, accessed 12.10.2018.

Chatelard S.G., Chu J.M. (2015) Chinese Agricultural Engagements in Zambia: A Grassroots Analysis. *CARI. Policy Brief*, no 4. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/568c474fd8af1097861ed025/1452033871100/CARI_PolicyBrief_4_Jan2015.pdf, accessed 12.10.2018.

Chubarov I., Kalashnikov D. (2018) «Odin poyas – odin put'»: globalizatsiya po-kitajski ["One Belt – One Road": Globalization in Chinese]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 1, pp. 25–33.

Deych T.L. (2017) «Myagkaya sila» Kitaya v Afrike: sotrudnichestvo v sferakh obrazovaniya i kul'tury [Chinese'Soft Power'in Africa: Cooperation in Education and Culture]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*. Seria «Obshchestvennye Nauki», no 4(788), pp. 44–56.

Dollar D. (2016) *China's Engagement with Africa. From National Resources to Human Resources*, Washington: Brookings.

Forum on China-Africa Cooperation. *Africa. China-Africa Economic and Trade Cooperation* (2013). Beijing, August 2013. Available at: <http://en.people.cn/90883/8382239.html>, accessed 12.10.2018.

Forum on China-Africa Cooperation. Johannesburg Action Plan (2016–2018) (2015). *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*, December 10, 2015. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1323159.shtml, accessed 12.10.2018.

Gonondo J. (2017) Africa and China Higher Education Cooperation: Establish-

ing Knowledge Sharing Partnership between Students. *Journal of Education and Practice*, vol. 8, no 10, pp. 17–28.

Idun-Arkurst I. (2008) Ghana's Relations with China. *The South African Institute of International Affairs*. SAIIA. China in Africa Report. No 3.

Jiao Yang (2015) Chinese Agribusiness Entrepreneurship in Africa: Case Studies in Ghana and Nigeria. *CARI. Policy Brief*, no 5. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/568c4768a2ba8d57520442c/1452033896317/CARI_PolicyBrief_5_Jan2015.pdf, accessed 12.10.2018.

Ligang Song, Garnaut R., Cai Fang, Johnston L. (eds.) (2017) *China's New Sources of Economic Growth: Human Capital, Innovation and Technological Change*. Volume 2, Canberra: The Australian National University.

Macroeconomic and Social Developments in Eastern Africa 2016–2017 (2017). *United Nations Economic Commission for Africa*. 21st Intergovernmental Committee of Experts Transformative Growth in Eastern Africa: Catalysts ND Constrains. Venue: Moroni, Union of Comoros Dates November 7–9, 2017. Available at: https://www.uneca.org/sites/default/files/uploaded-documents/SROs/EA/EA-ICE21/macroeconomic_and_social_developments_in_eastern_africa_2016-17.pdf, accessed 12.10.2018.

Mwencha E. (2016) The Third Forum on China-Africa Media Cooperation. Beijing. *People's Republic of China*, June 21, 2016. Available at: <https://au.int/en/newsevents/30802/3rd-forum-china-africa-media-cooperation-beijing-people-s-republic-china>, accessed 12.10.2018.

Pant H.V., Haidar A.M. (2017) China's Expanding Military Footprint in Africa. *ORF*, no 195, September 12, 2017. Available at: <https://www.eurasiareview.com/12092017-chinas-expanding-military-footprint-in-africa-analysis/>, accessed 12.10.2018.

Гуманитарная политика ЕС в Африке и миграционный кризис

Марина Алексеевна КУКАРЦЕВА

доктор философских наук, профессор, кафедра международной и национальной безопасности, Дипломатическая академия МИД России. Адрес: 119034, Москва, Остоженка ул., д. 53/2. E-mail: mkukartseva@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Кукарцева М.А. (2018) Гуманитарная политика ЕС в Африке и миграционный кризис // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 142–163. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-142-163

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены сущность и особенности политики реализации гуманитарной безопасности ЕС вообще и конкретно в Африке. Выявлены принципиальные линии интереса ЕС к Африке как к фокусу своей гуманитарной политики: фантомы коллективной памяти политического класса стран Западной Европы, огромный потенциал ресурсов и рынков сбыта, миграционная и террористическая опасность. Показано, что необходимость различать беженцев и мигрантов в миграционных потоках в ЕС акцентировала значимость деятельности Союза в обеспечении гуманитарной безопасности в Африке. Аргументировано, что указанная политика рассматривается ЕС как стратегический внешнеполитический нарратив, в ходе написания которого Союз, обеспечивая защищенность Африканского континента, в первую очередь реализует собственные интересы. Уточнены особенности интерпретации этого нарратива в официальных документах Германии как ключевого члена ЕС. Выявлено, что Германия ставит перед собой цель играть главную роль в формировании европейской политики в отношении Африканского континента, а специфика ее подхода заключена в экономоцентричности, что отличает ее от общего подхода

да ЕС к Африке. Ключевой вопрос статьи: насколько бескорыстна роль Германии как поставщика гуманитарной безопасности в страны Африки? В соответствии с задачей стать ведущим актором политики ЕС на континенте, с ролью лидера либерального мира и с особенностями последствий миграционного кризиса для политической жизни страны, Германия предложила немецкий «План Маршалла для Африки» как конкретизацию своей гуманитарной политики на Континенте. В статье рассмотрены параметры этого плана, его плюсы и трудности реализации. Сделан вывод, что подход ФРГ к Африке в целом, бесспорно, способствует развитию последней. Одновременно он в большой степени ориентирован на решение задач обеспечения национальной безопасности самой Германии, на продвижение интересов немецкого бизнеса, создание через африканское партнерство новых немецких «резервов» в Африке. В этом двуправленном процессе нет явного противоречия, но результаты его могут быть амбивалентны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, ЕС, Германия, миграция, гуманитарная безопасность, немецкий «План Маршалла для Африки», внешняя политика, дипломатия

Гуманитарная политика ЕС

В конце XX – начале XXI вв. после окончания холодной войны и связанной с этим трансформации мировой политической системы появились новые аспекты понимания и интерпретации феномена безопасности. Они были сформированы из тех проблем, которые прежде находились (до известной степени и по понятным причинам) на периферии внимания как политиков, так и экспертов, а именно: проблемы болезней, бедности, экологии. По сути дела, в начале нового тысячелетия в изучении проблем безопасности (*security studies*) «произошла смена парадигм от политико-реалистического подхода к подходу либерально-гуманистическому» [Ullman 1983; Tuchman 1989]. Результатом этих изменений стал ввод в политический словарь нового понятия – «гуманитарная безопасность». Его суть заключается в смене приоритетов: в первую очередь должна обеспечиваться безопасность людей, и только во вторую – государств [Duffield, Waddell 2006]. Последние при этом сохраняют за собой функцию агента обеспечения безопасности, они – инструменты власти и управления в области образования, местного самоуправления, поддержания порядка, социального обеспечения и т.д. [Mckee 2009].

Европейский Союз впервые заявил о необходимости инкорпорировать концепцию гуманитарной безопасности в свою внешнюю политику в Стратегии европейской безопасности 2003 г.¹ и с

тех пор последовательно развивал эту идею. Была создана независимая Исследовательская группа по потенциалу безопасности в Европе под общим патронажем Высокого представителя по вопросам общей внешней безопасности и политики безопасности Хавьера Соланы. Позже она была переименована в Группу по гуманитарной безопасности под руководством М. Калдор [Kaldor, Martin, Selchow 2007]. Начиная с 2004 г. этой группой подготовлена серия исследований, в которых концепция гуманитарной безопасности постепенно приобретала законченный вид. Эти исследования получили название «Барселонский доклад» (2004 г.)², «Мадридский доклад» (2007 г.)³, «Берлинский доклад» (2016 г.)⁴. Полученные результаты позволили определить гуманитарную безопасность как новую эталонную модель обеспечения безопасности [Henk 2005], основанную на признании безусловной взаимосвязи между безопасностью и развитием [Youngs 2008]. Ее сущностью является центрированность на человеке, понимаемая как выявление и устранение широкого спектра социо-гуманитарных угроз и уязвимостей людей, создание стабильного и надежного состояния их защищенности. В 2016 г. политика обеспечения гуманитарной безопасности была закреплена в Глобальной стратегии Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности в качестве стратегического внешнеполитического нарратива Союза⁵. Это означа-

1 Европейская стратегия безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире (2009) // European Council Council of the European Union // <http://www.consilium.europa.eu/media/30825/qc7809568rue.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

2 A Human Security Doctrine for Europe. The Barcelona Report of the Study Group on Europe's Security Capabilities (2004) // London School of Economics and Political Science // <http://www.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/CSHS/humanSecurity/barcelonaReport.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

3 A European Way of Security. The Madrid Report (2007) // London School of Economics and Political Science // http://eprints.lse.ac.uk/40207/1/A_European_Way_of_Security%28author%29.pdf, дата обращения 12.10.2018.

4 From Hybrid Peace to Human Security: Rethinking EU Strategy towards Conflict (2016) // Securityintransition.org, February 24, 2016 <http://www.securityintransition.org/wp-content/uploads/2016/02/HSSGReport.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

5 Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) // http://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/regions/files/eugs_review_web_0.pdf, дата обращения 12.10.2018.

ло завершение формирования политического ядра международной идентичности ЕС – принципиальный отказ от всякого насилия, торжество либеральных ценностей, понимаемых как норма международной жизни.

Экспертные оценки важности и продуктивности концепции гуманитарной безопасности разнятся. Одни исследователи утверждают, что Европейский Союз сделался главной движущей силой реализации политики гуманитарной безопасности [Martin, Owen 2010]. Другие – что гуманитарная безопасность все-таки не стала стратегическим нарративом ЕС и лишь в небольшой степени, хотя и в ряде случаев весьма успешно, оказалась вписана в его внешнюю политику. Критики концепции полагают, что ЕС, как и ряд других государств мира, например Япония, Норвегия или Канада, реализует практику гуманитарной безопасности прежде всего для того, чтобы укрепить свои место и роль в мировой политике; для того, чтобы более успешно и эффективно защищать и продвигать свои национальные интересы на международной арене. И лишь во вторую очередь политика обеспечения гуманитарной безопасности, проводимая этими странами, связана с реальными задачами улучшения и защиты жизни людей [Black 2006]. В таком случае, практика гуманитарной безопасности представляет собой не более чем мягкий инструмент насилия на «руке, обладающей властью» [Booth 2007].

Ключевые исследовательские вопросы статьи. Существует ли противоречие между политикой Германии в области обеспечения гуманитарной безопасности в Африке и задачами обеспечения национальной безопасности самой Федеративной Республики? В какой мере эта политика есть практика бескорыстного поставщика гуманитарной безопасности странам Третьего

мира, а в какой – средством усиления своего влияния на Континенте?

Африка как фокус гуманитарной политики ЕС

Несмотря на полярность указанных оценок, ЕС продолжает настойчиво и последовательно проводить политику гуманитарной безопасности, придавая особое значение Африке. Она является крупнейшим получателем европейской официальной помощи в целях развития (ОПР). На период 2007–2013 гг. ЕС выделил Африке 141 млрд евро, при этом общий объем ОПР на 2014–2020 гг. будет составлять более 31 млрд евро. Для Союза Африка является фокусом гуманитарной политики по трем ключевым причинам, которые трудно выстроить в определенной иерархии.

Во-первых, это коллективное чувство вины, испытываемое политическим классом ЕС, и прежде всего политическим классом стран Западной Европы, в связи с негативными последствиями колониальной политики, проводившейся в Африке ведущими европейскими державами в период со второй половины XIX в. и до окончания Второй мировой войны. К этим последствиям относятся создание искусственно проведенных территориальных границ, в результате чего многие этносы (например, этнос сомали, разделенный между Францией, Италией и Великобританией) были насильственно разобщены; варварский слом родоплеменного строя как институциональной матрицы многих африканских государств; искоренение традиционных верований; лингвистический экспансионизм; принудительная мобилизация коренного населения в годы двух мировых войн, приведшая к многочисленным жертвам африканцев на полях европейских сражений, и многое другое. В середине

XX в. обидные для стран Запада неудачи процессов деколонизации, например попыток демократизации общества в африканских странах, стали причиной эскалации на Континенте социальной, политической и этнической напряженности. Она результировалась в гражданских войнах в государствах Гвинейского залива (Либерия, Сьерра-Леоне), интенсификации гражданской войны в районе Великих озер (ДРК, Руанда, Уганда). В итоге сегодня Африканский континент страдает от кровавых межгосударственных распри и конфликтов. Согласно докладу международного проекта Armed Conflict Location and Event Data Project (ACLED), за период с 1990 по 2018 гг. удельный вес региона в мировых человеческих потерях, вызванных разного рода вооруженными конфликтами, составил 84%⁶. Несмотря на то, что пятьдесят четыре государства Африканского континента обладают самобытной историей, своеобразие их политической культуры, отсутствие достаточного политического опыта и незрелость их политических элит вынуждают относительно молодые африканские государства повторять ошибки государственного управления европейских держав, допущенных ими в Африке в конце XIX – начале XX столетий. Сегодня эти державы стремятся исправить свои ошибки, оказывая африканским государствам многостороннюю поддержку.

Во-вторых, Африка является континентом огромных возможностей: демографическое развитие, изобилие ресурсов и растущий средний класс вскоре могут сформировать огромные рынки – как ресурсные, так и рынки сбыта [Абрамова, Фитуни 2015]. Африка яв-

ляется «Клондайком взаимодействия» со многими странами мира [Герасимова 2016]. Хотя при этом необходимо указать и на колоссальные социальные и экономические риски, вызванные теми же демографическими процессами. Африка – единственный континент, где уровень бедности населения будет только повышаться, она рискует безнадежно отстать от средних показателей роста. Тем не менее субрегионы Африки интенсивно разрабатывают свои интеграционные механизмы, ориентированные на разные темпы развития и с разным фокусом интересов. Однако обладание ресурсами часто становится смертельно опасным для стран Африки, оставляя далеко позади обычные следствия феномена ресурсного проклятия, нередко лежащего на плечах стран, богатых природными ресурсами. В странах Африки одним из фатальных проявлений этого проклятия является проблема, получившая название «конфликтных (кровавых) алмазов». Проблема появляется в связи с так называемыми аллювиальными алмазами, месторождения которых выходят на поверхность территорий, прилегающих к водоемам. Добыча таких алмазов основана на простых, кустарных способах, требующих минимальных капиталовложений и краткосрочных курсов обучения рабочих, что является привлекательным нелегальным способом добычи минералов, приносящим преступным группам огромные деньги.

Например, в Демократической Республике Конго разведанные запасы и прогнозные ресурсы алмазов считаются крупнейшими в мире, и именно это привело к десятилетиям войн, грабежей и массовому обнищанию 50-мил-

6 ACLED Version 8 (1997–2017) (2017) // Armed Conflict Location and Event Data Project // http://www.acleddata.com/wp-content/uploads/2018/01/ACLED-Version-8-All-Africa-1997-2017_dyadic-file.xlsx, дата обращения 12.10.2018.

лионного населения этой страны. То же самое относится и к Анголе, где в 1990-е гг. УНИТА финансировала боевые действия на средства от продажи «конфликтных алмазов», причем в этот прогресс были вовлечены сразу несколько африканских стран – Того, Замбия, Кот-д’Ивуар и Марокко⁷. В ЦАР промышленность, представленная добычей золота и алмазов, составляет около 500 тыс. каратов в год⁸. Уровень добычи и контрабанды алмазов в этой стране стал причиной трех гражданских войн (2004–2007, 2012–2013, 2013–2014 гг.). Добиться прекращения огня между двумя группировками, промышленявшими незаконной добычей алмазов, – мятежниками из мусульманской группы Селека и христианским ополчением Анти-балака – позволила только инициированная Францией в 2013–2016 гг. военная интервенция в ЦАР.

В связи со сложившейся ситуацией в мае 2000 г. по инициативе ЮАР, Ботсваны и Намибии представители правительств стран – производителей и потребителей необработанных алмазов провели в ЮАР, в г. Кимберли, встречу, целью которой стал поиск путей решения проблемы «конфликтных» алмазов. Инициатива получила название «Кимберлийский процесс» (КП)⁹. КП вводит обязательную схему сертификации (ССКП), принятую в ноябре 2002 г.¹⁰ Ее цель – исключить про-

никновение в товарооборот нелегально добытых алмазов, в том числе в зонах вооруженных конфликтов. Сегодня в рамках Процесса контроль в форме сертификации экспортно-импортных операций обеспечивает до 98% объема мирового оборота алмазов, а сам Процесс объединяет 81 страну¹¹. Европейский Союз, всемерно продвигая сертификацию с целью сдерживания незаконной торговли сырьем, ставит своей задачей работу над тем, чтобы государственные доходы от добычи полезных ископаемых и другие ключевые отрасли промышленности африканских стран были использованы для решения задач, в первую очередь ориентированных на их развитие¹².

В-третьих, Африка является источником миграционной и террористической опасности для ЕС. При этом Северная Африка, связанная со странами Ближнего Востока и Средиземноморья, в политике Союза занимает место, отличное от региона АЮС, к которому относятся государства, расположенные южнее Сахары.

Северная Африка, населенная преимущественно европеоидами, непосредственно граничит с Европой и имеет с ней давние исторические, экономические и культурные связи. Ряд стран Запада имеют в Северной Африке свои анклавы. Например, у Испании в Марокко шесть анклавов, два из которых – Сеута и Мелилья – открыты для посещения

7 Final Report of the UN Panel of Experts on Violations of Security Council Sanctions Against Unita. The "Fowler Report" (2000) // Global Policy Forum // <http://www.globalpolicy.org/global-taxes/41606-final-report-of-the-un-panel-of-experts.html>, дата обращения 12.10.2018.

8 Hugon Ph. (2016) Les Défis de la Stabilité en Centrafrique, Paris: Institut de Relations Internationales et Stratégiques // http://www.iris-france.org/docs/kfm_docs/docs/philippe-hugon---centrafrique---fvrier-2014mise-en-page-1.pdf, дата обращения 12.10.2018.

9 What is the Kimberley Process (n/y) // Kimberley Process // <http://www.kimberleyprocess.com/en/what-kp>, дата обращения 12.10.2018.

10 Kimberley Process Certificate Scheme (n/y) // Kimberley Process // http://www.kimberleyprocess.com/en/system/files/documents/20131122_kpcs_core_document_eng_amended_clean.pdf, дата обращения 12.10.2018.

11 2018 KP Participants List (n/y) // Kimberley Process // <http://www.kimberleyprocess.com/en/2018-kp-participants-list>, дата обращения 12.10.2018.

12 European Union and the Kimberley Process (n/y) // Kimberley Process // <http://www.kimberleyprocess.com/>, дата обращения 12.10.2018.

обладателям шенгенской визы, безвизовый режим сохраняется только для жителей близлежащих марокканских провинций Тетуан и Надор. Из Сеуты и Мелильи паромом можно добраться до Испании. Именно поэтому эти анклав, окруженные ограждениями из колючей проволоки, регулярно штурмуют тысячи африканских мигрантов в попытках достичь территории Европейского Союза. Попытки перейти границу Сеуты в 2017 г. выросли на 71%, в связи с чем полковник командования гражданской гвардии города Хосе Луис Гомес Салинеро предупредил, что его людей вынуждают бороться с «очень молодыми и очень физически сильными» мигрантами, вооруженными холодным оружием и готовыми прибегнуть к «любому насилию» для достижения своей цели [Montgomery 2018]. В середине июня 2018 г. официальный Мадрид объявил, что кабинет министров намерен сделать все возможное для демонтажа этих ограждений, избегая дальнейших жертв с обеих сторон. Это решение абсолютно не согласуется с ключевой задачей политики ЕС в Северной Африке – обеспечением евроатлантической и региональной безопасности, созданием своего рода коридора стабильности между ЕС и другими территориями Юга, – однако полностью согласуется с принципами и политикой гуманитарной безопасности ЕС.

В свою очередь, регион АЮС традиционно всегда был сферой торгово-экономического интереса ЕС. Однако в последнее время он, как и Северная Африка, превращается в зону распространения терроризма и радикального ислама, что совсем недавно казалось маловероятным не только ЕС, но и все-

му международному сообществу. Этот факт в числе прочих был отмечен на министерской встрече «Диалог по вопросам развития на уровне министров юга Африки и ЕС» в 2018 г.¹³

Наибольшее опасение ЕС вызывает дестабилизация ситуации в Нигерии, где население разделено примерно поровну на мусульман и христиан, что создает постоянную межконфессиональную напряженность. В нигерийском штате Борно на северо-востоке страны располагается ядро известной террористической группировки «Боко Харам». Ячейки этой организации встречаются во многих других штатах севера государства – от Йобе, Плато и Кано до Баучи, Адамава и Сокото. С 2013 г. «Боко Харам» активизировала свою деятельность, организуя террористические акты в приграничных районах соседних с Нигерией государств – Чада и Нигера. Для проведения совместной операции по уничтожению террористов и радикальных экстремистов создана многонациональная группировка стран бассейна озера Чад. В нее вошли Нигерия, Чад, Камерун, Нигер, Бенин – всего более 1,5 тыс. чел. В результате масштабного наступления странам удалось выбить бокохарамовцев из ряда штатов, но не уничтожить угрозу целиком. «Боко Харам» умело пользуется недовольством мусульман, крайней нищетой и высокой безработицей среди молодежи штатов Борно, Йобе и Адамава, беспрецедентной коррупцией в правящей элите, ведущей к экономической и политической маргинализации северо-востока страны.

Можно утверждать, что мятежи и гражданские войны привели к непрерывному политическому кризису и ре-

13 Southern African Development Community-EU Ministerial Political Dialogue 2018 (2018) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/42564/southern-african-development-community-eu-ministerial-political-dialogue-2018_en, дата обращения 12.10.2018.

гиональной нестабильности на Африканском континенте в районах Северной Африки – от Ливии до Египта, Судана, Эфиопии и Эритреи, Сомали; в Западной Сахаре – от Марокко до Мавритании; в Западной Африке – в Либерии, Сьерра-Леоне, Мали, Гвинее, Буркина-Фасо, Кот-д’Ивуаре. В последнее время ситуация также обострилась и в Нигерии, преимущественно в дельте Нигера и в северо-восточной Нигерии; в Восточной и Центральной Африке – Уганде, Танзании, Кении, Руанде и Буррунди, Габоне и Конго; Заире и Замбии; в Южной Африке – в Анголе, Намибии, Мозамбике и Зимбабве.

Поэтому ЕС в многочисленных совместных соглашениях со странами и субрегионами Африки, в том числе для Африканского Рога, Сахеля, Великих озер и Гвинейского залива, в Соглашении Котону, в Ломейских и Яундских конвенциях, в Совместной стратегии Африки и ЕС, закрепил идеи и принципы своей политики на континенте, в частности гуманитарной политики¹⁴. Их целью является акцентирование внимания не только на защите территориальных границ, но и на защите людей от «бедности, миграции населения, ВИЧ/СПИД-инфекций, экологической неустойчивости и социальной изоляции, что напрямую связано с гуманитарной и, следовательно, глобальной безопасностью» [Duffield, Waddell 2006]. Ключевой принцип – комплексный, «всеобъемлющий» подход к решению проблем, охватывающий различные части Континента и их субрегионы.

Особенно иллюстративен комплексный подход ЕС к Сахельскому региону, который рассматривается как напрямую влияющий на интересы и безопасность Союза [Thompson 2016; Kartsonaki, Wolff 2015]. Сахель трактуется ЕС как «неэффективный» регион, столкнувшийся с трудностями в «обеспечении защиты, помощи, развития и общественных услуг местному населению» и «недостаточности оперативных и стратегических возможностей (...) для обеспечения гуманитарной безопасности»¹⁵. Государства Сахеля сами неспособны поддерживать достойные условия жизни на своей территории, и «эффективный» ЕС имеет своей целью помочь им, активно участвуя в важнейших политических процессах, тем самым укрепляя свою роль ключевого международного участника решения регионального кризиса.

В 2011 г. ЕС принял Стратегию в области безопасности и развития в Сахеле, в которой изложены принципы европейского подхода к решению проблем региона¹⁶. Их конкретизация заключена в тексте Регионального плана действий в Сахеле от 2015 г. Ключевой мотив как Стратегии, так и Плана заключается в том, что угрозы стабильности и безопасности региона есть угрозы стабильности и безопасности Европейского Союза. Многочисленные бедствия – от бедности и роста населения до проблем экологии – «вливают не только на местное население, но и на интересы европейских граждан»¹⁷. В силу этих обстоятельств Европейский Союз ставит перед

14 Southern African Development Community-EU Ministerial Political Dialogue 2018 (2018) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/42564/southern-african-development-community-eu-ministerial-political-dialogue-2018_en, дата обращения 12.10.2018.

15 Strategy for Security and Development in the Sahel (n/y) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/archives/docs/africa/docs/sahel_strategy_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

16 Strategy for Security and Development in the Sahel (n/y) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/archives/docs/africa/docs/sahel_strategy_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

17 Strategy for Security and Development in the Sahel (n/y) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/archives/docs/africa/docs/sahel_strategy_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

собой цель достичь в регионе необходимой меры политической и гуманитарной устойчивости. При этом акцент сделан не на анализе характера угроз или «потрясений», а на выявлении и систематизации «основных уязвимостей», грозящих формированию устойчивости региона¹⁸. В настоящее время ЕС поддерживает страны Сахеля по трем основным направлениям: политическое партнерство в рамках регулярных диалогов «ЕС – G5»; помощь в целях развития, предусматривающую в течение 2014–2020 гг. оказание региону поддержки в 8 млрд евро, в том числе в рамках созданного в 2015 г. «Чрезвычайного целевого фонда ЕС для стабильности и устранения коренных причин нелегальной миграции и перемещения населения лиц в Африке»; поддержка безопасности: ЕС поддерживает конкретные инициативы в области безопасности на региональном уровне, развернув три миссии – две гражданские в Нигере и Мали (EUCAP Sahel Niger, EUCAP Sahel Mali) и учебную миссию EU в Мали (EUTM Mali) в рамках ОПБО¹⁹. В этом и заключается всеобъемлющий, комплексный подход ЕС: специфика наличной ситуации диктует необходимость переоценить весь пакет существующих практик и выбрать наиболее эффективную из них.

В 2017 г. по инициативе ЕС в Германии и Франции был создан «Альянс для

Сахеля»²⁰. В феврале 2018 г. Европейская комиссия провела в Брюсселе международную конференцию на высшем уровне по Сахелю совместно с Африканским союзом, Организацией Объединенных Наций и «Сахельской пятеркой», имея целью укрепление международной поддержки региона²¹. Общая идея ЕС – «обеспечение безопасности, стабильности и развития стран Сахеля, что в первую очередь представляет интерес для местного населения, но также и для европейских граждан. Мы являемся соседями, и нам необходимо совместно реагировать на вызовы терроризма, торговлю людьми и изменения климата», – подчеркнула Могерини²².

Тем не менее, как считают некоторые исследователи, щедрость ЕС, «его постоянный призыв к правам, свободе и людям, – скрывает упорное стремление к управлению и сдерживанию беспорядков, а не к разрешению их» [Diffield 2007]. Это правдиво в том смысле, что гибкость ЕС в реализации политики гуманитарной безопасности зависит от степени угрозы его собственным интересам. В этой связи предмет особой озабоченности ЕС – миграция: «бедность создает присущую ей нестабильность, которая может влиять на неконтролируемые миграционные потоки»²³, «миграционное давление возрастает, что означает серьезные последствия для ЕС»²⁴.

18 AGIR – Building Resilience in the Sahel & West Africa (2017) // European Commission // http://ec.europa.eu/echo/files/aid/countries/factsheets/sahel_agir_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

19 Factsheet: EU Relations with Sahel Countries (2016) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/archives/docs/factsheets/docs/sahel-european-union-factsheet_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

20 Alliance for the Sahel Will Reinforce EU Work for Stability and Development of Key Region (2017) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/29876/alliance-sahel-will-reinforce-eu-work-stability-and-development-key-region_en, дата обращения 12.10.2018.

21 The European Union's Partnership with the G5 Sahel Countries (2018) // ReliefWeb // <http://reliefweb.int/report/world/european-unions-partnership-g5-sahel-countries>, дата обращения 12.10.2018.

22 Alliance for the Sahel Will Reinforce EU Work for Stability and Development of Key Region (2017) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/29876/alliance-sahel-will-reinforce-eu-work-stability-and-development-key-region_en, дата обращения 12.10.2018.

23 Strategy for Security and Development in the Sahel (n/y) // European Union External Action Service // http://eeas.europa.eu/archives/docs/africa/docs/sahel_strategy_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

24 AGIR – Building Resilience in the Sahel & West Africa (2017) // European Commission // http://ec.europa.eu/echo/files/aid/countries/factsheets/sahel_agir_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Политика Германии по обеспечению гуманитарной безопасности в Африке

Германия в рамках реализации политики гуманитарной безопасности во внешней политике предложила в 2014 г. свой подход к развитию Африки²⁵. Этот подход нашел выражение в документе под названием «Ключевые принципы политики федерального правительства в Африке» (Afrikapolitische Leitlinien der Bundesregierung), разработанном Федеральным министерством иностранных дел²⁶. Правила работы Германии с Африканским континентом содержат три основных раздела: анализ исходной ситуации, анализ параметров немецкого присутствия в Африке, анализ параметров целостного, сетевого подхода к немецкой политике в Африке. Рассмотрим их подробнее.

В первом разделе подчеркнуто, что Германия, как и ЕС в целом, придерживается всеобъемлющего подхода к своей гуманитарной политике в Африке. Африканский потенциал вытекает из ее бурного демографического развития, богатых природных ресурсов, из большого потенциала сельскохозяйственного производства. Африканские рынки развиваются динамично и становятся все более интересными для экономики Германии из-за растущей покупательной способности африканского населения, повышающегося спроса на немецкую продукцию и высокие технологии, увеличения инвестиций и инновационных предложений. В документе говорится, что, вопреки широко распростра-

ненному мнению, в Африке укрепляется и политическая стабильность за счет роста демократических институтов. Вместе с тем для дальнейшего поступательного развития необходимо снизить сохраняющиеся риски. Потенциал дестабилизации региональных кризисов достаточно высок в связи с ростом массы беженцев, перемещенных лиц, изменением климата, нехваткой воды и пр. По-прежнему остается проблемой, оказывающей значительное влияние на Европу, «хрупкость» африканских стран. Факторы риска – отсутствие эффективного управления, этноцентризм и национализм, неконтролируемые запасы стрелкового оружия, организованная преступность, национальный и международный терроризм, особенно в Северной Африке и в Сахеле. Кроме того, Германии следует лучше изучить деятельность третьих сторон (Китая, Индии, Турции, Бразилии, Японии и США) в Африке, имея в виду стратегическую заинтересованность в развитии авторитета и влияния Европы в Африке.

Общий вывод раздела таков: сотрудничество с Африкой отвечает национальным интересам Германии. Финансовый кризис в Европе и его менеджмент сделали Германию центральным игроком в Европе, что, в том числе, признает и Африка. Благодаря этим факторам, присутствие ФРГ в Африке должно быть расширено, а параметрам этого присутствия посвящен второй, самый обширный и подробный раздел документа.

Всего в нем определено пятнадцать приоритетов Германии в сотрудничестве с Африкой²⁷.

25 Deutschland und Afrika: Konzept der Bundesregierung (n/y) // Bundesministerium der Verteidigung // <http://www.bmvg.de/de/themen/dossiers/engagement-in-afrika/das-engagement/grundlagen/deutschland-und-afrika-konzept-der-bundesregierung>, дата обращения 12.10.2018.

26 Afrikapolitische Leitlinien der Bundesregierung (2014) // Bundesministerium der Verteidigung // http://www.bundesregierung.de/Content/DE/_Anlagen/2014/05/2014-05-21-afrikapolitische-leitlinien.html, дата обращения 12.10.2018.

27 Afrikapolitische Leitlinien der Bundesregierung (2014) // Bundesministerium der Verteidigung // http://www.bundesregierung.de/Content/DE/_Anlagen/2014/05/2014-05-21-afrikapolitische-leitlinien.html, дата обращения 12.10.2018.

1. Дальнейшее укрепление региональной интеграции. Целью является содействие политическому и экономическому сотрудничеству, снижение напряженности, создание более крупных рынков со свободным движением рабочей силы и капитала, снижение торговых барьеров и повышение привлекательности государств для отечественных и иностранных инвесторов. Германия стремится сосредоточить свою африканскую политику на продвижении региональных организаций, в том числе путем передачи интеграционного опыта Европейского союза.

2. Укрепление Африканской архитектуры мира и безопасности (APSA). Цель состоит в оказании поддержки африканским странам в управлении конфликтами путем адресной помощи в области обучения, консультирования и оборудования военных сил и сил безопасности. Своевременно предотвращая кризисы, противодействовать дезинтеграции государств и предотвращать негативное влияние такой дезинтеграции на соседние субрегионы и на Европу. Содействовать экономическому восстановлению и борьбе со структурными причинами конфликтов, демобилизации и реинтеграции ополченцев, реформам сектора безопасности и эффективному сдерживанию торговли. Поддерживать сертификацию «конфликтных минералов».

3. Содействие сельскому хозяйству, которое является ключевым направлением развития африканских стран, развитие сельских районов и устойчивая урбанизация. Особое значение имеет развитие цепочек создания стоимости (переработка и маркетинг), а также поддержка межфирменного сотрудничества. Немецкая экономика должна участвовать в этом процессе своими взносами. В рамках партнерства между ЕС и Африкой ФРГ планирует совместный план действий для исследований в

области сельского хозяйства и продовольственной безопасности.

4. Укрепление верховенства прав, борьба с коррупцией. Акцент на обеспечении верховенства закона является эффективным, поскольку это оптимизирует экономику и общество. Немецкая правовая система и полиция Германии будут делиться с африканскими партнерами своим опытом, в том числе в деле защиты прав человека. Одна из целей – основанная на потребностях, справедливо финансируемая и доступная для всех слоев населения всесторонняя социальная защита и медицинская помощь.

5. Защита беженцев, превращение миграционной политики в политику превентивную и ориентированную на развитие. Цель состоит в том, чтобы устранить причины миграции, лучше управлять региональной, трансконтинентальной миграцией и регулярной миграцией.

6. Создание партнерства для арабских стран с переходной экономикой в Северной Африке на Ближнем Востоке, сосредоточив сотрудничество, в частности, на молодежи, чтобы дать ей позитивные перспективы на будущее.

7. Использование сырья как инструмента стабильности и экономического развития, сохранения природных ресурсов. Доверительное сотрудничество в сырьевом секторе повышает безопасность поставок для экономики Германии.

8. Поддержка экономического роста, торговли и инвестиций. Цель состоит в том, чтобы создавать ценности через достижение более устойчивого экономического роста. Особое значение имеет поддержка предпринимателей, малых и средних предприятий с инновационным потенциалом, финансирование микропредприятий. Максимальная гибкость в доступе к рынку ЕС. Германия оказывает помощь в решении энерге-

тических проблем и построении устойчивого энергоснабжения в странах-партнерах, содействуя сотрудничеству на уровне предприятия.

9. Выявление потенциала африканских рынков для экономики Германии. Немецкие компании, имеющие в основном долгосрочную бизнес-модель, являются хорошими партнерами для обеспечения устойчивого экономического развития. Они вносят свой вклад в подготовку квалифицированных рабочих и устанавливают высокие стандарты корпоративной социальной ответственности. Необходимо работать в африканских странах-партнерах над улучшением нормативной базы и инвестиционного климата в целом в интересах местного населения, а также инвестиционных возможностей Африки в Германии.

10. Обеспечить образование на всех уровнях, активизировать сотрудничество в области науки и исследований. Целью является обеспечение всеобщего доступа к высококачественному образованию во всех областях, особенно для маргинальных групп. Германия поддержит АС в создании Панафриканского университета в области водных ресурсов, энергетики и изменения климата.

11. Укрепить глобальное управление, защищать природные ресурсы и окружающую среду, сохранять биоразнообразие. Цель состоит в том, чтобы найти общие позиции по вопросам глобальных и, в частности, континентальных африканских интересов (продовольствие, климат, вода, химические вещества и обращение с отходами, биоразнообразие, браконьерство, использование ресурсов и эффективность использования ресурсов).

12. Развивать сотрудничество в области культуры с целью углубления знаний о собственных культурных корнях для повышения сопротивляемости экстремизму. Сохранение культурного

и природного наследия, а также межэтнического и межрелигиозного диалога является центральной частью культурного участия федерального правительства в Африке.

13. Углублять свое знание специфики африканских политических субъектов, с тем чтобы лучше понять ключевые африканские и глобальные проблемы, включая решение проблем предотвращения кризисов и реагирования на них.

14. Укрепление координации со стратегическими партнерами по Африке – Китаем, Индией, Бразилией, Турцией, США и другими. Цель состоит в том, чтобы вовлечь этих партнеров в конструктивное взаимодействие.

15. Активное участие в Форуме африканского партнерства с целью укрепления приверженности Африки процессу диалога.

Практически половина этих приоритетов прямо ориентирована на решение экономических задач, а вторая половина связана с ними достаточно прозрачно. Это подчеркивает общую идеологию подхода немецкого правительства к решению мировых проблем вообще и африканских в частности: акцентирование возможностей, прежде всего, экономики, обеспечение перехода африканских стран от зависимости от природных ресурсов к индустриальному развитию. Ключевая задача Германии – убедить инвесторов, как частных, так и международных, в благоприятности экономического климата стран Африки, что, помноженное на потрясающий человеческий потенциал континента, решит как его проблемы, так и проблемы национальной безопасности Германии. Такая идеология – часть международной политической идентичности Германии, сложившейся после Второй мировой войны: принципиальное следование либеральным установкам политической жизни, приверженность глобалистской торговой политике, ори-

ентированной на завоевание и одно-временное развитие зарубежных рынков, транснационализацию, содействие развитию малого и среднего бизнеса в странах третьего мира.

Поэтому последний раздел плана посвящен принципам и задачам широкого комплексного подхода Германии к Африке, охватывающего деятельность всех ее федеральных министерств. Германия призывает свой политический класс нести большую ответственность за мир и безопасность в Африке. Политическая, экономическая и социальная трансформация Африки, а также многочисленные нерешенные проблемы требуют новых подходов от разработчиков немецкой политики на Континенте. В числе таковых – оптимизация сотрудничества в области добычи и использования энергетических ресурсов и сырья, содействие устойчивому развитию, углубленное сотрудничество в области охраны окружающей среды и климата. Целью таких новых подходов является достижение равноправного партнерства с Африкой, что позволит Германии и ЕС в целом найти общие ответы на глобальные, региональные и национальные проблемы, обеспечить надежное состояние защищенности людей.

Рассматриваемый документ обнаруживает, что особенность немецкой политики по обеспечению гуманитарной безопасности в Африке заключается, во-первых, в том, что Германия намерена играть *ключевую роль* в формировании европейской политики в отношении этого Континента, действуя на основе принципа когерентности и применения разнообразных стратегий. С этой целью развернута сеть немецкого присутствия на местах в Африке, в которой работа-

ют более 2000 экспертов из Германской службы развития, внешнеторговой палаты, полицейских и офицеров связи, военных советников и военных консультативных групп. Чтобы добиться синергетического эффекта, ФРГ стремится расширить взаимосвязь задач обеспечения развития и безопасности. Во-вторых, специфика немецкой политики по обеспечению гуманитарной безопасности в Африке основана на всемерной поддержке прежде всего ее экономики, а во вторую очередь – всего комплекса проблем прав человека. Это отличает ее от общего подхода ЕС. Оценка немецким государством перспектив интеграции Континента в мировую экономику весьма позитивна и является отправной точкой для дальнейших совместных шагов. В среднем экономика Африки, как отмечено на сайте правительства, выросла до 60% в год с начала нового тысячелетия, а в некоторых странах этот рост измеряется даже двузначными числами²⁸. Поэтому надо удвоить усилия по развитию экономики Африки, привлечь на Континент немецкий и мировой бизнес: разработать стратегии поощрения частных инвестиций с целью стимулирования экономического роста, создания рабочих мест, оптимизации занятости на Континенте. Совместно эти стратегии должны нивелировать причины миграции африканского населения в Европу.

Миграционный кризис ЕС

В европейском кризисе беженцев основное внимание уделяется людям, спасающимся от сирийского конфликта, из-за которого показатели количе-

28 Afrikapolitische Leitlinien der Bundesregierung (2014) // Bundesministerium der Verteidigung // http://www.bundesregierung.de/Content/DE/_Anlagen/2014/05/2014-05-21-afrikapolitische-leitlinien.html, дата обращения 12.10.2018.

ства людей, впервые ищущих убежища в ЕС, стали самыми высокими за всю историю Союза. Однако в ЕС, и в частности в Германию, кроме сирийцев прибыли десятки тысяч африканцев из множества стран, разбросанных по всему Континенту – от севера к западу. Одни люди убегают от авторитарных режимов (например, в Эритрее), другие – из конфликтующих стран (например, Сомали). Многие покидают более стабильные демократические государства, особенно на западе и севере Континента, где основной проблемой часто является безработица, особенно среди молодежи (например в Тунисе). Именно здесь и залегает линия разлома – в различии между беженцами и мигрантами. Беженец – человек, вынужденный бежать из-за преследования, войны или насилия, мигрант – человек, вынужденный бежать из-за климатических и демографических аномалий, экономической депрессии, в поисках лучших рабочих мест и пр.

В этой связи интересно вкратце проследить, как менялись акценты в сотрудничестве ЕС с Африканским союзом до миграционного кризиса и после него.

В 2014 г. во время четвертого саммита Европейского союза и Африканского союза в Брюсселе, проводимого под названием «Инвестиции в трудовые ресурсы, процветание и мир», партнеры подчеркнули своевременность поставленных Совместной стратегией Африканского союза и Европейского союза (JAES Joint Africa-Europe Strategy) целей на период с 2014 по 2017 г. Для решения ключевых задач в Африке в этот период они обновили «дорожную карту», кото-

рая является частью совместной стратегии, согласованной в 2007 г., и реализуется на основе временных планов действий.

В 2014 г. «дорожная карта» оказалась ориентирована прежде всего на экономический рост, инвестиции и безопасность. Ключевыми аспектами более тесного взаимодействия ЕС и Африки были борьба с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, торговлей людьми. Поэтому центральную роль играло дальнейшее развитие существующей архитектуры мира и безопасности (APSA), поддержка Африканских резервных сил (African Standby Force – ASF). В пик миграционного кризиса в 2015 г. европейские и африканские страны провели на Мальте саммит ЕС – Африка по проблемам миграции. Партнеры договорились, не отказываясь от реализации «дорожной карты», более тесно сотрудничать прежде всего в области миграции. Основой для этого является предложенный ими план действий, ставящий пять ключевых целей²⁹. В общей сложности сформулировано шестнадцать конкретных мер, которые должны были помочь достичь этих целей к концу 2016 г. Европейские лидеры создали Чрезвычайный целевой фонд Европейского союза для поддержки стабильности и устранения коренных причин нелегальной миграции и перемещения населения в Африке. Средства из этого фонда должны были помочь привести план в действие.

На пятом (что интересно, уже не ЕС – АС, а АС – ЕС) саммите 2017 г., состоявшемся в Кот-д'Ивуаре (Абиджан) и прошедшем под общим назва-

29 Борьба с причинами нелегальной миграции, совершенствование сотрудничества в области правовой миграции и мобильности, обеспечение большей защиты мигрантов и лиц, ищущих убежище, борьба с незаконной миграцией, незаконным ввозом мигрантов и торговлей людьми, оптимизация сотрудничества по возврату и реадмиссии мигрантов.

нием «Инвестиции в молодое поколение для устойчивого будущего», подведены итоги выполнения «дорожной карты» и намечены новые перспективы, в частности в области борьбы с миграцией³⁰. В свете изменившихся условий ключевыми областями сотрудничества стали задачи формирования экономических возможностей для молодежи как платформы ее реализации на родном, а не чужом континенте, а ключевым трендом – инвестиции в Африку. Для этого был предложен план внешнего инвестирования ЕС, в рамках которого создан Европейский фонд устойчивого развития с целью привлечения частных инвесторов в Африку³¹. Основная идея заключалась в следующем: для того чтобы остановить миграцию, нужно обустроить Африку экономически, тем самым придавая Континенту стабильность и в перспективе – процветание.

Предмет отдельного интереса – саммит G20 2017 г. в Гамбурге, который показал крайнюю озабоченность мирового сообщества ситуацией в Африке и всю значимость, которую придает этому Континенту ЕС. Эта значимость была акцентирована хозяйкой саммита – Федеративной Республикой Германией: «А. Меркель выразила опасения, что охватившие Африку разочарования в сотрудничестве с Западом вынудят некоторых людей идти искать надежду в другом месте» [Корендясов, Шарова 2017]. На саммите была принята программа «Партнерство G20 – Африка», предусматривающая учреждение «Пакта с Африкой»

(Compact with Africa) в целях расширения частных инвестиций и частного предпринимательства³². Большую долю этих инвестиций берут на себя немецкие компании, поэтому «его называют “План Меркель для Африки”, и он призван сыграть столь же важную роль, как и “План Маршалла” для Европы в 1940-х гг.»³³.

Миграционный кризис в Германии

В 2015 г. Германия открыла границы для беженцев, идущих в Европу из Сирии, Ирака и стран Африки в силу войн, изменения климата, падения и возникновения авторитарных политических режимов и др. Менее чем через год Германия получила более одного миллиона беженцев и мигрантов, а канцлер Меркель стала любимицей международного гуманитарного сообщества и лидером либерального мира.

Когда границы Германии были открыты, многие сторонники этого решения предсказывали стране немедленный экономический подъем. Однако в интервью, данном в ноябре 2017 г., немецкий комиссар по вопросам иммиграции, беженцев и интеграции Айдан Озогуз, несмотря на весь свой оптимизм, вынуждена была признать, что люди, прибывшие в Германию в 2015 г., с трудом находят рабочие места. Они ограничены сочетанием отсутствия образования и необходимых рабочих навыков, незнания немецких норм производственного по-

30 5th African Union – EU Summit (2017) // European Council Council of the European Union // <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2017/11/29-30/>, дата обращения 12.10.2018.

31 EU External Investment Plan (2017) // European Commission // http://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/factsheet-eip-20171120_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

32 EU External Investment Plan (2017) // European Commission // http://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/factsheet-eip-20171120_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

33 EU External Investment Plan (2017) // European Commission // http://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/factsheet-eip-20171120_en.pdf, дата обращения 12.10.2018.

ведения – и нежеланием им обучаться, языковым барьером. Кроме того, до трех четвертей мигрантов и беженцев в течение следующих пяти лет, скорее всего, останутся безработными³⁴. Поэтому, по ее мнению, «если кто-то прибывает в страну и, вероятнее всего, по какой-либо причине останется в ней, то интеграция должна начаться немедленно»³⁵. Это утверждение выглядит странным, ведь право на пребывание выдается сроком на три года, после чего беженец должен вернуться обратно домой (разумеется, если обстановка там перестала быть опасной). Зачем тогда его нужно интегрировать во что бы то ни стало – неясно. Поэтому внутри страны реакция на решение главы правительства была неоднозначна; в итоге это привело к внутреннему политическому кризису, не разрешенному до сих пор. Стало очевидно, что меры, направленные на предотвращение волны будущих беженцев и мигрантов, являются не просто срочными, а экзистенциальными, а сама проблема мигрантов охраняется не только усилиями популистских партий и общественных движений, но и соратниками канцлера из сестринской партии. При этом немецкие власти оказались перед непростой задачей: найти баланс между собственными либеральными ценностями, уважением к правам беженцев/мигрантов и необходимостью обеспечить национальную безопасность, защитить своей политической системы, системы социальной защиты и, в итоге, защитить свое не только правовое, но и социальное государство.

В связи с этим были пересмотрены акценты. «Большинство людей, приезжающих через Средиземное море, являются мигрантами, а не беженцами», – сказал Гюнтер Ноке, личный представитель канцлера Германии в Африке [Green 2017]. Именно поэтому в решении миграционного кризиса в центре усилий должна находиться Африка, особенно те ее страны, где скапливаются мигранты, намеренные отправиться в Европу, и те, что служат в качестве транзитных пунктов в этом путешествии.

События 2015 г. сделали Африку для Германии своего рода концентратом смысла в задаче поиска решения миграционной проблемы. Помощь в целях устойчивого развития стала все более связываться с усилиями по сокращению миграции.

Немецкий план Маршалла для Африки

В 2017 г. Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития предложило немецкий план Маршалла для Африки³⁶.

Изложенный на 34 страницах документ должен создать новый формат партнерства между Африкой и Европой – партнерство, которое выходит далеко за рамки традиционного, основанного на проектах сотрудничества в области развития, и которое будет стоить Германии до 300 млн евро. По сути дела, он является конкретным планом реализации «Ключевых принципов политики федерального правительства в Африке».

34 An Interview with Aydan Özoğuz, German Commissioner for Immigration, Refugees and Integration (2017) // International Migration, vol. 55, no 6, pp. 5–11 // <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imig.12404>, дата обращения 12.10.2018.

35 An Interview with Aydan Özoğuz, German Commissioner for Immigration, Refugees and Integration (2017) // International Migration, vol. 55, no 6, pp. 5–11 // <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imig.12404>, дата обращения 12.10.2018.

36 A Marshall Plan with Africa (2017) // Federal Ministry for Economic Cooperation and Development // http://www.bmz.de/en/countries_regions/marshall_plan_with_africa/contents/index.html, дата обращения 12.10.2018.

План содержит десять основных пунктов. Их суть сводится к констатации того, что Европе нужен новый пакт о будущем между ней и Африкой, ведь к 2050 г. население Африки удвоится. Отдельно подчеркнуто, что Африка нуждается в африканских, а не в европейских решениях, поэтому необходимо отойти от менталитета доноров и реципиентов, который преобладал в течение многих десятилетий, и перейти к экономическому партнерству. Главный акцент плана состоит в том, что Африке нужны частные инвестиции, поэтому он опирается на новый вид экономической политики – экономическую диверсификацию, создание производственных цепочек, целевую поддержку сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса, улучшенный доступ к единому рынку ЕС и устранение торговых барьеров.

В пяти главах Плана эти десять основных идей расписаны подетально. В первой подчеркнуто, что Африка и Европа являются континентами-партнерами, поэтому в своем сотрудничестве опираются на синергию ценностей и интересов. Во второй выявлена сущность плана Маршалла, который строится на трех основах, нюансированных в более чем ста идеях. К этим основам отнесены экономическая активность, торговля и занятость; мир и безопасность; демократия и верховенство права. Платформой плана, расписанной в третьей главе, являются развитие сельского хозяйства и обеспечение продовольственной безопасности; защита природных ресурсов; развитие энергетики и инфраструктуры; обеспечение надлежащей гуманитарной политики в области здравоохранения, образования и социальной защиты. В заключительной части плана выявлены перспективы его реализации, которые, по мнению правительства ФРГ, весьма оптимистичны.

Трудности и проблемы реализации немецкого плана Маршалла для Африки

Однако до того, как был сформулирован план, официальные лица Германии провели совсем немного предварительных консультаций с африканскими странами, что объяснимо остротой момента и необходимостью срочных действий. Такая поспешность привела к целому ряду проблем.

Сначала Германия продемонстрировала готовность договориться со многими, если вообще не со всеми странами Континента, даже с теми, что бьют рекорды в области насилия над собственным населением и имеют слабое представление о правах человека, но могут быть полезны в пресечении новых потоков мигрантов. К числу таких государств относится, например, Судан, где Германское общество по международному сотрудничеству координировало проект ЕС, направленный на укрепление суданских усилий по выявлению и задержанию мигрантов. В рамках проекта осуществлялись подготовка и оснащение пограничной полиции, помощь в создании двух лагерей для беженцев и мигрантов. Однако сотрудничество Германии с авторитарным суданским режимом на самом деле только укрепило его. Среднестатистическое африканское правительство, как правило, не стремится извлечь прибыль из развития отечественной экономики, оно полагается на помощь международных доноров и использует ее в своих интересах. Кроме того, хотя стабильное государственное управление в африканских государствах со второй половины и до конца 80-х гг. XX в. и связано с правлением целого ряда харизматичных лидеров, однако среди них было немало автократов и диктаторов (Мобуту Сесе Секо, Мохаммед Сиад Барре, Жан Бедель Бокасса), а также неоднозначных монархов, объеди-

нявших полиэтнические государства самими разными средствами (Хайле Селассие I).

Немногие из африканских лидеров, таких как Кваме Нкрума (Гана), Джо-мо Кеньятта (Кения), Юлиус Ньерере (Танзания и Танганьика) и Кеннет Каунда (первый премьер Замбии), пытались войти в истинно партнерские отношения с европейскими экономическими интересами, разрабатывая новые концепции и треугольники отношений. Но столкнулись с серией внутренних кризисов, спонсируемых, в том числе, и зарубежными странами, что послужило уроком для многих других, которые могли бы последовать их примеру. Политические элиты многих стран Африки часто неспособны руководить государством, превращаясь в диктаторов, как Мугабе в Зимбабве, Иди Амин в Уганде или Бокасса в ЦАР, играющих одновременно роли прозападных марионеток и бандитов, которые расхищают ресурсы Африки в обмен на личные блага.

В «Ключевых принципах политики федерального правительства в Африке» была поставлена задача углубления знаний немецких профи о специфике африканских политических субъектов. Отсутствие ее реального решения привело к тому, что политические элиты Судана воспользовались немецкой помощью для того, чтобы интенсифицировать насилие в Дарфуре и гонения на другие меньшинства в стране. Получается, что, сдерживая мигрантов, Германия множит ряды беженцев. Такая же ошибка была допущена и в 2016 г., когда по просьбе тогдашнего министра иностранных дел Германии Зигмара Габриэля страна выделила 3,9 млн евро Ливии на улучшение условий содержания беженцев и мигрантов. Однако ливийское руководство не контролирует значительную часть страны и обвиняется международным сообществом в

нарушениях прав человека, в том числе в отношении мигрантов и лиц, ищущих убежище. Должностные лица Германии настаивают на том, что выделенные деньги не предназначались на поддержку этого правительства, но косвенно они все-таки помогают легитимировать его.

Правительство ФРГ осознает эти проблемы, поэтому оно стало более осторожно относиться к тому, с кем решило работать, активизировав сотрудничество со странами, которые ориентированы на реформы и доказали свою волю к ним, обеспечив верховенство закона и политическое участие всех граждан. По этой причине Руанда и Эфиопия, которые первоначально вошли в число первых семи стран, заинтересованных в Плане Маршалла, так и не стали партнерами Германии по инвестициям или реформам из-за существующих в них проблем соблюдения прав человека³⁷. Сложность, однако, заключается в том, что в Африке существует множество стран с авторитарным режимом правления, и во многих из них есть интересы и Германии, и ЕС. Механизмов избежания вероятности, что выделяемые деньги не пойдут на поддержку этих режимов, пока не существует. При этом Германия, направляя колоссальные транши африканским государствам, порождает у них синдром иждивенчества, зависимости от стран Запада, патернализм евроатлантического пространства над Континентом.

Другая проблема состоит в следующем: некоторые африканские лидеры дали понять, что Германия просто навязывает им экономические стратегии в собственных интересах. На мероприятии в Берлине, организованном накануне саммита G-20 в Гамбурге, президент Гвинеи Альфы Конде, нынешний председатель Африканского союза, заявил: «Нам нужны партнеры..., но ес-

ли мы хотим создать водохранилище, то мы хотим быть хозяевами, а не субподрядчиком для немецкой или европейской компании... Мы не хотим, как нищие, протягивать руки и просить денег» [Green 2017]. Африканские элиты конкурируют друг с другом в деле защиты своей экономической территории и той роли, которую они играют в ней в качестве агентов. Они наблюдают за тем, чтобы иностранные компании не работали непосредственно на африканском рынке без их разрешения, за тем, чтобы иметь собственный прямой доступ к потребителю, за улучшением доступа африканцев к капиталу и рынку труда. Африканские лидеры, помимо прочего, часто избегают выстраивания как продуктивных отношений с гражданами управляемой ими страны, так и двусторонних отношений со странами Запада, ведя бесконечные переговоры с Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими международными организациями, которые в итоге начинают объяснять африканскому лидеру, в чем именно нуждаются граждане его страны. По этой причине африканское население, как правило, отстранено от планирования долгосрочной политики в своих странах. Поскольку нищета, голод, деградация политических элит и криминализация экономики, межплеменные противоречия продолжают сохраняться, то ожидать реального успеха немецкого плана Маршалла в среднесрочной перспективе по меньшей мере трудно.

Заключение

На ключевые исследовательские вопросы статьи: существует ли противоречие между политикой Германии в об-

ласти обеспечения гуманитарной безопасности в Африке и задачами обеспечения национальной безопасности самой Федеративной Республики? в какой мере эта политика есть практика бескорыстного поставщика гуманитарной безопасности странам третьего мира, а в какой – средством усиления своего влияния на Континенте? – можно ответить следующим образом. Германия действительно осуществляет достаточно эффективную гуманитарную политику в Африке, но эта политика призвана не просто решить задачу достижения общего благосостояния Континента (а эта задача ставится всерьез), но параллельно защитить саму Германию – и политически, и экономически. В конечном счете, задача сводится к упрочению положения Африканского континента в качестве зоны процветания как его самого, так и немецкого/европейского бизнеса. Эффективность политики обеспечения гуманитарной безопасности определяется экономоцентричным подходом ФРГ к континенту, где главные цели – рост ВВП и рост занятости, особенно среди молодежи. Стратегическое направление – создание через африканское партнерство новых немецких «трудовых резервов» в Африке, как это было в колониальную эпоху с 1800-х до 1960-х гг.: европейские горняки и поселенцы-фермеры использовали дешевые принудительные работы на захваченных землях для производства и добычи сырья. В отличие от тех времен, сегодня немецкий бизнес стремится освоить внутренние промышленные и сельскохозяйственные рынки Континента в обоюдных интересах. Безусловно, это может привести (пусть и непреднамеренно, но ожидаемо) к разорению мелких фермеров, росту неквалифицированной рабочей

силы и одновременно к росту благосостояния национальных африканских элит. В африканских странах конкуренция за иностранный капитал может «породить так называемую гонку ко дну (race to the bottom): развивающиеся экономики наперегонки создают для этого капитала самые благоприятные условия, включая снижение требований к условиям труда», что может привести к миграции населения [Зотин 2018]. Кроме того, немецкими юристам придется помочь национальным элитам разных африканских стран в работе над изменением их законодательств, необходимым для оптимизации экономического присутствия в них Германии. Можно констатировать, что между целями гуманитарной политики Германии в Африке и защитой ее национальных интересов явного противоречия нет. Немецкая и африканская стороны идут навстречу друг другу и нуждаются в этом движении, у них есть общий экономический интерес и есть общие задачи в области обеспечения безопасности. И в реализации этого интереса будут и выигравшие, и проигравшие, но какая из сторон потеряет больше – покажет время.

Список литературы

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2015) Ящик Пандоры XXI. Влияние «африканского фактора» на мировую экономику и политику все еще недооценено // Проблемы современной экономики. № 4(56). С. 96–100.

Герасимова О. (2016) Россия – Африка: Клондайк взаимодействия. Интервью с Фитуни Л.Л. (Институт стран Африки РАН) // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия «Междунар. отношения». Т. 16. № 2. С. 334–349.

Зотин А. (2018) Экономика протеста: борьба с глобализацией. Как рабочие объединяются против аутсорсинга // Коммерсант. 24 июня 2018 // <http://www.kommersant.ru/doc/3663032>, дата обращения 12.10.2018.

Корендясов Е.Н., Шарова А.Ю. (2017) Партнерство G20 – Африка: повторение пройденного или обновление? (к итогам саммита G20 в Гамбурге) // Институт Африки РАН // <https://www.inafran.ru/node/1476>, дата обращения 12.10.2018.

Black D. (2006) Mapping the Interplay of Human Security Practice and Debates: The Canadian Experience // A Decade of Human Security: Global Governance and New Multilateralisms (eds. MacLean S.J., Black D.R., Shaw T.M.), Aldershot & Burlington, VT: Ashgate, pp. 53–62.

Booth K. (2007) Theory of World Security, Cambridge: Cambridge University Press.

Duffield M. (2007) Development, Security and Unending War: Governing the World of Peoples, Cambridge: Polity Press.

Duffield M., Waddell N. (2006) Securing Humans in a Dangerous World // International Politics, vol. 43, no 1, pp. 1–23.

Green A. (2017) G20 Development Pledges Overshadowed by Climate Rift // Devex.com, July 12, 2017 // <http://www.devex.com/news/g20-development-pledges-overshadowed-by-climate-rift-90641>, дата обращения 12.10.2018.

Henk D. (2005) Human Security: Relevance and Implications // Parameters, vol. 41, no 5, pp. 91–106.

Kaldor M., Martin M., Selchow S. (2007) Human Security: a New Strategic Narrative for Europe // International Affairs, vol. 83, no 2, pp. 273–288.

Kartsonaki A., Wolff S. (2015) The EU's Responses to Conflicts in Its Wider Neighbourhood: Human or European Security? // Global Society, vol. 29, no 2, pp. 199–226. DOI:10.1080/13600826.2015.1021242

Martin M., Owen T. (2010) The Second Generation of Human Security: Lessons from the UN and EU Experience // *International Affairs*, vol. 86, no 1, pp. 211–224. DOI:10.1111/j.1468-2346.2010.00876.x

Mckee K. (2009) Post-Foucauldian Governmentality: What Does It Offer Critical Social Policy Analysis? // *Critical Social Policy*, vol. 29, no 3, pp. 465–486.

Montgomery J. (2018) Spain's Socialist Government Vows to Dismantle Border Fences Obstructing African Migrants // [HYPERLINK "https://ru.wikipedia.org/wiki/Breitbart_News"](https://ru.wikipedia.org/wiki/Breitbart_News) \t "_blank" Breitbart News, June 15, 2018 // <http://www.breitbart.com/london/2018/06/15/spains-socialist-government-dismantle-border-fences-obstructing-african-migrants/>, дата обращения 12.10.2018.

Thompson B.C. (2016) The European Union's Human Security Discourse // *The Korean Journal of International Studies*, vol. 14, no 1, pp. 161–188. DOI:10.14731/kjis.2016.4.14.1.161

Tuchman J. (1989) Redefining Security // *Foreign Affairs*, vol. 68, no 2, pp. 162–77.

Ullman R. (1983) Redefining Security // *International Security*, vol. 8, no 1, pp. 129–153.

Youngs R. (2008) Fusing Security and Development: Just Another Euro-platitude? // *Journal of European Integration*, vol. 30, no 3, pp. 419–437. DOI:10.1080/07036330802142079

The EU's Humanitarian Policy in Africa and Migration Crisis

Marina A. KUKARTSEVA

DSc in Philosophy, Professor, Department of International and National Security, Diplomatic Academy of Russian Ministry of Foreign Affairs. Address: 53/2, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation. E-mail: mkukartseva@gmail.com

CITATION: Kukartseva M.A. (2018) The EU's Humanitarian Policy in Africa and Migration Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 142–163 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-142-163

ABSTRACT. *The article considers the essence and peculiarities of realizing of human security in the EU external policy in general and specifically in Africa. The article reveals the principles of the EU interest in Africa as a focus of their humanitarian policy: phantoms of the collective memory of the political class of Western European countries, huge potential of resources and markets, migration and terrorist threat. It is argued that this policy is considered by the EU as its strategic foreign policy narrative, in the course of which the Union, while ensuring the security of the African continent, primarily realizes its own interests. Specific features of the interpretation of this narrative in official documents of Germany as a key member of the EU are specified. It is revealed that Germany aims to play a major role in shaping European policy towards the African continent, and the specificity of its approach is economic-centric, which distinguishes it from the EU's general approach to Africa. The key question of the article is how is disinterested Germany's role, despite its permeation with the spirit of liberal values as a supplier of human security to African countries. It is shown that the discrimination of refugees and migrants in migration flows in the EU emphasized the importance of the Union's activities in ensuring human security in Africa. In accordance with its goal to become the leading actor of the EU policy on the continent, its role as a leader of the liberal world and the peculiarities of the*

consequences of the migration crisis for the political and party system of the country and the stability of the social state, Germany proposed the German "Marshall Plan" for Africa as a concretization of its humanitarian policy on the continent. The parameters of this Plan, its advantages and implementation difficulties are considered. It is concluded that the Germany's approach to Africa, on the whole, indisputably contributes to the latter's development. At the same time, it is to a large extent focused on solving the tasks of ensuring national security of Germany itself, promoting the interests of German business, creating new German "reserves" in Africa through the African partnership. In this bi-directional process there is no obvious contradiction, but the results of this process can become ambivalent.

KEY WORDS: Africa, EU, Germany, migration, human security, Germany's Marshall Plan with Africa, foreign policy, diplomacy

References

- Abramova I. O., Fituni L. L. (2015) Yashchik Pandory XXI. Vliyaniye «afrikan-skogo faktora» na mirovuyu ekonomiku i politiku vse eshhe nedootseneno [Box of Pandora's Box XXI. The Influence of the "African Factor" on the World Economy

and Politics Is Still Underestimated]. *Problemy sovremennoj ekonomiki*, no 4(56), pp. 96–100.

Black D. (2006) Mapping the Interplay of Human Security Practice and Debates: The Canadian Experience. *A Decade of Human Security: Global Governance and New Multilateralisms* (eds. MacLean S.J., Black D.R., Shaw T.M.), Aldershot & Burlington, VT: Ashgate, pp. 53–62.

Booth K. (2007) *Theory of World Security*, Cambridge: Cambridge University Press.

Duffield M. (2007) *Development, Security and Unending War: Governing the World of Peoples*, Cambridge: Polity Press.

Duffield M., Waddell N. (2006) Securing Humans in a Dangerous World. *International Politics*, vol. 43, no 1, pp. 1–23.

Gerasimova O. (2016) Rossiya – Afrika: Klondajk vzaimodejstviya. Interv'yu s Fituni L.L. (Institut stran Afriki RAN) [Russia–Africa: Klondike of Interaction. Interview with Fituni L.L. (Institute of African Countries, RAS)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya «Mezhdunarodnyye otnosheniya»*, vol. 16, no 2, pp. 334–349.

Green A. (2017) G20 Development Pledges Overshadowed by Climate Rift. *Devex.com*, July 12, 2017. Available at: <http://www.devex.com/news/g20-development-pledges-overshadowed-by-climate-rift-90641>, accessed 12.10.2018.

Henk D. (2005) Human Security: Relevance and Implications. *Parameters*, vol. 41, no 5, pp. 91–106.

Kaldor M., Martin M., Selchow S. (2007) Human Security: a New Strategic Narrative for Europe. *International Affairs*, vol. 83, no 2, pp. 273–288.

Kartsonaki A., Wolff S. (2015) The EU's Responses to Conflicts in Its Wider Neighbourhood: Human or European Security? *Global Society*, vol. 29, no 2, pp. 199–226. DOI:10.1080/13600826.2015.1021242

Korendyasov E.N., Sharova A.Yu. (2017) Partnerstvo G20 – Afrika: povtore-

nie projedennogo ili obnovenie? (k itogam sammita G20 v Gamburg) [G20 – Africa Partnership: Repetition or Renew? Follow-up to the Outcome of the G20 Summit in Hamburg]. *Institute of African Countries*. Available at: <http://www.inafran.ru/node/1476>, accessed 12.10.2018.

Martin M., Owen T. (2010) The Second Generation of Human Security: Lessons from the UN and EU Experience. *International Affairs*, vol. 86, no 1, pp. 211–224. DOI:10.1111/j.1468-2346.2010.00876.x

Mckee K. (2009) Post-Foucauldian Governmentality: What Does It Offer Critical Social Policy Analysis? *Critical Social Policy*, vol. 29, no 3, pp. 465–486.

Montgomery J. (2018) Spain's Socialist Government Vows to Dismantle Border Fences Obstructing African Migrants. *Breitbart News*, June 15, 2018. Available at: <http://www.breitbart.com/london/2018/06/15/spains-socialist-government-dismantle-border-fences-obstructing-african-migrants/>, accessed 12.10.2018.

Thompson B.C. (2016) The European Union's Human Security Discourse. *The Korean Journal of International Studies*, vol. 14, no 1, pp. 161–188. DOI:10.14731/kjis.2016.4.14.1.161

Tuchman J. (1989) Redefining Security. *Foreign Affairs*, vol. 68, no 2, pp. 162–77.

Ullman R. (1983) Redefining Security. *International Security*, vol. 8, no 1, pp. 129–153.

Youngs R. (2008) Fusing Security and Development: Just Another Euro-platitude? *Journal of European Integration*, vol. 30, no 3, pp. 419–437. DOI:10.1080/07036330802142079

Zotin A. (2018) Ekonomika protesta: bor'ba s globalizatsiej. Kak rabochie ob'edinyayutsya protiv autsorsinga [The Economy of Protest: the Fight against Globalization. How Do Workers Unite against Outsourcing. *Kommersant*, June 24, 2018. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/3663032>, accessed 12.10.2018.

Партнерство США и стран Африки в борьбе против терроризма при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы

Даниял Сайгидгусейнович МАГОМЕДОВ

соискатель кафедры политической теории, МГИМО (У) МИД России.

Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76.

E-mail: danyalmm1985@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Магомедов Д.С. (2018) Партнерство США и стран Африки в борьбе против терроризма при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 164–181. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-164-181

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается взаимодействие стран Африки и США в контексте противостояния глобальному терроризму при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы. Утверждается, что на рубеже 2010-х гг. повысилась значимость африканского направления в общей контртеррористической политике США ввиду активизации исламистов в странах Западной Африки и нового витка гражданской войны в Сомали. Это привело к усилению военного присутствия и интенсификации отношений с партнерами, на которых американцы и стремились возложить основную борьбу против радикалов. Основными направлениями борьбы с терроризмом стали: оказание технического содействия странам-партнерам по развитию сил специального назначения; выстраивание субрегиональных механизмов по координации контртеррористических действий; активизация сотрудничества в финансовой сфере; проведение отдельных силовых операций, преимущественно силами БПЛА. В итоге именно африканское направление оказалось наиболее успешным воплощением стратегии Б. Обамы, направленной на уменьшение непосред-

ственной вовлеченности в конфликты за рубежом. Несмотря на то, что под влиянием арабской весны и подъема ИГ на Ближнем Востоке в 2011–2014 гг. произошла эскалация насилия в регионе, в целом основные очаги исламистского терроризма к концу 2016 г. удалось купировать. В Сомали, Нигерии и Ливии США опирались на заинтересованные местные силы, ограничив участие координацией действий партнеров, предоставлением разведданных и нанесением отдельных ударов. Французская интервенция в Мали в 2013 г. позволила переложить на европейцев основное бремя борьбы с местными исламистами. Кроме того, Египет, получающий обильную военную помощь от США, не допустил разрастания зоны действий ИГ на Синайском полуострове, однако в полной мере справиться с малочисленным местным отделением не удалось ввиду неустойчивости отношений с местными племенами, остающимися неподконтрольными центральному правительству.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терроризм, исламский радикализм, Боко Харам, контртеррористическая политика, внешняя политика США, Африка

Введение

После событий 11 сентября 2001 г. Дж.У. Буш провозгласил «глобальную войну против террора», которая на протяжении целого десятилетия во многом определяла американскую внешнюю политику. В контексте глобализации и постепенного складывания мировых структур управления США стремились закрепить мировое лидерство за счет определения глобальной повестки дня и формирования образа общего врага. Террористическая угроза легитимировала повышение расходов на национальную безопасность, включая военное строительство, укрепление контроля над мировой инфраструктурой (от инициативы ИБОР до развертывания военных баз) и прямое вмешательство в дела других стран. Различные программы по демократизации, в рамках которых выделялись средства для взращивания прозападных элит в разных странах, теперь позиционировались как меры по упреждению терроризма и условий его возникновения. Не стоит преуменьшать значение различных – пусть и ситуативных – коалиций, как для проведения интервенций в Афганистане, Ираке или Ливии, так и для борьбы с финансированием терроризма: все это также укрепляло американское лидерство. Администрации Дж.У. Буша удалось найти ту идею, которая оказалась позитивно воспринята правительствами многих государств, особенно теми, которые испытывали проблемы с экстремистскими и сепаратистскими движениями, а потому получили возможность представить своих оппонентов как террористов, а себя – участниками глобальной войны против террора.

Мы выбрали более узкий объект исследования, а именно партнерство США и стран «черной Африки» (которые не входят в т.н. «Большой Ближний

Восток» от Марокко до Афганистана) в контексте контртеррористической политики США при администрациях Дж.У. Буша и Б. Обамы. Отечественные исследователи касались данного вопроса только в контексте проблем террористической угрозы на Африканском континенте, однако вне рамок американской контртеррористической стратегии в целом (стоит отметить статьи В.И. Батюка, В. Филиппова, Л.В. Ивановой, Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамовой, Е.А. Елькина, Т.Б. Аничкиной, К.В. Мещериной, Т.В. Крюковой, Н.А. Жерлицыной, И.В. Пономарева [Батюк 2007; Иванова 2013; Фитуни, Абрамова 2014; Елькина 2014; Мещерина 2015; Крюкова 2016; Аничкина 2008; Жерлицына 2016; Пономарев 2017]). Отдельно упомянем работы А.Ю. Урнова, который подробно исследовал отношения США и Африки в целом во время администрации Б. Обамы [Урнов (1) 2015; Урнов (2) 2015]. Скорее именно зарубежные, прежде всего американские, исследователи склонны фокусировать внимание на том, как США реагируют на террористическую угрозу в Африке. Прежде всего, стоит выделить доклады аналитиков крупнейшего в мире «think-tank» Rand-Corporation, в которых обобщается информация по борьбе с исламизмом и даются в целом комплементарные оценки американской внешней политике [Jones, Liepman, Chandler 2016; Jones, Dobbins, Byman, Chivvis, Connable, Martini, Robinson, Chandker 2017; Rabasa, Schnaubelt, Chalk, Farah, Midgette, Shatz 2017]. Среди прочих заслуживает внимания Международный институт стратегических исследований, основанный в Британии в 1958 г. и издающий ежегодник *Military balance*. В нем приводятся обзоры как военного строительства всех стран мира, так и различных военных операций, в т.ч. контртеррористических. Однако прекрасный фактологический анализ не сопро-

вождается обобщениями с использованием распространенных в науке о международных отношениях теоретико-методологических подходов. Из обобщающих работ необходимо отметить несколько коллективных монографий, авторы которых сосредоточиваются на итогах американской контртеррористической стратегии в Африке [Rasmussen 2009; Francis 2010; Williams 2015]. Хотя в поле зрения этих авторов – усиление военного присутствия США, все они указывают на недостаточность только «жесткого» подхода, призывая укреплять моральное лидерство, углублять отношения со странами региона и сделать больший упор на гуманитарную составляющую. Пусть и не говоря это напрямую, исследователи склонны считать США глобальной империей, имеющей право вмешиваться во внутренние дела других стран под благовидными гуманитарными предложениями.

Изначально Африка являлась второстепенным фронтом войны против терроризма, ее значение стало повышаться с конца 2000-х гг. при администрации Б. Обамы. Проникновение Аль-Каиды, а затем и Исламского государства на Африканский континент, активизация гражданской войны в Сомали, внутренние конфликты в Мали и Нигерии, рост числа воинственных группировок после событий «арабской весны» – все это требовало более активного силового вовлечения. Не стоит забывать и о значительном росте экономических связей с Африкой в первом десятилетии XXI столетия. Если экспорт (как правило, высокотехнологичных товаров) вырос с 5,6 млрд долл. в 2000 г. до 18,47 млрд долл. в 2009 г., то импорт (преимущественно сырьевые ресурсы) – с 22,2 млрд до 86,05 млрд долл. При этом доля США во внешней торговле африканских стран начала постепенно снижаться из-за роста торговых отношений с Китаем, а потому борьба

за рынки потребовала усиления военно-политических рычагов влияния [Зименков 2011].

Сразу после начала «войны против террора» военная база стала создаваться в Джибути. С 2003 г. она используется для разведки и проведения отдельных операций. Ее значение определялось гражданским конфликтом в Сомали и необходимостью контролировать важные морские коммуникации, идущие через Аденский залив. Следующий этап усиления военного присутствия пришелся на октябрь 2008 г., когда было создано Африканское объединенное командование со штабом в Штутгарте. В его распоряжение передали военноморскую группировку и силы специального реагирования в Джибути. Ввиду активизации исламистов в странах Западной Африки в конце 2017 г. было объявлено о создании второй военной базы на севере Нигера, на которой должны базироваться авиационные подразделения и беспилотные аппараты.

Усиление военного присутствия свидетельствует о повышении значения африканского направления в стратегии национальной безопасности США, которые стремятся играть роль «силового брокера» в регионе. Однако это далеко не всегда означает прямую вовлеченности: проводимая политика, особенно в период администрации Б. Обамы, может послужить прекрасной иллюстрацией принципа *leading from behind*. Ввиду мирового финансового кризиса, кризисных тенденций на Ближнем Востоке и необходимости сокращать расходы на национальную безопасность американцы делали ставку на местных партнеров, оказывая платное содействие в виде поставок вооружения и подготовки войск. Более того, проводимая стратегия, которая неоднократно критиковалась за непоследовательность, балансирует между

двумя подходами, которые активно обсуждаются в самих США: военный (акцент на силовые решения) и мирный (стимулирование развития) [Rasmussen 2009, pp. 6–14]. Более того, в целом американская стратегия соответствует общей динамике отношений между африканскими странами в 1990–2000-е гг., когда местные международные институты стали брать на себя все больше ответственности за поддержание региональной стабильности [Varhola, Sheperd 2013, p. 326]. Мы выделяем два ключевых направления контртеррористической стратегии на африканском континенте: укрепление действующих региональных и государственных институтов и проекция вооруженной силы в случае серьезных гражданских войн.

О трансформации места Африки в контртеррористической стратегии и внутриконтинентальных акцентах можно судить на основе положения этого Континента в докладах о терроризме Государственного департамента США [Country Reports on Terrorism 2005–2018], которые в расширенном формате стали выходить с 2005 г. ежегодно и содержали основную информацию за прошедший год. Так, в «стратегических заключениях» за 2004–2008 гг. основное внимание уделялось борьбе против Аль-Каиды в Афганистане и Ираке. Африканский континент упоминался только в некоторых случаях: во-первых, в контексте гражданской войны в Сомали и Алжире, а во-вторых, в виде общего заключения о росте радикализации местного мусульманского населения. В период администрации Обамы намечаются некоторые изменения: африканское направление фигурирует все чаще, в некоторых случаях происходящее здесь включается в раздел «Основные тенденции», а сама информация становится все более детализированной. Так, в докладе за 2009 г. особо упоминается актив-

ность Аль-Каиды в регионе Сахеля. В последующие два года основное внимание приковано к группировке Аль-Шабаб и успехам борьбы против нее. В 2012 г. внимание сместилось на Западную Африку (кризис в Мали). А в докладе за 2013 г. среди ключевых трендов терроризма Африка вместе с Ближним Востоком попала на второе место ввиду усиления Аль-Каиды и аффилированных с нею групп в этих регионах. В дальнейшем фокус внимания в стратегическом анализе снова сместился на Ближний Восток (ввиду появления Исламского государства), однако стабильно за 2015–2017 гг. отмечались кризисные ситуации в Восточной Африке (Аль-Шабаб) и в районе озера Чад (Бoko Харам).

«Игра на предупреждение»: создание механизмов по предотвращению террористической угрозы в странах Западной Африки

Хотя африканские страны (за возможным исключением Кении и ЮАР) сложно назвать демократическими, это не смущало администрацию Дж.У. Буша в реализации серии программ, направленных на переподготовку местных армейский и полицейских подразделений и создание сил специального назначения по борьбе с терроризмом. Основная цель заключалась в том, чтобы не дать членам Аль-Каиды, изгнанным из Афганистана, обосноваться в этом регионе. В 2002 г. стартовала Транссахарская антитеррористическая программа, направленная на обучение и оснащение пограничных войск Мавритании, Мали, Нигера и Чада. В 2005 г. она была преобразована в Инициативу по борьбе с терроризмом в Сахарском регионе, к ее участникам также присоединились Алжир, Марокко, Тунис, Сене-

гал и Нигерия [Филиппов 2012]. Кроме того, в 2004 г. Буш запустил Программу по обучению и оснащению сил оперативного реагирования африканских государств (African Contingency Operations Training and Assistance), которая в дальнейшем расширилась до Глобальной инициативы по поддержанию мира. Ее цель – обучать и оснащать войска развивающихся стран, чтобы они могли поддерживать порядок и бороться с терроризмом. Сахарский регион до этого никогда не являлся серьезным источником террористической угрозы, а потому можно говорить, что произошла секьюритизация политических контактов США с местными странами. Движателем описанных инициатив являлось Европейское командование, которое ввиду усиления позиций Центрального командования, ответственного за проведение операций в Ираке и Афганистане, искало пути сохранения доминирующих позиций в военной системе США. Так, в 2005 г. была запущена Охранная инициатива в Гвинейском заливе: в течение десяти лет всем десяти прибрежным странам Западной Африки военно-морские силы оказывали содействие в усилении морской безопасности [Rasmussen 2009, p. 9]. Параллельно министерство обороны заключило договоры с Сенегалом, Сан-Томе и Принсипи, Либерией, Ганой, Нигерией, Габоном, Замбией, Намибией и ЮАР, по которым американцы получали доступ к военной инфраструктуре этих стран.

Согласно Докладу о противодействии терроризму за 2009 г., из всех африканских стран (за исключением тех, сотрудничество с которыми развивается в рамках Транссахарского контртеррористического партнерства) наиболее тесное сотрудничество США наладили с Бурунди (подготовка контингентов для операции в Сомали), Эфиопией (тренировка войск, содействие в борьбе с финансированием террориз-

ма), Габоном, Руандой (обучение вооруженных сил), Ганой (подготовка военно-морского флота для борьбы с пиратством), Кенией (обучение армейских частей и оснащение военно-морских сил), Нигерией (оснащение границы, подготовка сил специального назначения) и ЮАР (содействие в разработке мер контртеррористической безопасности в преддверии ЧМ по футболу 2010 г.).

Ввиду активизации исламистов в странах западной и северной Африки и нового витка кризиса в Сомали администрация Б. Обамы приняла дополнительные меры по противодействию терроризму. Так, серьезное внимание было уделено механизмам международной группы по финансам (Financial Action Task Force), которая занимается координацией действий по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Под ее эгидой созданы две дополнительные группы в Африке: Восточная и Южная Африканская группа по борьбе с отмыванием денег (ESAAMLG) и Межправительственная оперативная группа по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (GIABA).

Аналогично США действовали и в регионе Сахары, где произошла определенная трансформация Транссахарского контртеррористического партнерства за счет усиления акцента на выстраивание отношений в духе «помочь другим – помочь самим себе». Глава Бюро по противодействию терроризму в Госдепе Б. Бенджамина в ноябре 2009 г. отмечал, что именно отделение Аль-Каиды в Магрибе (основанное в 2006 г.) представляет постоянную угрозу. В качестве успеха он отметил сужение активности террористов на севере-востоке Алжира, признавая, что в Мавритании и на севере Мали ситуация далека от желаемой. Ключевым механизмом называлось взаимодействие в рамках

Транссахарского контртеррористического партнерства: США координировали выработку общей стратегии противоборства Аль-Каиды между странами региона, а также оказывали техническое и материальное содействие. Более того, стала налаживаться координация между тремя ведомствами, ответственными за проведение программы: Государственным департаментом (публичная дипломатия и содействие реформам), Агентством по международному развитию (гуманитарная помощь населению, улучшение образования и создание рабочих мест) и министерством обороны (переподготовка и переоснащение вооруженных сил). В 2008–2016 гг. приоритетными направлениями стали Нигер, Чад и Буркина-Фасо, Мали и Мавритания. Среди конкретных успехов назывались поражения исламистских групп в Мавритании в 2010–2011 гг., а также участие подготовленной в рамках данного партнерства специальной бригады Чада в операции 2011 г. по освобождению северного Мали от террористов.

Вместе с тем США на протяжении двух администраций Дж.У. Буша втягивались в проблемы военной безопасности на Африканском континенте, о чем свидетельствует выделение специального африканского командования вооруженных сил США (Африком). Это связано с необходимостью непосредственно бороться с терроризмом и укрепить собственное влияние на Африканском континенте, богатом полезными ископаемыми (включая и энергоносители), за которые активную борьбу с 2000-х гг. стал вести Китай. Отметим и важность нефти, поставляемой в 2000-е гг. с африканского континента в США: существовали прогнозы, что в 2015 г. она составит четверть американского импорта. Соответственно, укрепление позиций в Африке рассматривалось как гарантия стабильности

энергетических поставок. Весьма показательно, что в директиве президента о создании Африканского командования вооруженных сил США, указывалось в качестве цели «укрепление наших усилий, направленных на возвращение мира и безопасности народам Африки и продвижение общих целей развития, здравоохранения, образования, демократии и экономического роста на Африканском континенте». Для реализации этой цели выбрана и нетипичная, военно-гражданская структура командования: из четырех заместителей командующего только двое являются военными. Впрочем, само создание командования не привело к увеличению численности военнослужащих: основная задача данной структуры – усилить координацию деятельности военных и гражданских чиновников [Аничкина 2008]. Это вписывалось в общую стратегию военного строительства США, ориентированную на повышение мобильности, гибкости в управлении, а также способности оперативно и одинаково эффективно реагировать на различные угрозы [Батюк 2008]. Отметим, что всего к этому времени на Континенте находилось порядка 3,5 тыс. солдат: 2 тыс. на военной базе в Джибути и 1,5 тыс. на временной основе в других странах [Урнов (1) 2015, с. 3]. Эти цифры наиболее ярко свидетельствуют о нежелании США напрямую быть вовлеченными в конфликты и о стремлении использовать иные инструменты.

Стоит подчеркнуть, что напряженность в этом регионе обусловлена прежде всего перманентным кризисом государственных институтов (Чад, Нигерия, Нигер, Мали, Ливия и Буркина-Фасо), а также продолжающейся гражданской войне в Алжире, который стал источником появления радикальных исламских групп. Свою роль сыграли и народы, оказавшиеся по разные сто-

роны существующих границ: берберы, туареги и канури (последние разделены между Нигерией и Чадом). Экономическая и социальная депривация приводили к росту недовольства, которое становилось этническим, а мобилизация социальных низов эффективно осуществлялась под лозунгами создания независимых государств [Филиппов, Дико 2016]. Это, в свою очередь, оказалось питательной почвой для радикальных исламских идей. При этом в экономическом плане речь шла о борьбе за контроль как над ресурсами, которые относятся к сфере «теневой экономики» и чьи пути поставки в Европу пролегают через эти территории (наркотики и оружие), так и над теми, что добываются на территории этих государств. Если «транзитные» ресурсы фактически монополизированы туарегами, то за местные идет активная борьба, в которую вовлекаются и другие государства [Филиппов 2015, с. 170]. В частности, на территории расселения туарегов и берберов сосредоточено около 1/5 мировых запасов урана. Причем в ходе развернувшегося в конце 2000-х гг. противостояния пострадали интересы не только западных стран, но и прежде всего Китая (именно благодаря его инвестициям происходит добыча урана в Нигере).

Первые попытки исламистов Аль-Каиды проникнуть в этот регион и использовать религиозный фактор были предприняты еще в 2000-е гг. Так, в 2002 г. эмиссар Абу Мухаммед попытался склонить на сторону Аль-Каиды лидера Салафитской группы проповеди и джихада Хасана Хуттаба в Алжире, однако потерпел поражение, а вскоре был убит алжирскими войсками. В 2004 г. Аль-Каида попыталась заручиться поддержкой туарегских племен на севере Мали, однако идеи всемирного джихада не получили популярности у племенной верхушки. Более того,

в 2006 г. произошел очередной виток противостояния между «черным» югом и «арабским» севером, когда туареги атаковали ряд военных учреждений, по итогам скорых переговоров удалось достичь перемирия, а одним из пунктов соглашения стала борьба уже самих туарегов против радикальных исламистов [Филиппов, Дико 2016, с. 283]. В конечном счете исламистские идеи получили популярность лишь у небольшой части местного населения, а с отдельными повстанческими группировками на севере Мали и Нигера удалось справиться либо правительственными силами, либо посредством коалиции с местными государствами. Так, в 2010 г. Алжир, Мали, Нигер и Мавритания учредили совместный военный комитет, под эгидой которого в том же году прошли два успешных рейда против исламистов на севере Мали, а в 2011 г. – на западе страны [Филиппов 2013]. Примечательно, что и достаточно молодое исламистское движение Африки в 2010–2013 гг. претерпело раскол. В основе лежали межэлитные противоречия, а также недовольство африканцев своим подчиненным положением в общей структуре Аль-Каиды [Ouellet, Lacroix-Leclair, Pahlavi 2014, pp. 661–662]. От нее откололись Движение единства и джихада в Западной Африке (появилось в 2011 г., в его состав входят боевики из Мали и Мавритании), а затем Бригада подписавших кровью – Those Who Sign with Blood Brigade (образована в конце 2012 г. алжирцем М. Белмухтаром). В 2013 г. эти две организации создали группировку аль-Мурабитун [Rosato 2016, p. 117].

Более сложная ситуация сложилась в Мали: после поражения режима Каддафи в 2011 г. многие туареги, бывшие на службе у лидера Джамахирии, вернулись обратно в Мали. Гражданская война началась в январе 2012 г., когда туареги стали атаковать и занимать го-

рода на севере страны и провозгласили создание независимого государства Азават. При этом произошла религиозная радикализация. Так, в 2012 г. известный борец за независимость этого народа Айяд аг-Гали образовал группировку Защитников веры (Ансар ад-Дин), которая вступила в тесные связи с представителями более старого сепаратистского Национального движения за освобождение Азавата. В начале 2013 г. образовалась еще одна туарегская исламистская группировка – Исламское движение Азавата. Впрочем, ситуацию с распространением исламизма в регионе удалось сдержать благодаря действиям Франции, которая в рамках операции «Сервал» предприняла интервенцию в Мали; восстание туарегов было подавлено, а единство страны – сохранено [Rosato 2016, p. 117]. К началу 2014 г. исламисты были вытеснены из страны, а невозвратные их потери составили порядка 800 чел. [Мезенцев 2014, с. 22].

На фоне коррупционности и слабости официальных государственных институтов исламистские группировки вступили в тесный контакт с местными властями, племенами и различными военизированными отрядами, которые все вместе пользуются достаточно высокой поддержкой у местного населения. При этом сам ливийский кризис, начавшийся в 2011 г., привел к резкому увеличению в регионе черного рынка оружия, что также способствовало усилению террористической активности. Экономически исламистские группировки опирались на три источника ресурсов: доходы от похищения людей (прежде всего, европейских туристов), контроль над местными ресурсами (взимание подобного рода «налогов» превращало террористов в квази-государственные учреждения), наркоторговлю. Через Западную Африку и страны Сахары пролегает один

из крупнейших путей поставки южно-американского кокаина в Европу. В течение долгого времени, по утверждению представителей американских государственных учреждений, контроль над поставками осуществлялся ливанской группировкой Хезболла. В конце 2000-х гг., по мере того как Аль-Каида в Магрибе лишилась позиций на юге Алжира (в районе расселения берберов), она также стала претендовать на то, чтобы контролировать наркотрафик. В частности, интерес к данному виду бизнеса, по утверждению американских аналитиков, проявлял упомянутый М. Белмухтар. Возможно, именно поэтому он вышел из Аль-Каиды и основал собственную террористическую группировку Аль-Мурабитун [Rabasa, Schnaubelt, Chalk, Farah, Midgette, Shatz 2017, pp. 117–118].

Непосредственно же действия США были направлены скорее на то, чтобы влиять на ситуацию через официальные государственные и международные структуры региона, что было достаточно сложно ввиду тесной связи местных государственных деятелей с криминальным рынком. В частности, в начале 2010-х гг. была запущена Западно-Африканская инициатива в области безопасности, а в 2014 г. при поддержке Африканского союза – Инициатива в области управления безопасностью, которая объединила Гану, Кению, Мали, Нигер, Нигерию и Тунис. В частности, предполагались различные институциональные реформы, на что США выделили достаточно скромную сумму в 65 млн долл. [Rabasa, Schnaubelt, Chalk, Farah, Midgette, Shatz 2017, p. 107]. В 2013 г. значительные силы были выделены на развитие морской полиции Ганы. Впрочем, возможности США проецировать силу и участвовать в операциях в Западной или Транссахарской Африке оказались весьма ограничены, т.к. ближайшая военная база находится

в Джибути. Особенно серьезно это сказалось в 2014–2015 гг. на эффективности ведения действий против группировки Боко Харам в Нигерии, что заставило США в сентябре 2016 г. анонсировать создание базы для дронов в Нигере [Jones, Dobbins 2017, p.136].

Террористическая угроза и гражданская война в Сомали

Восточная Африка, и прежде всего Сомали, оказалась в центре внимания администрации Дж.У. Буша сразу после объявления глобальной войны против террора. Причина заключалась в близости этого региона к Большому Ближнему Востоку, а также необходимость контролировать транспортные пути через Аденский залив. Отметим, что в 1992–1994 гг. американцы проводили здесь гуманитарную операций, которая окончилась фактической неудачей. Этот печальный опыт заставлял искать иные способы, помимо непосредственной вовлеченности, оказывать воздействие на ситуацию. Прежде всего, акцент был сделан на политическом и экономическом сотрудничестве с Кенией, налаживании взаимодействия в военной сфере [Rasmussen 2009, p. 8]. События 2001 г. и начало глобальной войны с террором заставили несколько пересмотреть подход: уже в 2002 г. совместно с Британией и Францией стали проходить активные аэроразведывательные операции. С 2003 г. в Джибути базируется объединенная специальная боевая группа в районе Африканского Рога, перед которой поставлена задача бороться с ячейками Аль-Каиды и ее сторонниками в Восточной Африке, а именно в Джибути, Эритрее, Эфиопии, Кении, Сомали, Судане и Йемене. На эти силы возложены также задачи гуманитарного характера: поддержание инфраструктуры, снабжение

населения водой, оказание медицинской помощи. После того как в ноябре 2002 г. Аль-Каида совершила теракты в Кении, США и Великобритания направили военно-морские силы для патрулирования морских границ страны. А в 2003 г. для координации усилий американцы запустили специальную программу стоимостью в 100 млн долл., а именно Инициативу по борьбе с терроризмом в Восточной Африке (Джибути, Эритрея, Кения, Танзания и Уганда). Ее задача заключалась в стимулировании тех социальных институтов, которые способствовали бы уменьшению популярности террористических идей среди населения.

В ходе гражданской войны в Сомали американцы сделали ставку на оказание содействия (военного, технического, финансового) партнерам. В борьбе с исламистскими силами значимую роль сыграл экспедиционный корпус Эфиопии: в течение нескольких лет при поддержке США войска проходили специальную подготовку, а затем в 2006–2007 гг. нанесли поражение Союзу исламистских судов, правящему в Сомали. В 2007 г. сюда направлена миротворческая миссия Африканского союза (ММАС), порядка 20 тыс. солдат заняли Могадишо, а также юг и центр страны. Реализация гуманитарных программ осуществлялась через Межгосударственный союз по развитию (Intergovernmental Authority on Development), который объединил Джибути, Эритрею, Сомали, Эфиопию, Кению, Уганду и Судан. Еще при Дж. Буше были начаты программы подготовки специальных сил Уганды и Бурунди; в сентябре 2009 г. примерно 5 тыс. солдат из этих стран пополнили контингент ММАС в Могадишо.

Практически одновременно, в 2008 г., ухудшилась и ситуация с пиратскими нападениями на торговые суда, которые совершали жители Сомали. В

ответ была начата операция «Морской щит» по патрулированию сомалийского побережья. Вскоре к ней присоединились европейцы и флоты других государств, однако, несмотря на прилагаемые усилия, США вместе с союзниками не удалось остановить волну разбойных нападений, которая все возрастала на протяжении 2009–2011 г. [Sub-Saharan Africa 2010, р. 286]. Во многом это было обусловлено крупномасштабной засухой 2010–2012 гг., жертвами которой стали порядка 260 тыс. сомалийцев. Именно экономические причины толкали местных жителей на подобного рода «промысел» [Елькина 2014, с. 26]. В конце 2011 г. в ответ на волну захвата заложников и терактов кенийские войска с юга и эфиопские с севера вторглись в Сомали.

Таким образом, к моменту вступления в должность Б. Обамы ситуация в Африке неминуемо ухудшалась. На фоне активизации контртеррористической борьбы в Афганистане и на Большом Ближнем Востоке возникала опасность, что исламисты попытаются перебраться в африканские страны. Более того, одним из ключевых приоритетов оставалось обеспечение энергетической безопасности, а именно нефтегазовых поставок, которые осуществлялись морским путем из стран Персидского залива через Аденский пролив, в т.ч. вдоль побережья Сомали. В докладе Госдепа по терроризму за 2009 г. отмечались две основные террористические угрозы в Африке: первое место отводилось исламистским группировкам в Сомали, второе – действиям Аль-Каиды в Магрибе, в частности их политике захвата заложников с целью получить выкуп [Country Reports on Terrorism 2010, р. 13].

В итоге значительные средства ушли на подготовку вооруженных сил государств Восточной Африки (в рамках программы «Восточноафриканская

контртеррористическая инициатива»), создание управленческой и тыловой инфраструктуры [Sub-Saharan Africa 2010, р. 289]. В 2009 г. Государственный департамент основал Восточно-Африканское региональное контртеррористическое партнерство в целях развития гражданского сообщества и интенсификации контактов в сфере безопасности.

Наиболее наглядно успех американской контртеррористической стратегии можно рассмотреть на примере Сомали. Здесь достаточно сложная ситуация сложилась после вывода эфиопских сил в 2009 г. и усиления группировки аш-Шабаб. Изначально она являлась военным крылом Совета исламских судов, который в середине 2000-х гг. пытался объединить Сомали и против которого и была направлена эфиопская интервенция. Идеология аш-Шабаб, привлекавшая многих сторонников из социальных низов, базировалась на идеях сомалийского национализма, а ключевым противником являлись эфиопские войска, проводившие при поддержке США операцию по изгнанию из Могадишо Союза исламских судов [Metelits 2016, р. 92]. На первоначальном этапе значительную помощь в финансировании оказывали сомалийские мигранты из европейских и американских стран [Jones, Liepman, Chandler 2016, р. 15]. Нельзя не отметить тесную связь и с представителями Аль-Каиды, причем радикальный исламизм оказался действенным для рекрутинга будущих боевиков из социальных низов [Иванова 2013, с. 23–24]. Переломным стал рубеж 2007–2008 гг., когда во главе группировки оказался Ахмед Мухтар аль-Зубейр, больше известный как Ахмед Абди Годан. Способность преодолевать межклановые противоречия и обеспечивать порядок на захваченной территории добавили популярность аш-Шабабу. В 2008 г. она развернула успешное наступление в южных регионах страны, захватив прибрежные

территории, к ноябрю установив контроль над городом Мерка в 16 км от Могадишо. 2008–2010 гг. стали периодом максимального успеха группировки, которая захватила порядка 1/3 территории страны.

Тактика группы аш-Шабаб заключалась в проведении терактов, направленных против правительства в Могадишо и членов миссии Африканского союза в Сомали. Особым разрушениям подвергались объекты инфраструктуры, которые в условиях уже 20-летнего кризиса было сложно восстановить ввиду отсутствия средств. Финансирование (операционный бюджет составлял порядка 70–100 млн долл.) осуществлялось за счет налогообложения занятых территорий, грабительских нападений, контрабанды (включая продажу сахара и угля). В состав группировки удалось привлечь более 1000 этнических сомалийцев, либо уже эмигрировавших в Европу, либо живших на территории Кении. Успех пропаганды, которая велась и посредством интернета, объяснялся тем, что она была направлена в основном на тех сомалийцев, которые занимали маргинальное социальное положение. Вина возлагалась на «тлетворное» влияние Запада и политику «неоколониализма». Масло в огонь подлили и методы контртеррористической борьбы в самой Кении, которая в 2014 г. развернула активную политику слежки, внесудебных арестов и депортаций, что вызвало сильное раздражение среди местных сомалийцев [Kfir 2017, p. 779].

К 2010 г. аш-Шабаб превратился в исламское квази-государство, при этом росло количество террористических атак не только против центрального правительства и Африканской миссии, но и против соседних государств, прежде всего Эфиопии. С усилением исламистов можно связать и проблему роста пиратских нападений в Аденском заливе. США на этом этапе старались актив-

но не включаться в борьбу внутри Сомали, сделав акцент на вовлечение соседних стран. В частности, при поддержке американцев были подготовлены специальные силы Уганды и Бурунди, развернутые в Могадишо. В ответ аш-Шабаб объявила этим странам джихад и развернула активные террористические операции за рубежом. Наиболее крупным стал теракт в Кении, унесший жизни более 70 человек. Все это способствовало активизации давления на аш-Шабаб со стороны соседних государств при поддержке США. С февраля 2011 г. усиленные войска Африканской миссии в Сомали одержали ряд побед в прибрежной зоне. К августу 2012 г. от исламистов была очищена столица Могадишо, а в сентябре 2012 г. наземную операцию начали и кенийские силы.

На фоне поражений аш-Шабаб попыталась обратиться к более радикальной исламской идеологии. Лидер группировки Годан назвал себя эмиром и объявил всемирный джихад. В феврале 2012 г. он присягнул на верность новому лидеру Аль-Каиды Завахири. Одновременно начались нападения на международные гуманитарные организации, помогавшие местному населению. Все это, однако, привело к ослаблению поддержки группировки среди местного населения и не принесло желаемой помощи от международной сети исламистов. Более того, произошел раскол внутри самого движения. В сентябре 2014 г. в ходе американского авиаудара был убит лидер аш-Шабаб Годан. К концу 2016 г. она лишилась всех наиболее экономически выгодных районов, оказавшись зажатой в равнине реки Нижняя Джуба. Единственным прибрежным городом под ее контролем оставалась Марка [Jones, Liepman, Chandler 2016, p. 32].

Безусловно, отказ США от непосредственного вмешательства был весьма удачным решением, поскольку развертывание военной операции при-

вело бы к росту антиамериканских, исламистских и джихадистских настроений. Вместо этого Америка сосредоточилась на оказании помощи силам Африканской миссии в Сомали, а также вовлеченным в противостояние соседним странам. Речь шла прежде всего об обучении, снабжении (боевом и небоевом), предоставлении разведданных, а также об оказании содействия в управлении войсками и проведении операций. Не без поддержки США в феврале 2012 г. Совбез ООН расширил полномочия Африканской миссии за пределы собственно Могадишо¹. Не будет преувеличением сказать, что США стояли практически за всеми успехами созданной коалиции.

Адаптированная стратегия США подразумевала использование авиации и дронов для нанесения точечных ударов, а также проведение спецопераций против отдельных подразделений исламистов. Высокий уровень взаимодействия с наземными войсками позволял американцам увеличивать эффективность и точность атак с воздуха. Так, в отличие от ситуации в Ираке или Афганистане, плоды дала политика по уничтожению основных военных и политических лидеров аш-Шабаб. Ликвидация осуществлялась непосредственно во время проведения наземных наступательных операций, что приводило к дополнительной дезорганизации в управлении [Jones, Liepman, Chandler 2016, p. 50]. В 2015 г. только американскими ударами с воздуха были уничтожены более 100 высокопоставленных членов группировки². Другое направление борьбы с терроризмом заключалось в противодействии ради-

кализации сомалийцев, эмигрировавших в США. Здесь проживает порядка 46 тыс. выходцев из этого государства, причем в 2007–2008 гг. несколько десятков молодых людей вернулись в Сомали, чтобы присоединиться к аш-Шабаб. Это было связано с тотальной бедностью сомалийцев. Отсюда основные меры предполагали социальную и экономическую поддержку, причем, по мнению экспертов, уже к 2012 г. они достигли успеха [Kfir 2017, p. 781]. Отметим, что с начала активной фазы наземных боев против аш-Шабаб в 2011 г. резко снизилось количество успешных нападений пиратов на торговые суда в Аденском заливе, а с 2012 г. они прекратились вовсе (что позволило НАТО завершить операцию по патрулированию в конце 2015 г.). Впрочем, не будем забывать, что определенную роль здесь сыграли частные военные корпорации, которые самостоятельно обеспечивали безопасность частных судов.

Борьба против африканских отделений Исламского государства

События арабской весны, ослабившие государственные институты Ливии, Туниса и Египта, открыли «коридор возможностей» для радикальных исламистов, чем воспользовались представители Исламского государства. Одной из первых стала Ливия, где после свержения режима М. Каддафи не удалось стабилизировать ситуацию, а гражданская война по-прежнему шла между западными и восточными регионами, в частности между центральным

1 "Resolution 2036," S/RES/2036 (2012) // United Nations Security Council, February 22, 2012 // <https://www.government.se/globalassets/regeringen/dokument/utrikesdepartementet/sanktionspdfer/somalia/08fn-resolution-2036-2012.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

2 "Statement from Pentagon Press Secretary Peter Cook on December 2 Airstrike in Somalia". Release No: NR-462-15 (2015) // U.S. Department of Defense, December 7, 2015.

правительством в Триполи и группировкой генерала Х. Хифтара. В апреле 2014 г. игиловцы обосновались в прибрежном городе Дерна, а уже к концу года сумели захватить власть в Сирте (бывший родной город Каддафи, племенная верхушка которого после его свержения утратила влияние на политические процессы в стране). Исламисты опирались на местные кланы, хотя среди боевиков были представители многих других африканских стран. В 2015 г. участились нападения на военную инфраструктуру, более того, боевики стремились захватить ливийские нефтяные ресурсы и раскачать ситуацию в Тунисе. Американцы предпочли в борьбе против игиловцев опереться на ополчение города Мисрата, предоставив летом и осенью 2016 г. серьезную военную помощь и содействие. Это привело к тому, что к началу 2017 г. Сирт фактически был освобожден от исламистов, а сами они лишились контроля над какой-либо территорией [Jones, Dobbins 2017, pp. 112–113].

Примерно этой же стратегии придерживались США в борьбе против ячейки ИГ на Синайском полуострове. Здесь она появилась в 2014 г., насчитывала порядка тысячи бойцов и занимала небольшую прибрежную территорию у границы с Сектором Газа. Фактически деятельность игиловцев, опиравшихся на местные племена, ограничивалась проведением отдельных нападений на Израиль или подготовкой терактов (наиболее громкий – подрыв российского пассажирского самолета в 2015 г.). Поскольку серьезной угрозы эта ячейка не представляла, американцы ограничились давлением на официальные власти Египта, увязав предоставление ежегодной военной помощи с активизацией борьбы против ИГ на Синайском полуострове. Впрочем, сами египетские военные, проявлявшие излишнюю жесткость в проведении контртеррористиче-

ских операций, к концу 2016 г. не сумели добиться значительного успеха; как отмечали эксперты, летом 2016 г. количество нападений, совершенных игиловцами, даже увеличилось [Jones, Dobbins 2017, pp.143–146].

Третьим регионом на Африканском континенте, где поддержку получило ИГ, стала Нигерия. Речь идет о местной группировке Боко Харам, которая в 2015 г. на фоне поражений объявила о верности Аль-Багдади. Сама Боко Харам основана в 2000-х гг. на северо-востоке страны, ее опорой стал этнос канури, а идеология представляла собой смесь исламизма и местных националистических настроений (в их основе лежала память о халифате Сокоту) [Pieri, Zenn 2016, pp. 74–75]. Впервые группировка активизировалась в конце 2000-х гг., однако в 2009 г. правительственные силы нанесли ей серьезный урон. Усиление Боко Харам произошло в 2013–2014 гг., когда от партизанских действий она перешла к тактике захвата территории, а сами ее лидеры в большей степени стали опираться на радикальный ислам [Jones, Dobbins 2017, pp.125–130]. Более того, сфера ее деятельности распространилась и на сопредельные страны (Камерун, Нигер и Чад), где также проживают представители этноса канури.

Для борьбы с группировкой в марте 2014 г. при поддержке США были созданы международные силы специального назначения (штаб в Нджамене). Они в основном состояли из войска Нигерии и Чада, однако включали отдельные подразделения Нигера, Бенина и Камеруна. Официальный Вашингтон прежде всего оказывал помощь во взаимодействии и координации, а также в разработке операций. Однако несмотря на это быстрого успеха достичь не удалось, особенно ввиду отсутствия достаточных разведданных [Rabasa, Schnaubelt, Chalk, Farah, Midg-

ette, Shatz 2016, p. 135]. Положительным фактором стал приход к власти в Нигерии М. Бухари в 2015 г., после чего активизировалось американо-нигерийское сотрудничество в военной сфере. В общей сложности США потратили порядка 400 млн долл. на борьбу с Боко Харам. Кроме того, в 2015 г. около 300 американских солдат были направлены в Камерун для оказания содействия в проводимых операциях [Крюкова 2016, с. 58]. Другое направление стратегии заключалось в том, чтобы поддерживать создание местных народных ополчений, которые бы также давали силовой отпор исламистам. Эта стратегия дала свои плоды, когда к концу 2016 г. Боко Харам потерпела серьезное поражение, потеряв 2/3 контролируемых территорий (с 18 до 6 тыс. кв. км).

Таким образом, можно говорить о том, что именно африканское направление оказалось наиболее успешным примером воплощения стратегии, направленной на снижение непосредственной вовлеченности в силовые конфликты. Несмотря на то что под влиянием арабской весны и подъема ИГ на Ближнем Востоке в 2011–2014 гг. произошла определенная эскалация насилия в регионе, в целом основные очаги исламистского терроризма к концу 2016 г. удалось купировать. В Сомали, Нигерии и Ливии США опирались на заинтересованные местные силы, ограничив свое участие координацией, предоставлением разведданных и нанесением отдельных ударов. Французская интервенция в Мали в 2013 г. позволила переложить на европейцев основное бремя борьбы с местными исламистами. Кроме того, Египет, получающий обильную военную помощь от США, не допустил разрастания зоны действий ИГ на Синайском полуострове, однако в полной мере справиться с малочисленным местным отделением не удалось ввиду нестабильности отношений с местными племенами, оста-

ющимися неподконтрольными центральному правительству. Вместе с тем развитие ситуации в Западной Африке заставило США расширить собственное присутствие в регионе – договориться с Нигером о создании собственной базы.

Список литературы

Аничкина Т.Б. (2008) Африком – новое региональное командование ВС США // Россия и Америка в XXI веке. № 2 // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=85>, дата обращения 12.10.2018.

Батюк В.И. (2007) Военная политика США: региональные аспекты // Россия и Америка в XXI веке. № 3 // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=56>, дата обращения 12.10.2018.

Елькина Е.А. (2014) Конец пиратства или просто пауза? // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 26–29.

Жерлицына Н.А. (2016) Северная Африка под прицелом терроризма // Азия и Африка сегодня. № 9. С. 6–11.

Зименков Р.И. (2011) Торгово-экономические отношения между США и Африкой // Россия и Америка в XXI веке. № 1 // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=240>, дата обращения 12.10.2018.

Иванова Л.В. (2013) «Аш-Шабаб» в Сомали: надежда на мир или угроза миру? // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 23–26.

Крюкова Т.В. (2016) Африканская сеть ИГ: «Боко Харам» // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 55–60.

Мезенцев С.В. (2014) Внутренние и международные аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Междунар. отношения и мировая политика. № 1. С. 3–28.

Мещерина К.В. (2015) «В состоянии войны»: борьба с терроризмом в север-

ном Синае // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 26–31.

Пономарев И.В. (2017) Борьба с террором в условиях информационной войны: опыт Кении // Азия и Африка сегодня. № 6. С. 25–31.

Урнов А.Ю. (1) (2015) Саммит США – Африка // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 2–7.

Урнов А.Ю. (2) (2015) США – Африка: политика администрации Б. Обамы. 2009–2014 годы. М.: Ин-т Африки РАН.

Филиппов В. (2012) Путч в Мали: причины и последствия // Российский совет по междунар. делам // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/putch-v-mali-prichiny-i-posledstviya/>, дата обращения 12.10.2018.

Филиппов В.Р. (2013) Мали: битва за уран // Мировая политика. № 2. С. 1–47 // http://e-notabene.ru/wi/article_773.html, дата обращения 12.10.2018

Филиппов В.Р. (2015) Трансграничные взаимодействия в Африке // Дневник АШПИ. № 31. С. 167–170.

Филиппов В.Р., Дико Э.Т. (2016) Мали на пути к национальному единству // Тишков В.А., Филиппова Е.И. (ред.) Культурная сложность современных наций. М.: Полит. энциклопедия. С. 274–294.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2014) Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 8–15.

Country Reports on Terrorism 2004–2017 (2005–2018) // U.S. Department of State, Washington // <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/>, дата обращения 12.10.2018.

Francis D. (ed.) (2010) U.S. Strategy in Africa: AFRICOM, Terrorism, and Security Challenges, Oxford, U.K.: Routledge.

Jones S., Dobbins J., Byman D., Chivvis C., Connable B., Martini J., Robinson E.,

Chandker N. (2017) Rolling Back the Islamic State, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Jones S.G., Liepman A., Chandler N. (2016) Counterterrorism and Counterinsurgency in Somali. Assessing Campaign against al-Shabaab, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Kfir I. (2017) Al-Shabaab, Social Identity Group, Human (In)Security, and Counterterrorism // Studies in Conflict & Terrorism, vol. 40, no 9, pp. 772–789.

Metelits C. (2016) Challenging U.S. Security Assessments of Africa // African Security, vol. 9, no 2, pp. 89–109.

Ouellet E., Lacroix-Leclair J., Pahlavi P. (2014) Institutionalization of al-Qaida in the Islamic Maghreb // Terrorism and Political Violence, vol. 26, no 4, pp. 650–665.

Pieri Z., Zenn J. (2016) The Boko Haram Paradox: Ethnicity, Religion, and Historical Memory in Pursuit of a Caliphate // African Security, vol. 9, no 1, pp. 66–88.

Rabasa A., Schnaubelt C.M., Chalk P., Farah D., Midgett G., Shatz H.J. (2017) Counternetwork: Countering the Expansion of Transnational Criminal Networks, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Rasmussen G.H. (ed.) (2009) U.S. Counter Terrorism Efforts in Africa, N.Y.: Nova Science Publishers.

Rosato V. (2016) “Hybrid Orders” between Terrorism and Organized Crime: The Case of Al Qaeda in the Islamic Maghreb // African Security, vol. 9, no 2, pp. 1–26.

Sub-Saharan Africa (2010) // The Military Balance, vol. 110, no 1, pp. 283–334.

Varhola L., Sheperd T. (2013) Africa and the United States – A Military Perspective // American Foreign Policy Interests, vol. 35, no 6, pp. 325–332.

Williams P. (2015) Enhancing U.S. Support for Peace Operations in Africa, New York: Council on Foreign Relations, Center for Preventive Action.

Partnership of the USA and African Countries in the Fight Against Terrorism under the Administrations of J.W. Bush and Barack Obama

Daniyal S. MAGOMEDOV

Applicant of the Department of Political Theory, MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia. Address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation. E-mail: danyalmm1985@gmail.com

CITATION: Magomedov D.S. (2018) Partnership of the USA and African Countries in the Fight Against Terrorism (under the Administrations of J.W. Bush and Barack Obama). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 164–181 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-164-181

ABSTRACT. *The article examines the place of African countries in the US counter-terrorism strategy under the administrations of G.W. Bush and B. Obama. It is alleged that at the turn of the 2010-s the significance of this trend has increased due to the intensification of Islamists in the countries of West Africa and the new round of the civil war in Somalia. This led to an intensification of the military presence and tightened cooperation with the allies, on which the Americans also sought to entrust the main struggle against the radicals. There are several directions of counterterrorism policy: the provision of technical assistance to partner countries for the development of special forces; the building of subregional mechanisms for coordinating counter-terrorism actions; intensification of cooperation in the financial sphere; carrying out separate military operations, mainly by UAV forces. In the end, it was the African direction that turned out to be the most successful example of Obama's "leading from the behind" strategy. Despite the fact that under the influence of the Arab Spring and the rise of the ISIS in the Middle East in 2011-2014, there was an escalation of violence in the region, in general, the main goals of combating Islamist terror-*

ism by the end of 2016 were achieved by the USA. In Somalia, Nigeria and Libya, Americans relied on the local forces concerned, restricting participation by coordinating allies, providing intelligence and striking individual blows. The French intervention in Mali in 2013 enabled the Europeans to shift the main burden of fighting local Islamists. In addition, Egypt, receiving abundant military assistance from the United States, did not allow the expansion of the ISIS's zone of operations in the Sinai Peninsula, but it was not possible to fully cope with the small local branch due to the instability of relations with local tribes that remain outside the control of the central government.

KEY WORDS: terrorism, Islamic radicalism, Boko Haram, counter-terrorism policy, US foreign policy, Africa

References

Anichkina T.B. (2008) Afrikom – novoe regional'noe komandovanie VS SSHA [AFRICOM, a New Regional Command of the U.S. Armed Forces]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, no 2. Available

at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=85>, accessed 12.10.2018.

Batyuk V.I. (2007) Voennaya politika SSHA: regional'nye aspekty [U.S. Military Policy: Regional Aspects]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, no 3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=56>, accessed 12.10.2018.

Country Reports on Terrorism 2004–2017 (2005–2018). U.S. Department of State, Washington. Available at: <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/>, accessed 12.10.2018.

El'kina E.A. (2014) Konets piratstva ili prosto pauza? [End of Piracy or Just a Pause?]. *Asia and Africa today*, no 1, pp. 26–29.

Filippov V. (2012) Putsch v Mali: prichiny i posledstviya [Coup d'Etats in Mali: Causes and Consequences]. *The Russian International Affairs Council*. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/putch-v-mali-prichiny-i-posledstviya/>, accessed 12.10.2018.

Filippov V.R. (2013) Mali: bitva za uran [Mali, the Battle for Uranus]. *Mirovaya politika*, no 2, pp. 1–47. Available at: http://e-notabene.ru/wi/article_773.html, accessed 12.10.2018.

Filippov V.R. (2015) Transgranichnye vzaimodeystviya v Afrike [Cross-border Interactions in Africa]. *Dnevnik ASHPI*, no 31, pp. 167–170.

Filippov V.R., Diko E.T. (2016) Mali na puti k natsional'nomu edinstvu [Mali Is on the Way to National Unity]. *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsij* [The Cultural Complexity of Modern Nations] (eds. Tishkov V.A., Filippova E.I.), Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 274–294.

Fituni L.L., Abramova I.O. (2014) Agressivnye negosudarstvennye uchastniki geostrategicheskogo sopernichestva v «islamskoj Afrike» [Aggressive Non-State Actors in Geostrategic Rivalry in “Islamic Africa”]. *Asia and Africa today*, no 12, pp. 8–15.

Ivanova L.V. (2013) «Ash-Shabab» v Somali: nadezhda na mir ili ugroza miru?

[Is Al-Shabab in Somalia: a Hope for Peace or a Threat to Peace?]. *Asia and Africa today*, no 12, pp. 23–26.

Francis D. (ed.) (2010) *U.S. Strategy in Africa: AFRICOM, Terrorism, and Security Challenges*, Oxford, U.K.: Routledge.

Jones S., Dobbins J., Byman D., Chivvis C., Connable B., Martini J., Robinson E., Chandker N. (2017) *Rolling Back the Islamic State*, Santa Monica, CA: Rand Coporation.

Jones S.G., Liepman A., Chandler N. (2016) *Counterterrorism and Counterinsurgency in Somali. Assessing Campaign against al-Shabaab*, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Kfir I. (2017) Al-Shabaab, Social Identity Group, Human (In)Security, and Counterterrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, vol. 40, no 9, pp. 772–789.

Kryukova T.V. (2016) Afrikanskaya set' IG: «Boko Kharam» [African Network of ISIS: “Boko Haram”]. *Asia and Africa today*, no 12, pp. 55–60.

Meshcherina K.V. (2015) «V sostoyanii vojny»: bor'ba s terrorizmom v severnom Sinae [“In a State of War”: the Fight Against Terrorism in Northern Sinai]. *Asia and Africa today*, no 12, pp. 26–31.

Metelits C. (2016) Challenging U.S. Security Assessments of Africa. *African Security*, vol. 9, no 2, pp. 89–109.

Mezentsev S.V. (2014) Vnutrennie i mezhdunarodnye aspekty krizisa v Mali i frantsuzskaya operatsiya «Serval» [Internal and International Aspects of the Crisis in Mali and the French Operation “Serval”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no 1, pp. 3–28.

Ouellet E., Lacroix-Leclair J., Pahlavi P. (2014) Institutionalization of al-Qaida in the Islamic Maghreb. *Terrorism and Political Violence*, vol. 26, no 4, pp. 650–665.

Pieri Z., Zenn J. (2016) The Boko Haram Paradox: Ethnicity, Religion, and Historical Memory in Pursuit of a Caliphate. *African Security*, vol. 9, no 1, pp. 66–88.

Ponomarev I.V. (2017) Bor'ba s terrorom v usloviyakh informatsionnoj vojny: opyt Kenii [The Fight against Terror in the Information War: the Experience of Kenya]. *Asia and Africa today*, no 6, pp. 25–31.

Rabasa A., Schnaubelt C.M., Chalk P., Farah D., Midgett G., Shatz H.J. (2017) *Counternetwork: Coutering the Expansion of Transnational Criminal Networks*, Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Rasmussen G.H. (ed.) (2009) *U.S. Counter Terrorism Efforts in Africa*, N.Y.: Nova Science Publishers.

Rosato V. (2016) “Hybrid Orders” between Terrorism and Organized Crime: The Case of Al Qaeda in the Islamic Maghreb. *African Security*, vol. 9, no 2, pp. 1–26.

Sub-Saharan Africa (2010). *The Military Balance*, vol. 110, no 1, pp. 283–334.

Urnov A.Yu. (1) (2015) Sammit SSHA – Afrika [Summit USA – Africa]. *Asia and Africa today*, no 1, pp. 2–7.

Urnov A.Yu. (2) (2015) SSHA–Afrika: politika administratsii B. Obamy. 2009–

2014 gody [USA–Africa: ObamaAdministration Policy. 2009–2014], Moscow: Institute for African Studies RAS.

Varhola L., Sheperd T. (2013) Africa and the United States – A Military Perspective. *American Foreign Policy Interests*, vol. 35, no 6, pp. 325–332.

Williams P. (2015) *Enhancing U.S. Support for Peace Operations in Africa*, New York: Council on Foreign Relations, Center for Preventive Action.

Zherlitsyna N.A. (2016) Severnaya Afrika pod pritselom terrorizma [North Africa at the Sight of Terrorism of Asia and Africa Today]. *Asia and Africa today*, no 9, pp. 6–11.

Zimenkov R.I. (2011) Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya mezhdru SSHA i Afrikoj [Trade and Economic Relations between the USA and Africa]. *Rossiia i Amerika v XXI veke*, no 1. Available: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=240>, accessed 12.10.2018.

Азия: вызовы и перспективы

Индия – Африка: торговля и инвестиции в XXI веке

Елена Аркадьевна БРАГИНА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, сектор социально-экономических проблем, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: braglen@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Брагина Е.А. (2018) Индия – Африка: торговля и инвестиции в XXI веке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 182–199. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-182-199

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются торговые связи и инвестиционные потоки между Индией и странами Африки в условиях глобализации XXI века. Масштабы и наполнение их экономического взаимодействия, определяемые уровнем развития национального хозяйства и особенностями внешнего спроса на производимую продукцию, существенно различаются. Сохраняется высокая потребность стран Африки в притоке иностранных инвестиций, особенно с учетом сильного отставания большинства из них в развитии собственных НИОКР. В межконтинентальных связях с Африкой высокая активность характерна для Индии, правительство которой в 2002 г. приняло программу «В фокусе Африка», нацеленную на постоянное развитие экономических контактов со странами континента. Существенной негативной особенностью экономических структур Индии и стран Африки остается значительная доля в их ВВП теневого сектора, что не только затрудняет адекватную оценку происходящих в этих странах хозяйственных процессов, но и отрицательно сказывается на эффективности государственных институтов. Обозначилось, хотя и неравномер-

ное по масштабам, формирование среднего класса и, как следствие, новые типы потребления, спроса и их количественный рост. Соответственно, увеличиваются и дифференцируются их внутренние рынки, что повышает интерес иностранных экспортеров и инвесторов. Особую важность представляет экономическая политика Индии в отношениях со странами Африки, в том числе с использованием «мягкой силы» в целях дальнейшего расширения своих позиций. Рассматриваются основные формы экономических связей Индии и стран Африки, растущая активность крупных бизнес-структур, ежегодные экономические саммиты на высшем уровне. В экспорте африканских стран в Индию устойчиво сохраняется высокая доля сырья, в первую очередь сельскохозяйственного, а также углеводородов. Доля африканской нефти в общем импорте Индии в 2016 г. составила 15%. Наряду с традиционным присутствием на африканском рынке ведущих стран Запада, усиливается влияние Китая как экспортера и инвестора. В конкурентной борьбе за африканские рынки растет роль японского и южнокорейского капиталов. В феврале 2018 г. страны Африки

договорились о создании общего рынка. Такая перспектива существенно обострит конкуренцию за экономические позиции в торговле и инвестициях в странах Африканского континента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобализация, Индия, Африка, теневая экономика, средний класс, покупательная способность, саммиты Индия – Африка, «мягкая сила», торговля, товарная структура, нефть, инвестиции, африканский общий рынок

Одной из характерных черт современного этапа глобализации стало нарастание изменений в экономических взаимосвязях стран – участниц мирового хозяйства. Этот объективный процесс обусловлен технологическими сдвигами, растущей конкуренцией, изменениями в средствах связи. Существенно возросла потребность Индии и стран Африки, ориентированных на индустриализацию, многих из них на модернизацию, в привлечении иностранных инвестиций как возможности доступа к современным технологиям. Масштабы, направления, содержание внешнеэкономических контактов формируют сложную систему их межгосударственных отношений.

Экономическое взаимодействие Индии и государств Африки составляет важную часть их позиционирования в мировом хозяйстве. В XXI в. его важной составляющей становятся внешние связи по принципу Юг – Юг. В их становлении и росте лидерство принадлежит Индии: «...начало было положено первым премьер-министром независимой Индии Дж. Неру, который следовал традициям Махатмы Ганди» [Chaturvedi 2016, pp. 4–5]. Влияние Индии усиливают ее экономиче-

ские успехи. По оценке МВФ, Индия в 2017 г. по размерам ВВП заняла шестое место в мире с перспективой войти в пять крупнейших государств по этому показателю.

В современных условиях практический и теоретический интерес представляет экономическое взаимодействие стран Африки и Индии, играющей особую роль в системе отношений с государствами Юга, что в целом отвечает интересам стран Африки. В принятой в 2001 г. большинством африканских стран программе НЕПАД («Новое партнерство для развития Африки») и последовавшей в 2013 г. амбициозной «Повестке 2063» (Agenda 2063) подчеркивалась необходимость для стран Африки расширять внешнеэкономические контакты с целью развития и модернизации национальных экономик¹.

Некоторые особенности экономики Индии и стран Африки

Динамичный XXI в., открывающий новые перспективы для экономических взаимосвязей между странами, корректирует сложившуюся практику в ответ на внешние вызовы и меняющиеся внутренние потребности. В этих процессах в разных масштабах участвуют различные по экономическому и политическому весу 54 страны Африканского континента и Индия. Их взаимосвязи имеют исторические корни и обрели новые черты в современных реалиях. Когда речь идет о численно больших группах стран, целесообразно объединить их по какому-либо обобщающему признаку. Длительное время в исследовательской литературе использовались категории «третий мир», «разви-

¹ Подробно см. [Морозенская 2016, с. 10–23].

вающиеся страны» для государств, окончивших с колониальным прошлым к середине XX в. Эти определения ныне трудно применить из-за их современного радикального расслоения. В статье использованы термины «периферийные страны» и даже «периферия», но они не могут быть применены к Индии, ЮАР и некоторым другим странам Африки, хотя потребность в таком обобщающем термине назрела.

Представляется целесообразным рассматривать формы экономического взаимодействия на примере безусловного лидерства Индии и ее разносторонних связей со странами Африки, среди которых важные позиции занимает Южно-Африканская Республика, экономически одна из самых развитых стран африканского континента (ВВП на душу населения в 2016 г. 5,3 тыс. долл., один из самых высоких показателей на Континенте). Обе страны – члены БРИКС, что повышает возможности их взаимодействия [Larionova, Kirton 2018, pp. 71–75]. По классификации ООН пять стран – Ботсвана, Лесото, Намибия, Эсватини (бывший Свазиленд), ЮАР – составляют регион Южная Африка, они же образуют Южноафриканский таможенный союз с ведущей ролью ЮАР. Основные позиции в экономических связях африканских стран, в первую очередь с Индией, занимают ЮАР и поставляющие нефть Нигерия и Ангола. Взаимные торго-

вые контакты большинства других государств Африканского континента с Индией менее значимы.

Во внешнеэкономических связях со странами Африки политически и экономически доминирует Индия, во многом формируя, либо существенно влияя на их масштабы и формы. Ее население, 1342 млн чел. в 2017 г., несколько выше аналогичного показателя всей Африки – 1256 млн чел. [World Population Prospects 2017, p. 1]. Традиционно по многим направлениям Индия экономически и политически связана с Южно-Африканской Республикой. Сопоставление объемов ВВП Индии и ЮАР, лидеров в своих регионах, и государств – их соседей демонстрирует значимые количественные различия между ними.

В анализе экономического взаимодействия Индии и стран Африки следует учитывать наличие в их хозяйственных структурах значительного теневого сектора. Проведенное под эгидой МВФ в 2017 г. комплексное исследование показало, что в ряде стран афро-азиатского ареала неформальный (серый, второй, нелегальный) сектор занимает существенные позиции, ограничивая тем самым масштабы официальной экономики. В качестве примера приведены данные по Индии и странам Южной Африки (табл. 1). Значительная доля неформальных отношений в производстве и занятости, скрытая от государственного учета, – одна из причин частых рас-

Таблица 1. Доля теневого сектора в экономике Индии и стран Южной Африки в 2015 г., %

	Индия	Южная Африка				
		ЮАР	Ботсвана	Намибия	Свазиленд (Эсватини)	Лесото
Доля теневого сектора	17,9	22,0	24,0	21,8	40,9	32,3

Источник: Medina L., Schneider F. (2018) Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? IMF Working Paper WP/18/17, pp. 69–76 // <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/01/25/Shadow-Economies-Around-the-World-What-Did-We-Learn-Over-the-Last-20-Years-45583>, дата обращения 12.10.2018.

хождений в статистических показателях социально-экономического состояния огромной мировой периферии.

Несмотря на неточность приведенных показателей из-за сложности определения самой категории неформальной занятости и слабости статистических служб в большинстве стран афро-азиатского ареала, очевидны существенные позиции теневой экономики. Это осложняет адекватную оценку их внутренних хозяйственных процессов и возможностей роста. Уникальным примером на африканском континенте стала Зимбабве с долей неформального сектора 60% в ВВП, что привело к ликвидации официальных хозяйственных форм, потере контроля над денежным обращением.

Существенные позиции теневого сектора во многих странах Азии и Африки означают массовый уход от налогов, сокращение поступлений в бюджет, рост неконтролируемых/незаконных денежных транзакций. Скрытая хозяйственная деятельность снижает централизованные финансовые ресурсы, которые потенциально должны использоваться государством для экономического продвижения. Их теневой сектор порядка 20–30% ВВП – признак слабости государства и его основных институтов. Как правило, это сопряжено с высокой коррупцией, переплетением интересов местного крупного бизнеса и бюрократического аппарата. Результатом теневых экономических отношений становится снижение/потеря управляемости, неспособность государственной системы страны выполнять свои функции. Показательна в этом отношении денежная реформа в Индии, проведенная правительством Н. Моди в ноябре 2016 г. с целью вывести из тени скрываемые финансовые ресурсы.

В Индии и странах Африки неформальная занятость включает значи-

тельную долю работающих в сельском хозяйстве и ремеслах, переработке и продаже продукции, в том числе мелкий бизнес, образуя неформальный рынок труда. Сюда же надо отнести нелегальную трансграничную торговлю, перемещение между соседними государствами товаров и людей, поскольку границы недостаточно защищены. Так, по некоторым оценкам, в торговых связях Индии и Бангладеш контрабанда достигает 30% [Галищева 2013, с. 350]. Совокупность этих особенностей привела к тому, что формальная (учитываемая) занятость, например, в Индии составляет приблизительно 15% всей реальной занятости. На основе анализа рынка труда Индии авторы обзора Института Мак-Кинси сделали важный вывод: «Уровень безработицы не имеет особого значения в условиях существования крупного неформального сектора», – обосновав его тем, что в периферийных странах нормой является неофициальная занятость со всеми ее негативными социальными и экономическими последствиями [Woetzel, Madgavkar, Gupta 2017, p. 8].

Когда речь идет о периферийных странах, целесообразно высказать еще одно замечание, хотя оно может быть признано спорным. В течение длительного времени неотъемлемой частью исследований большинства стран Азии и Африки было описание их массовой бедности, как следствия низких доходов, даже их отсутствия у основных слоев населения, со всеми отрицательными последствиями. По некоторым оценкам, до половины населения стран Африки все еще живет в нищете. Но эта ситуация медленно, непоследовательно начала меняться. В Африке положительную роль играет снижение числа открытых военных конфликтов между странами Континента. В начале XXI в. намечилось относительно устойчивое повышение темпов экономиче-

ского роста во многих странах Африки и, как следствие, неравномерное, но все же увеличение покупательной способности населения. Deutsche Bank связывает его с урбанизацией и формированием городского среднего класса.

Положительные сдвиги подтверждает рост расходов домохозяйств Индии с 487,7 млрд долл. в 2011 г. до 637,3 млрд в 2016 г. (в постоянных ценах). Показатели начала 2017 г. не сопоставимы с предыдущими годами, так как в связи с уже упомянутой ранее денежной реформой существенно снизились в краткосрочном периоде доходы населения. Восстановление началось во втором квартале 2018 г. скачком продаж транспортных средств – 6,9 млн автомобилей разного типа, в основном легковых, по сравнению с 5,8 млн в конце предыдущего года.

Н. Модии, выступая 25 июня 2018 г. в Мумбаи по случаю третьей годовщины работы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), подчеркнул, что нынешний век – это век Азии, и сообщил, что численность среднего класса Индии составляет 300 млн чел.² Даже при невысоких доходах, это формирует огромный потребительский рынок. Рост численности среднего класса приводит к качественным изменениям внутреннего рынка страны. Постепенно диверсифицируется спрос, опережающими темпами развивается сектор услуг, в том числе медицинских и образовательных, стимулируя национальную экономику в целом. Показательна быстро растущая доля услуг в структуре ВВП, а также в занятости в Индии и в ряде стран Африки, особенно в ЮАР. По оценкам Африканского банка развития, потребительские расходы насе-

ления в странах Континента вырастут к 2020 г. до 1,4 трлн долл. Увеличение внутреннего спроса и постепенные изменения его товарной структуры влияют на диверсификацию импорта, прежде всего, потребительских товаров.

Результаты анализа изложенных особенностей экономики Индии и стран Африки могут быть представлены следующим образом. Ограничение теневой экономики не только способно увеличить реальный сбор налогов, оздоровить государственный аппарат и основные его институты. Такая политика позволит реформировать государственные инвестиции, сделать их более эффективными. Одним из результатов может стать повышение располагаемых доходов населения. При этом ожидаемо увеличение покупательной способности населения, внутреннего потребительского спроса. Показательно, что МВФ назвал три главных двигателя экономического роста в следующем порядке – потребление, инвестиции, экспорт. Соответственно, снижение доли теневого сектора в ВВП, формирующий средний класс способствуют экономическому росту.

Индия: курс на рост экономических связей со странами Африки

Глобализация создает для участников мирового хозяйства качественно новые возможности ускорения экономического роста путем освоения современных технологий. Меняются содержание и формы внешнеэкономических связей между разными по уровню экономического развития группа-

2 PM Narendra Modi's Speech at Opening Ceremony of Third AIB Annual Meet (2018) // Financial Express, June 26, 2018 // <https://www.financialexpress.com/economy/full-text-pm-narendra-modis-speech-at-opening-ceremony-of-third-aib-annual-meet/1220855/>, дата обращения 12.10.2018.

ми стран. В этих процессах участвуют с разной степенью успешности все африканские государства. Что касается Индии, то она занимает заметные позиции в мировом товарообороте и стремится к расширению своего влияния.

В 2002 г. правительство Индии приняло программу «В фокусе Африка», получившую новые стимулы с 2014 г., когда пост премьеры занял Нарендра Моди. Предполагалось увеличение товарооборота, инвестиций и других форм экономического сотрудничества с участием индийского государственного и частного бизнеса. Важной частью этой политики стали ежегодные встречи руководителей Индии и стран Африки. Определенной вехой был состоявшийся в Дели в октябре 2015 г. 3-й форум «Индия – Африка», на котором руководители Индии принимали первых лиц 54 стран Африки, а также представителей бизнеса. В ходе его работы были отмечены рост двусторонней торговли Индии с африканскими странами за последние 10 лет и необходимость оживления взаимных экономических контактов. Была достигнута договоренность о реализации в странах Африки более 150 проектов, в том числе энергетических, финансируемых при участии Индии. Наименее развитые страны, составляющие большинство на Африканском континенте, получили дополнительные льготы на экспорт в Индию. На форуме был закреплён принцип «мягкой силы» в политике Индии по отношению к странам Африки – гуманитарное сотрудничество в образовании, здравоохранении, культуре. Было заявлено о предоставлении 50 000 стипендий на обучение студентов из стран Африки в Индии и кредита в размере 600 млн долл. фонду «Индия – Африка». Это направление особенно важно для большинства стран Центральной и Южной Африки, поскольку состояние их человеческого

капитала определено как «низкая жизнестойкость» – краткая продолжительность жизни, плохое здоровье, низкий уровень образования [Булатов 2017, с. 626]. Обсуждалась также проблема «голубой экономики», важная для многих стран Африки, поскольку безопасное пользование и защита океанских акваторий актуальны и они ждут помощи, в том числе с привлечением индийских военно-морских сил.

На заключительном заседании 3-го форума была одобрена предложенная индийской стороной мантра трех S – умение, масштаб, скорость (Skill, Scale, Speed), как характеристика взаимоотношений между странами-участницами. Были приняты обширные заключительные документы: «Основные направления стратегического сотрудничества Индии и Африки» и «Делийская декларация 3-го саммита Индия — Африка, 2015 г.». Однако они носили во многом декларативный характер и оказались существенно менее значимы, нежели конкретные экономические предложения, сделанные рядом африканских стран в декабре 2015 г. на встрече руководителей Китая и африканских государств. Это был очередной этап конкуренции двух крупнейших государств мира за позиции на Африканском континенте.

В 2016 г. политика сотрудничества со странами Африки была поддержана государственными визитами руководителей Индии, ставившими прежде всего политические цели. Президент страны Пранаб Мукерджи побывал в Гане, Кот-д’Ивуаре и Намибии, вице-президент Хамид Ансарии встретился с главами Марокко и Туниса, редко посещаемых индийским руководством. В коммюнике по итогам визитов подчеркивалось стремление к укреплению контактов и развитию сотрудничества. В том же году состоялся первый за 34 года государственный визит Н. Моди в Мозамбик – индийский ка-

питал имеет там значимые позиции в производстве стали и добыче угля, занимающего важное место в энергетическом балансе Индии (подробнее см. [Усов 2014, с. 177–180]). Государственная нефтяная компания Индии, владеющая третью акций местного крупного месторождения нефти, стремится повысить свою долю для увеличения экспорта в Индию. Ее инвестиции занимают восьмое место в иностранном капитале, вложенном в экономику Мозамбика. С целью увеличить взаимные финансовые поступления были заключены межправительственные соглашения об избежании двойного налогообложения. Преодолеть нехватку зерновых в Индии из-за неурожая в 2016 г. помогло заключение договоров о поставках Мозамбиком бобовых, основы питания бедных слоев населения Индии, и удвоении индийских закупок продовольственного зерна к 2020 г.

Африканское турне Н. Модии продолжилось в Танзании, где были подписаны соглашение о сотрудничестве в аграрном секторе и договоренность о возможности создания совместных предприятий в целях использования ее природных ресурсов. Заслуживает внимания участие Индии в функционировании аграрного сектора ряда стран Африки, поскольку Континент в целом – чистый импортер продовольствия из-за сложных климатических условий, преобладания отсталых форм хозяйствования и, как следствие, частых неурожаев. Кенийский визит Н. Модии завершился договором о сотрудничестве в оборонной сфере; правительству страны были подарены 30 полевых санитарных машин. В контексте индийской политики «мягкой силы» грант в 1 млн долл. получила библиотека имени Махатмы Ганди при университете Найроби. Была подтверждена также финансируемая правительством Н. Модии практика приглашения афри-

канской молодежи на учебу в Индию, высоко ценимая странами южнее Сахары. Причина проста: «Субсахарская Африка – единственный регион в мире, в котором не произошло массового распространения образования» [Excellence v Equity 2015, p. 4].

Африканское турне Н. Модии 2016 г. завершилось посещением ЮАР, на которую приходится основной объем индийского экспорта в Африку. В этой стране работают крупнейшие компании Индии, наряду с малым и средним бизнесом, занятым преимущественно в сфере услуг. В ходе визита Н. Модии упомянул о поддержке президентом ЮАР Дж. Зумой намерения Индии войти в состав поставщиков для реализации южноафриканской программы строительства АЭС. Однако с его стороны не было явного подтверждения такой договоренности.

В 2017 г. Н. Модии, почетный гость заседания Африканского банка развития, назвал Африку высшим приоритетом экономической политики и внешней торговли Индии. Ежегодные саммиты Индия – ЮАР стали не только формой активизации их сотрудничества, но и расширением контактов с другими государствами Африки. В ходе переговоров руководителей Индии и ЮАР на саммите в январе 2018 г. обсуждались возможности увеличить товарооборот за счет расширения контактов в оборонной сфере, энергетике, переработке сельскохозяйственного сырья. Участники отмечали, что объем взаимной торговли двух стран растет, но с заметными колебаниями, и существенного обновления товарной структуры добиться не удалось. Практические меры для исправления ситуации были недостаточно проработаны. Видимо, сказалась назревавшая отставка президента ЮАР Дж. Зумы под давлением общественного мнения, возмущенного огромными масштабами его коррупции.

Растущую роль крупного индийского бизнеса во внешнеэкономических связях Индии и ЮАР подтвердил состоявшийся 29–30 апреля 2018 г. в Йоханнесбурге Деловой саммит «Индия – ЮАР» (определение «Деловой» в названии появилось впервые) под девизом «Объединенные пониманием, нацеленные на процветание». Саммит принимал новый президент ЮАР Сирил Рамапоса, занявший этот пост 2 февраля 2018 г. после отставки Дж. Зумы. Отличительной чертой было широкое представительство крупного бизнеса, выступающего за максимизацию экономического партнерства ЮАР и Индии и взаимное улучшение инвестиционного климата. Индийская сторона предлагала увеличить свой экспорт в ЮАР, но хозяева саммита подчеркнули, что для этого необходимо ввести на индийские товары более льготные цены. Что касается экспорта в Индию из других стран Континента, то по данным торговой статистики, в 2016/17 г. число африканских стран – активных экспортеров товаров в Индию не превышало шести. Бизнесмены ЮАР интересовались также методами развития стартапов в Индии в фармацевтике, медицине, банковской сфере, страховании. Члены делегаций Индии и ЮАР провели деловую встречу с участием представителей Лесото, Ботсваны, Мозамбика и Замбии как заявку на расширение с ними экономического взаимодействия. Их представители в очередной раз выступили за либерализацию внешней торговли Индии.

Как показывают обсуждения на ежегодных саммитах Индии и ЮАР, на которые приглашали также представителей стран – соседей ЮАР по региону, их участники признавали необходимость интенсификации взаимных эконо-

мических контактов. Однако инерционность сложившейся хозяйственной структуры, прежде всего контрагентов Индии, трудно преодолевается. На саммитах повторяются намерения обновить торговый ассортимент, увеличить долю готовой промышленной продукции, но реальные сдвиги пока невелики. Постоянно растущую конкуренцию Индии составляет наступательная политика китайского бизнеса, добивающегося при поддержке своего государства роста позиций на Африканском континенте³.

Внешняя торговля в экономическом взаимодействии Индия – Африка

Внешнеторговые контакты неизменно остаются основной формой экономических связей стран Азиатского и Африканского континентов. Начало XXI в. отмечено в большинстве стран чередованием падений и подъемов темпов экономического роста с преобладанием тенденции к повышению и особой ролью Индии с темпами роста экономики в отдельные годы XXI в. до 6,5–7,5%. В докладе МВФ намечен устойчивый рост ее экономики до 7,4% в 2019 г., а в недавних публикациях этот показатель повысился до 8%. Однако в 2018 г. появились опасные сигналы – продолжился рост мировых цен на нефть и началось скачкообразное падение индийской рупии.

Индия и ЮАР минируют по масштабам товарооборота в своих регионах. Самые высокие показатели в 2017 г. представлены торговлей Индии с ЮАР (импорт 6,9 млрд долл., экспорт 4,1 млрд долл.) и Нигерией (импорт

3 South Africa-India Business Summit to Strengthen Trade, Investment (2018) // SABCNews, April 29, 2018 // <http://www.sabcnews.com/sabcnews/systems-go-india-sa-business-summit/>, дата обращения 12.10.2018.

8,3 млрд долл., экспорт 2,1 млрд долл.). Показатели торговли Индии в 2017 г. с 43 африканскими странами (табл. 2) свидетельствуют, что основные торговые потоки страны все еще связаны не с Африкой, а объем африканской торговли составляет лишь 8% ее глобального товарооборота.

Во втором десятилетии XXI в. объем внешней торговли Индии с ЮАР снизился, в том числе, из-за волатильности мировых цен и ограничений, вводимых индийской стороной (табл. 3).

В 2017 г. в товарной структуре импорта ЮАР из Индии первые 10 позиций занимали (млн долл.): минеральное топливо, включая нефть – 927,3; транспортные средства – 640,4; фармацевтические товары – 493,3; продукция машиностроения – 203,0; продукция органической химии – 158,2; зерновые – 125,8; электроника – 110,0; изделия из пластмассы – 7,9; стальной прокат – 62,3; сталь – 55,4⁴.

В экспорте ЮАР в Индию в 2017 г. в первые 10 товарных позиций вклю-

Таблица 2. Торговля Индии со странами Африки, 2017 г., млн долл.

Партнеры	Экспорт	Импорт	Товарооборот	Доля страны, %	Торговый баланс
Мир	294400	444100	738500		-149700
Африка	23695	35552	59247	100,0	-11860
ЮАР	4100	6900	11000	18,6	-2800
Нигерия	2100	8300	10400	17,6	-6200
Ангола, Египет, Гана, Танзания			< 4450	< 7,5	
Мозамбик, Кения, Алжир, Ботсвана, Судан, Сенегал, Замбия, Марокко			< 2100	< 3,5	
Кот-д'Ивуар, Гвинея, Буркина-Фасо, Маврикий, Эфиопия, Бенин			< 1200	< 2,0	
Уганда, Экваториальная Гвинея, Того, Сомали, Камерун, Мадагаскар, Демократическая Республика Конго, Тунис, Габон, Либерия, Мали, Гвинея-Бисау, Зимбабве, Конго, Гамбия, Нигер, Чад, Руанда, Намибия, Лесото, Ливия, ЦАР, Южный Судан, Мавритания			< 600	< 1,0	

Источник: составлено по данным [UN Comtrade Data 2017].

Таблица 3. Объем торговли Индии с ЮАР в 2011–2018 гг., млн долл.

	2011–2012	2012–2013	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017	2017–2018
Экспорт Индии	4731,17	5106,93	5074,29	5301,99	3588,74	3545,95	1488,30
Импорт Индии	9973,11	8887,89	6075,26	6496,52	5948,42	5833,75	2688,30
Объем торговли, всего	14704,29	13994,82	11149,55	11798,51	9537,15	9379,30	4176,60
Объем торговли в 2017–2018 гг. указан за апрель – август							

Источник: India – South Africa Relations // Mea.gov.in // https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/36_South_Africa_December_2017.pdf, дата обращения 12.10.2018.

4 Top South African Imports (2017) // [Worldsrichestcountries.com](http://www.worldsrichestcountries.com/top-south-africa-imports.html) // <http://www.worldsrichestcountries.com/top-south-africa-imports.html>, дата обращения 12.10.2018.

чены (млн долл.): минеральное топливо, включая нефть – 2400; сырье для металлургии – 604,7; целлюлоза – 258,0; продукция машиностроения – 160,4; сталь – 132,1; продукция неорганической химии – 106,6; драгоценности и драгоценные металлы – 102,8; продукция органической химии – 50,7; алюминий – 44,8; древесина – 29,5⁵.

Эксперты считают, что и впредь будет быстро расти индийский экспорт фармацевтических товаров в африканские страны. Прогнозируется устойчивый спрос на импортную металлургическую продукцию из-за низкого объема ее местного производства в странах Континента. Однако Индия не в состоянии удовлетворить потребности стран Африканского континента в аграрной продукции из-за неустойчивости ее собственного сельского хозяйства.

Вместе с тем, несмотря на бедность основных слоев населения, в странах Африки растут продажи легковых автомобилей. Это подтолкнуло крупнейшую индийскую компанию «Тата» локализовать в ЮАР выпуск трехколесного автомобиля, рассчитанного на массового покупателя, недорогого и способного передвигаться по сельским дорогам. Растет спрос на индийский текстиль и текстильные изделия, ввозимые по «справедливым ценам», т.е. относительно низким, чтобы удерживать лидерские позиции Индии в этом растущем сегменте африканского рынка. Устойчивым спросом в странах Африки, особенно в Нигерии с 50% городского населения, пользуется импортируемый из Индии высококачественный рис. В последние годы индийские фермеры пытаются его культивировать в

Африке, в том числе в ЮАР, но без особого успеха. Популярным товаром стали разнообразные пластиковые изделия, поступающие из Индии в Нигерию, доступные по цене массовому потребителю.

В ходе саммитов Индии и стран Африки постоянно подчеркивается необходимость изменить товарную структуру взаимной торговли, особенно африканских стран, в экспорте которых в Индию преобладают природные ресурсы. В экспорте Индии, преимущественно в страны Африки южнее Сахары, основные позиции занимают автомобили, телекоммуникационные и фармацевтические товары⁶. Сохраняется особая роль в экспорте крупнейших индийских торговых-промышленных групп: «Тата» (информационные технологии, автомобили), «Махиндра» (автомобили и запасные части), «Ренбакси» (фармацевтика; спрос на нее особенно высок из-за частых эпидемических заболеваний в странах Африки), успешно работают UB group (индустрия гостеприимства, транспортные услуги) и ряд других. Активную роль в укреплении деловых связей Индии со странами Африки играет Конфедерация индийской промышленности, создавшая в странах Африки комитеты по расширению профессионального образования, подготовке кадров, обмену студентами и информацией для трейдеров и инвесторов в странах Африки – конкретная реализация «мягкой силы».

На современном этапе экономика Индии требует интенсивного обеспечения моторным топливом. В 2015 г.

5 Top South African Exports (2017) // [Worldsrichestcountries.com](http://www.worldsrichestcountries.com/top-south-africa-exports.html) // <http://www.worldsrichestcountries.com/top-south-africa-exports.html>, дата обращения 12.10.2018.

6 Gurovsky J. (2017) India Continues Building Trade Ties with Africa // [Foreignpolicyblogs.com](https://foreignpolicyblogs.com/2017/07/05/india-continues-building-trade-ties-with-africa/), July 05, 2017 // <https://foreignpolicyblogs.com/2017/07/05/india-continues-building-trade-ties-with-africa/>, дата обращения 12.10.2018.

поддержкой для нее стало заметное снижение мировых цен на сырую нефть. Экономия на ее импорте составила, по оценке Резервного банка Индии, порядка 50 млрд долл., улучшив финансовое положение страны. Но мировые цены на нефть существенно выросли, как и внутренний спрос на этот энергоресурс, в связи с курсом Н. Моди «Делай в Индии», цель которого – модернизация национальной промышленности. Потребление нефти за 2006–2016 гг. увеличилось в Индии с 128,3 млн т/год до 212,7 млн т/год, (для сравнения в ЮАР – с 25,3 млн т/год до 26,9 млн т/год). Разведанные запасы нефти в Индии на конец 2016 г. составили около 600 млн т., интенсивно ведутся геологоразведочные работы, но добыча растет медленно – с 36,0 млн т в 2006 г. до 40,2 млн т в 2016 г. [BP Statistical Review of World Energy 2017; Annual Statistical Bulletin 2017]. Стратегические запасы нефти в уникальных подземных хранилищах страны достигли 39,1 млн баррелей, и планируется увеличить их втрое. ЮАР не имеет источников этого сырья, импортируя сырую нефть и нефтепродукты.

Основные потоки ввозимой Индией в 2016 г. нефти (212 млн т). поступили из стран Ближнего Востока (64%), с Американского континента (16%), доля стран-экспортеров Западной Африки – 15% [BP Statistical Review of World Energy 2017]. Нигерия, ведущий африканский поставщик нефти, заняла второе место в перечне основных торговых контрагентов Индии (табл. 2). Импорт нефтепродуктов в Индию составил в 2016 г. 30 млн т. Можно считать своего рода современным парадоксом внешней торгов-

ли Индии, что страна, зависящая от импорта нефти, выступает на мировом рынке как экспортер продукции ее переработки. В Индии действует крупнейший в мире нефтеперерабатывающий завод. При дефиците собственного сырья глобальный экспорт нефтепродуктов Индии составил в 2016 г. 61,9 млн т [BP Statistical Review of World Energy 2017]. Импорт нефти, помимо производственных нужд, необходим также для маневрирования нефтяными ценами и предотвращения нефтяных шоков. Правительство Индии поставило задачу сократить зависимость от ввоза нефти на 10% к 2020 г. Задача довольно скромная, что означает в среднесрочной перспективе необходимость для Индии значительного импорта нефти⁷.

Структура внешней торговли Индии со странами Африки меняется медленно, что связано в известной мере с инерционностью их внутреннего спроса. Обостряется конкуренция активно действующих на Африканском континенте других стран Азии, в первую очередь Китая, Японии, Южной Кореи. Экономическая политика Китая в странах африканского континента отличается особой напористостью и ведется фронтально – в торговле, инвестициях, предоставлении кредитов под низкие проценты. Возможности Индии на этом фоне не столь велики. Показателем усиливающегося присутствия Китая стал ввоз китайской рабочей силы на инфраструктурные объекты, сооружаемые в странах Африки с участием его капиталов. В перспективе усиление в первую очередь экономических позиций Китая по сравнению с Индией представляется закономерным.

⁷ Индия сокращает зависимость от импортной нефти (2017) // Regnum. 8 июня 2017 // <https://regnum.ru/news/2286090.html>, дата обращения 12.10.2018.

Глобализация трансформирует качественное содержание внешнеэкономических связей в мировом хозяйстве. На афро-азиатском направлении этот процесс тормозится из-за медленных изменений в структуре экономики большинства стран Африки, отставания инфраструктуры, хронической нехватки средств для становления современных производств.

В отдаленной, но многообещающей перспективе экономические связи Индии со странами Африки могут увеличиться согласно решению, принятому большинством африканских государств на встрече в столице Руанды Кигали в марте 2018 г. Они договорились о создании Зоны континентальной свободной торговли (The African Continental Free Trade Area, AfCFTA) на основе четырех свобод – перемещения людей, товаров, услуг и капитала. Соглашение уже ратифицировано большинством африканских государств, но ЮАР пока не вошла в их число. Разумеется, его реализация займет длительное время, степень практического участия разных стран также будет сильно отличаться, но тенденция их взаимодействия в масштабах Континента может укрепиться. Как следствие, вероятен рост конкуренции основных внешнеторговых партнеров стран Африки за расширение экономических связей не с отдельными странами, а с их объединением. Экономисты поторопились подсчитать, что потенциал будущего единого африканского рынка превысит 1,2 млрд долл.⁸ Еще одним результатом создания африканской зоны свободной торговли может стать усиление экономических позиций стран Континента, имеющих выход на окружающие кон-

тинент морские пути. Такая перспектива существенно стимулирует активность Китая, нацеленную на расширение присутствия в Африке.

Инвестиционная политика: Индия – Африка

На фоне повышательной тенденции в мировом хозяйстве обозначилась возможность увеличения инвестиционных потоков, ориентированных на остро нуждающиеся в них развивающиеся экономики. Как заявил президент Всемирного Банка Джим Ён Ким: «Налицо великолепная возможность для инвестиций в человеческий и физический капитал». В его докладе в январе 2018 г. «Перспективы мировой экономики» приведены прогнозируемые темпы роста шести основных регионов мирового хозяйства. Самый высокий показатель ожидается в Южной Азии – 6,5% по итогам 2017 г. с повышением до 6,9% в 2018 г. В странах Африки южнее Сахары показатели намного ниже – соответственно 2,4% и 3,2% в указанные годы. Совсем незначительны они у основных африканских торговых контрагентов Индии: ЮАР – 0,8% и 1,1%, Нигерия – 1% и 2,5% соответственно.

Повышение экономического роста в Индии и Африке существенно зависит от масштабов притока в их экономику иностранных инвестиций. Приведенные ниже показатели подтверждают многократное превышение объемов инвестиций в Индию и ЮАР по сравнению с аналогичными данными в окружающих ЮАР странах Южной Африки (табл. 4).

8 Intra-Africa Free Trade System Holds Great Promise for India (2018) // The Economic Times, March 24, 2018 // <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/intra-africa-free-trade-system-holds-great-promise-for-india/article-show/63446303.cms>, дата обращения 12.10.2018.

Таблица 4. Чистый приток иностранных инвестиций в Индию и страны Южной Африки в 2000–2016 гг., млн долл.

	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Индия	3584	7269	27397	28153	34577	44009	44459
ЮАР	968	6522	3693	8233	5792	1521	2215
Ботсвана	57	420	218	398	515	679	10,5
Намибия	196	393	287	788	446	1169	359
Свазиленд (Эсватини)	91	-45	136	82	26	31	27
Лесото	32	27	9,5	50	94	113	80

Источник: The World Bank. World Bank Group (US). Foreign Direct Investment, Net Inflows (BoP, current US\$) // <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=ZA>, дата обращения 12.10.2018..

Общий объем инвестиций в Индию с апреля 2000 г. по март 2017 г. достиг 331 999 млн долл., причем половина их поступила из Маврикия (33,6%) и Сингапура (16,4%). Остальные инвестиции сделаны в основном десятью странами (Япония, Великобритания, Нидерланды, США, Германия, Кипр, Франция, Объединенные Арабские Эмираты, Швейцария). Доля инвестиций, проведенных странами Африки, незначительна и не превышает по каждой из них 0,04% общего объема инвестиций в Индию в указанный период за исключением ЮАР – 418,61 млн долл. (0,13%)⁹.

Особое место в притоке иностранной валюты в Индию принадлежит ее зарубежной диаспоре, которая в большинстве поддерживает экономическую политику Н. Моди по либерализации условий для бизнеса. По оценке Всемирного банка, Индия заняла первое место в мире по сумме валютных переводов от зарубежных соотечественников – 69 млрд долл. в 2017 г. по сравне-

нию с 3,9 млрд долл. в 1991 г.¹⁰ Особенность этого притока иностранной валюты в том, что значительная его доля расходуется в стране на потребление, становясь фактором оживления внутреннего спроса. Определенная ее часть превращается в производственный капитал, стимулируя рост национального бизнеса.

В страны Африки за 2007–2016 гг. иностранные инвестиции составили 789,3 млрд долл., всего 9,3% их глобального объема за указанный период. Основные страны-инвесторы на этом направлении – Объединенные Арабские Эмираты, Великобритания и Китай. Индия заняла 6-е место по сумме инвестиций в Африку – 37,1 млрд долл. Еще одной формой поступления средств в страны Африки по официальным каналам стала в последнее десятилетие практика Экспортно-импортного банка Индии, предоставляющего кредитные линии их институциональным агентствам. К концу 2016 г. 154 кредита на сумму 7,7 млрд долл. были получе-

9 Fact Sheet on Foreign Direct Investment (FDI) from April, 2000 to March, 2017 (2017) // DIPPNic.in // http://dipp.nic.in/sites/default/files/FDI_FactSheet_January_March2017.pdf, дата обращения 12.10.2018.

10 India Remains World's Top Recipient of Remittances From Its Diaspora (2018) // Bloombergquint.com, June 22, 2018 // <https://www.bloombergquint.com/global-economics/2018/06/22/india-remains-worlds-top-recipient-of-remittances-from-its-diaspora>, дата обращения 12.10.2018.

ны 44 странами Континента¹¹. Отличительной чертой инвестирования Индии в Африку стало постоянное участие ее крупного бизнеса – нефтяных, строительных, автомобильных, телекоммуникационных компаний. Сложилась своеобразная локализация индийских инвестиций, основная часть которых пришлась на Маврикий, традиционно играющий роль «зарубежного кошелька Индии». Затем следуют Мозамбик, Египет, ЮАР и еще некоторые страны, преимущественно получающие прямые индийские инвестиции. Приток иностранных инвестиций в страны Африки нестабилен и существенно меняется по годам под воздействием мировой экономической конъюнктуры и конкретной ситуации как в странах-инвесторах, так и в странах-реципиентах (табл. 5). Так, резкое увеличение ин-

вестиций в Мозамбик в 2014 г. связано со строительством новых предприятий по добыче нефти, газа и угля.

На первом Деловом саммите «Индия – ЮАР» в Йоханнесбурге 29–30 апреля 2018 г. министр торговли ЮАР заявил, что за 2003–2017 гг. инвестиции ЮАР в Индию выросли в семь раз, но необходимо добиться их увеличения, в том числе для создания рабочих мест.

Прямые иностранные инвестиции, важная часть внешнеэкономических контактов, в возрастающей степени связаны с неравномерностью цифризации экономики в разных группах стран. Международные производственные цепочки, построенные на использовании цифровых технологий, ориентированы преимущественно на страны с адекватной научно-технической базой. Вместе с тем приток иностранных инве-

Таблица 5. Страны Африки – основные получатели инвестиций Индии в 2008–2016 гг., млн долл.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Всего в 2008–2016 гг.	Доля стран в инвестициях Индии в Африку в 2008–2016 гг., %
Мозамбик	5,9	0,0	0,3	3,6	0,5	1,9	2648,8	1,7	4,1	2666,9	52,9
Египет	423,8	7,5	13,5	24,0	62,7	40,8	14,4	9,3	6,8	602,9	12,0
ЮАР	29,0	84,7	29,5	23,6	137,0	18,9	27,6	63,9	28,3	442,5	8,8
Тунис	...	...	...	...	...	108,2	...	...	82,3	190,4	3,8
Кения	124,4	0,8	0,6	1,3	5,9	4,6	6,2	1,7	9,0	154,6	3,1
Замбия	0,1	0,6	0,9	2,0	4,1	6,7	13,6	88,1	29,4	145,3	2,9
Ливия	24,5	12,9	52,5	3,5	0,6	27,4	7,4	0,1	...	128,8	2,6
Эфиопия	1,0	3,5	3,0	4,1	2,8	4,0	42,7	14,1	21,1	96,4	1,9
Судан	55,5	16,2	13,9	0,0	0,0	...	0,0	...	...	85,7	1,7
Африка, всего*	731,5	198,7	165,7	145,6	259,3	266,8	2828,7	224,1	220,1	5040,5	100,0

* исключая Маврикий

Источник: Malancha Chakrabarty (2017) Indian Investments in Africa: Scale, Trends, and Policy Recommendations // ORFonline. org. May, 2017 // https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2017/05/ORF_WorkingPaper_IndiaInAfrica.pdf

11 An Economic Agenda for India-Africa Ties (2018) // Gatewayhouse.in, April 12, 2018 // <http://www.gatewayhouse.in/economic-plan-india-africa/>, дата обращения 12.10.2018.

стигий – необходимое условие развития такого перехода, как показано выше, – неустойчив. В докладе ЮНКТАД 2017 г. отмечено, что в число 20 крупнейших получателей ПИИ в указанных регионах вошли только Индия и Ангола [ЮНКТАД 2017, с. 7]. В 2017 г. инвестиции в страны Африки выросли незначительно.

В XXI в. объем поступлений иностранных инвестиций как тип экономических связей особо важен для периферийных стран, стремящихся преодолеть экономическое отставание. Иностранные инвестиции расширяют возможности создания современных производств. Но их приток ограничен еще и потому, что национальная техническая и научная структура стран Африканского континента не готова к их широкому освоению. Доля национальных НИОКР в странах Африки составляет 1% этого мирового показателя. Преодоление такого разрыва требует нарастающего притока иностранных инвестиций и целенаправленной государственной политики.

Подводя итоги, надо подчеркнуть важную роль Индии и периферийных стран Африки в мировом хозяйстве, определяемую в том числе их внешне-торговыми связями. Внешняя торговля как традиционная форма международного экономического сотрудничества, приобщение к современным технологиям ныне имеют для этой обширной и различной по уровню развития группы стран особое значение. Декларированная в 2002 г. интенсификация экономических связей Индии со странами Африки привела к некоторому оживлению экономических взаимосвязей на этом направлении. Однако их масштабы растут относительно медленно из-за слабости финансовой базы подавляющего большинства стран Континента, а главное – сохраняющегося отставания их

социально-экономической структуры. Из-за ограниченности товарной номенклатуры медленно меняются ассортимент взаимной торговли и ее масштабы. Степень участия Индии и стран Африки в торговых связях двух Континентов существенно различается, определяемая уровнем их экономического развития и, в известной мере, политической ориентацией. Лидирующие позиции в их взаимной торговле неизменно занимает Индия. Однако объем внешней торговли Индии со странами Африки не достигает десятой доли ее глобального товарооборота и неизменно сводится со значительным дефицитом. Для инвестиционных потоков характерна неравномерность и недостаточность объемов. В условиях необходимости проведения индустриализации/модернизации потребность Индии и стран Африки в иностранных инвестициях непрерывно возрастает. Можно предположить в перспективе рост и диверсификацию африканского направления во внешнеторговых и инвестиционных связях в результате образования африканского общего рынка.

Список литературы

- Булатов А.С. (ред.) (2017) Мировая экономика и международные экономические отношения. Учебник. М.: КноРус.
- Галищева Н.В. (2013) Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. М.: Буки Веди.
- Морозенская Е.В. (2016) Эволюция экономических стратегий африканских государств // Абрамова И.О., Морозенская Е.В. (ред.) Африка: современные стратегии экономического развития. М.: Институт Африки РАН. С. 10–22.
- Усов В.А. (2014) Особенности размещения индийских инвестиций в ми-

нерально-сырьевом комплексе африканских стран // Морозенская Е.В. (ред.) Африка: пути модернизации экономики. М.: Институт Африки РАН. С. 171–180.

ЮНКТАД (2017). Доклад о мировых инвестициях 2017. Инвестиции и мировая экономика. Нью-Йорк, Женева // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_overview_ru.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Annual Statistical Bulletin 2017 (2017) // OPEC.org // https://www.opec.org/opec_web/en/publications/4140.htm, дата обращения 12.10.2018.

BP Statistical Review of World Energy. June 2017 (2017) // BP.com // https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_ch/PDF/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Chaturvedi S. (2016) The Logic of Charing. Indian Approach to South – South Cooperation, Delhi: Cambridge University Press.

Devonshire-Ellis C. (2017) China, India Clash At Nathu La Pass, Highlighting Potential China OBOR Border Disputes // <https://www.silkroadbriefing.com/>

[news/2017/06/29/china-india-clash-nathu-la-pass-highlighting-potential-china-obor-border-disputes/](https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/06/29/china-india-clash-nathu-la-pass-highlighting-potential-china-obor-border-disputes/), дата обращения 12.10.2018.

Excellence v Equity (2015) // The Economist. Special Report Universities, March 28, 2015 // https://www.economist.com/sites/default/files/20150328_sr_univ2.pdf, дата обращения 12.10.2018.

Larionova M., Kirton J. (eds.) (2018) BRICS and Global Governance, New York: Routledge.

Woetzel J., Madgavkar A., Gupta S. (2017) India's Labour Market. A New Emphasis on Gainful Employment, McKinsey Global Institute // <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/Employment%20and%20Growth/A%20new%20emphasis%20on%20gainful%20employment%20in%20India/Indias-labour-market-A-new-emphasis-on-gainful-employment.ashx>, дата обращения 12.10.2018.

World Population Prospects. 2017 Revision (2017) // UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division // <https://www.compassion.com/multimedia/world-population-prospects.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Asia: Challenges and Perspectives

India – Africa: Trade and Investments in the XXI Century

Elena A. BRAGINA

DSc in Economics, Chief Researcher, Sector Social and Economic Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117799, Russian Federation. E-mail: braglen@mail.ru

CITATION: Bragina E.A. (2018) India – Africa: Trade and Investments in the XXI Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 182–199 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-182-199

ABSTRACT. *In article commercial relations and investment streams between India and the countries of Africa in the conditions of globalization of the XXI century are considered. Scales and filling of their economic interaction are significantly differ, determined by the level of development of national economy and features of external demand for the made production. High need of the countries of Africa for inflow of foreign investments, especially taking into account strong lag of most of them in development of own research and development remains. In intercontinental communications of Africa the high activity is characteristic of India which government in 2002 has adopted the program “In focus Africa”, aimed at continuous development of economic contacts with the countries of the continent. The considerable share in their GDP of the shadow sector remains essential negative feature of economic structures of the countries of Africa and India. It not only complicates adequate assessment of the economic processes happening in these countries, but also has an adverse effect on efficiency of the state institutes. It was designated, though uneven on scales, formation of the middle class and, as a result, new types of consumption, demand and their proliferation. Respectively, their domestic markets increase and differentiated that increases inter-*

est in access to them for foreign exporters and investors. Special importance is represented by economic policy of India in the relations with the countries of Africa, including with use of “soft power” for further expansion of the positions. The main forms of economic relations of India and the countries of Africa, the growing activity of large business structures, the top-level annual economic summits are considered. In export of the African countries to India the high share of raw materials, first of all agricultural and also hydrocarbons steadily remains. The share of the African oil in the general import of India in 2016 has made 15%. Along with traditional presence in the African and South Asian markets of the leading countries of the West, economic influence of China as exporter and investor amplifies. Influence of the Japanese and South Korean capitals grows in competition for the African markets. In February, 2018 the countries of Africa have agreed about creation of the common market. Such prospect will significantly aggravate the competition for economic positions in trade and investments with the countries of African continent.

KEY WORDS: globalization, India, Africa, shadow economy, middle class, purchasing power, summits India-Africa, “soft power”,

trade, commodity structure, oil, investments, African common market

References

Annual Statistical Bulletin 2017 (2017). OPEC.org. Available at: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/4140.htm, accessed 12.10.2018.

BP Statistical Review of World Energy. June 2017 (2017). BP.com. Available at: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_ch/PDF/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf, accessed 12.10.2018.

Bulatov A.S. (ed.) (2017) *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya. Uchebnik* [World Economy and International Economic Relations. Textbook], Moscow: Knorus.

Chaturvedi S. (2016) *The Logic of Charing. Indian Approach to South – South Cooperation*, Delhi: Cambridge University Press.

Devonshire-Ellis C. (2017) *China, India Clash At Nathu La Pass, Highlighting Potential China OBOR Border Disputes*. Available at: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/06/29/china-india-clash-nathu-la-pass-highlighting-potential-china-obor-border-disputes/>, accessed 12.10.2018.

Excellence v Equity (2015). *The Economist*. Special Report Universities, March 28, 2015. Available at: https://www.economist.com/sites/default/files/20150328_sr_univ2.pdf, accessed 12.10.2018.

Galishcheva N.V. (2013) *Indiya v mirovom khozyajstve na rubezhe vekov: vneshneekonomicheskie svyazi i vneshneekonomicheskaya politika* [India in the World Economy at the Turn of the Century: Foreign Economic Relations and External Economic Policy], Moscow: Buki Vedi.

Larionova M., Kirton J. (eds.) (2018) *BRICS and Global Governance*, New York: Routledge.

Morozenskaya E.V. (2016) *Evolutsiya ekonomicheskikh strategiy afrikanskikh gosudarstv* [Evolution of Economic Strategy of the African States]. *Afrika: sovremennye strategii ekonomicheskogo razvitiya* [Africa: Modern Strategy of Economic Development] (eds. Abramova I.O., Morozenskaya E.V.), Moscow: Institute for African Studies RAS, pp. 10–22.

UNCTAD (2017). *Doklad o mirovykh investitsiyakh 2017. Investitsii i mirovaya ekonomika* [Report on World Investments of 2017. Investments and World Economy], New York, Geneva. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_overview_ru.pdf, accessed 12.10.2018.

Usov V.A. (2014) *Osobennosti razmeshcheniya indijskikh investitsiy v mineral'no-syr'evom komplekse afrikanskikh stran* [Features of Placement of the Indian Investments in a Mineral and Raw Complex of the African Countries]. *Afrika: puti modernizatsii ekonomiki* [Africa: Ways of Modernization of Economy] (ed. Morozenskaya E.V.), Moscow: Institute for African Studies RAS, pp. 171–180.

Woetzel J., Madgavkar A., Gupta S. (2017) *India's Labour Market. A New Emphasis on Gainful Employment*, McKinsey Global Institute. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/Employment%20and%20Growth/A%20new%20emphasis%20on%20gainful%20employment%20in%20India/Indias-labour-market-A-new-emphasis-on-gainful-employment.ashx>, accessed 12.10.2018.

World Population Prospects. 2017 Revision (2017). UN. *Department of Economic and Social Affairs*. Population Division. Available at: <https://www.compassion.com/multimedia/world-population-prospects.pdf>, accessed 12.10.2018.

Юго-Восточная Азия и Африка – торговые и инвестиционные связи в XXI веке

Александр Александрович РОГОЖИН

кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.
E-mail: rogojine@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожин А.А. (2018) Юго-Восточная Азия и Африка – торговые и инвестиционные связи в XXI веке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 200–218.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-200-218

АННОТАЦИЯ. Большинство стран Африки в XXI веке сделали не только значительный шаг вперед в своем экономическом развитии в целом, но и укрепили свои позиции в мировой экономике. Одним из проявлений этого стало возникновение у стран Африканского континента новых партнеров во внешнеэкономической сфере. К африканским странам стали проявлять повышенный интерес не только азиатские гиганты – Китай и Индия, но и ведущие государства Юго-Восточной Азии (ЮВА), сравнительно недавно приступившие к внешней экспансии. Цель настоящего исследования – создание изначальной, самой общей картины того, как складывались в новом веке торговые и инвестиционные отношения между странами ЮВА и государствами Африканского континента. В отношении торговли между ними удалось, как нам кажется, прояснить ситуацию благодаря появлению в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) достаточно полной базы данных. Со стороны ЮВА рассматривались все 10 стран-участников АСЕАН. Африканский континент был представлен 47-ю странами, которые, как удалось обнаружить, поддерживали в том или ином объеме торговые связи со странами ЮВА.

Сплошной анализ статистических данных показал, что торговые операции стран ЮВА с африканскими государствами были для них выгодными: в 2010–2016 гг. они имели по этим операциям постоянное положительное сальдо. Удалось установить, что в 2010–2016 гг. основными партнерами африканских стран были Таиланд (оборот 69 млрд долл.), Сингапур (64 млрд долл.) и Малайзия (48 млрд долл.). Таиланд торговал с 46 африканскими странами, Сингапур – с 42, Малайзия – с 40. Компании из стран ЮВА рассчитывают на расширение торговли, принимая во внимание, в частности, следующие факторы: необходимость расширения и диверсификации импорта нефти и газа, а также некоторых видов промышленного сырья, отсутствующих в ЮВА; постоянно растущие возможности для расширения экспорта своих товаров в расчете на удовлетворение потребительского спроса в африканских странах в связи с увеличением численности среднего класса и роста покупательной способности населения; экспортеры из стран ЮВА рассчитывают на значительное расширение своего экспорта после вступления в силу соглашения о Зоне свободной торговли Африканского континента (African Continental Free

Trade Area) в 2022 году. Что же касается инвестиционных связей, то мы были вынуждены собирать по крупинке разрозненную и порой совершенно не сопоставимую информацию о прямых инвестициях стран ЮВА в государствах Африканского континента. В результате мониторинга инвестиционных контактов стран ЮВА на Африканском континенте удалось собрать итоговый материал, дающий общее представление об этом процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-Восточная Азия, Африка, взаимная торговля, прямые инвестиции, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Вьетнам

В начале XXI в. страны Африки вступили в фазу относительно стабильного экономического роста. Разумеется, учитывая количество стран Континента, их исторически сложившиеся многоплановые различия и весьма разнообразную экономическую политику, эта тенденция проявилась в странах Континента в разных формах и масштабах. Нельзя не отметить, что некоторые из африканских стран продемонстрировали в наступившем веке падение темпов экономического роста, стагнировали и даже стояли на грани краха своей государственности. И все же большинство в XXI в. сделали не только значительный шаг вперед в экономическом развитии в целом, но и укрепили свои позиции в мировой экономике.

Одним из проявлений этого стало возникновение у стран африканского континента новых партнеров во внешнеэкономической сфере. К Африканским странам стали проявлять повышенный интерес не только азиатские гиганты – Китай и Индия, но и ведущие государства Юго-Восточной Азии (ЮВА), сравнительно недавно приступившие к внешней экспансии. Однако

в отличие от экспансии на Африканский континент Китая и Индии, которой с начала нынешнего века посвящены десятки монографий, докладов и статей (см. работы Кена Девиса [Davies 2010], Джоэля Нг [Ng 2011], Ивара Колстада и Арне Вига [Kolstad, Wiig 2009], Цзянь-е Ваня [Jian-Ye Wang 2007] по Китаю, Прадхана Джая Пракаша [Pradhan 2005], Рабина Хаттамари и Рамкишена Раджана [Rabin, Ramkishan 2010] – по Индии), развитие экономических отношений стран ЮВА с государствами Африканского континента не получило сколько-нибудь заметного отражения в академических и иных профессиональных исследованиях. В неменьшей мере это связано с отсутствием или крайней неполнотой необходимой статистической базы.

Цель настоящего исследования – создать изначальную, самую общую картины того, как складывались в новом веке торговые и инвестиционные отношения между странами ЮВА и государствами африканского континента. В отношении торговли между ними удалось, как нам кажется, прояснить ситуацию благодаря появлению в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) достаточно полной статистики. Что же касается инвестиционных связей, то мы были вынуждены собирать по крупинке разрозненную и порой совершенно несопоставимую информацию о прямых инвестициях стран ЮВА в государствах Африканского континента. Надежной обобщающей статистики в этом сегменте отношений партнеров либо не существует вовсе, либо она не публикуется и недоступна для исследователя. В результате мониторинга инвестиционных контактов стран ЮВА на африканском континенте удалось собрать хотя и не полную, но все же дающую самое общее представление картину экспансии компаний из ЮВА.

Торговля

Оценка состояния торговых операций стран ЮВА с государствами Африки производилась нами с использованием базы данных АСЕАН. Со стороны ЮВА рассматривались все 10 стран-участников АСЕАН. Африканский континент представлен 47 странами, которые, как удалось обнаружить, поддерживали в том или ином объеме торговые связи со странами ЮВА. Избранный период – 2010–2016 гг., с одной стороны, достаточно репрезентативен, с другой – по нему имеется полная статистика. Учитывая значительные годовые колебания экспорта, импорта и, соответственно, оборота взаимной торговли упомянутых стран, мы сочли

целесообразным использовать суммарные данные за весь исследуемый период, что позволяет сделать более обобщенные выводы (см. табл. 1).

Как следует из данных таблицы 1, торговые операции стран ЮВА с африканскими государствами были выгодными: в 2010–2016 гг. они имели по этим операциям постоянное положительное сальдо. Определение среднего темпа роста взаимного товарооборота представляется нам не имеющим смысла, поскольку в исследуемый период показатели характеризуются как ростом, так и снижением.

Но насколько значима торговля с африканскими странами для государств ЮВА? Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что она для них пока ма-

Таблица 1. Состояние торговых операций стран ЮВА с государствами Африки в 2010–2016 гг., отдельные годы, млн долл.

	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
2010	21334,4	8548,2	29882,6	12786,2
2011	29825,6	23445,0	53270,6	6380,6
2012	28699,0	15811,4	44510,4	12887,6
2013	28420,0	16056,0	44476,0	12364,0
2014	28705,0	15870,6	44575,6	12834,4
2015	24493,6	9916,1	34409,7	14577,5
2016	19511,6	10811,8	30323,4	8699,8
Всего в 2010–2016	180989,2	100459,1	281448,3	80530,1

Источник: рассчитано и составлено по: ASEANstats Official Website // <https://data.aseanstats.org/trade>, дата обращения 12.10.2018.

Таблица 2. Доля стран Африки во внешней торговле государств ЮВА в 2010–2016 гг., млн долл., %

	стоимость, млн долл.	доля, %
Экспорт – всего,	8445767,7	100,0
в том числе в страны Африки	180989,2	2,1
Импорт – всего,	8014335,8	100,0
в том числе из стран Африки	100459,1	1,3
Оборот – всего,	16460103,5	100,0
в том числе со странами Африки	281448,3	1,7

Источник: рассчитано и составлено по: ASEANstats Official Website // <https://data.aseanstats.org/trade>, дата обращения 12.10.2018.

лосущественна: в экспорте стран ЮВА доля африканских стран в 2010–2016 гг. составляла 2,1%, в импорте – 1,3%, в обороте – 1,7%. Причем очевидно, что страны Африки для государств ЮВА пока в первую очередь рынок сбыта, но не исключено, что в перспективе возрастает их значение и как источника необходимых для стран ЮВА товаров.

Первые признаки таких изменений можно наблюдать уже сейчас в такой сфере, как поставки нефти в страны ЮВА. В ближайшей перспективе наверняка возрастут и поставки сжиженного природного газа (СПГ). И скорее всего это будут в первую очередь поставки с месторождений, осваиваемых при участии компаний из ЮВА.

Сведения об основных партнерах (топ-10) государств ЮВА из числа 47 африканских стран представлены в табл. 3. На их долю приходится почти 80% взаимного товарооборота, 80% экспорта стран ЮВА и 79,3% их импорта.

Нетрудно заметить, что в первой десятке партнеров ЮВА в Африке есть страны, с которыми у них сложилось отрицательное сальдо в торговле: Нигерия, Мозамбик, Алжир, Марокко и Кот д'Ивуар. Причина достаточно ясна: эти страны поставляют в государства ЮВА нефть и какао-бобы – товары, цены на которые отличаются высокой волатильностью, но в данный период наблюдался скорее рост цен на них.

В 2010–2016 гг. основными партнерами африканских стран были Таиланд (оборот 69 млрд долл.), Сингапур (64 млрд долл.) и Малайзия (48 млрд долл.). Таиланд торговал с 46 африканскими странами, Сингапур – с 42, Малайзия – с 40).

Представляется затруднительным дать точную, полную характеристику товарной структуры взаимной торговли двух групп стран, ибо речь идет о 57 государствах. Эта структура отличается огромным разнообразием от страны

Таблица 3. Основные торговые партнеры стран ЮВА на Африканском континенте в 2010–2016 гг., всего за период, млн долл.

	2010–2016 гг.			
	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
Всего (47 стран)	180989,2	100459,1	281448,3	80530,1
в том числе основные партнеры (10 стран)	144845,5	79645,1	224490,6	65200,4
из них				
ЮАР	46769,1	24281,1	71050,2	22488,0
Нигерия	14321,8	18834,9	33156,7	-4513,1
Египет	26064,2	4096,7	30160,9	21967,5
Либерия	24959,3	280,0	25239,3	24679,3
Мозамбик	3714,6	8224,5	11939,1	-4509,9
Алжир	5591,2	5906,7	11497,9	-315,5
Ангола	7665,5	3498,5	11164,0	4167
Гана	7156,9	3338,6	10495,5	3818,3
Марокко	3787,1	6129,7	9916,8	-2342,6
Кот-д'Ивуар	4815,8	5054,4	9870,2	-238,6
прочие партнеры (37 стран)	36143,7	20814,0	56957,7	15329,7

Источник: рассчитано и составлено по: ASEANstats Official Website // <https://data.aseanstats.org/trade>, дата обращения 12.10.2018.

к стране – как по экспорту, так и по импорту. Мы попытались определить товарную структуру экспорта и импорта первой пятерки стран-партнеров (на них приходится более 60% взаимного оборота) на последнюю доступную дату – 2016 г., учитывая стоимостной объем их экспорта и импорта.

В Южно-Африканскую Республику (ЮАР) страны ЮВА экспортировали в основном машины и оборудование, транспортные средства, жиры и масла, зерновые и пластмассы. Из ЮАР они импортировали драгоценные металлы (в основном золото), черные и цветные металлы, нефтепродукты, целлюлозу. Экспорт стран ЮВА в Нигерию состоял преимущественно из нефтепродуктов, жиров и масел, тяжелого оборудования, пластмасс, бумаги и картона, а импорт – из нефти, какао-бобов, орехов, древесины тропических пород и некоторых видов руд. В Египет поставлялись жиры и масла, тяжелое оборудование, каучук и резинотехнические изделия (в основном шины автомобильные и прочие), мясо и рыба, штапельные ткани. Из Египта страны ЮВА импортировали в основном нефть, черные металлы и удобрения. Товарная структура экспорта стран ЮВА в Либерию таит загадку: 94,4% стоимости не раскрыто, что наводит на мысль, что через Либерию на Африканский континент поставляются вооружения и боеприпасы. В Либерии страны ЮВА закупали каучук, и (предположительно) – в порядке реэкспорта из других стран Африки – суда и черные металлы. В Мозамбик страны ЮВА экспортировали продовольственные товары, нефтепродукты и пластмассы, импортировали преимущественно нефть.

В торговле с африканскими странами партнеры из ЮВА сталкивались

с такими проблемами и рисками, как низкий уровень развития инфраструктуры и логистики, высокие транспортные издержки, архаичные методы расчетов по торговым операциям. Им приходилось иметь дело со вспышками политической нестабильности, земельными спорами, религиозно-общинной рознью и непривычной средой обитания, порой крайне неблагоприятной для ведения торговли¹.

Тем не менее торговые операции со странами Африки стабильны, и компании из стран ЮВА рассчитывают на их расширение, принимая во внимание, в частности, следующие факторы:

- необходимость расширения и диверсификации импорта нефти и газа, а также некоторых видов промышленного сырья, отсутствующих в ЮВА;
- постоянно растущие возможности для расширения экспорта своих товаров в расчете на удовлетворение потребительского спроса в африканских странах в связи с увеличением численности среднего класса и соответствующего роста покупательной способности (по прогнозу консалтинговой компании McKinsey & Company, потребительские расходы населения Африканского континента к 2020 г. возрастут до 1,4 трлн долл. против 860 трлн в 2008 г., а число потребителей с дискреционным доходом увеличится до 128 млн долл.);
- экспортеры из стран ЮВА рассчитывают на значительное расширение своего экспорта после вступления в силу соглашения о Зоне свободной торговли Африканского континента (African Continental Free Trade Area) в 2022 г.

1 Go Yamada (2016) Asian Marketers' New Target: The African Consumer // Nikkei Asian Review, August 4, 2016 // <https://asia.nikkei.com/Business/Asian-marketers-new-target-The-African-consumer2>, дата обращения 12.10.2018.

Инвестиционное сотрудничество

Прежде всего следует упомянуть о мотивах, которыми руководствуются инвесторы из стран ЮВА при планировании инвестиций в странах Африки. Они достаточно традиционны и, разумеется, варьируются от страны к стране. На основании анализа собранных нами данных о деятельности в странах Африки инвесторов из Сингапура, Малайзии, Таиланда, Индонезии и некоторых других государств ЮВА мы обнаружили следующие побуждающие факторы, которые влияют на инвестиционные решения компаний из ЮВА при выходе на африканский рынок:

- получение доступа к запасам природных ресурсов, пользующихся спросом на рынках стран ЮВА; в первую очередь это относится к нефти и газу;
- необходимость укрепления и развития своей экспортной экспансии в ту или иную страну или в группу стран;

- стремление приблизить к потребителю продажи товаров и услуг или активизировать свою деятельность на перспективном рынке.

По состоянию на 2014 г. в странах Африки действовало свыше 200 компаний из стран АСЕАН (более поздние данные отсутствуют, однако несомненно, что число их значительно возросло)². Крупнейшими инвесторами из ЮВА в Африке являются Сингапур, Малайзия и Таиланд. Данные об объемах прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) из стран ЮВА в государствах Африки крайне ограничены и нередко заметно разнятся. Даже одна из наиболее полных баз данных о ПЗИ, которую готовит Международный валютный фонд (МВФ), дает лишь самую общую картину как по странам-инвесторам, так и по получателям ПЗИ (см. табл. 4).

Так, в частности, в ней полностью отсутствует информация о ПЗИ Индонезии, вполне очевидно входящей в первую пятерку стран – инвесторов из

Таблица 4. Накопленные ПЗИ некоторых стран ЮВА в государствах Африки по состоянию на конец 2016 г., млн долл.

	в том числе				всего
	Сингапур	Малайзия	Таиланд	Филиппины	
	23358	8485	4279	112	36234
в том числе					
Маврикий	21775	7154	4222	103	33254
ЮАР	181	1330	48	9	1568
Нигерия	1170	1	9	0	1180
Кот-д'Ивуар	128	0	0	0	128
Замбия	102	0	0	0	102
Буркина-Фасо	1	0	0	0	1
Уганда	1	0	0	0	1

Источник: рассчитано и составлено по базе данных МВФ Coordinated Direct Investment Survey (CDIS). Table 6-i: Inward Direct Investment Positions US Dollars, by All Reporting Economies Cross-classified by Counterpart Economies, as of end- 2016 // <http://data.imf.org/regular.aspx?key=61227426>, дата обращения 12.10.2018.

2 Hutt D. (2014) The Not-So-Dark Continent // Southeast Asia Globe, October 8, 2014 // <http://sea-globe.com/dark-continent-africa-asean-trade-southeast-asia-globe>, дата обращения 12.10.2018.

ЮВА в Африке. Имеющиеся данные явно содержат неполную информацию о ПЗИ в нефтегазовую промышленность африканских стран. Следует иметь в виду очевидные расхождения данных о ПЗИ в странах африканского континента, которые сообщили в МВФ сами эти страны, и аналогичных показателей, которыми оперируют страны – инвесторы из ЮВА. Более полную информацию мы попытались сконцентрировать в страновых разделах.

Сингапур

Сингапур – крупнейший инвестор региона в странах Африки, однако одновременно он является и крупнейшим получателем инвестиций из Африки. На практике они поступают в основном из одной африканской страны – Маврикия (в период 2010–2015 гг. – 88%). В 2013–2014 гг. объем накопленных инвестиций, поступивших с Маврикия, даже превышал накопленные ПЗИ Сингапура (см. табл. 5). Зная, как используется Маврикий зарубежными инвесторами (в частности, индийскими, практи-

кующими round tripping³ с целью уклонения от налогов и отмывания незаконно полученных средств), можно предположить, что большая часть поступающих с Маврикия в Сингапур ПЗИ – это инвестиции не африканских, а индийских, китайских и европейских компаний, давно освоивших Маврикий как оффшорный и транзитный центр.

К сожалению, в Сингапуре не публикуется никаких данных ни об отраслевом, ни о географическом распределении сингапурских ПЗИ в странах Африки, что затрудняет установление мотивации и интересов сингапурских компаний на Континенте. Нет достаточных материалов и для уточнения того, как менялись их инвестиционные предпочтения.

Однако даже отрывочная информация позволяет сделать вывод о широком отраслевом диапазоне сингапурских ПЗИ в Африке, причем, в отличие от других инвесторов на Африканском континенте, сингапурские компании быстро освоили сферу услуг самого разного профиля и масштаба. Отчасти, возможно, скупая информация о сингапурских ПЗИ в Африке связана с

Таблица 5. Накопленные ПЗИ Сингапура в государствах Африки и африканских стран в Сингапуре в 2010–2015 гг., млн долл., по состоянию на конец соответствующего года

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2010–2015
ПЗИ Сингапура в странах Африки	18496	15935	17064	15790	16892	16157	100334
ПЗИ стран Африки в Сингапуре	9844	12957	16054	16911	19496	21105	96367
в том числе ПЗИ Маврикия	8699	11589	14197	14991	16998	18394	84868
Сальдо накопленных ПЗИ Сингапур – Африка	9798	4346	2867	799	-107	-2236	15466

Источник: рассчитано и составлено по: Yearbook of Statistics Singapore, 2017, p. 92 // <http://tablebuilder.singstat.gov.sg/publicfac-ing/createDataTable.action?refId=12641>, дата обращения 12.10.2018.

3 Round-tripping of investments – инвестиционные операции, связанные с репатриацией отечественного капитала. Такие вложения вызваны стремлением получить статус иностранного инвестора ради льгот или гарантий сохранности капитала или с целью избежать высоких налогов на родине. Широко практикуются рядом стран, в том числе КНР, Специальным автономным районом Китая (САР) Гонконг, Индией, Сингапуром.

тем, что они составляют всего 3,4% совокупного объема ПЗИ Сингапура.

Экспансия сингапурских компаний на Африканском континенте началась еще в первом десятилетии наступившего века. В 2003–2005 гг. сингапурские компании основали пять первых предприятий в сфере информационно-коммуникационных услуг (Flextronics в ЮАР), производства конторского оборудования (eSys Technologies – в Марокко) и химических товаров (Eurochem Technologies – в Нигерии), гостиничного бизнеса и индустрии развлечений (Angsana в Египте), логистических операций (Neptune Orient Lines в Кении) [UNDP 2007, pp. 188, 190].

С 1993 по 2005 г. сингапурские компании совершили 12 операций поглощения совокупным объемом 123,4 млн долл. [UNDP 2007, pp. 180–181]. Эта практика продолжалась и в последующие годы: Tuan Sing Holdings полностью поглотила маврикийскую Robinson Point (офисная недвижимость) за 272 млн долл. Wilmar International приобрела 27,5% акций марокканской Consumar за 270 млн долл. Сингапурский суверенный фонд Temasek приобрел 20%-ю долю в проекте освоения трех нефтяных блоков в Танзании за 1293 млн долл. [ASEAN 2015, pp. 45, 200].

Суверенные фонды Сингапура, Temasek и GIC начали инвестировать в африканские проекты с 2011 г., проявляя большую осторожность и выступая, как правило, в партнерстве с МБРР, суверенными фондами других стран и крупными частными инвесторами⁴. Тем самым они минимизируют риски, свой-

ственные вложениям практически во все африканские страны. Первым проектом, в котором участвовал Temasek (150 млн долл.), была совместная компания Tana Africa Capital с южноафриканской E Oppenheimer & Son. Компания занимается «вечнозеленым» (evergreen) финансированием⁵, стремясь заполучить ту или иную долю участия в капитале финансируемой компании.

В последние годы Temasek проявляет интерес к инвестициям в нефтегазовую промышленность, причем в нарастающих объемах. Так, Temasek вложил через подконтрольную ему компанию Pavilion Energy 150 млн долл. в нигерийскую группу Seven Energy и 1,3 млрд долл. в Ophir Energy, которая контролирует несколько газовых месторождений в Танзании. Одновременно практически во всех странах, где ведутся разведочные работы по нефти и газу или налажена их добыча, заняты многочисленные профильные сингапурские компании, оказывающие сервисные и консалтинговые услуги.

К середине второго десятилетия XXI в. в 50 странах Африки работало более 60 сингапурских компаний в таких отраслях, как агробизнес и производство продуктов питания, нефтегазовая промышленность и предоставление услуг, с ними связанных, производство промышленного специального и электрооборудования, текстильная промышленность, ИКТ, связь и транспорт, логистика, образовательные услуги и даже услуги по созданию «электронного правительства» [MacPherson 2016].

В середине второго десятилетия XXI в. сингапурские компании прояви-

4 Подробнее о суверенных инвестиционных фондах (СИФ) в мировой экономике см. [Чебанов 2008]. О деятельности азиатских СИФ см. [Pekkanen, Tsai 2011]. Активность китайских СИФ освещена, в частности, в статье [Stephen, Ji 2011]. Деятельность СИФ стран ЮВА в научной литературе не отражена. По нашей оценке, на долю стран Африки в зарубежных активах сингапурских СИФ приходится чуть более 3%. Инвестиции этих СИФ сконцентрированы в двух сферах: финансы и нефтегазовая промышленность.

5 Evergreen funding – постепенное предоставление капитала новому или расширяющемуся предприятию вместо разового вливания крупной суммы.

ли интерес к девелоперскому бизнесу и инвестициям в инфраструктурное обеспечение городов (ДРК, Габон, Гана, Кения и Руанда) [Rubiolo 2016]. Крупнейшим объектами стала гостиница-апартаменты на 260 номеров в Аккре (Гана), построенная известной сингапурской компанией The Ascott. Frasers Hospitality планирует инвестиции в недвижимость в Нигерии и Республике Конго⁶.

Активизируется в Африке и крупный сингапурский государственный и частный капитал: в 2016 г. государственная Olam International объявила о поглощении нигерийской Amber Foods Limited за 275 млн долл., что сразу обеспечило ей второе место в мукомольной промышленности Нигерии [MacPherson 2016]. К настоящему времени Olam присутствует в 24 странах Африки, инвестируя в производство сельскохозяйственной продукции, которая впоследствии перерабатывается на ее фабриках в Нигерии, Габоне и Мозамбике.

Частная компания Indorama, производитель текстильных товаров и синтетических волокон международного класса, вложила почти 1 млрд долл. в создание химических предприятий в странах Западной Африки и планирует довести свои инвестиции до 2 млрд долл. к концу текущего десятилетия. JOil приобрела в Гане 500 га земель, на которых в частности выращивается сырье для производства альтернативного топлива.

Средние сингапурские компании успешно осваивают рынки отдельных африканских стран, нацеливаясь на определенные, нередко узкие ниши. Например, Vega Foods, построившая в Камеруне еще в 2004 г. свою первую фабрику по производству сгущенного молока, сегодня контролирует 60%

местного рынка этого товара и продает свою продукцию более чем в 30 странах Африки и Азии.

Активны и малые компании. Например, инжиниринговая компания Meinhardt занимается строительством жилых и административных зданий, объектов инфраструктуры в Кении, Египте и Ливии. При ее участии построено самое высокое здание в Африке – Nairobi Tower в Кении. Ascent Solutions, работающая в Африке с 2010 г., предоставляет программное обеспечение, а также «интернет вещей» для различных логистических объектов Уганды, Руанды и Кении.

Малайзия

Первые малазийские ПЗИ были размещены в Африке во второй половине 1990-х гг. Как правило, инвесторы из этой страны прибегали к операциям поглощения, избегая вложений в создание новых предприятий. С 1996 по 2005 г. малазийские компании совершили 27 таких операций совокупным объемом 2,7 млрд долл. Наиболее крупные поглощения имели место в нефтегазовой промышленности и секторе связи. Малазийская государственная нефтегазовая компания Petronas инвестировала в 1996–1998 гг. 725 млн долл. в южноафриканскую Engen Ltd. и в 2003 г. – 1,8 млрд долл. в завод по производству СПГ в Египте. Государственная телекоммуникационная компания Telecom Malaysia Berhad инвестировала в модернизацию телефонной связи и телевидения в Гвинею (компания Sotelgui, 50 млн долл.) и Гану (Ghana Telecom, 38 млн долл.). Частные малазийские компании в этот период ограничивались скромными вложениями (менее

6 Lee Meixian (2017) Ascott Adds Africa to Portfolio // The Business Times, December 17, 2017 // <https://www.businesstimes.com.sg/companies-markets/ascott-adds-africa-to-portfolio-following-s-america-addition-in-april>, дата обращения: 12.10.2018.

20 млн долл. на объект) в плантационное хозяйство, производство пищевых масел и жиров, швейные фабрики и предприятия по сборке моторов и генераторов). Практически все объекты находились в ЮАР, где у малазийских предпринимателей индийского происхождения были налажены тесные деловые связи с местной индийской общиной [UNDP 2007, pp. 180–181].

В 2003–2005 гг. малазийские компании основали 8 новых предприятий совокупным объемом инвестиций примерно 1,5 млрд долл. Эти средства были вложены в основном в нефтегазовую промышленность: нефтегазовая компания Petronas инвестировала 1 млрд долл. в два месторождения в Судане и 25 млн долл. – в Эфиопии. Telecom Malaysia Berhad приступила к масштабной модернизации мобильной связи в Египте. Впервые частные компании Малайзии проявили интерес к африканской недвижимости: Global Formwork инвестировала 400 млн долл. в Нигерии [UNDP 2007, pp. 188, 190]. Предпринимались попытки вложений в банковскую сферу, которые не дали положительных результатов в континентальных странах Африки⁷ и оказались успешными только на Маврикии.

Второе десятилетие XXI в. ознаменовалось мощной экспансией малазийского капитала в страны Африки. Частные, в основном средние и малые, компании начали инвестировать в самые разные проекты: отели, мотели, офисную недвижимость (ЮАР), торговозвлекательные центры (Мадагаскар),

судостроение и ремонт судов (Гана), жилищное строительство (Ливия), обслуживание аэропортов и терминалов (Маврикий), образовательные услуги, реализацию нефтепродуктов (Судан), дорожное строительство (Кения, Руанда, Свазиленд).

Особую инвестиционную сферу (преимущественно для малого и среднего малазийского бизнеса) представляет производство халяльных продуктов питания, пользующихся высоким спросом у мусульманского населения африканских стран⁸, особенно в Египте, Нигерии, Буркина-Фасо, Гвинее, Мали, Нигере и Сенегале, где мусульмане составляют большинство населения. Пока такие продукты в основном импортируются⁹, что отрицательно влияет на их доступность для малообеспеченных слоев населения. Малазийские компании приступили к освоению этого огромного и перспективного рынка, на котором – и это большой плюс – отсутствует конкуренция со стороны западных производителей [Rubiolo 2016].

Крупный малазийский частный капитал проявил высокую заинтересованность в развитии плантационного хозяйства африканских стран. Такие компании, как Sime Darby, Felda Global Ventures, IOI Global, инвестировали в производство пальмового масла в Бенине, Камеруне, Либерии, Сьерра-Леоне, ДРК и Нигерии. Пока они восполняют потребности африканского внутреннего рынка в этом продукте, но планируют в перспективе перейти и к экспорту пальмового масла, в первую очередь в страны ЕС¹⁰.

7 Исключением является Танзания, где с 1998 г. работает отделение International Bank of Malaysia, которое в 2000-е гг. распространило свои операции на Гану, Гвинею и Мозамбик [UNDP 2007, p. 13].

8 Примерно 35% населения Континента – мусульмане.

9 В Африке насчитывается 550 компаний – импортеров халяльных продуктов [MacPherson 2015, p. 2].

10 Богуславский А. (2017) Найти свою нишу в Африке: ближневосточный и азиатский опыт // Российский совет по международным делам. 13 ноября 2017 // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nayti-svoyu-nishu-v-afrike-blizhnvostochnyy-i-aziatskiy-opyt/>, дата обращения 12.10.2018.

Безусловным лидером инвестиционной экспансии в Африку стала государственная нефтегазовая компания Petronas, заметно укрепившая свои позиции в Африке. Он обосновалась в 14 африканских странах, в том числе в Мозамбике, Судане, Южном Судане, Анголе, Египте, Чаде, Уганде, Гамбии и Камеруне. Главным объектом экспансии Petronas стал Мозамбик, где она инвестировала только в бассейне Rovuma уже более 3 млрд долл. Petronas рассчитывает инвестировать в строительство в Мозамбике завода по производству СПГ и готова увеличить вложения до 18 млрд долл.¹¹

По последним опубликованным данным, в 2009 г. накопленные ПЗИ Малайзии в Африке составляли 16 млрд долл. и среди стран-инвесторов из Азии Малайзия занимала первое место, оставив позади Сингапур (13 млрд долл.), Индию (12 млрд долл.) и КНР (9 млрд долл.). К началу 2015 г. ситуация существенно изменилась: по стоимости накопленных ПЗИ (14 млрд долл.) Малайзия оказалась позади КНР (32 млрд долл.), Сингапура (17 млрд долл.) и Индии (14 млрд долл.) [UNCTAD 2016, р. 38]. Данные о ПЗИ африканских стран в Малайзии не публикуются.

Таиланд

В Таиланде опубликованы официальные данные о накопленных тайландских ПЗИ в странах Африканского континента в 2001–2015 гг. и их притоке в эти страны с 2005 по 2012 г. Однако данные о распределении тайландских ПЗИ по странам Африки отсутствуют, отдельно выделены только Египет и Маврикий (см. табл. 6). Зарубежные инвестиции отслеживаются Bank of Thailand с 1987 г., но опубликованные данные крайне выборочны и неполны: его аналитики признают, что банку не удается зафиксировать в полном объеме зарубежные инвестиции в Африке малых и средних предприятий. Судя по годовым отчетам банка, учет инвестиций государственной нефтегазовой компании PTT Exploration and Production Public Company Limited (PTTEP) находится вне его компетенции.

Особенностью тайландских ПЗИ в Африке является полный отказ от практики слияний и поглощений. Изначально, в 2003–2005 гг., тайландские компании основали несколько новых небольших предприятий в Египте с совокупным объемом инвестиций пример-

Таблица 6. Накопленные прямые инвестиции тайландских компании в Африке в 2010–2015 гг., млн долл., по состоянию на конец соответствующего года

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	1241	1636	2756	5346	6094	7005
в том числе						
Маврикий	731	1343	2587	5192	5942	6853
Египет	510	293	169	154	153	152

Источник: Bank of Thailand. EC_XT_064: Thai Direct Investment Position Abroad Classified by Country // <http://www2.bot.or.th/statistics/BOTWEBSTAT.aspx?reportID=817&language=ENG>.

11 Petronas Unit Due Interest off Senegal (2018) // Oil&Gas Journal, August 14, 2018 // https://www.ogj.com/articles/2018/08/petronas-unit-due-interest-off-senegal.html?cmpid=enl_ogj_ogj_drilling_update_2018-08-28&pwid=97df498c68f168d8b4f21b120175d2d940c27c929f32ec1098e1f633d431bc2c86c0cd46eb2e107cb9e6a6a579ab6d1424604af9210f2715c4891ce5468e809&eid=288193713&bid=2221416, дата обращения 12.10.2018.

но 120 млн долл., крупнейшие из которых – Thai Acrylic Fibre, производящая синтетические волокна, и Thai Carbon Black, выпускающая пластмассы и резинотехнические изделия [UNDP 2007, pp. 188, 190]. В последующие годы в африканских странах инвестировали преимущественно небольшие тайландские компании, причем примерно треть из них – с участием капитала третьих стран, предположительно из КНР и САР Гонконг.

Невысокий интерес тайландского частного сектора к инвестициям в Африке объясняется в основном тем, что главная сфера его экспансии – развитые государства и страны ЮВА, особенно расположенные на Индокитайском полуострове. Риски, с которыми сталкиваются иностранные инвесторы в странах Африки, неприемлемы для тайландских компаний, привыкших работать в более стабильной и знакомой бизнес-среде. К тому же частные компании в своей инвестиционной активности на Африканском континенте не получают, в отличие от китайских и индийских конкурентов, сколько-нибудь существенной государственной поддержки.

Особое место в инвестиционной деятельности тайландских компаний занимает Маврикий, куда их привлекает благоприятный налоговый режим. Некоторая часть тайландских ПЗИ на Маврикии вложена в швейную промышленность и предприятия по сборке бытовой электроники. Но большая часть средств вложена в сферу финансов. Попытки уточнить, чем конкретно занимаются на Маврикии тайландские финансовые организации, успехом не увенчались. Остается лишь предпола-

гать, что Таиланд использует остров как хорошо замаскированную оффшорную зону.

Главный интерес Таиланда в Африке – это нефтегазовые ресурсы континента. Соответственно, ведущий инвестор, работающий в трех проектах в Алжире и Мозамбике, – PTT Exploration and Production Public Company Limited (PTTEP). Масштабы операций PTTEP в Африке невелики, но их перспективы весьма обнадеживают. Пока африканские проекты PTTEP не приносят компании сколько-нибудь существенной прибыли: в 2017 г. ее чистая прибыль от операций в Таиланде составила 826 млн долл., добыча за рубежом обеспечила 572 млн долл., операции в Африке принесли всего 3 млн долл.¹² К началу 2018 г. компания участвовала в 361 проекте в 10 странах, из них только 3 проекта в Африке¹³.

В Алжире PTTEP участвует в двух проектах – Hassi Bir Rekaiz и Bir Seba (оба расположены в восточном Алжире). PTTEP владеет долей в 24,5% и выступает в качестве оператора проекта Hassi Bir Rekaiz. Ожидается, что в 2019 г. месторождение начнет давать 0,5–0,65 млн т нефти ежегодно. Компания получила разрешение на дополнительные инвестиции в этот проект, которые должны обеспечить добычу не менее 2,5 млн т. В проекте Bir Seba ей принадлежит доля в 35%, она также является оператором проекта. Партнерами PTTEP выступают The Algerian National Oil and Gas Company (51%) и китайская CNOOC Limited (24,5%). В 2017 г. там было добыто около 0,9 млн т нефти, которую PTTEP реализует на спотовом рынке¹⁴.

12 PTT Exploration and Production Public Company Limited (PTTEP). Annual Report 2017 (2018), Bangkok, p. 202.

13 PTT Exploration and Production Public Company Limited (PTTEP). Annual Report 2017 (2018), Bangkok, p. 13.

14 Algeria: Sonatrach, Pttpe and Cnooc to Submit Hassi Bir Rekaiz Development Plan in Early 2017 (2016) // Energy-pedia.com, August 17, 2016 // <http://www.energy-pedia.com/news/algeria/sonatrach-pttpe-and-cnooc-to-submit-hassi-bir-rekaiz-development-plan-in-early-2017>, дата обращения 12.10.2018.

В Мозамбике РТТЕР принимает участие в крупном проекте освоения газового месторождения Rovuma на континентальном шельфе. В этом весьма затратном проекте компании принадлежит доля в 8,5% (оператором проекта выступает американская Andarko Petroleum). Компания предпринимает значительные усилия для того, чтобы удерживать свое место во всей цепочке освоения проекта – от добычи до строительства завода по производству СПГ мощностью 12 млн т в год. РТТЕР участвует и в переговорах по ценам на СПГ, который, как планируется, будет экспортироваться¹⁵. Компания намерена инвестировать в проект Rovuma до 1 млрд долл.¹⁶

Индонезия

Первые сведения об индонезийских ПЗИ в Африке относятся к началу 2000-х гг. В 2003–2005 гг. индонезийские компании основали в Африке четыре новых предприятия: государственная нефтегазовая компания Pertamina в Ливии (два объекта), частная нефтегазовая компания Medco в Судане¹⁷ и телекоммуникационная компания P. T. Telekom – в Гамбии (по одному объекту). Кроме того, индонезийские компании совершили четыре операции поглощения небольших местных предприятий с совокупным объемом 38 млн долл. на Маврикии и в ЮАР [UNDP 2007, pp. 180–181, 188, 190]. В этот период инвесторы из Индонезии стремились в основном занять позиции в сырьевом секторе африканских стран и на их зарождающемся рынке мобильной связи. Они избегали рисков, связанных с участием в со-

вместных предприятиях с местным капиталом, и не были готовы к проникновению в отрасли обрабатывающей промышленности африканских стран и сельскохозяйственное производство.

Во втором десятилетии века индонезийские инвесторы расширили свое присутствие в сельском хозяйстве, а также в отраслях обрабатывающей промышленности стран Африки и стали активнее участвовать в совместных компаниях в попытке проникнуть на их внутренние рынки со своей продукцией, опираясь на собственный заметно возросший экспортный потенциал. При этом индонезийские инвесторы нередко кооперировались с западными компаниями, имеющими опыт работы на африканских рынках.

Примером тому может служить деятельность крупного индонезийского конгломерата Bakrie Group, образовавшего в 2011 г. совместное предприятие Bakrie Delano Africa с участием нигерийского и английского капитала с целью развития плантационного сектора Нигерии (натуральный каучук и пальмовое масло). Капиталовложения индонезийской стороны оцениваются в почти миллиард долларов [Rubiolo 2016]. Менее крупные компании приступили к созданию в странах Африки небольших дистрибьюторских фирм, чтобы продвигать на их рынки такие индонезийские товары, как бумага, медикаменты, бытовая электроника и продовольственные товары.

Несколько позже интерес к африканским рынкам проявил крупный индонезийский капитал. Мощный конгломерат Salim Group во второй половине 2010-х гг. осуществил свою экспансию в Африке, заметно потеснив индийских

15 PTT Exploration and Production Public Company Limited (PTTEP). Annual Report 2017 (2018), Bangkok, pp. 22–23, 198.

16 Thai PTTEP to Spend \$1 Bln For Mozambique Project in Next 5–6 Years (2014) // Reuters, September 15, 2014 // <https://af.reuters.com/article/commoditiesNews/idAFL3N0RG29R20140915>, дата обращения 12.10.2018.

17 В связи с обострением военно-политической ситуации Medco была вынуждена прекратить свою деятельность в этой стране.

конкурентов. Одно из его подразделений, Indofood, построило предприятия по производству лапши быстрого приготовления в четырех странах (Нигерия, Египет, Судан, Кения), в Марокко и Эфиопии строятся еще два. Продукция реализуется во многих африканских странах, в первую очередь мусульманских.

В Нигерии на совместном предприятии индонезийской Salim Group (представлена Indofood CBP Sukses Makmur) и сингапурской Tolaram Group производство развивается высокими темпами: к 2010 г. выпущено 1 млрд упаковок, в 2015 г. уже свыше 1,5 млрд упаковок, что превысило аналогичный показатель Малайзии. Постепенно был расширен ассортимент макаронных изделий, налажено производство кулинарных масел и др. продуктов. В Египте в 2015 г. выпущено 200 млн упаковок. Производство расширяется высокими темпами – в 2015 г оно возросло на 67% (для сравнения: в Малайзии лишь на 3%). Успешному сбыту индонезийской лапши быстрого приготовления в мусульманских странах Африки способствовал переход предприятий компании к производству ее халяльного варианта.

Во второй половине 2010-х гг. индонезийские инвесторы проявили интерес к вложениям в предприятия обрабатывающей промышленности, выпускающие продукцию, которая пользуется высоким спросом в Индонезии. Так, PT Intim Perkasa Nigeria Ltd., дочерняя компания джакартской PT Intim Perkasa, рассчитывает принять участие в строительстве нефтеперераба-

тывающего завода в Нигерии (шт. Аква Ибом) и обойти конкурентов на тендерах, поскольку, в отличие от них, готова принять в возмещение своих затрат не валюту, а готовую продукцию НПЗ¹⁸.

В этот период индонезийские инвесторы, в основном государственные компании или компании с высокой долей участия государства, заявили о намерении инвестировать в строительство (госкомпания Wijaya Karya в Нигере), сборку вагонов (INKA в Замбии), наземное обслуживание самолетов (GMF AeroAsia в Нигерии и Эфиопии)¹⁹.

Однако стратегический интерес для Индонезии представляют инвестиции в нефтегазовую промышленность Африканского континента. Потребление нефти и газа в стране стремительно растет, тогда как их запасы и добыча сокращаются или стагнируют. Индонезия вынуждена сокращать экспорт нефти и сжиженного природного газа и даже покинула ОПЕК, одним из основателей которой она была. Страна заинтересована в расширении круга поставщиков нефти (а в перспективе, возможно, и СПГ), их диверсификации. Вариант, который представляется для Индонезии наиболее благоприятным, это получение нефти с подконтрольных месторождений за рубежом. В этом отношении Индонезия проявляет наибольший интерес к Ливии, Анголе, Тунису и Алжиру.

В Ливии еще в 2005 г. обосновалась индонезийская частная компания Medco Energi, которая совместно со своим канадским партнером Verenex Energy Inc. (Verenex), оператором проек-

18 Brelsford R. (2017) Indonesian Firm Plans Refinery in Nigeria // Oil&Gas Journal, July 31, 2017, p. 24 // <http://digital.ogj.com/ogjournal/20170731?pg=25#pg25>, дата обращения 12.10.2018.

19 Shotaro Tani (2018) Indonesian State Companies Scramble for Africa // Nikkei Asian Review, April 10, 2018 // <https://asia.nikkei.com/Business/Companies/Indonesian-state-companies-scramble-for-Africa>, дата обращения 12.10.2018; Indonesia Akan Bentuk Satgas Infrastruktur Untuk Afrika (2018) // Finansial.bisnis.com, April 10, 2018 // <http://finansial.bisnis.com/read/20180410/9/782504/indonesia-akan-bentuk-satgas-infrastruktur-untuk-afrika>, дата обращения 12.10.2018.

та, работает на условиях соглашения о разделе продукции с ливийской Национальной нефтяной компанией (Libya's National Oil Company) на блоке 47 (бассейн Ghadames). Планировалось, что первая нефть будет добыта в 2014 г., однако в виду удорожания работ (проект потребовал дополнительных вложений как минимум в 200 млн долл.) и затянувшегося переговорного процесса с ливийским правительством, этого пока не произошло²⁰. Государственная нефтегазовая компания PT Pertamina инвестировала 3,6 млрд долл. в разработку двух месторождений в Ливии и выразила готовность приобрести долю Verenex в блоке 47²¹.

PT Pertamina проявила большой интерес к инвестированию в освоение месторождения на блоке 31 в Анголе, на сверхглубоководном участке шельфа (по имеющимся оценкам, это месторождение должно давать не менее 7,7 млн т нефти ежегодно²²). За 25%-ный пакет акций данного проекта, который был выставлен на торги Esso, подразделением Exxon Mobil, PT Pertamina предложила 3,5 млрд долл. В 2011 г. PT Pertamina одержала победу в тендере по этому пакету над китайской компанией China Petrochemical Corp (Sinopec) и индийской компанией India's Oil & Natural Gas Corp (ONGC), предложения которых составляли всего 2,1–2,2 млрд долл.²³

К середине второго десятилетия XXI в. PT Pertamina утвердила свое присутствие в Алжире, приобретая за

200 млн долл. долю в 24,53% в нефтегазовом консорциуме, возглавляемом крупной французской компанией Maurel & Prom, которая имеет богатый опыт работы на нефтегазовых месторождениях в Габоне, Танзании и Нигерии²⁴.

В упомянутый период следует отметить заметный рост африканских инвестиций в Индонезии. Статистическое бюро страны впервые опубликовало в 2018 г. данные о них, начиная с 2015 г. – 192 млн долл., в 2016 г. – 745 млн долл., в 2017 г. – 1280 млн долл. В 2017 г. на долю стран Африки пришлось менее 4% общего притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Индонезию, эти средства были вложены в основном в небольшие предприятия (усредненный показатель в расчете на проект – менее 3 млн долл.). По оценкам индонезийских экспертов, большая часть ПИИ поступила из ЮАР²⁵.

Вьетнам

ПЗИ Вьетнама в Африке в первом десятилетии XXI в. были сравнительно скромными. В 2003–2005 г. вьетнамские компании основали четыре новых предприятия (Petrovietnam – добыча нефти в Алжире; Vietnam News Agency – производство бумаги и упаковочных материалов в ЮАР; Lam Hoa – сборка транспортных средств в Сенегале; Vietnam National Garment & Textile Corp. – производство швейных изделий в ЮАР) [UNDP 2007, pp. 188, 190].

20 Indonesia's Medco Energi Planning \$1.7 Billion Energy Investment (2010) // Energy-pedia.com, March 30, 2010 // <http://www.energy-pedia.com/article.aspx?articleid=139666&editionid=100384>, дата обращения 12.10.2018.

21 Watkins E. (2008) Pertamina Seeks Verenex Stake in Libya's Area 47 // Oil&Gas Journal, February 12, 2008 // <https://www.ogj.com/articles/2008/12/pertamina-seeks-verenex-stake-in-libyas-area-47.html>, дата обращения: 12.10.2018.

22 Блок 31 площадью в 5,3 тыс. кв. км залегает на глубине 1500–2500 м.

23 Angola: Pertamina in Talks to Buy ExxonMobil's Stake in Ultradeep Block 31 Offshore Angola (2011) // Energy-pedia.com, May 10, 2011 // <http://www.energy-pedia.com/article.aspx?articleid=145330&editionid=100658>, дата обращения 12.10.2018.

24 Erwida Maulia (2016) Pertamina to Buy Stake in French Oil Giant, Boost African Footprint // Nikkei Asian Review, August 2, 2016 // <https://asia.nikkei.com/Business/Pertamina-to-buy-stake-in-French-oil-giant-boost-African-footprint>, дата обращения 12.10.2018.

25 Statistical Yearbook of Indonesia 2018 (2018), Jakarta: Biro Pusat Statistik, p. 451.

В последующие годы вьетнамские компании, в первую очередь Petrovietnam, стали интересоваться инвестициями в добычу нефти и газа в странах Африки. Начинали осторожно, не решаясь на крупные инвестиции. Так, в 2009 г. Petrovietnam принял финансовое и техническое участие в строительстве газопровода в Мозамбике от месторождения Pande Temane до границы с ЮАР, инвестировав 85 млн долл. Тогда же подписано соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой сфере с Анголой, которое, однако, не было реализовано²⁶. Велись переговоры об участии Petrovietnam в разведке и добыче нефти и газа в Судане, однако они не дали практических результатов²⁷.

В 2014 г. половина зарубежных инвестиций Вьетнама (525 млн долл.) пришлась на Танзанию (34%) и Бурунди (16%). Средства были вложены вьетнамской компанией Viettel в создание в этих странах сетей мобильной связи [ASEAN 2015, р. 43].

Анализ торговых и инвестиционных связей между странами ЮВА и государствами Африканского континента позволяет, как нам представляется, сделать вывод о появлении такого нового явления, как трансконтинентальное сотрудничество развивающихся стран в сфере экономики. В отличие от политических контактов, ограничивающихся, как правило, сотрудничеством в рамках ООН или общением на двустороннем межгосударственном уровне, в основе трансконтинентального экономического сотрудничества развивающихся стран лежат весьма конкретные интересы сторон, жизненно важные для

них. Нам представляется, что именовать такое сотрудничество экономической интеграцией (как это нередко случается) преждевременно. Однако необходимо внимательно отслеживать его динамику и специфику, не ограничиваясь общими, неконкретными оценками, как бы сложно это не было.

Список литературы

Чебанов С.В. (2008) Суверенные инвестиционные фонды: новый феномен мировой экономики? // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 13–22.

ASEAN Investment Report 2015 (2015) // Asean.org, Jakarta: ASEAN Secretariat // <https://asean.org/storage/2015/12/ASEAN-Investment-Report-2015.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Das Niladri (2007) The Emergence of Indian Multinationals in the New Global Order // International Journal of Indian Culture and Business Management, vol. 1, no 1–2, pp. 136–150.

Davies K. (2010) Outward FDI from China and Its Policy Context // The Vale Columbia Center on Sustainable International Investment. Columbia FDI Profiles, October 18, 2010.

Jian-Ye Wang (2007) What Drives China's Growing Role in Africa? IMF Working Paper. WP/07/211 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07211.pdf>, дата обращения 12.10.2018.

Kolstad I., Wiig A. (2009) What Determines Chinese Outward FDI? // Chr. Michelsen Institute, no 3, Bergen.

Kurlantzick J. (2006) Beijing's Safari: China's Move into Africa and Its Implications for Aid, Development, and Gov-

26 Uchenna Izundu (2009) Petrovietnam Considers Pipeline Investment in Mozambique // Oil&Gas Journal, September 22, 2009 // <https://www.ogj.com/articles/2009/09/petrovietnam-considers.html>, дата обращения 12.10.2018.

27 Vietnam Targets Oil and Gas Exploration in Sudan (2010) // Knight Ridder/Tribune Business News, February 12, 2010 // http://www.rigzone.com/news/article.asp?a_id=87483, дата обращения 12.10.2018.

ernance. Carnegie Endowment for International Peace. China Program // Carnegie Endowment for International Peace, November 1, 2006 // <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=18833>, дата обращения 12.10.2018.

MacPherson R. (2015) Malaysia Ramping up in Africa // Perspective. Yusof Ishak Institute of Southeast Asia, no 54, pp. 2–8.

MacPherson R. (2016) Singapore's Presence in Africa on the Rise // Perspective. Yusof Ishak Institute of Southeast Asia, no 23.

MacPherson R. (2017) Singapore and Africa Enhancing Economic Linkages // Africa Review, vol. 9, no 1, pp. 71–81.

Ng J. (2011) China's Investments in Africa: Need for Governance // S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University Commentaries (Singapore), no 172/2011.

Pekkanen S.M., Tsai K.S. (2011) The Politics of Ambiguity in Asia's Sovereign Wealth Funds // Business and Politics, vol. 13, no 2, pp. 1–46.

Pradhan J.P. (2005) Outward Foreign Direct Investment from India: Recent Trends and Patterns // Gujarat Institute of Development Research, no 153.

Rabin H., Ramkishen S.R. (2010) India as a Source of Outward Foreign Direct Investment // Oxford Development Studies, vol. 38, no 4, pp. 497–518.

Ramkishen S.R., Rajiv K., Nicola V. (2008) New Dimensions of Economic Globalization: Surge of Outward Foreign Direct Investment from Asia, London.

Rubiolo F. (2016) Southeast Asia in Africa: A Partner for Development? // Bridges Africa, vol. 5, no 7 // <https://www.ictsd.org/bridges-news/bridges-africa/news/southeast-asia-in-africa-a-partner-for-development>, дата обращения 12.10.2018.

Stephen T., Ji C. (2011) China's Sovereign Wealth Funds: Origins, Development, and Future // Journal of Contemporary China, vol. 20, no 70, pp. 467–478.

Veda Vaidyanathan (2016) Exploring Trade and Investment Patterns of ASEAN in Africa: Are they Limited by the Bigger Asian Powers // Institute of Chinese Studies (Delhi). Occasional Paper, no 13, pp. 1–25.

UNCTAD (2016) World Investment Report 2016, Geneva.

UNDP (2007) Asian Foreign Direct Investment in Africa. Towards a New Era of Cooperation among Developing Countries, New York and Geneva.

Southeast Asia and Africa – Trade and Investment Relations in the XXIst Century

Alexander A. ROGOZHIN

PhD in Economics, Assistant Professor, Head of Sector, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: rogojine@mail.ru

CITATION: Rogozhin A.A. (2018) Southeast Asia and Africa – Trade and Investment Relations in the XXIst Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 200–218 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-200-218

ABSTRACT. *In the twenty-first century African countries have not only taken a significant step forward in their economic development as a whole, but have also strengthened their positions in the world economy. One manifestation of this is the emergence of new foreign economic partners for African countries. African countries have become more interesting, not only for Asian giants – China and India, but also for Southeast Asia countries, which have just recently started their outward expansion. The main purpose of this study is to create an initial, most general panorama of how trade and investment relations between the Southeast Asian and African countries developed in the new century. As regard for trade, we used a quite complete statistical database under the auspices of the Association of South-East Asian Nations (ASEAN). Southeast Asia was represented by all 10 of ASEAN member-countries. The African continent was portrayed by 47 countries. A comprehensive analysis of the statistical data showed that the trade operations of Southeast Asian countries with their African partners were profitable for them: in 2010–2016 they had a permanent surplus on these operations. It was found that in 2010–2016, the main partners of African countries were Thailand (with turnover of 69 billion dollars.), Singapore (\$64 billion)) and Malaysia (\$48 billion.). Companies from Southeast Asian countries expect to expand on the African continent, taking into account,*

in particular, the following factors: the need to enlarge and diversify their imports of oil and gas, as well as some types of industrial raw materials that are not available in Southeast Asia; constantly growing opportunities to expand exports of their goods, in order to meet growing consumer demand in African countries; Southeast Asian exporters expect a significant expansion of their exports following the entry into force of the African Continental Free Trade Area) in 2022. As for investment links, we were forced to gather by trifles everything concerned about Southeast Asian investments on African continent. Reliable generalizing statistics on this segment of economic relations either do not exist, or it is not available to research community. As a result of monitoring of investment contacts, it was possible to collect the final material giving a short overview of this process.

KEY WORDS: Southeast Asia, Africa, mutual trade, direct investments, Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia, Vietnam

References

ASEAN Investment Report 2015 (2015). *Asean.org*, Jakarta: ASEAN Secretariat. Available at: <https://asean.org/storage/2015/12/ASEAN-Investment-Report-2015.pdf>, accessed 12.10.2018.

Chebanov S.V. (2008) Suverennye investitsionnye fondy: novij fenomen mirovoj ekonomiki? [Sovereign Wealth Funds: a New Phenomenon in the Global Economy?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 10, pp. 13–22.

Das Niladri (2007) The Emergence of Indian Multinationals in the New Global Order. *International Journal of Indian Culture and Business Management*, vol. 1, no 1–2, pp. 136–150.

Davies K. (2010) Outward FDI from China and Its Policy Context. *The Vale Columbia Center on Sustainable International Investment. Columbia FDI Profiles*, October 18, 2010.

Jian-Ye Wang (2007) *What Drives China's Growing Role in Africa?* IMF Working Paper. WP/07/211. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07211.pdf>, accessed 12.10.2018.

Kolstad I., Wiig A. (2009) What Determines Chinese Outward FDI? *Chr. Michelsen Institute*, no 3, Bergen.

Kurlantzick J. (2006) Beijing's Safari: China's Move into Africa and Its Implications for Aid, Development, and Governance. Carnegie Endowment for International Peace. China Program. *Carnegie Endowment for International Peace*, November 1, 2006. Available at: <http://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=18833>, accessed 12.10.2018.

MacPherson R. (2015) Malaysia Ramping up in Africa. *Perspective. Yusof Ishak Institute of Southeast Asia*, no 54, pp. 2–8.

MacPherson R. (2016) Singapore's Presence in Africa on the Rise. *Perspective. Yusof Ishak Institute of Southeast Asia*, no 23.

MacPherson R. (2017) Singapore and Africa Enhancing Economic Linkages. *Africa Review*, vol. 9, no 1, pp. 71–81.

Ng J. (2011) China's Investments in Africa: Need for Governance. *S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University Commentaries* (Singapore), no 172/2011.

Pekkanen S.M., Tsai K.S. (2011) The Politics of Ambiguity in Asia's Sovereign Wealth Funds. *Business and Politics*, vol. 13, no 2, pp. 1–46.

Pradhan J.P. (2005) Outward Foreign Direct Investment from India: Recent Trends and Patterns. *Gujarat Institute of Development Research*, no 153.

Rabin H., Ramkishen S.R. (2010) India as a Source of Outward Foreign Direct Investment. *Oxford Development Studies*, vol. 38, no 4, pp. 497–518.

Ramkishen S.R., Rajiv K., Nicola V. (2008) *New Dimensions of Economic Globalization: Surge of Outward Foreign Direct Investment from Asia*, London.

Rubiolo F. (2016) Southeast Asia in Africa: A Partner for Development? *Bridges Africa*, vol. 5, no 7. Available at: <https://www.ictsd.org/bridges-news/bridges-africa/news/southeast-asia-in-africa-a-partner-for-development>, accessed 12.10.2018.

Stephen T., Ji C. (2011) China's Sovereign Wealth Funds: Origins, Development, and Future. *Journal of Contemporary China*, vol. 20, no 70, pp. 467–478.

Veda Vaidyanathan (2016) Exploring Trade and Investment Patterns of ASEAN in Africa: Are they Limited by the Bigger Asian Powers. *Institute of Chinese Studies* (Delhi). Occasional Paper, no 13, pp. 1–25.

UNCTAD (2016) World Investment Report 2016, Geneva.

UNDP (2007) Asian Foreign Direct Investment in Africa. Towards a New Era of Cooperation among Developing Countries, New York and Geneva.

Point of View

Strategic Synergy between Egypt "Vision 2030" and China's "Belt and Road" Initiative¹

Juan CHEN

PhD in Arabic Language and Literature, Post-doctoral Fellow of the Institute of International Studies, Fudan University, Shanghai, China. Address: No.220 Handan Road, Yangpu District, 200433, Shanghai, China. E-mail: chenjuan@fudan.edu.cn

CITATION: Chen J. (2018) Strategic Synergy between Egypt "Vision 2030" and China's "Belt and Road" Initiative. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 219–235. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-219-235

ABSTRACT. *China and Egypt have established diplomatic relations for 62 years. In 2013, Chinese President Xi Jinping put forward the "Belt and Road" Initiative (BRI) and welcomed countries along the routes to take part in co-operations in the framework of the BRI. And in 2014, Egyptian new-elected President Sisi visited China and both sides improved the bilateral relationship to the comprehensive strategic partnership. Then in 2016, Egyptian President Sisi launched a new national development strategy named "Egypt Vision 2030". Therefore China and Egypt want to look for suitable areas to cooperate according to these two plans. In this case, this paper analyzes the implementation of the strategic synergy between the BRI and "Egypt Vision 2030", including the introduction to the "Egypt Vision 2030", the mutual cognition of the developmental strategies of China and Egypt, the outcomes achieved and the risks faced by the synergy between the strategies of these two countries, and then*

considers that both China and Egypt welcome and support each other's developmental strategy. At present, the synergy between the two countries' strategies has made significant achievements under the frequent promotion of top leaders, but there are also political, economic and security risks in the process of strategic synergy, which still hinder the synergy.

KEY WORDS: Egypt "Vision 2030", China's "Belt and Road" Initiative, Strategic Synergy, Risks, Foreign Policy, International Relations

1. Introduction to Egypt "Vision 2030"

Egypt is located in North Africa, with an area of about 1.02 million square kilometers and a population of about 95.69 million (statistical data from the World Bank in 2016)². In 2017, Egypt's GDP was about USD 235.4 billion³. In recent years, Egypt-

¹ This paper is funded by the Annual Youth Program of National Philosophy and Social Science Fund of China in 2016 (No.CGJ010), its title is: Studies on Strategic Docking and Risk Management of "One Belt and One Road" Initiative and Relevant Arab Countries' Development Plans.

² Data Sources. Available at: www.data.worldbank.org.cn, accessed 12.10.2018.

³ Annual GDP Data in Egypt. Available at: http://www.kuaililicai.com/stats/global/yearly_per_country/g_gdp/egy.html, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

tian economy has maintained growing year by year. It is estimated by the latest annual report published by the International Monetary Fund (IMF) that the economic growth rate in Egypt will reach 5.2% in 2017–2018 fiscal year, far higher than the 4.2% last year, and will be estimated to rise further to 5.5% in 2018–2019 fiscal year⁴. In addition, it has been reported by foreign media that: Egypt has played a key role in the member countries of three regional Free Trade Zones (the Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA), the Southern African Development Community (SADC) and the Economic Community of East African States (ECEAS) in Africa. These three free trade zones cover 26 African countries, whose GDP accounts for about 60% of the African continent's GDP and whose total population accounts for 56% of Africa's population.

Geographically speaking, Egypt connects Asia and Africa on land and borders on the Red Sea and the Mediterranean at sea, while the Suez Canal is an important waterway running north and south and connecting east and west; politically and culturally, Egypt, as a political power in the Arab world, has always been the leader of the Arab countries (Arab League) after World War II, and it has played an important role in both the Arab national democratic revolution during World War II and several Middle East Wars wars against Israel; at the same time, Egypt has a brilliant ancient Egyptian civilization, so it has also been a cultural power. At the end of 2010, affected by the turbulent “Arab Spring” in Western Asia and Northern Africa, the “Jasmine Revolution”, which was “anti-dictatorship, anti-corruption and struggling for de-

mocracy”, broke out “from bottom to top” in Egypt, the former President of Egypt Mubarak was forced to give up his power and the Muslim Brotherhood came to power elected by the people, but was ousted one year later because of the popular indignation aroused by its expansion of power, so the power was returned to the military.

In June 2014, Defense Minister Sisi ran for the presidency and won, becoming the new President of Egypt. After Sisi came to power, he devoted himself to restoring national stability and revitalizing the economy, and introduced a number of economic reforms and development plans, such as the Suez Canal corridor development project, the construction of a new capital and the golden triangle development zone project in Upper Egypt and so on. After more than two years of preparation, the new government officially launched the sustainable development strategy—“Egypt Vision 2030” in February 2016, and incorporated the above projects into more than 70 projects in the vision plan. The Vision aims to place Egypt among the top 30 countries in the world in terms of economic size (based on GDP), market competitiveness, human development, quality of life and anti-corruption by 2030⁵. As a whole, it starts from the three aspects of economy, society and environment: Regarding economic development, Egypt will have become a market economy with a steady macro-economy by 2030; it can achieve sustainable growth, pay attention to the competition, diversity and knowledge-based economy, and play an effective role in the world economy; it will have the ability to deal with changes in the world, increase the added value, provide job opportunities, and make the real per capi-

4 Steady Economic Recovery in Egypt, Expecting China's Investment by “Looking East” (2018). *GMW.cn*, May 9, 2018. Available at: http://world.gmw.cn/2018-05/09/content_28710916.htm, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

5 *Egypt Vision 2030*, p. 10. Available at: <http://sdsegypt2030.com/wp-content/uploads/2016/08/English-Booklet-2030.compressed.pdf>, accessed 12.10.2018.

6 *Egypt Vision 2030*, p. 12. Available at: <http://sdsegypt2030.com/wp-content/uploads/2016/08/English-Booklet-2030.compressed.pdf>, accessed 12.10.2018.

ta gross domestic product (GDP) reach the level of medium and high income countries⁶. With respect to social development, the goal of Egypt by 2030 is to build a fair society with equal economic, social and political rights, maximize social integration, motivate the driving force of social development, provide protection mechanisms for coping with life risks and provide support and protection for marginalized communities and vulnerable groups⁷. Concerning environmental development, by 2030, Egypt will have ensured safety and will be supporting the rational use and investment of natural resources in order to ensure the rights and interests of the next generation; Egypt will be committed to the diversification of economic production, support competition, provide new job opportunities, eliminate poverty and realize social justice, so that it can provide Egyptians with a clean, healthy and safe living environment⁸. The Vision addresses the important and pressing issues facing Egypt today, such as corruption, poverty, environmental degradation and the inadequacy of infrastructure in cities and regions⁹. In 2017, Egypt also promulgated a new *Investment Law*, which is intended to further attract foreign capital.

Both China and Egypt are among the world's four great ancient civilizations with a long history of exchanges. After the founding of the People's Republic of China, Egypt established diplomatic relations with China in 1956, being the first Arab and African country to do so, so it is of leading and model significance. In 2013, President Xi Jinping put forward the co-building of the

"Belt and Road" Initiative. In 2014, Egypt, just after the turmoil and the change of regime, under the leadership of the new President Abdel Fattah al-Sisi, also launched its new journey of national development and revitalization. At the end of the same year, Egyptian President Sisi visited China and Sino-Egyptian relations were improved becoming a comprehensive strategic partnership under the promotion of the presidents of the two countries. Both sides are devoted to linking "Belt and Road" Initiative and Egypt "Vision 2030" together effectively, and looking for new development ways of cooperation and win-win.

2. Mutual Cognition of Both Countries Regarding Each Other's Development Strategies

2.1 EGYPT'S COGNITION OF CHINA'S "BELT AND ROAD" INITIATIVE

Egypt generally welcomes and supports China's "Belt and Road" Initiative. In 2014, Egyptian President Sisi expressed, in an interview before visiting China, that China's "Belt and Road" Initiative was an "opportunity" for cooperation between China and Egypt, and Egypt was willing to participate in it actively. The Egyptian government also set up a "China Affairs Section" led by Prime Minister Ibrahim Mahlab¹⁰. The former Prime Minister of Egypt, Essam Abdul-Aziz Ahmed Sharaf, said that: The "Belt and Road" Initiative can unite China and the developing countries in Africa to achieve com-

7 *Egypt Vision 2030*, p. 13. Available at: <http://sdsegypt2030.com/wp-content/uploads/2016/08/English-Booklet-2030.compressed.pdf>, accessed 12.10.2018.

8 *Egypt Vision 2030*, p. 14. Available at <http://sdsegypt2030.com/wp-content/uploads/2016/08/English-Booklet-2030.compressed.pdf>, accessed 12.10.2018.

9 Almeida M. (2017) Egypt Vision 2030 versus the Youth Bulge. *Arab News*, July 9, 2017. Available at: <http://www.arabnews.com/node/1126876/columns>, accessed 12.10.2018.

10 Egyptian President Sisi Visited China for "Opportunity" of the "Belt and Road" Cooperation (2014). *The 21st Century Business Herald*, December 23, 2014. Available at: http://finance.ifeng.com/a/20141223/13375696_0.shtml, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

11 Xiao T.Y. (2018) From "The Voice of China" to "Sino-African Consensus" – the "Belt and Road" Leads the New Trend of Egyptian Academic Research. *China Daily*, June 24, 2018. Available at: http://china.chinadaily.com.cn/2018-06/24/content_36442765.htm, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

mon development¹¹. The Ambassador of Egypt to China, Majdi Amir, argued that: The “Belt and Road” Strategic Initiative had brought both opportunity and challenge to Egypt¹². The Egyptian media also paid close attention to the “Belt and Road” Initiative. The President of the Al-Ahram Newspaper, Ahmed Syed, asserted that: The “Belt and Road” Initiative has raised the great symbolic value of the ancient Silk Road to strengthen economic cooperation, equality and mutual benefit on the basis of justice and peace, and the vision of the “21st-Century Maritime Silk Road” made the Initiative truly international instead of being only limited to the countries along the ancient Silk Road¹³.

Egyptian scholars also talked about the great significance of the “Belt and Road” Initiative for Egypt, the Arab world and the Middle East. For example, Salah Abu-Zeed said that: The “Belt and Road” Initiative is devoted to win-win cooperation and will make great contributions to solve the crisis. The Initiative advocates peace rather than hostility, cooperation rather than confrontation, integration rather than exclusion. It thus shows the importance of this Initiative for the Arab world and the Middle East. He also mentioned that Egypt can be the most active responsive country to the “Belt and Road” Initiative among the Arab and African countries¹⁴. A well-known economist from Egypt, Najjar, has pointed out that: Egypt and China have great potential for economic and trade cooperation.

Egypt is blessed with excellent tourism resources and a large number of Chinese people choose to travel to Egypt every year; Egypt is rich in mineral and stone reserves, and Chinese enterprises can develop the resources on the basis of mutual benefit and reciprocity¹⁵. Professor of economics of Cairo University, chairman of the Egyptian Economic and Strategic Research Forum, Rashad, said that the security and stability of Egypt have attracted more tourists and foreign investors, thus helping the economic recovery of Egypt. In the national recovery plan of Egypt, the participation of China plays a significant role. Under the leadership of the “Belt and Road” Initiative, Egypt and China have great potential for investment cooperation. President of Cairo University, Mohamed Osman Abdelalim Elkhosht, considered that: The “Belt and Road” Initiative plays a significant role in the stability and development of Egypt, especially in political and economic cooperation. The Middle East countries now must look east and attach great importance to the cooperation and contact with China and other Eastern countries. With the better development of macro-economy of Egypt, Egypt and China have constantly intensified their cooperation in the political, economic and trade domain. At present, the Suez Canal Economic Zone of Egypt has signed a number of Memorandums of Understanding with such Chinese government departments as the Ministry of Commerce to promote economic and

12 Egyptian Ambassador: Looking Forward to the “Belt and Road” Strategic Initiative to Promote Project Cooperation. *Ministry of Commerce, People's Republic of China*, July 28, 2014. Available at: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyj/k/201407/20140700676867.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

13 Said A. (2016) The “Belt and Road” Initiative Evokes the Value of Justice and Peace. *Global Times*, July 29, 2016. Available at: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2016-07/9238175.html>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

14 Egyptian Scholar Abu-Zeed. The “Belt and Road” Initiative Is of Great Significance to the Arab World and the Middle East (2017). *People's Daily Online*, May 12, 2017. Available at: <http://news.sohu.com/20170512/n492761602.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

15 Exclusive Interview: The “Belt and Road” Embodies Mutually Beneficial and Fair International Relations – An Interview with Najjar, chairman of Al-Ahram Newspaper (2016). *Xinhua.net*, November 27, 2016. Available at: <http://money.163.com/16/1127/22/C6TM840900258056.html>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

trade interaction between Egypt and China in the Suez Canal area¹⁶.

2.2 CHINA'S COGNITION OF EGYPT "VISION 2030"

Chinese leaders have pointed out on several occasions to fully synergize the development strategy of China, the "Belt and Road" Initiative, and that of Egypt "Vision 2030". During the BRICS Xiamen Summit in September 2017, President Xi Jinping mentioned when meeting with Egyptian President Sisi that: We need to synergize the development strategies and take advantage of the building of infrastructures and cooperation on capacity to make Egypt a supporting country along the "Belt and Road"¹⁷. In July 2018, the 8th Ministerial Meeting of the China-Arab States Cooperation Forum was held in Beijing, the Foreign Minister of Egypt, Shukri, attended the meeting and held talks with Foreign Minister Wang Yi, who said that China was willing to strengthen the synergy between the development strategy of China and that of Egypt, and that Egypt was welcomed to participate in the co-building of the "Belt and Road" Initiative and the intensification of cooperation on the capacity of production, on economy, trade, culture and on security¹⁸. In September 2018, Egyptian President Sisi attended the Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) and held talks with Chinese President Xi Jinping. Xi Jinping pointed out that China regarded

Egypt as an important and long-term cooperative partner in the co-building of the "Belt and Road" Initiative, and was willing to closely synergize the "Belt and Road" Initiative and the development strategies of Egypt "Vision 2030" and the "Suez Canal Corridor Development", thus promoting the pragmatic cooperation of the two countries and strengthening their cooperation on the security of counter-terrorism¹⁹. Before the opening of the Forum, the Chinese Ambassador to Egypt, Song Aiguo, declared in the joint interview by Chinese media that the theme of Beijing Summit was "win-win cooperation and co-building of a closer China-Africa Community of Common Destiny", and the main aspect was to integrate China's development strategy with those of African countries²⁰.

Chinese scholars are generally optimistic about Egypt "Vision 2030", and hold the opinion that there is tremendous room for strategic cooperation between China and Egypt. Assistant research fellow of the China Institute of Contemporary International Relations (CICIR), Dong Bing, holds the opinion that: the strategy of Egypt "Vision 2030" emphasizes the combination of development and environmental protection, employment and the improvement of labor quality, and comprehensively advances the economic and social development of Egypt at the same pace in a fair, just and balanced way, thus building a new Egypt which is good at innovation, lays stress on people's livelihood and of sustainable de-

16 Steady Economic Recovery in Egypt, Expecting China's Investment by "Looking East" (2018). *GMW.cn*, May 9, 2018. Available at: http://world.gmw.cn/2018-05/09/content_28710916.htm, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

17 Xi Jinping Met with the President of Guinea, President of Egypt and Prime Minister of India Respectively (2017). *Beijing Daily*, September 6, 2017. Available at: http://bjrb.bjd.com.cn/html/2017-09/06/content_173054.htm, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

18 Talks between Wang Yi and Egyptian Foreign Minister Shukri: Welcome Egypt's Participation in the "Belt and Road" (2018). *China News*, July 8, 2018. Available at: <http://news.sina.com.cn/o/2018-07-08/doc-ihzpzwt6798588.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

19 Talks between Xi Jinping and Egyptian President Sisi (2018). *Xinhua News Agency*, September 2, 2018. Available at: <http://world.huanqiu.com/article/2018-09/12900390.html>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

20 Chinese Ambassador to Egypt: Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation Will Synergize the Development Strategies of China and Africa (2018). *China Central Broadcasting Station International Online*, August 24, 2018. Available at: <http://news.cri.cn/20180824/65252853-5461-8514-c582-2c9286d9fb1e.html>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

velopment²¹. Former Vice President of the Chinese People's Institute of Foreign Affairs (CPIFA), former Chinese Ambassador to the United Arab Emirates and Jordan, Liu Baolai, mentioned that: Egyptian President Sisi announced that the Egyptian strategy "Vision 2030" had its aim of raising Egypt's GDP to 12% and reducing its fiscal deficit to 2.28% by 2030. At the same time, Sisi made great efforts to develop the urban and rural construction, expand the tourist facilities, widen the Suez Canal and implement the land improvement scheme of "Million Feddan", which has made significant achievements²². Research fellow of the Middle East Institute of Shanghai International Studies University, Niu Song, holds the opinion that: Sisi's high-profile launching of the "Vision 2030" and his vigorous promotion of a number of large economic projects in recent years were not the work of a single day. Therefore, Egypt will work hard to ensure the existing cooperation with the relevant countries in a number of specific domains²³.

3. Priorities for Cooperation and Main Achievements of the Strategic Synergy between China and Egypt

3.1 POLICY COORDINATION

The past 60 years since the establishment of the diplomatic relations between China and Egypt have witnessed the fact that the friendly relationship of the two countries has withstood the test of domestic and international vicissitudes; both countries have always supported, respect-

ed and trusted each other and maintained a good cooperative relationship. Since the establishment of bilateral diplomatic relations in 1956, those relations have been developing smoothly. Currently, both countries face the great dream of national development and rejuvenation. Both sides should give full play to the leading role of high-level visits, give firm support to each other's most core interests and constantly enrich the strategic connotation. The two sides should synergize their development strategies and visions, and take advantage of the construction of infrastructures and the capacity for production to make Egypt a supporting country along the "Belt and Road"²⁴. In December 2014, Egyptian President Sisi paid a state visit to China and signed the joint statement on establishing a Sino-Egyptian comprehensive strategic partnership. China, the world's second largest economy and Egypt's largest trading partner, has become an important target of the "Looking East" diplomatic policy of the new Egyptian government. From the perspective of the region, nowadays countries in the Middle East and Africa "look east", which keeps pace with China's speeding up opening west. Being an important member of Sino-Arab Cooperation Forum and Sino-African Cooperation Forum, Egyptian regional power status helps to coordinate and promote the communication and cooperation between China and these countries, so the development of Sino-Egyptian relations enlivens the trend of "east and west close" [Duan 2015]. In March 2015, Egypt applied to join the Prospective Founding Members of AIIB. In September 2015, Egyptian Presi-

21 Dong Bing (2018) Egypt, Find a Way out. *World Affairs*, May 1, 2018. Available at: http://www.sohu.com/a/230031924_825951, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

22 Liu Baolai (2018) What Are the Three Major Challenges Facing Re-elected Egyptian President Sisi? *Xinhua News Agency*, April 4, 2018. Available at: http://www.cssn.cn/gj/gj_hqxx/201804/t20180404_3897984.shtml, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

23 Niu Song (2018) The Continuation of Policy Depends on Protection from the Political Strongman. *Wen Hui Bao*, April 2, 2018. Available at: <http://www.cec.mofcom.gov.cn/article/policy/201804/399219.html>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

24 Let the "Belt and Road" Yield Positive Results in Egypt (2016). *China Economic Net*, January 23, 2016. Available at: http://news.sohu.com/20160123/n435594853.shtml?z_n951t.html, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

dent Sisi was invited to attend the Commemoration of the 70th Anniversary of the Victory of the Chinese People's War of Resistance against Japanese Aggression and the World Anti-Fascist War, and watched the parade from the Tiananmen rostrum with leaders of other countries. At the same time, Egypt also sent troops to participate in the march-past performance of the parade.

In January 2016, President Xi Jinping visited Egypt, which was the first visit to Egypt by a Chinese leader after 12 years. The Presidents of the two countries once again reached the *Five-Year Implementation Program of the People's Republic of China and the Arab Republic of Egypt on Strengthening the Comprehensive Strategic Partnership between the Two Countries* on the basis of the establishment of a comprehensive strategic partnership in 2014, and made detailed plans and a program for the development and cooperation of Sino-Egyptian relations in the next five years, covering 80 items of 10 major projects involving politics, economy and trade, military and security, energy and oil and gas industrial cooperation and so on. The two countries also signed the *Memo-randum of Understanding between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Arab Republic of Egypt on Jointly Promoting the Silk Road Economic Belt and the 21st-Century Maritime Silk Road* and a number of documents on the bilateral cooperation in the domains of electricity, construction of infrastructures, economy and trade, energy, finance, aeronautics and astronautics, culture, news, technology and climate change and so on. The Presidents of both countries also jointly inaugurated the second phase of the Sino-Egyptian Suez Economic and Trade Cooperation Zone; this proj-

ect will bring in more than 100 enterprises involved in the fields of textiles and garments, oil equipment, motorcycles and solar energy, which can create more than 10,000 jobs for Egypt²⁵. This visit further consolidates the comprehensive strategic partnership of the two countries and fully synergizes the "Belt and Road" Initiative and the development strategy of Egypt, increasing the foreign investment of Chinese enterprises in Egypt, which is conducive to the post-turmoil reconstruction and economic recovery of Egypt.

In September 2017, the BRICS Summit was held in Xiamen, China, which initiated the "5+9" mode (BRICS + 9 emerging market countries and developing countries). Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi was also invited to attend the Summit. The Summit provided an important communication platform for emerging market countries and developing countries to exchange their experiences of development, thereby facilitating them to find their own developmental paths and promoting South-South cooperation. In addition to strengthening cooperation in the fields of economy, trade, culture, and diplomacy, Egypt and China also maintained good communication and cooperation on security, counter-terrorism, and regional and international hotspot issues.

In July 2018, the 8th Ministerial Meeting of the Sino-Arab Cooperation Forum was held in Beijing. The foreign ministers of more than 20 Arab countries, including Egyptian Foreign Minister Shukri, led delegations to attend the meeting. During that period, the China and Arab side jointly issued the *Declaration of Action on China-Arab States' Belt and Road Cooperation*, and several other cooperation documents. Egyptian Foreign Minister Shukri made a speech in the China Institute of

25 Fast Read President Xi Jinping's Visit to Egypt (2016). *Xinhua.net*. January 23, 2016. Available at: <http://www.chinanews.com/gn/2016/01-23/7729187.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

Contemporary International Relations and expressed that the priorities of economic cooperation between Egypt and China included the construction of infrastructures in Egypt and other regions of Africa, South-South cooperation projects, energy cooperation, and interconnection²⁶. At the beginning of September 2018, the Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) was held; Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi attended the Summit and signed a series of agreements aiming at strengthening cooperation in various fields. Since Egypt would be the next rotating presidency of the African Union (AU), President Sisi promised to continue to promote the cooperation between Africa and China, and Egypt would fully support China in successfully holding the Summit and positively assess China's just position on the Middle East issue²⁷.

3.2 FACILITIES CONNECTIVITY

After coming into power, Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi made great efforts in economic development and expected that national economic development could be promoted through constructing large-scale development projects planned in the "Vision 2030", including the New Suez Canal Corridor Economic Belt Project, the New Capital Administrative Center Project, the Golden Triangle Project, and the related roads, bridges, tunnels, land and sea ports, and traditional and renewable energy projects, which were regarded as the "highlights" of Egypt's development in the coming decades. With significant advantages in infrastructure, electricity, transportation and energy and so

on, China would carry out more cooperation with Egypt in the future.

The Suez Canal, located in Egypt, connects Asia, Europe and Africa, and it is one of the world's most frequently used watercourses. At present, China is the largest user of the Canal. After coming to power, President Sisi started the extension project in August 2014, which involved the excavation of a new canal 35 km long, and the widening and deepening of the existing canal of 37 km. In August 2015, the new canal was successfully opened. Chinese companies such as the China Harbour Engineering Company Ltd. (CHEC) and the Sino hydro Group Ltd. participated in the construction of the new Suez Canal in the fields of energy, railway and electronics and so on. In August 2018, CHEC started the construction of the Sohna Port to the south of the Suez Canal. The success operation of Sino-Egyptian Suez Canal Zone provides a model for Sino-Egyptian industrial cooperation, and next step should be to further support its construction, encourage Chinese companies to enter it and realize industrial clustered transfer and development [Ding 2016].

In 2016, when President Xi Jinping visited Egypt, China and Egypt signed a series of documents regarding their cooperation on large-scale projects, which involved an amount of more than USD 10 billion. In the construction of the new capital of Egypt, China played a vital role. The two sides signed a package of EPC contracts, involving the construction of the National Convention Center, the Parliament Building, the Convention and Exhibition Town, and the Office Buildings of 12 Ministries, with a total contract amount

26 Chen Jing (2018) Egyptian Foreign Minister Sameh Shukri: China-Arab States Cooperation Forum Is an Excellent Communication Platform. CYOL. July 10, 2018. Available at: http://news.cyol.com/yuanchuang/2018-07/10/content_17369655.htm, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

27 Sun Yi (2018) Talks between President Xi Jinping and the Egyptian President: Combine the "Belt and Road" Initiative with "2030 Vision". Xinhua News Agency, September 2, 2018. Available at: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/64559.htm>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

of about USD 2.7 billion and a construction period of 3 years. After completion of the new capital, it will become a new political center and financial center of Egypt, thereby earnestly promoting the development of the Suez Canal Economic Belt and the Red Sea Economic Belt, and promoting the realization of Egypt's National Renaissance Plan²⁸. In September 2018, witnessed by the Egyptian President Abdel Fattah al Sisi who came to attend the Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation, the China State Construction Engineering Corporation signed an EPC Contract for the Central Business District (Phase II) of Egypt's New Capital valuing USD 3.5 billion with the Egyptian Ministry of Investment and International Cooperation, and signed an EPC Contract for the Suez Refining and Petrochemical Plant valuing USD 6.1 billion with the Egypt Eastern Oil and Gas Company²⁹. At present, the construction (Phase I) of the above project signed in 2016 is being smoothly carried out, and once the cooperation is successfully completed, the project will become a symbolic project of Si-

no-Egyptian cooperation against the background of the "Belt and Road".

In terms of electricity, the first stage of the Egypt State Grid 500 kV transmission project undertaken by the China State Grid Corp was successfully completed and put into operation in October 2016; the Egyptian side was satisfied with the quality and speed of the project. It was the first contracted project of cooperation on capacity between China and Egypt in the framework of the "Belt and Road", with a total investment amount of approximately USD 760 million. In terms of transportation, AVIC INTL will construct a light railway, "the city of 10 days of Ramadan", between Cairo and the new administrative capital for Egypt. The project involves the two-line electrified light railway with a design speed of 120 km/h and 11 stations, with the total mileage of about 66 km and the contract amount of USD 1.24 billion³⁰. The project will provide great convenience for residents along the railway. In September 2018, during the Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation, POW-ERCHINA and Egyptian Electricity Hold-

Table 1. The Cooperative infrastructural projects

	Items	Finished	In Construction
The Cooperative infrastructural projects	Construction	the extension of Suez Canal project in 2014	Sino-Egyptian Suez Canal Zone
			the New Capital Administrative Center Project (I,II)
	Energy	the first stage of the Egypt State Grid 500 kV transmission project in 2016	the Suez Refining and Petrochemical Plant
			the Ataq Pumped-Storage Power Station
			the Egyptian 6×1100MW Clean Coal-fired Project
	Transportation	Some roads and railways in the above extension of Suez Canal project	a light railway named "the city of 10 days of Ramadan" between Cairo and the new administrative capital

28 China State Construction Won the Order of Construction of the Egypt New Capital Valuing USD 2.7 Billion (2016). *Xinhua News Agency*, January 22, 2016. Available at: http://www.xinhuanet.com/2016-01/22/c_128654197.htm, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

29 China State Construction Signed an EPC Contract Valuing USD 9.6 Billion with Egypt (2018). *China State Construction*, September 3, 2018. Available at: http://www.csec.com/zgjz_new/xwzx_new/gsyw_new/201809/2888491.html, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

30 Official Signing of the Contract for the Suburban Rail of "the city of 10 days of Ramadan" in Egypt (2017). *People's Daily Online*, August 15, 2017. Available at: <https://news.china.com/internationalgd/10000166/20170815/31102682.html>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

ing Company (EEHC) signed the framework cooperation document for the Ataq Pumped-Storage Power Station; Dongfang Electric Corporation signed an EPC Contract for the Egyptian 6×1100MW Clean Coal-fired Project, which was the first time that a Chinese company had introduced the clean coal-fired technologies with independent intellectual property rights to the world³¹. In all, the following table shows the above projects briefly (Table 1).

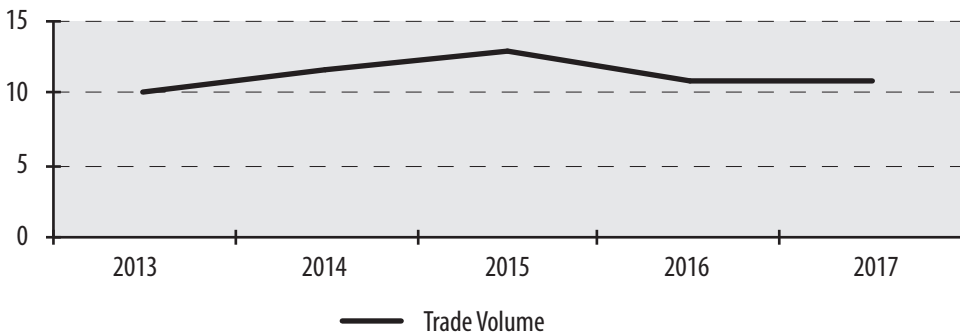
3.3 UNIMPEDED TRADE

In the field of trade and investment, after the proposing of the “Belt and Road” Initiative, Sino-Egyptian bilateral trade enjoyed a gradual increase in the first three years but experienced a slight decrease in the following two years. From 2013 to

2017, the bilateral trade volume exceeded USD 10 billion each year (Figure 1) reaching USD 10.21 billion, USD 11.62 billion³², USD 12.87 billion³³, USD 10.99 billion³⁴ and USD 10.87 billion³⁵, respectively.

China has become the largest trading partner of Egypt, and it mainly exports mechanical and electrical products, vehicles and their accessories, steel and steel products, plastics and their products and textiles and so on to Egypt; and imports crude oil, liquefied petroleum gas, stone and agricultural products from Egypt³⁶. What is worth mentioning is that Egypt expanded its exportation of agricultural products to China in 2017; from January to September, the value of imported fresh oranges from Egypt reached USD 80 million, with a year-on-year growth rate of 208%³⁷.

Figure 1. Sino-Egyptian trade volume from 2013–2017 (USD billion)

31 What Orders Did Central Enterprises Get during the Forum on China-Africa Cooperation? (2018). *BJX.com*, September 5, 2018. Available at: <http://news.bjx.com.cn/html/20180905/925722.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

32 “The First” in Sino-Egyptian Friendly Communication (2016). *Xinhua.net*, January 20, 2016. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2016-01/20/c_128648911.htm, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

33 Foreign Investment Cooperation Country (Region) Guide: Egypt (2017). *Ministry of Commerce. People's Republic of China*, December 28, 2017. Available at: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/zchj/zcfg/6648.htm>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

34 China-Africa Trade Data: Trade Data between China and African Countries and Related Rankings in 2016 (2017). *Ministry of Foreign Affairs*, April 10, 2017. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/zflr/chn/zxxx/t1452476.htm>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

35 Sino-Egypt Economic and Trade Cooperation Starts Accelerating (2018). *MIE Group*, March 30, 2018. Available at: https://item.btime.com/m_98803a16fcc944ebb, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

36 Sino-Egypt Trade Volume Declined in 2016 for the First Time in the Past Six Years (2017). *Ministry of Commerce. People's Republic of China*, February 6, 2017. Available at: <http://eg.mofcom.gov.cn/article/i/201702/20170202510620.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

37 China and Egypt Take Solid Steps in the Construction of the “Belt and Road”, Bilateral Economic and Trade Cooperation Enters a New Golden Development Period (2017). December 20, 2017. Available at: http://www.sohu.com/a/211575082_115239, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

With the increase in trade between the two countries, China has gradually expanded its investment in Egypt. Till 2017, China's direct and indirect investment in Egypt had reached about USD 7 billion, and created more than 10,000 employment posts in Egypt³⁸. At present, the flagship project of China-Egypt cooperation – TEDA Suez Economic and Trade Cooperation Zone – has attracted 68 enterprises for settlement, with the investment of about USD 1 billion; more than 2,000 employment posts have been created for the local people³⁹. It has become a representative "bridgehead" for Chinese-funded enterprises to enter Egypt and even Africa. In January 2016, President Xi Jinping unveiled the construction project of the TEDA SUEZ (Phase II) with Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi during his visit to Egypt. Its scale was further expanded, and it would bring more economic benefits to Egypt. It has become a model of Chinese overseas industrial parks under cooperation with other countries.

3.4 FINANCIAL INTEGRATION

In terms of financial integration, the central banks of both China and Egypt signed a three-year bilateral currency swap agreement with a scale of RMB 18 billion in December 2016. In addition, in the past two years, the financial institutions, such as the China Development Bank, the Export-Import Bank of China, the Asian Infrastructure Investment Bank, the Industrial and Commercial Bank of China and the China Export & Credit Insurance Corporation, provided loans and credits for

Egypt in various means, and the contract amount exceeded USD 5 billion⁴⁰. In the same year, the China Development Bank issued a loan of USD 1.4 billion to financial institutions in Egypt, USD 900 million of which was issued to the central bank of Egypt, which was the first large-scale credit issued by the China Development Bank to an overseas central bank⁴¹. In 2016, China had surpassed America officially as the largest oil importer. From this beginning, China should give play to its comprehensive advantages such as investment and financing, vigorously promote RMB pricing and settlement of oil and other staple commodities in countries along the routes of "One Belt and One Road", such as Saudi Arabia, Egypt and so on, in order to improve the use of RMB in the international trade and realize the important function of RMB internationalization [Meng, Lv, Zhang 2017].

3.5 PEOPLE-TO-PEOPLE BOND

As ancient civilizations of the world, China and Egypt have always been engaged in cultural exchanges. Egypt is one of the Arab countries with the best basis for folk exchanges with China, and the Chinese culture is highly accepted in Egypt. In 2016, it was the 60th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Egypt, and also the Chinese-Egyptian Culture Year. As of 2016, the number of Chinese-speaking tour guides in Egypt who could introduce the history and culture of Egypt to Chinese tourists, had reached 1,000; they are also the folk ambassadors of Sino-

38 Foreign Investment Cooperation Country (Region) Guide: Egypt (2017). *Ministry of Commerce, People's Republic of China*, December 28, 2017. Available at: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/zchj/zcfg/6648.htm>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

39 Construction of Industrial Parks Ensures Stable Development of the "Belt and Road" (2017). *China-wl.cn*, September 25, 2017. Available at: <http://news.56888.net/2017925/4660199732.html>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

40 China and Egypt Take Solid Steps in the Construction of the "Belt and Road", Bilateral Economic and Trade Cooperation Enters a New Golden Development Period. December 20, 2017. Available at: http://www.sohu.com/a/211575082_115239, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

41 Song Aiguo (2017) Promote Sino-Egyptian Cooperation Based on the "Belt and Road". *Study Times*, May 22, 2017. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceegy/chn/zxxx/t1464406.htm>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

Egyptian friendship. The number of Chinese tourists to Egypt has been increasing year by year. Fifteen universities in Egypt have established a major in Chinese. Two Confucius Institutes and three Confucius Classrooms have been built by China and Egypt, with the nearly 2,000 registered students; the “Chinese fever” has gradually emerged. The scale of international students in both countries has been expanding. At present, there are more than 1,000 Egyptian students studying in China, and more than 2,300 Chinese students studying in Egypt; Egypt ranks the first in West Asian and North African countries in terms of the number of Chinese students. There are nearly 1,000 direct flights between China and Egypt, which could make exchanges between the people of China and Egypt more convenient⁴². Many Chinese films and television programs are also popular in Egypt, such as Jin Tailang’s *Happy Life*, the *Daughter-in-law’s beautiful time* and *Parents’ Love*, which could help the Egyptian people to better understand the current development of China, perform cultural exchanges and deepen bilateral cooperation.

4. Possible Risks in the Strategic Coordination between China and Egypt

4.1 POLITICAL RISKS

Currently, the domestic politics of Egypt are relatively stable. There are no large-scale anti-government riots and disputes, and political risks are relatively small. Since 2014 when Egyptian President Abdel Fattah al-Sisi came to power, the situation of turmoil has gradually returned

to stability. In 2016, the new government launched the “Vision 2030” to revitalize the national economy, improve people’s livelihood and build a new Egypt. In 2018, President Sisi was successfully re-elected with more than 96% of the votes, which indicated that his ruling was the common aspiration of the people. In recent years, although Egypt has experienced the “Jasmine Revolution” and two changes of regime, the Governments of Egypt has maintained its policy toward China. All of the presidents adhered to the development of traditional friendly relations with China. For example, the Sino-Egyptian TEDA Suez Economic and Trade Cooperation Zone established in 2008 has been in operation for 10 years. It has experienced the trial of the turbulent situation of Egypt since 2011, and has achieved steady growth in revenue, realizing an increase in its main business income from USD 30,826,100 in 2009 to USD 318.44 million in 2017, with a growing rate of 933%. Particularly, the revenues have experienced breakthrough growth since 2014 and reached USD 144,646,000 in 2014 from USD 62,258,300 in 2013⁴³. In addition, in terms of external factors affecting the stability of Egypt’s regime, President Sisi adhered to a multi-balanced diplomacy, and has visited foreign countries on many occasions, to improve the relations with the United States, Russia, and China, and obtain their support and assistance for the revitalization of Egypt. As for the Middle Eastern issues, he advocated a diplomatic solution, which helped Egypt to win a good reputation internationally, thereby creating a loose international environment for Egypt’s reform and development. But there are still anti-governmental forces existing in Egypt

42 Liu Yandong (2016) Make Cultural Exchange a Heart Bridge for Co-construction of the “Belt and Road” between China and Egypt. *Ministry of Foreign Affairs*, March 25, 2016. Available at: <http://www.syfao.gov.cn/Article/ShowArticle.asp?ArticleID=717>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

43 Suez Economic Trade And Cooperation Zone Statistics, 2008/2018. *Teda Ten Years Summary*, p. 179. Available at: http://www.setc-zone.com/doc/003/000/015/00300001508_7dd206b0.pdf, accessed 12.10.2018.

like "Muslim Brotherhood" and other oppositions and easily inciting the masses to hold demonstrations and disrupt the situation.

4.2 ECONOMIC RISKS

Egypt "Vision 2030" developed a number of economic, social and environmental development indicators, and planned 77 large-scale infrastructure projects such as the Suez Canal Hub Project, the New Administrative Capital Project and the 4-Million Feddan Project, involving the fields of transportation, construction, energy and so on. China has already participated in the cooperation on some of the major projects, and the scale of that cooperation has been expanding. China's infrastructure investment in Egypt is large in amount, long in term and vulnerable to the domestic and international economic situation in Egypt, so there are certain economic risks. Firstly, the changes of global trade: in 2015, Egypt expanded the Suez Canal Hub Project, but due to the shrinking of the scale of global trade and the fall in oil prices, many international shipping companies decided to travel through the Cape of Good Hope rather than the Suez Canal, for reducing the cost; as a result, the income of the new canal declined. Secondly, the increase of infrastructure debt: As for the domestic economic situation, President Sisi vigorously carried out economic reform after his coming to power, including cracking down on the black market, canceling some fuel subsidies and cutting fiscal deficits, which gradually improved the overall economic situation. However, due to the implementation of the "Vision 2030", a number of major projects have been launched in a short period

of time; the external debt has been significantly increased. According to the Central Bank of Egypt, the total external debts of Egypt in the first quarter of 2018 reached USD 88.1 billion, accounting for 36.8% of its GDP; most of the debts are long-term debts of 15–60 years, which are mainly used for financing for large-scale development projects⁴⁴. Thirdly, the devaluation of Egyptian pound and inflation in Egypt: because of insufficient foreign exchange reserves (mainly US dollars and gold), the volume of imported goods (living necessities such as wheat and sugar) decreased, and the fuel subsidies were cancelled by the government, which directly stimulated the price increase and currency depreciation. In November 2016, the Central Bank of Egypt implemented the floating exchange rate of the Egyptian pound, which further accelerated the currency devaluation, thereby forming a vicious circle. At the beginning of April 2018, the USD/EGP ratio reached 1:17⁴⁵.

4.3 SECURITY RISKS

The conflicts in Egypt mainly stems from the contradictions and confrontations between various armed groups and governmental forces. And these non-governmental armed groups present a clear fragmentation feature [Zhou, Feng 2017]. At present, the biggest security risk in Egypt is the occurrence of terrorist attacks, which would disrupt the public security. Although the frequency has decreased drastically, the anti-terrorism situation is still severe. In April 2017, bombing attacks took place against churches in Tanta and Alexandria in the north of Egypt, which killed at least 45 people, and the extremist organization "Islamic State" claimed to be

44 External Debt of Egypt Increased to USD 88.1 Billion at the End of the First Quarter of 2018 (2018). *Egypt Daily News*, August 7, 2018. Available at: <http://wemedia.ifeng.com/74187778/wemedia.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

45 What Are the Three Major Challenges Facing Re-elected Egyptian President Sisi? (2018). *Xinhua.net*, April 4, 2018. Available at: <http://world.people.com.cn/n1/2018/0404/c1002-29907229.html>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

responsible for the attacks⁴⁶. On November 24, 2017, a terrorist attack took place in a mosque in the North Sinai Governorate of Egypt, which killed at least 305 people and injured 128 people. Since April 2017, the Government of Egypt has repeatedly declared the states of emergency, which have not been relieved until now. The Egyptian army launched a large scale anti-terrorism action “Sinai 2018” at the beginning of the year, and the Ministry of the Interior announced that the number of terrorist attacks in Egypt had dropped from 481 in 2014 to 22 in 2017⁴⁷. So the security situation has improved under the intense anti-terrorism pressure of the Egyptian government, but the casualties and panic caused by terrorist attacks still pose great risks to national security and the stability of social order. As the main forces of the “Islamic State” were eliminated and scattered in Syria and Iraq, some remnants spilled into Egypt or merged with local extremists, which had a negative impact on the strategic synergy between China and Egypt.

5. Conclusion

China’s “One Belt and One Road” Initiative has strong strategic synergy with Egypt’s “2030 Vision”. Firstly, after Egyptian national turmoil caused by the “Arab Spring”, the President Sisi started plans of the economic revitalization in 2014 and adopted “2030 Vision” in 2016. As mentioned above, the “2030 Vision” encompasses several large infrastructure projects which are in need of financing support. China proposed the “One Belt and One Road” Initiative in 2013, and then led the establishment

of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the Silk Road Fund, providing diversified financing platforms for infrastructure construction projects in the countries along BRI routes including Egypt. Secondly, China has comparative advantages in areas such as infrastructure, high-speed rail, energy, science and technology, while Egypt has a vast market and developmental potentiality which provide cooperation space and opportunities for the synergy of bilateral strategies. Thirdly, China adheres to the principle of “putting justice first with interests” and upholds the concept of “jointly consulting, building and sharing”, and its assistance and cooperation with Egypt are without any political conditions which win the recognition and trust of the Egyptian side. Fourthly, Egypt is now adopting a “Look East” foreign policy and hopes to develop its economy owing to the BRI. Therefore, both strategies have a convergence in many aspects.

Furthermore, in response to western accusations that the BRI has created a “debt trap” for countries such as Sri Lanka, the former President of Sri Lanka Rajapaksa pointed out: “the total construction cost of Hambantota Port is \$1.761 billion, and the loan deadline is the year of 2036. And by the end of 2016, \$500 million had been paid off. All loans are taken out of profits by Sri Lanka Port Authority (SLPA) without any problems. The SLPA had carefully planned to repay the loan before the port could break even, and there was no so-called China ‘debt trap’ ”⁴⁸. In addition, Malaysia’s new Prime Minister Mahathir stopped several cooperation projects with China after his taking office. This kind of leadership change and political instability

46 The Anti-terrorism Situation Is Still Severe, the State of Emergency Was Extended for Another Three Months (2018). *China News*, January 4, 2018. Available at: <http://mil.news.sina.com.cn/2018-01-04/doc-ifyqinzs8443529.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

47 Election in Egypt: Re-election of the Current President Sisi, and Challenges to His Future Governance (2018). *Xinhua net*, April 2, 2018. Available at: <http://www.chinanews.com/gj/2018/04-02/8481311.shtml>, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

48 Wan Zhe (2018) Debt Traps? Split Europe? Destroy the Environment? Fallacies about the “One Belt and One Road” review. *China Going Global Think-tank (CGGT)*, August 24, 2018. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA4NTI3NzExNg%3D%3D&idx=1&mid=2651259983&sn=668a285298970cd84cfd950b28cafae2, accessed 12.10.2018 (in Chinese).

caused some obstacles to Sino-Malaysian cooperation. It is believed that both sides can find a win-win solution through sincere negotiation in good faith. Therefore, there is no factual basis for fears of the cooperation between China and Egypt which may create a "debt trap". Because the cooperation projects between two sides are market-oriented, and a large amount of investments and loans have medium to long term and relatively low risks with enough consideration of Egypt's economic development and loan repayment capability.

References

- Dai X.Q. (2015) Egypt: the Middle East Pivot of "the Belt and Road". *Journal of Daqing Normal University*, vol. 36, no 2, pp. 51–55 (in Chinese).
- Ding F. (2016) Study on the Path of China-Egypt Industrial Cooperation Based on the "One Belt and One Road". *Reform of Economic System*, no 5 (in Chinese).
- Duan Z.C. (2015) Research on Sino-Egyptian Economic and Trade Cooperation from the Perspective of "One Belt and One Road" Initiative. *Inquiry into Economic Issues*, no 6, pp. 92–96 (in Chinese).
- Gao S.T. (2016) The Arab Stakeholders and China's Belt and Road Initiative. *Journal of International Relations*, no 6, pp. 59–77 (in Chinese).
- Hua Y.T. (2017) Cases and Lessons of Development Financing in One Belt and One Road Strategy. *Zhejiang Finance*, no 1, pp. 75–80 (in Chinese).
- Jan S. (1964) "Communist China's Economic Relations with Africa 1960–1964". *Asian Survey*, vol. 4, no 11, pp. 1135–1143.
- Liu D. (2017) Promoting China-Arab Capacity Cooperation through Building Overseas Industrial Parks. *West Asia and Africa*, no 6, pp. 114–136 (in Chinese).
- Ma X., Song C.C. (2016) China-Egypt Suez Economic and Trade Cooperation Zone: New Oasis on the "The Belt and Road". *West Asia and Africa*, no 2, pp. 109–126 (in Chinese).
- Meng G., Lv S.R., Zhang Z.H. (2017) Research on Realizing RMB Internationalization in Arabic Union Countries. *New Finance Review*, no 6.
- Naguib R.I., Xu F.Y. (2016) Economic Growth, Foreign Direct Investment and Privatization in Egypt and China: Preliminary Results. *Global Business & Economics Anthology*, vol. 2, (Dec. 2016), pp. 138–159.
- Onjala J. (2018) China's Development Loans and the Threat of Debt Crisis in Kenya. *Development Policy Review*, vol. 36, no S2, pp. O710–O728.
- Tong F. (2016) Sino-Egyptian Economic and Trade Cooperation in the Framework of "One Belt and One Road" Initiative. *Journal of International Economic Cooperation*, no 12, pp. 20–23.
- Wu Y.H. (2015) Middle Eastern Corridor Construction of "One Belt and One Road": Risks Control and Related Paths. *Social Sciences in Ningxia*, no 6, pp. 108–115 (in Chinese).
- Xiao Y. (2015) The Food Crisis of Arab Countries in Perspective of "One Belt and One Road" Strategy. *Arab World Studies*, no 4, pp. 45–58 (in Chinese).
- Xue Q.G. (2015) "The Belt and Road" Initiative and Its Promotion in the Arab World: Public Reactions, Promotion Practice and Suggestions. *West Asia and Africa*, no 6, pp. 36–52 (in Chinese).
- Yu J.H. (2016) Sixty Years of Sino-Egyptian Relations: Retrospect and Prospect. *Arab World Studies*, no 5, pp. 3–16 (in Chinese).
- Zhao J. (2016) Egypt's Development Strategy and the Belt and Road Initiative. *Arab World Studies*, no 3, pp. 75–89 (in Chinese).
- Zhou Y.Q., Feng S. (2017) Innovated Method of Security Risks Analysis: With the Example of Building the BRI Political Security Risks Dataset. *Global Review*, vol. 9, no 5, pp. 163–164 (in Chinese).

Точка зрения

Стратегическое сопряжение программы «Видение Египта 2030» и китайской инициативы «Пояса и пути»

Цзюйань ЧЭНЬ

PhD по арабскому языку и литературе, исследователь на позиции постдока, Институт международных исследований, Фуданьский университет, Шанхай, КНР.
Адрес: No.220 Handan Road, Yangpu District, Shanghai, 200433, China.
E-mail: chenjuan@fudan.edu.cn

ЦИТИРОВАНИЕ: Chen J. (2018) Strategic Synergy between Egypt "Vision 2030" and China's "Belt and Road" Initiative. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 219–235. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-219-235

АННОТАЦИЯ. Китай и Египет под-
держивают дипломатические отно-
шения на протяжении 62 лет. В 2013 г.
председатель КНР Си Цзиньпин выдвиг-
нул инициативу «Пояса и пути» и при-
гласил страны, расположенные на его
маршрутах, к сотрудничеству в рам-
ках данного проекта. В 2014 г. вновь
избранный президент Египта А-Ф. Х.
Ас-Сиси посетил Китай, и обе сторо-
ны улучшили двусторонние отноше-
ния до уровня всеобъемлющего стра-
тегического партнерства. Затем в
2016 г. президент Египта инициировал
новую национальную стратегию раз-
вития под названием «Видение Египта
2030». Теперь обе страны находятся в
поиске подходящих направлений для со-
трудничества в соответствии с эти-
ми планами. В этой статье рассма-
тривается реализация стратегиче-
ского взаимодействия между програм-
мами «Пояса и пути» и «Видение Еги-
пта 2030», оцениваются достигнутые
результаты и риски сопряжения. Ав-
тор приходит к выводу, что в насто-
ящее время синергия между стратеги-
ями развития обоих государств, бла-
годаря поддержке высших руководите-

лей, сделалась значительной. Вместе с
тем сохраняются как политико-эконо-
мические риски, так и вызовы в обла-
сти безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Инициати-
ва «Пояса и пути», «Видение Египта
2030», стратегическая синергия, ри-
ски, внешняя политика, международ-
ные отношения

Список литературы

- Dai X.Q. (2015) Egypt: the Middle East
Pivot of "the Belt and Road" // *Journal of*
Daqing Normal University, vol. 36, no 2,
pp. 51–55 (на китайском языке).
Ding F. (2016) Study on the Path of
China-Egypt Industrial Cooperation
Based on the "One Belt and One Road" //
Reform of Economic System, no 5 (на ки-
тайском языке).
Duan Z.C. (2015) Research on Sino-
Egyptian Economic and Trade Coopera-
tion from the Perspective of "One Belt and
One Road" Initiative // *Inquiry into Eco-
nomic Issues*, no 6, pp. 92–96 (на китай-
ском языке).

Gao S.T. (2016) The Arab Stakeholders and China's Belt and Road Initiative // *Journal of International Relations*, no 6, pp. 59–77 (на китайском языке).

Hua Y.T. (2017) Cases and Lessons of Development Financing in One Belt and One Road Strategy // *Zhejiang Finance*, no 1, pp. 75–80 (на китайском языке).

Jan S. (1964) "Communist China's Economic Relations with Africa 1960–1964" // *Asian Survey*, vol. 4, no 11, pp. 1135–1143.

Liu D. (2017) Promoting China-Arab Capacity Cooperation through Building Overseas Industrial Parks // *West Asia and Africa*, no 6, pp. 114–136 (на китайском языке).

Ma X., Song C.C. (2016) China-Egypt Suez Economic and Trade Cooperation Zone: New Oasis on the "The Belt and Road" // *West Asia and Africa*, no 2, pp. 109–126 (на китайском языке).

Meng G., Lv S.R., Zhang Z.H. (2017) Research on Realizing RMB Internationalization in Arabic Union Countries // *New Finance Review*, no 6.

Naguib R.I., Xu F.Y. (2016) Economic Growth, Foreign Direct Investment and Privatization in Egypt and China: Preliminary Results // *Global Business & Economics Anthology*, vol. 2, (Dec. 2016), pp. 138–159.

Onjala J. (2018) China's Development Loans and the Threat of Debt Crisis in Kenya // *Development Policy Review*, vol. 36,

no S2, pp. O710–O728.

Tong F. (2016) Sino-Egyptian Economic and Trade Cooperation in the Framework of "One Belt and One Road" Initiative // *Journal of International Economic Cooperation*, no 12, pp. 20–23.

Wu Y.H. (2015) Middle Eastern Corridor Construction of "One Belt and One Road": Risks Control and Related Paths // *Social Sciences in Ningxia*, no 6, pp. 108–115 (на китайском языке).

Xiao Y. (2015) The Food Crisis of Arab Countries in Perspective of "One Belt and One Road" Strategy // *Arab World Studies*, no 4, pp. 45–58 (на китайском языке).

Xue Q.G. (2015) "The Belt and Road" Initiative and Its Promotion in the Arab World: Public Reactions, Promotion Practice and Suggestions // *West Asia and Africa*, no 6, pp. 36–52 (на китайском языке).

Yu J.H. (2016) Sixty Years of Sino-Egyptian Relations: Retrospect and Prospect // *Arab World Studies*, no 5, pp. 3–16 (на китайском языке).

Zhao J. (2016) Egypt's Development Strategy and the Belt and Road Initiative // *Arab World Studies*, no 3, pp. 75–89 (на китайском языке).

Zhou Y.Q., Feng S. (2017) Innovated Method of Security Risks Analysis: With the Example of Building the BRI Political Security Risks Dataset // *Global Review*, vol. 9, no 5, pp. 163–164 (на китайском языке).

The Strategic Value of Africa as the New Market and Korea's Economic Cooperation with Africa

Youngho PARK

Research Fellow, Africa and the Middle East Team, Center for Area Studies, Korea Institute for International Economic Policy (KIEP); PhD in Economics, Hankuk University of Foreign Studies. Address: 370 Sicheongdaero, Sejongsi, 30147, South Korea. E-mail: parkyh@kiep.go.kr

Yejin KIM

Researcher, Africa and the Middle East Team, Center for Area Studies, Korea Institute for International Economic Policy (KIEP); M.A. in International Development and Cooperation, Korea University. Address: 370 Sicheongdaero, Sejongsi, 30147, South Korea. E-mail: kimyj@kiep.go.kr

CITATION: Park Y., Kim Y. (2018) The Strategic Value of Africa as the New Market and Korea's Economic Cooperation with Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 236–248.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-236-248

ABSTRACT. *Africa is rising as the new market in the 21st century. Before the 2000s Africa was regarded as a “continent of crisis” plastered with poverty and war. However, it is now being spotlighted as the ‘last new market on Earth’ due to its development potential. Its value is being reevaluated because it presents new opportunities as an unexplored market. It present opportunities across a wide range of industries: from consumer goods to manufacturing, agriculture, natural resource development and infrastructure. Korea has been ignorant of Africa’s development potential till the mid-2000s but is now looking at Africa as a new opportunity market or cooperation partner. It is taking diverse measures such as through state visits and increase of development aid to strengthen cooperation. Korea perceives Africa’s potential from a future oriented perspective and is expanding economic cooperation from a long-term standpoint. Consequently, Korea is working towards establishing a future oriented partnership with Afri-*

ca based on mutual trust by identifying core partnership projects that meet the needs of Africa. Korea seeks substantiality of its economic partnership with Africa by identifying priority countries of cooperation.

KEY WORDS: *Korea, Africa, international relations, economic cooperation, diplomacy, partnership*

1. Introduction

Before the 2000s, Africa was a ‘continent of crises’ through decades of war and poverty. The social and economic conditions of Africa, Korea and much of Asia was similar in the 1960s when many African countries gained independence from their western colonizers. However, their paths diverged as while the economies of Korea and Taiwan gained speed, Africa was accompanied by the resource curse, civil wars and weak governance. Conse-

quently, Africa was termed ‘the hopeless continent’ by the Economist in 2000 [The Hopeless Continent 2000].

10 years on, the Economist has changed its tone on Africa by describing it as ‘the hopeful continent,’ partly due to the high economic average growth rates of over 5% during the past few years [Africa Rising 2011]. A combination of favorable external conditions and political stability arising from the decline of civil wars has turned Africa into a land of opportunity. This change of attitude from Afro-pessimism to Afro-optimism is supported by Goldman Sachs, the World Bank and other economic institutions who suggest that once Africa takes off (in terms of Rostow’s five stages of economic development), savings and investment will increase, leading to full-scale economic development as was the case in East Asia and India.

The reassessment of Africa’s potentials as the last new market in the 21st century has also been noticed by Korea whose interests of economic cooperation in the region has remained relatively low till the mid-2000s. Since, Korea has sought to engage with Africa in various fields using various means including head of state visits, expansion of ODA and business partnerships. Although risks and limitations such as poor infrastructure, corruption and Chinese market dominance are prevalent, there is still plenty of potential in Africa as a partner for economic cooperation. One aspect of Africa’s potential is the growth of the urban population with increasing purchasing power. The urban consumers of Africa are a blue ocean for Korean home appliance manufacturing companies looking for new markets amidst fierce competition with Chinese and Japanese companies. The infrastructure boom and development potentials of the manufacturing

sector, mainly through light-manufacturing are also opportunities for investment and cooperation. The abundance of natural resources has been a conventional factor for investment in Africa despite discussions on the effects of the rent-seeking behaviors of resource abundant countries. This article seeks to present Korea’s policy directions for economic cooperation with Africa by analyzing its strategic values.

2. Africa’s strategic value

2.1. A MARKET OF 1 BILLION CONSUMERS

The abundance of natural resources has been a key strategic value of Africa for many years. However, recent years of rapid economic growth has strengthened the purchasing power of African consumers, especially for the growing urban population. Africa has maintained its economic growth rate at an average of over 5% since the early 2000s while Africa’s national income (GDP per capita) has grown almost threefold between 2003–2016.

Africa is also witnessing rapid urbanization and population growth with its total population already at 1 billion. Although Africa’s urban population is yet small compared to other regions at 40% of the total population, global urban growth will be led by Africa in the future as a consequence of high birth rates and rural migration¹. By 2030, the African urban population will be at 50% of the total population which will expand to 60% by 2050. It is projected that more than 80 cities in sub-Saharan Africa will have a population of over 1 million people in 2025. Cairo (Egypt) and Lagos (Nigeria) are already megacities of more than 10 million people. Kinshasa (DRC) is expected to become the largest city in sub-Saharan Afri-

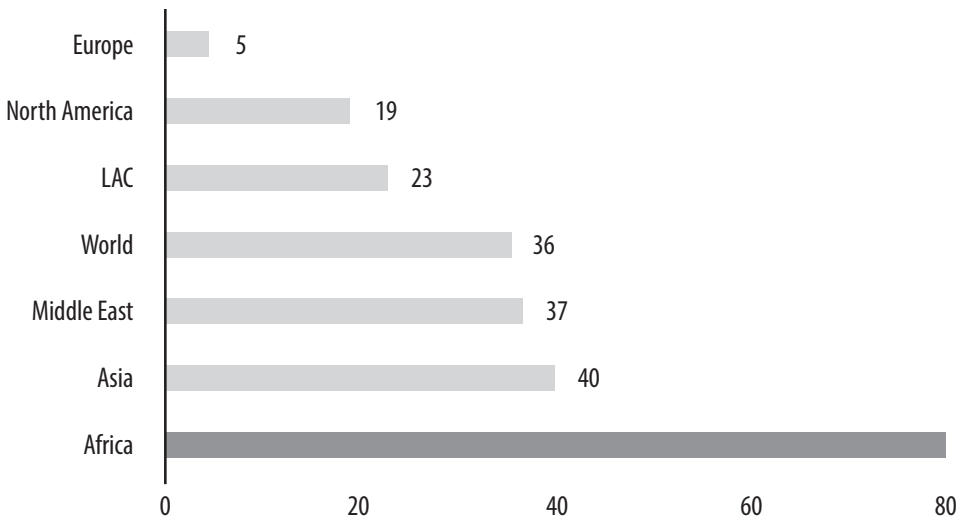
1 The percentage of the urban population as of the total population for other regions are North America 81.5%, Latin America and the Caribbean 79.5%, Europe 73.4%, and Asia 47.5%.

ca, outpacing Cairo and Lagos while many more megacities are expected to emerge [Toesland 2016, p. 16].

It is true that many in Africa still live below the poverty line and that the impact of the middle class, who can be defined as those with sufficient purchasing power, is still limited. The African Development Bank's argument that approximately a third of the African population can be considered as a middle class was too broadly defined as its definition of a middle class was those who spend between 2–20 dollars a day. Yet, one cannot deny that Africa is rising as the last global frontier consumer market as a middle income class, who has a certain level of purchasing power, emerges around major cities. There are estimations that by 2025, around two thirds of sub-Saharan African households will have discretionary income, indicating the growth of a rising consumer group [Roxburgh, Norbert, Leke, Taziriffi, Van Wamelen, Lund, Chironga, Alatovik, Atkins, Terfous, Zeino-Mahmalat 2010, p. 1].

Consequently, urban cultures are changing to reflect such growing consumer power. Western styled shopping malls and department stores are being constructed one after another, especially in East Africa to meet the needs of the younger generation in particular [Shop Africa 2016]. This 'shopping mall culture' is also spreading across new towns as the demand for white goods steadily increase with the influx of people. Various consumer goods such as washing machines, refrigerators and air conditioners are popularly sold in the urban markets of Africa. According to a survey of 1,000 middle income urban residents in Nigeria, more than half responded that they prioritize the purchase of a washing machine, refrigerator, micro-oven and dishwasher within 5 years [Park Young Ho, Jae Wook Jung, Yejin Kim 2017, p. 38]. The demand for durable goods such as mobile phones and computers is also growing rapidly in cities as the younger consumer class, who have a higher propensity to consume, grows. 1.7 million mobile phones

Figure 1. Prospected growth rate of urban populations by region (2012–2030)

Source: [Bright Continent 2016, p. 15].

Table 1. Status of Korean electronic brands in Africa (2015)

Country	Brand Awareness (highest to lowest)
Nigeria	Samsung, LG
Angola	Samsung, Sony, Apple
Ivory Coast	Samsung, Nokia, LG, Sony
Ethiopia	Samsung, Apple, Sony
Ghana	Samsung, LG, Binatone(UK), Nokia, Philips, Apple
Kenya	Samsung, Nokia
Senegal	Samsung, Nokia, LG, Apple
South Africa	Samsung, Apple
Tanzania	Samsung, Apple
Uganda	Nokia, Samsung, Huawei(China)
DRC	Samsung, LG, Nokia

Source: [Jacobs 2015, p. 68].

were sold in 2015, but this is expected to reach 3.9 million in 2021 [Park Young Ho, Jae Wook Jung, Yejin Kim 2017, p. 56]. Korean brands such as Samsung and LG have been able to position themselves as leading electronic brands within the African market (Table 1). They have performed particularly well in the mobile phone sector with Samsung recording a 35% market share for smartphone sales in Africa in 2014 and outpacing its competitors such as Apple and Nokia in Africa [Jacobs 2015, p. 68].

Car ownership has also doubled in the past 10 years as a result of the increase in income and urbanization. Similar trends can be seen with cement, steel and other construction materials as the demand for urban housing has increased rapidly, which is at times referred to as ‘the quiet revolution’ [Bughin, Chironga, Desvaux, Ermias, Jacobson, Kassiri, Leke, Lund, Van Wamelen, Zouaoui 2016, p. 73].

One fact to note is that almost all industrial products consumed in Africa are yet imported mostly from other countries and partly from its regional due to the weak manufacturing base of many African countries, with the exception of South Af-

rica. This provides opportunities for industrial development within Africa in the long run but remains a limitation in the short term as it is liable to foreign exchange volatilities and influences urban inflation rates.

2.2. NATURAL RESOURCE AND INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT

Vast amounts of natural resource buried in Africa, whose territorial size amounts to a fifth of the total global land, has been of strategic importance in attracting investment in Africa. Areas affected by conflict, poor infrastructure, and lack of skills and technology are especially underdeveloped in regards to natural resource development [Park Young Ho, Ji Sun Jeong, Hyun Ju Park, Yejin Kim 2015].

The distribution of Africa's resource can be divided into three regions. Much of its oil resource lies in the Northern (Algeria, Libya, Egypt) and Western areas (Nigeria, Angola, Ghana, Equatorial Guinea). Identified oil reserves are estimated to be around 10% of global reserves but many oil fields have yet to be discovered and developed, indicating that with suf-

ficient investment the resource boom is likely to continue. Metallic minerals are mostly concentrated in South Africa and the Democratic Republic of Congo. Reserves of diamond, cobalt and chrome are unrivaled while uranium, nickel and bituminous coal are plentiful. South Africa in particular is endowed with many resources ranging from minerals to nonferrous metals and leads Africa in terms of natural resource development. It is home to the largest reserves of platinum, manganese, chrome and gold. It is also rich in titanium, vanadium and vermiculite. The DRC is also rich in diamond, gold, cobalt, copper, coltan, zinc, cadmium and other high value commodities. Coltan is in particularly high demand as a key component in the manufacturing of electronic car batteries and other electronic products like cell-phones and laptops. Around 80% of the global coltan reserve is presumed to be in the DRC. Apart from South Africa and the DRC, the southeastern corridor covering Botswana – Zambia – Zimbabwe – Madagascar is known as the largest mineral belt. This region has large reserves of diamond, gold, uranium, copper, cobalt, bituminous coal, nickel and other valuable resources

[Park Young Ho, Ho Kyoung Bang, Jaewan Cheong, Yejin Kim, Boyan Lee 2016].

Natural resource is not the only source of growth in Africa. Political stability gained by several African countries after years of conflict is attracting investment in roads, railways, ports and power plants. The demand for urban infrastructure has grown recently in particular through the expansion of cities. Ethiopia and Nigeria are constructing modernized public transportation methods such as trams and transit buses to counter traffic congestion in the cities. Much of Africa's current transport infrastructure was built during the colonial periods for the purpose of shipping resources. As a result, infrastructure development was mostly limited to areas that connect cities with ports and thus, inland transportation infrastructure remains poorly developed. This lack of inland infrastructure remains as the utmost barrier for regional integration in Africa. The trans-Saharan infrastructure development plan that seeks to connect Africa's focal cities as well as build a development corridor that connects focal trade areas with major markets is underway to overcome this barrier [AfDB·OECD·UNDP, 2016, p. 214].

Table 2. Major urban corridors of Africa

Corridor	Cities	Length (km)
Cairo (Egypt) – Dakar (Senegal)	Cairo – Tripoli – Tunis – Algiers – Rabat – Nouakchott – Dakar	8,636
Algiers (Algeria) – Lagos (Nigeria)	Algiers – Tamanrasset – Agadez – Tamanrasset – Kano – Lagos	4,504
Tripoli (Libya) – Cape Town (South Africa)	Tripoli – N'Djamena – Kinshasa – Windhoek – Cape Town	10,808
Cairo (Egypt) – Cape Town (South Africa)	Cairo – Khartoum – Addis Ababa – Nairobi – Dodoma – Lusaka – Gaborone – Cape Town	10,228
Dakar (Senegal) – N'Djamena (Chad)	Dakar – Bamako – Ouagadougou – Niamey – Kano – N'Djamena	4,496
N'Djamena (Chad) – Djibouti (Djibouti)	N'Djamena – Djibouti	4,219
Dakar (Senegal) – Lagos (Nigeria)	Dakar – Banjul – Bissau – Conakry – Free Town – Monrovia – Abidjan – Accra – Lome – Cotonou – Lagos	4,010
Lagos (Nigeria) – Mombasa (Kenya)	Lagos – Yaounde – Bangui – Kisangani – Kampala – Nairobi – Mombasa	6,259
Lobito (Angola) – Beira (Mozambique)	Lobito – Lubumbashi – Lusaka – Harare	3,523

Source: [AfDB·OECD·UNDP 2016, p. 214].

Large scale infrastructure development is further anticipated through a pan-African project that seeks to connect Africa's urban centers. This is part of Africa's efforts towards regional integration and is yet to commence. Improving transportation is not the only focus of urban infrastructure development. The blueprint for urban infrastructure development includes water and sewage facilities, sanitation, housing, and even industrial complexes that form the production base of a city.

2.3. AGRICULTURAL DEVELOPMENT

Agriculture is an important part of the African economy with 24% of Africa's GDP coming from agricultural production while that of agriculture related industries (such as processing, distribution and retailing) comprises another 20% [Diop 2013, p. 73]. The agriculture sector of Africa is critically underdeveloped but its potential is greater than any other region in the world. According to the World Bank, Africa's agribusiness is expected to grow from 313 billion USD in 2010 to 1 trillion USD in 2030 [Diop 2013, p. 78]. Agribusiness is expected to materialize as a crucial industry for Africa's economic development and transformation as 200 million hectares of uncultivated land, equal to over half of globally uncultivated land, remains in Africa². Current productivity levels also falter greatly below its potential. Research

and development into better production means would provide greater opportunities for surplus production: the production level of corn is at 20% levels while that of palm oil and soybean are at 30% [Park Young Ho, Ho Kyoung Bang, Jaewan Cheong, Yejin Kim, Boyan Lee 2016, p. 82].

The development potential of water for agricultural use is also abundant in Africa. There are 13 large rivers that currently run across borders but only 3% of agricultural water is secured through rivers, which raises the issue of the need to develop river sources for agricultural use. For this reason, many investors have taken an interest in areas such as Sudan, South Sudan, Mozambique, Tanzania, Ethiopia, Madagascar, Liberia, DRC and Zambia where the potential for water resource development is high [Agricultural Value Chains 2014, p. 15]. However, because the distribution of water resources leans heavily towards certain areas, the development of infrastructure to facilitate distribution of water resources is also necessary.

Although there are some factors that hinder agricultural development in Africa, such as the lack of agricultural inputs and market accessibility, Africa has the potentials to become a global agricultural production hub if it can increase production and improve distribution networks. If Africa can achieve a green revolution through technology improvement and mechaniza-

Table 3. Yield of major crops as to potential production levels

	Maize	Palm oil	Soy bean	Sugar cane
SSA	0.20	0.32	0.32	0.54
Asia	0.62	0.74	0.47	0.68
South America	0.65	0.87	0.67	0.93

Source: [AfDB-World Economic Forum-World Bank 2017, p. 17].

2 Concerns have been raised over the narrative of 'uncultivated land' in that it leads to land grabbing and ownership issues. However, the term 'uncultivated land' used in this article refers to land not prepared for farming and does not imply in any way that these lands are unoccupied or without ownership.

tion adapted to the farming environment of various regions, it can become a net exporter of agricultural goods as well as achieving self-sufficiency. Goods such as coffee, cocoa, cotton, cashew nuts and horticultural products are key sources of foreign exchange earnings. Some are exclusive to the climatic conditions of Africa and thus are in a better marketing position once production methods and distribution channels are developed. The combination of urbanization, population expansion and income increase has led to higher demands for processed foods, vegetables and meat in addition to that of staple crops, creating a market opportunity to link agriculture with business [AfDB-OECD-UNDP 2017; AfDB-World Economic Forum-World Bank 2017]. The World Bank expects Africa's food market to grow 4 times bigger than its current size by 2030 as the urban population doubles and incomes increase by more than 4% every year [Diop 2013, p. 83]. It also predicts that Africa's agricultural trade balance will turn from a 10-billion-dollar deficit into a 20-billion-dollar surplus by 2030. Moreover, although value created from the agricultural value chain is yet small it is strongly linked to the manufacturing sector for it comprises 30–50% of the manufacturing sector's activities in Africa. For example, Ethiopia (60%), Ghana (60%), Madagascar (59%) and Senegal (58%) exceed the average size of the agriculture industry in manufacturing [Diop 2013, p. 83].

3. Economic cooperation with Korea

3.1. ENHANCING INCLUSIVE COOPERATION THROUGH A MUTUALLY COOPERATIVE PARTNERSHIP

The backbone of Korea's approach towards Africa is that of a long-term partnership based on mutual trust and reciprocity. This is in consideration of Africa's colonial history where much of its natural and human resources were exploited without com-

pensation or reconciliation. By doing so, Korea intends to foster economic relations that are sustainable and one that reflects the responsibilities of Korea as the tenth largest economic power. To build such a future-oriented, coexistent partnership and to foster economic cooperation policies, understanding and perceiving the challenges and opportunities of Africa is important.

One aspect that differentiates Korea from other donor countries is its unique development experience. The Korean development experience differs from the timespan and way western developed countries experienced industrialization over 100–200 years ago. Korea's industrialization began not even half a century ago and has yet managed to become a global exporter of manufactured goods in just over 50 years.

Its economic and social conditions prior to the late 1960s was like that of other underdeveloped countries: lack of capital stock, low levels of technological development, small private sector, lack of skills, low social trust and heavy dependence on foreign aid. Korea's GDP per capita in the early 1960s was below 100 dollars. There were barely any savings while half of the government finance was funded through foreign aid. The high rate of unemployment threatened social stability and over 40% of the population lived in absolute poverty. The overall situation was not so different from 'the hopeless continent' described of Africa. However, since the 1960s Korea has transformed from an agrarian economy to a sophisticated, industrialized economy. This speed of economic development is beyond compare.

Such an experience distinguishes Korea academically and politically from the development experience of western countries and also from the 'Washington Consensus' route emphasized and pressure by international organizations. Many African leaders, policy makers and economists are interested in the Korean experience because Korea

was able to build a middle-income class and develop a democratic government through a different route. Many African countries are still categorized as 'least developed countries' despite enormous amounts of foreign aid which calls for the need of a new development model. Korea's soft power in forming partnerships with Africa lies in its economic development experience which it uses as the principle tool for cooperation. Korea, like most of Africa, was a subject of colonialism (it was colonized by Japan for 36 years and gained independence in 1945) prior to its modern economic development and thus can sympathize with many African countries. As such, there is great interest in learning from and benchmarking Korea in Africa.

3.2. ECONOMIC COOPERATION WITH PRIORITY PARTNER COUNTRIES

China, Europe and other rivalling countries have developed sophisticated economic partnerships with various countries in Africa through large scale funding and historical ties. The most aggressive country recently reaching out to Africa is without doubt China, especially through its belt and road initiative. China's interests in Africa derive from the strategic value of Africa's multidimensional role; supplier of oil and raw materials, customer for infrastructure development, market for the sales of cheap industrial products and partner on the global diplomatic stage. To secure its position in Africa, China is consolidating cooperation across a range of sectors through various means; aid, trade, loans, natural resource development, infrastructure development and so on. Such efforts to engage with Africa has enabled intensification of China's economic relations with Africa.

Korea's interests in Africa are also recently developed. Only into the 2000s did Korea perceive Africa as a new partner and tried to engage with Africa. The Ministry of Strategy and Finance of Korea, the Export-Import Bank of Korea and the Afri-

can Development Bank set up the Korea-Africa Economic Cooperation (KOAFEC) Conference to promote economic partnership in 2006. The Korea-Africa Industry Cooperation Forum (KOAFIC) was introduced in 2008 to promote partnership in the industrial sector. The amount and proportion of aid the Korea International Cooperation Agency (KOICA) allocates to Africa has steadily increased to become the second largest beneficiary after Asia. The Ministry of Foreign Affairs established the Korea-Africa Foundation (KAF) this year to conduct research on the socio-economic developments of African countries and to provide support for those willing to do business with Africa.

However, not all efforts have seen success. The 'Package Deal' that sought to connect infrastructure development with natural resource development ended in a failure while the market share of Korean products in Africa remains at a meager 4%. Furthermore, Africa comprises only 1.4% of Korea's total foreign investment. The construction sector, including plant construction, was expected to show better performance but the results did not surface as well as anticipated. One cause for the poor performance is the limited size of aid, loans and business support providable by the Korean government. Africa is home to 54 countries with a surface area larger than the US, China, India, Europe and Japan combined. Hence, Korea's strategy in Africa is to narrow its focus and concentrate its capacity in priority areas. In other words, Korea selects focus markets to build and strengthen partnerships with and expands its cooperation to adjacent countries once partnerships with the priority countries are solid.

Recently, East African countries, like Ethiopia, have received more attention from the Korean government. Unlike the oil rich countries of the West and North, East African countries have more political stability and thus offer better conditions

for investment and economic cooperation. East Africa is rising as the new growth engine of Africa as it witnesses an increase of FDI and records high economic growth rates of over 10%. Accordingly, the African Development Bank (AfDB) once stated that the center of Africa's economic gravity is tilting towards the East from the West [Park Young Ho, Jae Wook Jung, Ye-jin Kim 2017, p. 23]. Countries in East Africa such as Ethiopia, Kenya and Uganda are also listed in the PC (Post China)-16, indicating that these countries are considered as promising regions for the relocation of Chinese labor-intensive manufacturing production activities due to the declining price competitiveness of goods made in China as a result of rising labor costs. Development of the manufacturing sector in these regions should be carefully followed. East Africa is also becoming an infrastructure development foothold as projects such as the East African railway network unfold. Various railway construction projects that connect East African countries are gathering momentum owing to political stability and large scale Chinese financial support. The population of East Africa also acts as a merit. Amongst the five areas in Africa (East, West, South, North, Central), East Africa is in the lead with 400 million as of 2015 which is prospecting to increase to 500 million by 2025 [AfDB·OECD·UNDP 2015, p. 179].

Korea's cooperation with Ethiopia, amongst the East African countries, is most active. Although Ethiopia is still a least developed country where coffee and oilseeds are a critical source of income, it has recorded an annual growth rate of 10% over the past 10 years. It is the second most populated country in Africa with over 100 million people. Completion of the Addis Ababa-Djibouti railway and the large-scale hydroelectric Renaissance Dam in 2017 is expected to have a significant impact on the Ethiopian GDP. Such developments are at times compared to that of Shanghai

in 1987. Wage being one of the most important areas of concern when companies plan to invest, the low wages of Ethiopia also act as a merit. According to a World Bank report, wage for an unskilled laborer in the (light) manufacturing sector in Ethiopia is a fifth of China's, a third of Vietnam's and 30% lower than that of Tanzania [Newman, Page, Rand, Shimeles, Söderbom, Tarp 2016, p. 73]. Even for skilled laborers Ethiopia's wage levels are only at 25–33% of Chinese workers and 50–55% of Vietnamese workers. One would think that the average wage of a laborer in the manufacturing sector would be low in Africa considering that Africa is one of the poorest regions in the world. However, its wage levels are higher than expected in proportion to its GDP per capita. This is due to the high level of isolation for African industries. In other words, the low level of competition in the labor market leads to a form of rent seeking activities, increasing labor costs [Newman, Page, Rand, Shimeles, Söderbom, Tarp 2016, p. 72]. Some analyses state that in proportion to Africa's national income, wage levels are set 50% higher than average [Newman, Page, Rand, Shimeles, Söderbom, Tarp 2016, p. 72]. It is in this sense that Ethiopia's low income is of merit.

3.3. EXPANSION OF FINANCIAL SUPPORT THROUGH INTERNATIONAL FINANCIAL INSTITUTIONS

Companies from China, Europe and other regions are well positioned in Africa because they have sufficient means of financial support. As with other regions, the financial muscle is a crucial factor in winning project contracts and engaging in business because Africa lacks internal resources for development. Upon realizing the need to engage with Africa, the Korean government has begun providing financial support through official export credit agencies (ECA) such as the Korean EX-IM bank. However, Korea is still an under-

weight amongst rivaling countries. The small size of Korea's financial capacity and the conservative manner in which companies receive financial support for entering Africa causes structural limitations. However, it is realistically difficult for the EXIM bank or the trade insurance corporation to dramatically increase financial support for companies that wish to enter the African market because African countries have low credit ratings and have complex underlying dangers that make it difficult to fund independently.

With these realistic limitations in mind, Korean ECAs such as the EXIM bank are strengthening their capacities through partnership with global financial institutions by means of co-financing. Providing financial support for African countries with low credit ratings comes with many risks and therefore dispersing the dangers through partnership with international financial institutions is essential. The size of the infrastructure market and natural resource development projects in Africa are also too big for domestic financial institutions to handle by themselves. Therefore, Korean ECAs are working with the World Bank, IFC, AfDB, EIB and other MDBs and IBs as well as EACs of developed countries through co-financing to make up for its limited financial capacity. International institutions have plenty of information on projects regarding development in Africa as well as much know-how and experience. It is important that Korea builds gateways to Africa through financial cooperation with these institutions.

4. Conclusion

Africa is rising as the new market of opportunity in the 21st century. Identifying Africa as an unexplored market with many opportunities is necessary. Opportunities lie not just in consumer goods such as

household electronics and mobile phones but also across a range of industries such as manufacturing, agriculture, natural resource development and infrastructure. However, it must be noted that although Africa is a 'market of opportunity' it is also, without doubt, a 'high risk market'. It is regarded as the last new market but a wide range of business risks including exchange rate volatility, governance, limitations of wire transfer, business regulations as well as political instability act as a barrier to companies actually engaging in business in Africa. Consequently, many businesses take the form of venture investment due to Africa's unclear business environment. Inadequate infrastructure development is also a difficulty. Although infrastructure is essential for industrialization, Africa's infrastructure is very much undeveloped which raises logistics costs and reduces company profits. Although the income levels of South Asia and Africa are similar, infrastructure development is clearly lacking in Africa. The ratio of paved roads is at 20–25% while Africa's electricity production capacity is around half of South Asia's [Eberhard, Gratwick, Morella, Antmann 2016, p. 3]. Roads are the backbone of a country's economy and currently account for 80–90% of transportation for both people and logistics in Africa. However, the ratio of paved roads is remarkably low even compared to other undeveloped countries. Rail networks are in a similar dire situation as not much maintenance has been conducted since their construction during colonization.

As such, there are both factors of opportunity as well as factors of threat. To objectively understand and evaluate Africa, Korea needs to identify both sides of Africa. China has strengthened its influence in Africa by taking an aggressive approach towards engaging with Africa and this has raised concerns of 'new colonialism.' However, this is far from the co-operation model pursued by Korea. Ko-

rea seeks to cooperate with and strengthen its relationship with Africa not on a short-term perspective but from a long-term view. To do so Korea is concentrating on building a forward-looking partnership based on mutual trust by identifying cooperation projects that meet Africa's needs.

References

- AfDB·OECD·UNDP (2015). *African Economic Outlook 2015: Regional Development and Spatial Inclusion*.
- AfDB·OECD·UNDP (2016). *African Economic Outlook 2016: Sustainable Cities and Structural Transformation*.
- AfDB·OECD·UNDP (2017). *African Economic Outlook 2017: Entrepreneurship and Industrialization*.
- AfDB·World Economic Forum·World Bank (2017). *The Africa Competitiveness Report 2017*.
- Africa Rising (2011). *The Economist*, December 3, 2011.
- Agricultural Value Chains in Sub-Saharan Africa (2014). Issue brief. Current Issues Emerging Markets. Deutsche Bank Research.
- Bright Continent: The Future of Africa's Opportunity Cities (2016), Oxford: Oxford Economics.
- Bughin J., Chironga M., Desvaux G., Ermias T., Jacobson P., Kassiri O., Leke A., Lund S., Van Wamelen A., Zouaoui Y. (2016) *Lions on the Move II: Realizing the Potential of Africa's Economies*, McKinsey & Company.
- Diop M. (2013) *Growing Africa: Unlocking the Potential of Agribusiness*, Washington, D.C.: World Bank.
- Eberhard A., Gratwick K., Morella E., Antmann P. (2016) *Independent Power Projects in Sub-Saharan Africa: Lessons From Five Key Countries*, Washington, DC: World Bank Group.
- Jacobs Sh. (2015) How Big Really Is Africa's Middle Class? *African Business*, August-September, 2015.
- Newman C., Page J.M., Rand J., Shimeles A., Söderbom M., Tarp F. (2016) *Made in Africa: Learning to Compete in Industry*, Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Park Young Ho, Ji Sun Jeong, Hyun Ju Park, Yejin Kim (2015) *An Analysis of Private Sector Development in Africa and Opportunities for the Korea-Africa Development Cooperation*. KIEP Research Paper. Policy Analyses 15-20 (in Korean).
- Park Young Ho, Ho Kyoung Bang, Jaewan Cheong, Yejin Kim, Boyan Lee (2016) *An Analysis of Urbanization in Africa and its Implication for Korea's Cooperation in Infrastructure Development*. KIEP Research Paper 16-22 (in Korean).
- Park Young Ho, Jae Wook Jung, Yejin Kim (2017) *Africa's Rising Consumer Market and Korea's Engagement Opportunity through Industrial Zones Development*. KIEP Research Paper. Policy Analyses 17-13 (in Korean).
- Roxburgh Ch., Norbert D., Leke A., Taziriffi A., Van Wamelen A., Lund S., Chironga M., Alatovik T., Atkins Ch., Terfous N., Zeino-Mahmalat T. (2010) *Lions on the Move: The Progress and Potential of African Economies*, McKinsey & Company.
- Shop Africa 2016 (2016). Sub-Saharan Shopping Centre Development Trends. Knight Frank.
- The Hopeless Continent (2000). *The Economist*, May 13, 2000.
- Toesland F. (2016) Beyond the Megacity. *African Business*, April 1, 2016.

Стратегическое значение Африки в качестве нового рынка и ее экономическая кооперация с Южной Кореей

Юнхо ПАК

доктор экономики, ведущий научный сотрудник Корейского института международной экономической политики, центр региональных исследований, группа по Африке и Ближнему Востоку, Корейский институт международной экономической политики, Седжон, Южная Корея.

Адрес: 370 Sicheongdaero, Sejongsi, 30147, South Korea. E-mail: parkyh@kiep.go.kr

Ечжин КИМ

магистр по сотрудничеству и развитию, научный сотрудник Корейского института международной экономической политики, центр региональных исследований, группа по Африке и Ближнему Востоку, Корейский институт международной экономической политики, Седжон, Южная Корея.

Адрес: 370 Sicheongdaero, Sejongsi, 30147, South Korea. E-mail: kimyj@kiep.go.kr

ЦИТИРОВАНИЕ: Park Y., Kim Y. (2018) The Strategic Value of Africa as the New Market and Korea's Economic Cooperation with Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 236–248.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-236-248

АННОТАЦИЯ. В XXI столетии Африка расширяется как новый рынок. До 2000-х гг. она рассматривалась как «континент кризиса», терзаемый нищетой и войнами. Тем не менее в настоящее время из-за потенциала развития Африка видится как «последний новый рынок на Земле». Ценность континента подвергается переоценке, так как он таит в себе потенциал неисследованного рынка. Африка открывает возможности для развития многих отраслей: от производства потребительских товаров до сельского хозяйства, добычи природных ресурсов, расширения инфраструктуры и промышленного производства. До середины 2000-х гг. Южная Корея не знала о потенциале развития Африки, но сегодня она смотрит на этот Континент как на ры-

нок новых возможностей и партнера. В целях укрепления этого сотрудничества Сеул принимает различные меры: официальные государственные визиты и расширение экономической помощи. Южная Корея оценивает потенциал Африки с точки зрения его будущей перспективы, а потому расширяет экономическое сотрудничество на долгосрочной основе. Она работает над созданием устремленного в будущее партнерства с Африкой на основе взаимного доверия путем определения основных партнерских проектов, отвечающих потребностям Африки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южная Корея, международные отношения, Африка, экономическая кооперация, дипломатия, сотрудничество

Список литературы

AfDB-OECD-UNDP (2015). African Economic Outlook 2015: Regional Development and Spatial Inclusion.

AfDB-OECD-UNDP (2016). African Economic Outlook 2016: Sustainable Cities and Structural Transformation.

AfDB-OECD-UNDP (2017). African Economic Outlook 2017: Entrepreneurship and Industrialization.

AfDB-World Economic Forum-World Bank (2017). The Africa Competitiveness Report 2017.

Africa Rising (2011) // The Economist, December 3, 2011.

Agricultural Value Chains in Sub-Saharan Africa (2014). Issue brief. Current Issues Emerging Markets. Deutsche Bank Research.

Bright Continent: The Future of Africa's Opportunity Cities (2016), Oxford: Oxford Economics.

Bughin J., Chironga M., Desvaux G., Ermias T., Jacobson P., Kassiri O., Leke A., Lund S., Van Wamelen A., Zouaoui Y. (2016) Lions on the Move II: Realizing the Potential of Africa's Economies, McKinsey & Company.

Diop M. (2013) Growing Africa: Unlocking the Potential of Agribusiness, Washington, D.C.: World Bank.

Eberhard A., Gratwick K., Morella E., Antmann P. (2016) Independent Power Projects in Sub-Saharan Africa: Lessons From Five Key Countries, Washington, DC: World Bank Group.

Jacobs Sh. (2015) How Big Really Is Africa's Middle Class? // African Business, August-September, 2015.

Newman C., Page J.M., Rand J., Shimeles A., Söderbom M., Tarp F. (2016) Made in Africa: Learning to Compete in Industry, Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Park Young Ho, Ji Sun Jeong, Hyun Ju Park, Yejin Kim (2015) An Analysis of Private Sector Development in Africa and Opportunities for the Korea-Africa Development Cooperation. KIEP Research Paper. Policy Analyses 15-20 (на корейском языке).

Park Young Ho, Ho Kyoung Bang, Jaewan Cheong, Yejin Kim, Boyan Lee (2016) An Analysis of Urbanization in Africa and its Implication for Korea's Cooperation in Infrastructure Development. KIEP Research Paper 16-22 (на корейском языке).

Park Young Ho, Jae Wook Jung, Yejin Kim (2017) Africa's Rising Consumer Market and Korea's Engagement Opportunity through Industrial Zones Development. KIEP Research Paper. Policy Analyses 17-13 (на корейском языке).

Roxburgh Ch., Norbert D., Leke A., Taziriffi A., Van Wamelen A., Lund S., Chironga M., Alatovik T., Atkins Ch., Terfous N., Zeino-Mahmalat T. (2010) Lions on the Move: The Progress and Potential of African Economies, McKinsey & Company.

Shop Africa 2016 (2016). Sub-Saharan Shopping Centre Development Trends. Knight Frank.

The Hopeless Continent (2000) // The Economist, May 13, 2000.

Toesland F. (2016) Beyond the Megacity // African Business, April 1, 2016.

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

1 8 0 0 5

>